

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131-2812

6/2017

К выходу в свет 10-томной
«Истории Китая»

Октябрьская революция 1917 г.
и «Движение за новую культуру»
в Китае

Китайский чай в России

Продовольственная безопасность
КНР

Теории этногенеза корейцев

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2017

Ноябрь — Декабрь

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
РАН

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., С.А. Горбунова, д.и.н.,
А.С. Давыдов, к.и.н. (*зам. главного редактора*), В.Г. Дацышен,
д.и.н., проф., А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф.,
А.Н. Карнеев, к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина,
д.полит.н., А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин,
д.и.н., проф., В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева
(*ответственный секретарь*), Н.Л. Мамаева, д.и.н.,
П.А. Минакир, академик РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н.,
А.В. Островский, д.э.н., проф., Л.С. Переломов, д.и.н.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н.,
С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов *зав. отделом Кореи*
Е.В. Белилина
зав. отделом внешней политики
А.Н. Карнеев
зав. отделом истории и
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. отделом культуры
А.С. Крушинский
зав. отделом экономики
Л.С. Лаврова *экспедитор*
Е.А. Лапшина *зав. редакцией*
Г.П. Манчха *редактор*
Д.Б. Славинский *оператор ЭВМ*
А.Б. Старостина
зав. отделом идеологии и
философии
А.В. Шлындов *зав. отделом Японии*

БИОЛОГИЧЕСКОЕ

ОТДЕЛЕНИЕ

РАН

© Российская академия наук, 2017

© ФГУП «Издательство «Наука», 2017

© Составление. Редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока», 2017

2017 г. 803

Содержание

От главного редактора	4
-----------------------------	---

ПОЛИТИКА

<i>Сунь Сюэнь.</i> Проблемы и перспективы освоения Северного морского пути в контексте реализации инициативы «Пояс и Путь»	5
<i>Л.С. Крашенинникова.</i> Зарождение и эволюция ракетно-ядерного сдерживания между США и КНР	16

ЭКОНОМИКА

<i>М.В. Александрова.</i> Продовольственная безопасность КНР и экспорт сельхозпродукции РФ на китайский рынок	27
<i>А.В. Афонасьева.</i> Экономическая деятельность зарубежных китайцев в странах по маршруту Морского Шелкового пути XXI века	39
<i>Н.А. Бирюкова.</i> Экспорт сжиженного природного газа как инструмент расширения влияния США в АТР	49
<i>З.А. Мурамцева.</i> КНР: «современная система предприятий» и подходы к новым финансовым технологиям	60

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>В.С. Акуленко.</i> Переосмысление теорий этногенеза корейцев в Республике Корея и КНДР в 1960-е годы	68
---	----

ИСТОРИЯ

<i>Н.Л. Мамаева.</i> Октябрьская Социалистическая Революция 1917 г. в России и развитие «Движения за новую культуру» в Китае	79
<i>О.Н. Борох.</i> Тао Сишэн и журнал «Шихо»: китайская экономическая история через призму западной мысли	88
<i>А.В. Ломанов.</i> Ду Яцюань и становление китайского культурного консерватизма в 1910-е годы	101
<i>В.С. Мясников.</i> Китайский чай в России (Посвящается 240-й годовщине со дня рождения Никиты Яковлевича Бичурина)	112
<i>Е.Н. Наземцева.</i> Проблема правового положения русских в китайской провинции Синьцзян в советско-китайских отношениях (1920–1924 гг.)	131

КУЛЬТУРА

<i>Э.В. Осипова.</i> Российский и китайский театры: от культурной политики к диалогу культур	140
<i>Г.Д. Паксютов.</i> Китайская киноиндустрия: актуальные тенденции развития и социально-экономическое значение	150

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>С.Л. Тихвинский.</i> К выходу в свет десятитомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века»	156
<i>Г.М. Локиин.</i> Шаг к национальному примирению	163
<i>Л.Е. Янгутов.</i> III международный форум Ассоциации экспертных центров Китая, Монголии и России «Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: дорожная карта»	166

РЕЦЕНЗИИ

<i>В.В. Кузьминков.</i> Обсуждение восточноазиатского мира. Что это такое? Как он возник? Сколько продлится?	173
--	-----

НАШ ЮБИЛЯР

Владимиру Яковлевичу Портякову — 70 лет	176
---	-----

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Юбилей Елены Ильиничны Краниной	177
Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2017 год	179
Contents	185
Summary	187

От главного редактора

Уважаемые читатели!

Завершается 2017 год, ознаменованный многими важными событиями, в том числе в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, изучению которых уделяет первостепенное внимание наш журнал.

Сменились президенты в Республике Корея и Монголии. Укрепил свои позиции премьер-министр Японии Синдзо Абэ. Состоялся XIX съезд Коммунистической партии Китая, сформировавший ориентиры развития страны до середины XXI столетия. В обновленный состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК помимо лидера партии и страны Си Цзиньпина и премьера Ли Кэцяна вошли Ли Чжаньшу, Ван Ян, Чжао Лэцзи, Ван Хунин и Хань Чжэн. Решения съезда, судя по всему, дали новый импульс обсуждению теоретических проблем социализма и в первую очередь — социализма с китайской спецификой. В какой-то мере это вполне закономерно в столетнюю годовщину Октябрьской революции 1917 г. в России, влияние которой на Азию широко обсуждалось и продолжает обсуждаться на многочисленных международных научных форумах.

Год прошел в условиях существенного обострения напряженности вокруг Корейского полуострова в связи с демонстративными пусками ракет и проведением ядерных испытаний Пхеньяном. Пока худшего здесь удастся избежать — во многом благодаря неизменной твердой убежденности Москвы и Пекина в необходимости искать выход из непростой ситуации только на путях переговоров.

Продолжительный визит президента США Д. Трампа в ноябре в Японию, Республику Корея, КНР, Вьетнам и Филиппины, его участие в ряде региональных саммитов однозначно подтверждают стремление Вашингтона реанимировать свое политическое и торгово-экономическое влияние в АТР. Впрочем, не только в нем: вряд ли случайно Д. Трамп в выступлении на саммите АТЭС в Дананге активно оперировал набирающим популярность новым понятием «Индо-Пацифика», то есть Индийско-Тихоокеанский регион.

Стремится сохранить и даже наращивать неплохую динамику развития связей с государствами региона и Россия. За десять месяцев 2017 г. объем российско-китайской торговли вырос на 21,3% и превысил 68 млрд долл. Как следует из заявлений премьер-министра РФ Д.А. Медведева в ходе его визита в КНР, из 73 приоритетных проектов двустороннего инвестиционного сотрудничества 17 уже реализуются, привлечено около 15 млрд долл. китайских инвестиций.

Всестороннее изучение актуальных политических, экономических, общественных процессов в Восточной Азии и АТР, истории стран региона останется в центре внимания журнала «Проблемы Дальнего Востока» и в наступающем 2018 году.

С Новым годом! Желаю благополучия, творческой активности, новых свершений, здоровья и удачи всем коллегам-востоковедам, всем читателям нашего журнала!

Владимир Портяков

Политика

Проблемы и перспективы освоения Северного морского пути в контексте реализации инициативы «Пояс и Путь»

© 2017

Сунь Сюэвэнь

В статье рассмотрены проблемы освоения Северного морского пути в контексте реализации китайской инициативы «Пояс и Путь», содержится обзор недавних исследований, посвященных оценке перспектив СМП и возможностям его сопряжения с этой инициативой. Поскольку реализация потенциала СМП требует не только решения проблем, связанных с правовым регулированием, экономической конкурентоспособностью, защитой окружающей среды, но и поиска эффективных механизмов согласования стратегических интересов крупных игроков в регионе, автор считает, что сопряжение СМП с инициативой «Пояс и Путь» становится все более реальным.

Ключевые слова: Северный морской путь, инициатива «Пояс и Путь», РФ, КНР, Арктика, транспортно-логистическая инфраструктура.

Транспортно-логистическая инфраструктура — база инициативы «Пояс и Путь»

Осенью 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул идею «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского Шелкового пути XXI века» (МШП-21), обозначенную термином «Пояс и Путь». В рамках ЭПШП предполагается создание экономических коридоров по трем сухопутным маршрутам: 1) КНР — Центральная Азия и РФ — Западная Европа и Балтийское море; 2) КНР — Центральная и Западная Азия — Персидский залив и Средиземное море; 3) КНР — Юго-Восточная Азия, Южная Азия и Индийский океан.

МШП-21, в свою очередь, будет предположительно проходить по двум основным морским маршрутам: 1) китайские порты — Южно-Китайское море и Индийский океан — Европа; 2) китайские порты — Южно-Китайское море — южная акватория Тихого океана. Параллельно предполагается развивать еще два азиатских экономических коридора: Китай — Пакистан и Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма.

Многие государства стремятся развивать собственные инфраструктурные проекты, чтобы стимулировать социально-экономическое развитие прилегающих регионов. Все они заинтересованы в привлечении капиталов и технологий для освоения транспортно-логистической инфраструктуры и раскрытия потенциала экономической взаимодей-

полняемости. В таком контексте «транспортная дипломатия» становится естественной визитной карточкой внешней политики КНР.

28 марта 2015 г. Государственный комитет по делам реформ и развития, Министерство иностранных дел и Министерство торговли КНР обнародовали «Концепцию и план действий по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века», предложив следующие приоритетные направления сотрудничества: согласование политики, сопряжение инфраструктуры, беспрепятственная торговля, финансовое посредничество, общение народов.

Что касается «сопряжения инфраструктуры», то на базе уважения суверенитета и соображений безопасности всем заинтересованным государствам предлагается согласовывать планы и технические нормы инфраструктурного строительства, совместно осуществлять строительство ключевых международных путей, развивать инфраструктурную сеть, связывающую как отдельные регионы Азии, так и всю Евразию, активно выстраивать портовую инфраструктуру, способствовать беспрепятственному речному судоходству, развивать портовое сотрудничество, увеличивать количество морских путей и рейсов на них, расширять информационный обмен по вопросам доставки грузов морем¹. Согласно «Концепции и плану» предполагается открыть 8 международных путей доставки грузов, для каждого из которых будут объединены трансконтинентальные, международные транспортные пути всех прилегающих государств. В их числе пять сухопутных:

- 1) Северо-Восток Китая — Маньчжурия — Россия — Европа;
- 2) Регионы вокруг Бохайского моря — Монголия — Россия — Европа;
- 3) Центр и Запад Китая — Алтай — Центральная Азия;
- 4) Тибет — Непал — Южная Азия;
- 5) Синьцзян — порт Гвадар, Пакистан.

А также три морских:

- 1) Порты Северо-Восточной Азии — Берингов пролив — Северный морской путь — порты Европы;
- 2) Порты КНР — Южно-Китайское море — Индийский океан — Красное море — Средиземное море — порты Европы;
- 3) Порты КНР — Южная Азия — Южная часть Тихого океана².

Потенциально СМП может конкурировать с проектами инициативы «Пояс и Путь» и одновременно дополнять их.

Официальная позиция КНР заключается в стремлении к взаимовыгодному сотрудничеству и поиску возможностей сопряжения инициативы «Пояс и Путь» с существующими национальными и региональными проектами и инициативами. В июне 2017 г. Государственный комитет по делам реформ и развития и морское ведомство КНР совместно опубликовали «Концепцию морского сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и Путь», которая стала первым документом правительства КНР по проблемам развития морских путей в связи с указанной инициативой. «Концепция морского сотрудничества» явилась результатом работы международного форума «Пояс и Путь». Она определяет принципы совместного строительства морского экономического пояса через Северный Ледовитый океан в Европу, в числе которых многостороннее участие, совместная деятельность и общая выгода³.

СМП — кратчайший морской путь между Европейской частью РФ и Дальним Востоком — является важной частью мировой морской транспортной сети. Эта транспортная артерия, проходящая по Баренцеву и Карскому морям, морю Лаптевых, Восточно-Сибирскому, Чукотскому и Берингову морям, обеспечивает снабжение северных регионов России и вывоз добываемых в Арктической зоне природных ресурсов. После распада СССР российское правительство прилагает значительные усилия по восстановлению и развитию инфраструктуры СМП и раскрытию его потенциала в качестве маршрута для международных перевозок.

В настоящее время СМП представляет интерес для Китая с точки зрения получения доступа к природным ресурсам Арктики, а также диверсификации маршрутов поддержания экономических связей с Европой. Для России СМП гарантирует обеспечение национальной безопасности, защиту морского пространства, стимулирование социально-экономического развития и т.п. Реализация совместного потенциала двух государств по освоению СМП требует выявления возможных точек соприкосновения, своевременной идентификации и решения проблем, стоящих на пути состыковки СМП с проектами инициативы «Пояс и Путь».

Северный морской путь как национальная транспортная артерия России

Развитие СМП неразрывно связано с освоением Арктики, которое в России началось еще в XVII веке. В начале XX века были осуществлены первые плавания на всей его протяженности, открывшие возможность использования нового маршрута для грузовых перевозок. Благодаря развитию в 1950-е годы дизель-электрических ледоколов период навигации в западном районе Арктики увеличился с 1,5 до 6 месяцев, а совершенствование атомного ледокольного флота в 1970-е годы обеспечило возможности круглогодичной навигации⁴. На всем протяжении СМП они связаны с прогнозами дальнейшего таяния льдов, а также введением в строй новых атомных ледоколов.

Традиционно основное экономико-стратегическое значение СМП для СССР/РФ заключалось в обеспечении снабжения северных регионов государства («северный завоз») и транспортировке добываемых в Арктическом регионе природных ресурсов. В 1990-е годы экономическая деятельность в районе СМП находилась в состоянии сильного спада: в период с 1987 по 1999 г. грузооборот там сократился с 6,5 млн до 1,6 млн т, т.е. более чем в 4 раза⁵.

Ощутимый рост перевозок по СМП наметился только после 2005 г.⁶ Этому способствует реализация крупных проектов по добыче природных ресурсов в Арктической зоне РФ (вывоз сырой нефти с Приразломного, Новопортовского, Варандейского месторождений, производство сжиженного газа в рамках проекта «Ямал-СПГ», освоение добычи угля на Таймырском полуострове), перевозка продукции компании «Норильский никель», начало осуществления международных транзитных перевозок. В 2016 г. объем перевозок по СМП вырос на 36% по сравнению с предыдущим годом и составил 7,26 млн тонн, впервые превысив пиковые показатели 1980-х годов⁷.

Россия рассматривает развитие СМП в качестве важнейшего элемента своей Стратегии развития Арктической зоны, признающей одним из государственных приоритетов. С этой целью правительство РФ приступило к реализации конкретных мер, направленных на усиление присутствия в Арктике. В 2012 г. были приняты изменения в законодательстве, закрепившие административные границы акватории СМП, определены механизмы его администрирования. В 2013 г. была утверждена «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», годом позже — основанная на ней государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ на период до 2020 года», а в 2015 г. — «Комплексный проект развития Северного морского пути».

Согласно Федеральному закону № 132-ФЗ от 28 июля 2012 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории СМП» указанная акватория включает в себя внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону РФ, ограниченную с востока линией разграничения морских пространств с США, и параллелью мыса Дежнева в Беринговом проливе, а с запада — меридианом мы-

са Желания до архипелага Новая Земля, восточной береговой линией архипелага Новая Земля и западными границами проливов Маточкин Шар, Карские Ворота, Югорский Шар⁸.

В марте 2013 г. была учреждена Администрация Северного морского пути, отвечающая за организацию плавания судов в акватории СМП и обеспечение безопасности. Основными ее функциями являются прием и рассмотрение заявлений о получении разрешений на плавание судов в акваториях СМП и выдача таких разрешений. Выдача разрешений осуществляется при условии выполнения судном требований, касающихся безопасности мореплавания и защиты морской среды от загрязнения с судов, установленных международными договорами РФ, законодательством РФ, правилами плавания в акватории СМП, и при предоставлении документов, удостоверяющих наличие установленного международными договорами РФ, законодательством РФ страхования или иного финансового обеспечения гражданской ответственности за ущерб от загрязнения либо другой причиненный судном ущерб⁹.

В апреле 2013 г. были утверждены Правила плавания в акватории СМП, в которых предусматривается, что судовладелец или капитан судна, намеревающегося пройти по СМП, должны сообщать Администрации СМП за 72 часа о подходе к границам акватории СМП, а также ежедневно информировать о движении судна, его состоянии и фактическом времени пересечения границ акватории. В соответствии с Правилами 2013 г. о судоходстве в акватории СМП, прохождение судов осуществляется при обязательном ледокольном сопровождении. Стоимость ледокольного сопровождения судна зависит от водоизмещения, уровня ледовой защиты, расстояния и длительности сопровождения; порт отправления и время отправления ледокола согласовываются капитаном судна и ведомством, предоставляющим ледокольное сопровождение. Эти правила способствуют рыночному использованию СМП, а также привлечению иностранных судов¹⁰.

В соответствии с государственной политикой развитие транспортной инфраструктуры в Арктической зоне включает развитие ледокольного флота, портово-производственных комплексов, соответствующих речных, железнодорожных, автомобильных и воздушных коммуникаций, систем безопасности и управления судоходством. На Балтийском заводе ведется строительство трех новых атомных ледоколов серии 22220. В 10 точках на всем протяжении СМП создаются комплексные аварийно-спасательные центры: три из них — в Нарьян-Маре, Архангельске и Дудинке — уже функционируют. В Мурманске и Диксоне действуют морские спасательно-координационные центры, в Архангельске, Тикси и Певеке — подцентры, в Диксоне, Тикси, Певеке и поселке Провидения — пункты базирования аварийно-спасательного имущества. Для поддержки транспортного комплекса СМП создается специальная единая защищенная информационно-телекоммуникационная система, предназначенная для координации транспортно-логистических процессов, контроля транспортной обстановки, навигационного обслуживания перевозок, оперативного обеспечения всех участников рынка гидрометеорологической информацией и услугами связи¹¹.

Предпринятые меры показывают серьезность намерений руководства России по обеспечению ее национальных интересов в Арктике.

Проблемы и перспективы освоения Северного морского пути

Интенсификация усилий, направленных на освоение СМП, отражает оптимистичные оценки значительного роста грузопотока по этому маршруту, который, по некоторым данным, к 2020–2022 гг. может достичь 35 млн т¹², в том числе за счет развития международного судоходства, а также опасения потерять лидерство в использовании СМП вследствие глобального потепления и расширения присутствия других государств в регионе¹³. В основе ожидаемого роста грузоперевозок по СМП лежат оценки экономических выгод от использования данной магистрали в сравнении с другими морскими маршрутами, преж-

де всего, южным, соединяющим тихоокеанские порты Азии с портами Европы через Суэцкий канал. Если расстояние от Мурманска до корейского порта Пусан по южному маршруту составляет 12 030 морских миль, то с использованием СМП маршрут сокращается до 5 320 морских миль¹⁴. Учитывая, что основным способом международного использования СМП в настоящее время и ближайшем будущем останется экспорт природных ресурсов из Арктической зоны РФ, использование СМП дает значительный выигрыш по расстоянию, а следовательно, возможность экономии на топливе и оплате труда персонала.

К числу главных недостатков маршрута относят риски безопасности, связанные с суровыми климатическими условиями, дефицит опорных пунктов по месту следования судов, фактор сезонности, определяющий толщину льда и, соответственно, необходимость прибегать к услугам ледокольного сопровождения, проблема совпадения спроса и предложения ледокольного обеспечения по месту и времени¹⁵. Эти факторы напрямую влияют на размеры страховых премий, величину эксплуатационных расходов, возможности планирования, ожидаемую надежность и гибкость перевозок.

Важным негативным фактором является геополитическая неопределенность, а также снижение глобальных цен на углеводородное сырье в 2014 г. Последние два фактора особенно важны для перспектив использования СМП зарубежными перевозчиками. После быстрого роста транзитного грузопотока с 110 тыс. т в 2010 г. (начало коммерческих грузоперевозок нероссийскими компаниями) до 1,4 млн т в 2013 г. произошел столь же резкий спад до 39 тыс. т в 2015 г.¹⁶ Специалисты отмечают негативное влияние введенных против России санкций на обеспечение благоприятной политической среды для развития международного сотрудничества в использовании СМП.

Несмотря на оптимистичные прогнозы российских официальных лиц, оценки экономической конкурентоспособности СМП, с учетом современного состояния рынков природных ресурсов и объективных особенностей маршрута, остаются неоднозначными. Исследования показывают влияние сезонного фактора, расстояния и типов перевозимых грузов на экономическую целесообразность маршрутов с использованием СМП.

Сравнение разных сценариев, маршрутов и типов судов, проведенное японскими исследователями для оценки экономической привлекательности СМП при транзитных перевозках, показало, что СМП в отдельных случаях и при определенных условиях может быть конкурентоспособным по сравнению с существующими маршрутами, несмотря на меньший дедейт судов и другие недостатки. В частности перевозки железной руды из Норвегии в Японию через СМП оказываются сопоставимы по цене с поставками из Бразилии в случае 50% скидки за ледокольное обслуживание, а танкерные перевозки нефти из порта Усть-Луга (Россия) в Японию оказываются более выгодными по сравнению с аналогичным маршрутом из Роттердама (Нидерланды) через Суэцкий канал даже при 100% оплате услуг ледокольного сопровождения: в промежуток с июня по ноябрь цена перевозки нефти составляет 13–16 долл. за тонну по сравнению с 22,5 долл. при поставках через Суэцкий канал¹⁷.

Исследование, основанное на реальных операционных данных, проведенное учеными Сингапурского национального университета, напротив, показало, что маршрут по направлению Азия — Европа через СМП пока неконкурентоспособен для контейнерных перевозок и при определенных условиях может быть привлекателен только для танкерных перевозок нефти¹⁸. Экономическая модель, разработанная исследователями из КНР, свидетельствует, что на эффективность контейнерных перевозок через СМП большое влияние оказывают тарифы на ледокольное обслуживание, фактор сезонности и объем груза, из-за которых этот маршрут в кратко- и среднесрочной перспективе может рассматриваться лишь как дополнительный¹⁹. Это, в частности, означает, что интерес КНР к СМП связан, в первую очередь, с поставками природного сырья и энергоресурсов из Арктической зоны РФ, а не с транзитом в Европу.

Как отмечают многие авторы, на рост конкурентоспособности СМП могут существенно повлиять климатические изменения. Таяние арктических льдов и уменьшение ледяного покрова может привести к увеличению свободной навигации и, следовательно, росту возможностей перевозок без дополнительных затрат на ледокольное обслуживание. Таяние арктических льдов особенно ускорилось в 1990-х годах, что привело к увеличению продолжительности теплого сезона в среднем на 5–11 дней в течение десяти лет²⁰. Как предполагается, таяние продолжится в течение нескольких следующих десятилетий, хотя уровень неопределенности в существующих прогнозах остается высоким.

При учете фактора дальнейшего таяния льдов оценки экономических перспектив СМП становятся более оптимистичными. По мнению исследователей, в случае реализации прогнозов и освобождения СМП ото льда, а также преодоления логистических барьеров (информационное обеспечение навигации, нехватка промежуточных портов, административные преграды и др.) северный маршрут может забрать до двух третей объема перевозок, идущих через Суэцкий канал, что эквивалентно приблизительно 5% всего объема мировой торговли²¹. При этом исследователи согласны, что при благоприятном сценарии объем грузопотока начнет ощутимо расти только в середине 2030-х годов, т.е. проекты с участием СМП должны рассматриваться исключительно в долгосрочной перспективе²².

Проф. Н.П. Залывский, анализируя перспективы СМП, указывает на необоснованность попыток отождествления концепции его превращения в привлекательный для инвесторов и перевозчиков транспортный маршрут и концепции конкурирования с традиционным южным маршрутом, пролегающим через Суэцкий канал. Повышение конкурентоспособности СМП требует обеспечения надлежащего уровня сервиса, ожидаемого потенциальными перевозчиками, на всем протяжении маршрута. Однако решение этой проблемы путем государственных инвестиций в развитие портовой инфраструктуры, наземных транспортных переходов, систем безопасности, навигационного и гидрометеорологического обслуживания может привести либо к существенному повышению тарифов для перевозчиков, снижая привлекательность СМП для международного транзита, либо к уменьшению ценности для других заинтересованных сторон, в частности арктических регионов. Исходя из этих соображений, Н.П.Залывский скептически относится к ожиданиям резкого роста грузопотока по СМП и стремлению к конкуренции с Суэцким каналом. Оптимальная стратегия, по его мнению, заключается в том, чтобы ориентироваться на синергию и финансовую выгоду для всех заинтересованных сторон, необходимость учитывать совокупные расходы на транзит для всех участников; а ее результатами должно стать превращение СМП в параллельную южному маршруту магистраль в течение 20–30 лет²³.

Важным фактором успешного развития коммерческих перевозок по СМП признается формирование регулятивной среды эксплуатации арктического маршрута, которая зависит не только от изменений национального законодательства, но и международных договоренностей. В настоящее время РФ использует свое право устанавливать особые правила судоходства в пределах 200-мильной зоны. Более того, действующее законодательство по сути обеспечивает абсолютный контроль РФ над навигацией во всей акватории СМП, включая международные воды за пределами исключительной экономической зоны, свобода навигации в которых гарантируется Конвенцией ООН по морскому праву²⁴. Пока это принимается заинтересованными перевозчиками как должное²⁵. Однако, как справедливо указывает Н.П. Залывский, право РФ устанавливать правила эксплуатации СМП будет значительно более весомым в случае наличия договоренностей, как минимум, с арктическими государствами; такая договоренность позволит гарантировать надежность международного использования СМП и снизить риски для иностранных перевозчиков²⁶.

Установление международных договоренностей по статусу СМП объективно усложняется ростом геополитической напряженности после введения режима санкций ряда развитых государств в отношении РФ и начавшейся мировой «гонкой» за освоение природных ресурсов Арктики.

Ряд авторов полагает, что рост напряженности вокруг Арктики связан прежде всего с принятием Арктической национальной политики США, провозглашающей приоритетность принципа свободы открытого моря в Арктике²⁷. Другие исследователи обращают внимание на то, что интернационализация СМП выгодна и другим крупным игрокам, в частности Китаю²⁸. В связи с этим ряд авторов считает, что развитие инфраструктуры СМП и, в частности, развитие ледокольного флота РФ необходимо не столько для обеспечения коммерческих ледокольных проводок, но в первую очередь для решения оборонных задач и противодействия попыткам проникновения США и их союзников в акваторию арктического шельфа для эксплуатации энергетических ресурсов²⁹. Милитаризация СМП, в свою очередь, может уменьшить его экономическую привлекательность в глазах потенциальных перевозчиков и фрахтователей.

Наконец, при анализе перспектив СМП необходимо учитывать экологические аспекты расширения эксплуатации северной магистрали. С глобальной точки зрения наибольшее значение имеют ассоциированные с использованием СМП изменения эмиссии парниковых газов. С одной стороны, сокращение длительности маршрута при использовании СМП приведет к уменьшению выбросов CO₂, которое, по последним оценкам, может составить 20% от величины эмиссии при использовании альтернативного маршрута через Суэцкий канал³⁰. Однако другие исследователи отмечают, что освоение СМП приведет к общему росту грузопотока между Азией и другими частями света, что нивелирует выгоды от сокращения дистанции по новому маршруту и в конечном итоге приведет к дальнейшему глобальному росту выброса CO₂ на 14,2 млн т к 2030 г.³¹; наибольшее негативное воздействие дополнительного потепления на экономическое развитие при этом, как ожидается, будут испытывать государства Африки и Индия³².

Интенсификация движения по СМП сопряжена также с ростом экологических рисков для Арктической зоны РФ. Основные угрозы для природы Арктики представляют работы по добыче углеводородов в районах промышленного освоения в Баренцевом и Карском морях. Угрозы, непосредственно связанные с эксплуатацией СМП, включают в себя, прежде всего, загрязнение вод Северного Ледовитого океана при перевалке грузов в арктических портах и танкерных перевозках нефти³³. Рост интенсивности перевозок увеличивает не только прямое загрязнение от работы транспорта и береговой инфраструктуры, но и риски чрезвычайных происшествий, купирование которых требует развития всеобъемлющей системы экологического мониторинга и поисково-спасательной инфраструктуры на всем протяжении СМП.

Нормативным ответом на возросшие экологические риски для Арктики стало принятие Международной морской организацией Полярного кодекса, который вступил в действие с января 2017 г. Кодекс определяет предназначенные для предотвращения загрязнения арктических вод нефтепродуктами, сточными водами, мусором и опасными жидкими веществами требования к техническому состоянию судов, курсирующих по СМП. Хотя принятие Полярного кодекса соответствует долгосрочным интересам всех заинтересованных сторон и целям устойчивого развития Арктики, оно может привести к дополнительному росту стоимости перевозок³⁴.

Таким образом, следует вывод, что перспективы развития СМП являются неоднозначными, и любые инициативы, предполагающие расширение его международного использования, должны учитывать весь комплекс существующих экономических, организационных, политических и экологических проблем, без решения которых устойчивое развитие Арктической зоны будет невозможным.

Возможности сопряжения Северного морского пути и инициативы «Пояс и Путь»

Как показал вышеприведенный анализ, экономическая конкурентоспособность СМП по сравнению с традиционными морскими магистралями из Азии в Европу остается неочевидной, а его перспективы в качестве альтернативы маршруту через Суэцкий канал связаны, прежде всего, с ожиданиями дальнейшего таяния арктических льдов и относятся к периоду после 2030 г. Особенно важным является то, что с экономической точки зрения наименее конкурентоспособным СМП остается для контейнерных перевозок. Это означает, что для КНР, как основного отправителя грузов из Азии, СМП в ближайшее время вряд ли может рассматриваться в качестве реальной альтернативы существующим маршрутам.

Успешная реализация инициативы «Пояс и Путь», в свою очередь, обеспечит создание новых сухопутных и морских коридоров, связывающих государства Европы, Азии и Африки, тем самым увеличивая конкурентное давление на СМП как транзитный маршрут. Это заставляет некоторых исследователей утверждать, что проект ЭПШП с его альтернативными маршрутами не просто составляет конкуренцию для таких транспортных коридоров РФ, как БАМ, Транссиб и СМП, но делает последние заведомо проигрышными³⁵.

Однако другие специалисты указывают на неверность трактовки инициативы «Пояс и Путь» как способа снизить транзитные издержки для перевозки товаров из КНР, особенно в свете замедляющегося роста товарооборота между Китаем и Европой³⁶. Как указывают И.А.Макаров и А.К.Соколова, реализация проекта Нового Шелкового пути — это реакция на глубинные экономико-политические изменения в самом Китае, отражающая стремление КНР найти новые точки роста для своей экономики, в особенности для развития центральных и западных регионов, перенести трудо- и энергоемкие производства в другие государства региона, снизить уровень нестабильности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе с большой долей мусульман—уйгуров, найти новые рынки для своей строительной отрасли³⁷.

Одной из приоритетных задач инициативы «Пояс и Путь» является также развитие Северо-Восточных регионов КНР, в том числе в качестве потенциальной точки сопряжения с СМП через развитие транспортной инфраструктуры в Приморском крае РФ³⁸. В этом смысле развитие порта Зарубино в рамках создания международного транспортного коридора «Приморье-2», обеспечивающего сейчас связь Северо-Восточных провинций КНР с Дальним Востоком РФ и государствами АТР, может рассматриваться как потенциальный хаб для организации контейнерных перевозок через СМП. Необходимо также учитывать, что национальные интересы КНР предполагают диверсификацию каналов международной торговли. Сопряжение СМП с проектами «Пояса и Пути» соответствует интересам КНР, даже несмотря на неочевидные экономические выгоды в кратко- и среднесрочной перспективе.

Реализация инициативы «Пояс и Путь», особенно в рамках создания евразийских транспортных коридоров, безусловно, является вызовом для существующих региональных структур и прежде всего Евразийского экономического союза (ЕАЭС), объединяющего РФ, Казахстан, Беларусь и Армению. Наличие как совпадающих, так и несовпадающих интересов КНР и РФ при выстраивании отношений между инициативами «Пояс и Путь» и ЕАЭС, признается российскими и китайскими специалистами³⁹. В частности стремление РФ сохранить свое региональное влияние и обеспечить развитие сырьевых секторов экономики может стать препятствием на пути сопряжения «Пояса и Пути» и ЕАЭС в том виде, который предпочтителен для Китая — расширение доступа к природным ресурсам и привлечение к реализации проектов на территории государств ЕАЭС трудовых ресурсов из КНР⁴⁰.

Усиление геополитической напряженности в отношениях РФ и государств Запада, а также экономический спад, вызванный падением с 2014 г. цен на нефть, увеличил роль

политических факторов в оценке перспектив СМП и его потенциальной интеграции с инфраструктурными инициативами Китая. По мнению М. Лантейна, именно ухудшение отношений с Западом, наряду с признанием того факта, что центр мировой финансовой системы постепенно смещается в АТР, стали предпосылкой усиления дипломатических и экономических связей России с Китаем и готовности России встраиваться в евразийские проекты КНР⁴¹. Это, в частности, означает формирование условий, при которых СМП начинает рассматриваться политическими и академическими кругами Китая как стратегический маршрут, позволяющий расширить доступ к природным ресурсам в Арктике, а в более отдаленной перспективе — превратиться в жизнеспособный канал евразийской торговли.

Профессор Морского университета КНР Лю Хуэйжун утверждает, что по сравнению с традиционными морскими путями СМП дает более низкие издержки и может использоваться в качестве энергетического коридора, а также имеет важную стратегическую ценность как катализатор экономической активности и сотрудничества в Северном полушарии. «Открытие» СМП должно стать частью инициативы «Пояс и Путь»; СМП может стать ключевым водным путем зарождающегося «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». «Пояс и Путь» не может обойти стороной стратегическую ценность СМП⁴². По мнению профессора Даляньского морского университета Ли Чжэньфу, Китай должен развивать сотрудничество с Россией, вести более активный обмен товарами, рабочей силой, финансами, технологиями и информацией, т.е. улучшить структуру товарооборота, повысить долю добавленной стоимости, раскрыть возможности комплементарных отраслей⁴³.

Некоторые китайские ученые предлагают концепцию «Один пояс, один путь, один морской путь» (т.е. СМП), имея в виду не только стратегическое развитие концепции «Пояс и Путь», но и расширение ее содержания⁴⁴. На данном этапе каждое из государств старается контролировать трансевразийские грузовые сухопутные и морские пути, в том числе и выдвигая свои концепции трансрегионального развития, включающие в себя арктические территории (табл. 1).

Таблица 1

Концепции трансрегионального развития вовлеченных государств

Госуд./ регион	Концепция	Инфраструктурная повестка	Перспектива
КНР	«Пояс и Путь»	«Пояс и Путь». Азиатский инвестиционный банк	«Один пояс, один путь, один морской путь»
Россия	Евразийский экономический союз	Трансевразийская мультимодальная инфраструктурная сеть, коммерциализация СМП	Расширение ЕАЭС
США	Возвращение в Азию	Транспортный коридор Южная Азия — Центральная Азия	
Евросоюз	Европа-2020	Транспортный коридор Европа — Кавказ — Азия	
Корея	Связывая Евразию		
Япония	Дуга свободы и благополучия		

Источник: Составлено автором.

На современном этапе возможности Арктического совета в согласовании и контроле арктических дел очевидно ограничены, в связи с чем для совместного развития природных ресурсов и транспортных путей Арктики, реализации стратегического сопряжения в ней необходима эффективная площадка общения, которая позволит на практике вместе

вести обсуждение и получать выгоду от СМП. С этой точки зрения СМП — не только важнейший морской путь, связывающий Европу и Азию, но и способ согласования политики прилегающих государств, важная площадка стратегического взаимодействия.

1. Туйдун гунцзянь сычоу чжи лу цзинци дай хэ 21 шици хайшан сычоу чжи лу дэ юаньцин юй синдун // Байду вэньку. 29.03.2015. URL: <https://wenku.baidu.com/view/97f5b2372b160b4e777fcf21.html> (дата обращения: 04.05.2017).
2. *Дун Сочэн и др.* И дай и лу цзяотун юньшу е гэцзюй цзи дуйшэ = Transportation Industry Patterns and Strategy of the Belt and Road // Чжунго кэсюеюань юанькань. 2016. Т. 31. № 6. С. 663–670. (На кит. яз.)
3. «И дай и лу цзяньшэ хайшан хэцзо шэсян» фабу чжундянь цзяньшэ сань тiao ланьсэ цзинци тундао / Правительство КНР. 21.06.2017. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-06/21/content_5204111.htm (дата обращения: 22.06.2017).
4. *Рухша В.В., Смирнов А.А., Кашка М.М., Бабич Н.Г.* Атомный ледокольный флот России и перспективы Северного морского пути // Арктика. Экология и экономика. 2011. № 1. С. 52–61.
5. *Селин В.С., Козьменко С.Ю., Выдрина Е.О.* Северный морской путь: взаимодействие экономической и оборонной составляющих // Вестник МГТУ. 2015. Т. 18. № 3. С. 523–526.
6. *Половинкин В.Н., Фолчичев А.Б.* Перспективные направления и проблемы развития Арктической транспортной системы Российской Федерации в XXI веке // Арктика: экология и экономика. 2012. № 3(7). С. 74–83.
7. *Стародубцев В.* Широты высокой важности // Коммерсант. Приложение № 53: «Арктический форум». 29.03.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3254502> (дата обращения: 09.05.2017).
8. Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути». URL: <http://base.garant.ru/70207760/> (дата обращения: 09.05.2017).
9. *Котляр В.* Использование ледоколов в акватории Северного морского пути для обеспечения безопасности мореплавания судов под иностранным флагом: правовые основы и сложившаяся практика. 12.10.2015. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ispolzovanie-ledokolov-v-akvatorii-severnogo-morskogo-puti-d/> (дата обращения: 10.05.2017).
10. Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути (с изменением на 9 янв. 2017 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902396546> (дата обращения: 10.05.2017).
11. Интервью министра транспорта РФ М. Соколова газете «Известия». 27.03.2017. URL: https://www.mintrans.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=37174 (дата обращения: 10.05.2017).
12. *Стародубцев В.* Указ. соч.
13. *Куликов С.* Лед тает — к дороге // Российская газета. 26.04.2016. № 6958. URL: <https://rg.ru/2016/04/26/rossii-privdetsia-poborotsia-za-pravo-na-arkticheskuiu-tranzitnuiu-monopoliiu.html> (дата обращения: 11.05.2017).
14. *Faury O., Cariou P.* The Northern Sea Route competitiveness for oil tankers // Transportation Research. Part A. 2016. Vol. 94. P. 461–469.
15. *Залынский Н.П.* Северный морской путь: потенциал ожидания и реальные проблемы функционирования // Арктика и Север. 2015. № 20. С. 37–57; *Bekkers E., Francois J.F., Rojas-Romagosa H.* Melting ice caps and the economic impact of opening the Northern Sea Route. // CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis. 2015.
16. *Otsuka N., Imai K., Nagakawa K., Furuichi M.* Northern Sea Route transport scenarios for various cargoes / The Okhotsk Sea & Cold Ocean Research Association. 2016. URL: http://www.academia.edu/22534724/Northern_Sea_Route_Transport_Scenarios_for_various_cargoes (дата обращения: 11.05.2017).
17. Ibid.
18. *Zhang Yiru, Meng Qiang, Ng Szu Hui.* Shipping efficiency comparison between Northern Sea Route and the conventional Asia-Europe shipping route via Suez Canal // Journal of Transport Geography. 2016. Vol. 57. P. 241–249.
19. *Zhao Hui, Hu Hao, Lin Yisong.* Study on China—EU container shipping network in the context of Northern Sea Route // Journal of Transport Geography. 2016. Vol. 53. P. 50–60.

20. *Stroeve J.C., Markus T., Boisvert L., Miller J., Barrett A.* Changes in Arctic melt season and implications for sea ice loss // *Geophysical Research Letters*. 2014. Vol. 41. P. 1216–1225; *Walsh J.E., Fetterer F., Stewart J.S., Chapman W.L.* A database for depicting Arctic sea ice variations back to 1850 // *Geographical Review*. 2016. Vol. 107. P. 89–107.
21. *Bekkers E., Francois J.F., Rojas-Romagosa H.* Op. cit.
22. *Yumashev D., van Hussen K., Gille J., Whiteman G.* Towards a balanced view of Arctic shipping: estimating economic impacts of emissions from increased traffic on the Northern Sea Route // *Climatic Change*. 2017. Vol. 143. Issue 1–2. P. 143–155.
23. *Залыевский Н.П.* Указ. соч.
24. *Gavrilov V.V.* Legal status of the Northern Sea Route and legislation of the Russian Federation: A note // *Ocean Development & International Law*. 2015. Vol. 46. P. 256–263.
25. *Куликов С.* Указ. соч.
26. *Залыевский Н.П.* Указ. соч.
27. *Селин В.С., Козьменко С.Ю., Выдрина Е.О.* Указ. соч.
28. *Храмчихин А.А.* Значение Арктики для национальной безопасности России, Китай может стать арктической державой // *Арктика и Север*. 2015. № 21. С. 88–97.
29. *Селин В.С., Козьменко С.Ю., Выдрина Е.О.* Указ. соч.
30. *Zhao Hui, Hu Hao.* Northern Sea Route and its impact on the natural environment // *Transportation Research Board 96th Annual Meeting*. 2017. Paper 17–06918. URL: <https://trid.trb.org/view.aspx?id=1439770> (дата обращения: 11.05.2017).
31. *Bekkers E., Francois J.F., Rojas-Romagosa H.* Op. cit.
32. *Yumashev D., van Hussen K., Gille J., Whiteman G.* Op. cit.
33. *Сапрыкина К.М.* Современное экологическое состояние Арктической зоны РФ и возможная динамика развития // *Территория Нефтегаз*. 2015. № 5. С. 86–90.
34. *Lanteigne M.* The Russian Far East and the Northern Sea Route in evolving Sino-Russian strategic relations // *Huang J., Korolev A. (eds.) The Political Economy of Pacific Russia*. Palgrave Macmillan. 2017. P. 181–202.
35. *Строганов А.О.* Новый Шелковый путь: вызов российской логистике // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2016. № 4. С. 258–362.
36. European Union, Trade in goods with China / European Commission. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113366.pdf (дата обращения: 12.05.2017).
37. *Макаров И.А., Соколова А.К.* Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2016. № 2. С. 40–57.
38. *Александрова М.В.* Новое видение транспортного положения северо-востока Китая в свете концепции «Один пояс, Один путь» // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2016. № 21. С. 256–272.
39. *Ван Цзиньшун.* Ши си данцзянь оу я цзинцзи ляньюмэн мяньлинь дэ наньти — цзянь лу юй сычоу чжи лу цзинцзи дай дэ дуйцзе // *Оу я цзинцзи*. 2016. № 2. С. 54–61. См. также: *Макаров И.А., Соколова А.К.* Указ. соч.
40. *Макаров И.А., Соколова А.К.* Указ. соч.
41. *Lanteigne M.* Указ. соч.
42. *Лю Хуэйжун.* И дай и лу чжаньлюе бэйцзин ся дэ бэйцзи хансянь кайфа лиюу = Analysis on the value and significance of Arctic sea routes in the context of the «One Belt One Road» strategy // *Чжунго гунчэн кэсюе*. Т. 18. № 2. С. 111–118.
43. *Ли Чжэньфу, Дин Чаоцзюнь.* Чжунго юй бэйцзи хансянь яньсянь цюйюй цзинцзи хэцэо цянли яньцзю = Research on potential of cooperation between China and regions along Arctic route // *Гоцзи шанву дуйвай цзинцзи маоьн дасюе сюебао*. 2015. № 6. С. 125–135.
44. *Ху Аньган, Чжан Синь, Чжан Вэй.* Кайфа и дай и лу и дао бэйцзи хандай цзяньшэ дэ чжаньлюе нэйхань юй гоусян = The strategic conception and development of the Belt and Road, and Route (Arctic channel) initiative // *Цинхуа дасюе сюебао (чжэсюе шэжуй кэсюе бань)*. 2017. Т. 32. № 3. С. 15–22.

Зарождение и эволюция ракетно-ядерного сдерживания между США и КНР

© 2017

Л.С. Крашенинникова

Рассмотрены процесс встраивания КНР в систему ядерного сдерживания и особенности использования ею статуса державы — обладателя ядерного оружия в контексте трансформации отношений Пекина и Вашингтона. Автор приходит к выводу о том, что расхождение в подходах к «ядерной прозрачности» и признанию взаимной уязвимости приближает качественно новый виток асимметричной гонки вооружений в АТР.

Ключевые слова: США, КНР, ядерное оружие, ядерное сдерживание, стратегическая стабильность, третья «стратегия компенсации», противоракетная оборона.

Китай вступил в ядерный клуб с большим опозданием по сравнению с США и СССР, поэтому по технологическому уровню разработок и количеству ядерного оружия (ЯО) он серьезно отставал. В настоящее время Пекин демонстрирует способность к сокращению отставания и переходу к относительно сбалансированной с США системе стратегической стабильности (СС) без количественного паритета¹. При низкой вероятности конфликта с применением ЯО совершенствование китайского арсенала меняет баланс сил и не может игнорироваться Соединенными Штатами. Примечательна идея главы Тихоокеанского командования вооруженных сил США Г. Гаррисона о пересмотре договора РСМД с учетом ядерных и конвенциональных ракет КНР², озвученная весной 2017 г.

Ядерное сдерживание между США и КНР формировалось на протяжении трех этапов: первого (1964–1981), второго (1981–2007) и современного.

С 1945 по 1964 г. США провели около 400 ядерных испытаний, располагая к 1964 г. почти 30 тыс. ядерных боезарядов (БЗ)³. На том этапе в Азии, в отличие от европейского ТВД, превосходство американской стороны определялось не гонкой ядерных вооружений, а самим фактом их наличия у США, хотя до 1960 г. американские сценарии применения ЯО против КНР в целом рассматривались как маловероятные. Возможность применения ядерного оружия обсуждалась в ходе Корейской войны (1950–1953), во время Тайваньских кризисов (1954–1955 гг., 1958 г.), но сдерживалась советским фактором⁴. Американское руководство рассматривало нанесение ядерного удара по силам КНР при пересечении НОАК линии прекращения огня на Корейском полуострове в случае невозможности удержания китайского наступления в Корее неядерными силами⁵. Тактическое ядерное оружие (ТЯО) США находилось в 1958–1991 гг. в Южной Корее, в 1960–1974 гг. — на Тайване, в 1954–1972 гг. — в Японии.

Крашенинникова Любовь Сергеевна, аспирант Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: liubovkrashennnikova@ygmil.com.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 15-37-11136.

Детализация сценариев началась в конце президентства Д. Эйзенхауэра с разработки комплекта документов по ядерному планированию — Единого интегрированного оперативного плана (Single Integrated Operational Plan, SIOP), что совпало с приближающимся вступлением КНР в ядерный клуб и последующим введением доктрины «гибкого реагирования». Первые проработанные варианты были связаны со сценарием войны между США и СССР⁶. План SIOP-62 включал 78 объектов городской и промышленной инфраструктуры, из которых 49 были приоритетными⁷.

Мао Цзэдун называл атомную бомбу «бумажным тигром»⁸, однако решение о создании китайского ЯО было принято уже в ходе первого Тайваньского кризиса⁹. Тогда же начались работы по созданию баллистических ракет на базе Р-2 и Р-5, предоставленных СССР до углубления советско-китайского раскола. В 1964 г. Китай произвел первое ядерное испытание. Успешный запуск первой одноступенчатой баллистической ракеты средней дальности (БРСД) «Дунфэн-2» (с дальностью стрельбы до 1200 км) был проведен в ноябре 1965 г., а в 1966 г. ее испытали с ядерной боеголовкой.

В ходе первого этапа (1964–1981) КНР получила возможность влиять на расширенное ядерное сдерживание со стороны США в АТР. Значение Китая в ядерном планировании США возросло, но состояние непосредственного взаимного сдерживания достигнуто не было. Преимущество США давало возможность сдерживать неядерные силы КНР и угрожать нанесением «обезглавливающего» и ограниченного удара, хотя «советский фактор» при планировании столкновения с КНР не исключался. Несмотря на несоответствие ЯО КНР требованиям «надежного устрашения», возможность угрожать региональным союзникам и базам США укрепили образ Китая как регионального противника Америки.

В 1960-е годы начались частичные ограничения на развитие ЯО в США, но это не оказало реального влияния на стратегическое соотношение американских и китайских сил. В 1963 г. Московский договор, подписанный США, запретил ядерные испытания в атмосфере, космическом пространстве и под водой. КНР не подписала данный договор, хотя с 1980-х годов проводила только подземные испытания, прекратив их в 1996 г. Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. впервые закрепил стремление к разоружению (КНР не участвовала в ДНЯО до 1992 г.). С 1970-х годов появились договорные ограничения арсенала США. В 1972–1974 гг. были подписаны Договор ОСВ-1, Договор по ПРО и Протокол к нему. В течение указанного этапа количественные показатели арсенала США достигли своего максимума в 31 255 БЗ (1967 г.) и были сокращены до 22–23 тыс.¹⁰

К 1982 г. на вооружении США было: 1052 межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) «Минитмэн II/III» (2152 ядерных БЗ¹¹); некоторое количество МБР «Титан-II»; 32 атомные подводные лодки, оснащенные баллистическими ракетами (ПЛАРБ), несущие 520 ракет. В начале этапа основными средствами, нацеленными на Китай, были бомбардировщики В-47, В-52 (более 7 тыс. БЗ), хотя Тихоокеанское командование ВС США настаивало на комбинированном использовании в сдерживании КНР размещенных в регионе БРСД и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ)¹². От нацеливания шахтными МБР отказались из-за пересечения траектории с территорией СССР. В 1970-х годах баланс сместился в сторону ПЛАРБ. С конца 1960-х годов США развивали системы ПРО («Сэйфгард», затем «Сэтинэл»), установив после подписания Договора и Протокола по ПРО (1972–1974 гг.) систему «Лэйв пос» (1981 г.)

По расскрепленным данным, к 1964 г. в Азии было развернуто около 2400 ед. американского ЯО¹³. Нормализация в 1972 г. американо-китайских отношений не изменила направления стратегического планирования США. По документам СНБ, сворачивание ТЯО на Тайване в 1970-х годах проходило на фоне масштабной «компенсации» из 1700 тактических БЗ в АТР¹⁴, чему также способствовало стремление разубедить прави-

тельство РК в создании собственного ЯО. По состоянию на 1970 г. арсенал ЯО, направленный против КНР, состоял из 600 БЗ, треть из которых приходилась на ТЯО¹⁵.

К 1964 г. в состав сил регионального сдерживания входили ПЛАРБ, несущие БРПЛ «Поларис-А3» с разделяющейся головной частью рассеивающего типа¹⁶ (от 4 тыс. км). К 1969 г. количество ПЛАРБ с ЯО в Тихом океане достигло 8, к 1975 г. — 18. В 1970-е годы БРПЛ «Поларис» были заменены на «Трайидент-1» (ПЛАРБ «Посейдон», «Лафайет») и началось патрулирование ПЛАРБ «Огайо», несущих по 24 ракеты «Трайидент-1».

По рекомендациям Комитета начальников штабов и Пентагона, SIOP-1969 включил варианты боевых заданий по уничтожению целей в СССР и КНР трех типов: уничтожение средств доставки стратегического ЯО и центров управления вне городов (Alpha), удары по ВС и другой военной инфраструктуре вне города (Bravo), и уничтожение указанных объектов, расположенных в городах, а также от 70% городской промышленности (Charlie)¹⁷.

К 1972 г. в США была реализована концепция отдельного учета сил, предназначенных на случай ядерного конфликта с СССР и конфликта с КНР. До принятия доктрины Шлезингера победа в ядерной войне рассматривалась как уничтожение военного потенциала противника. Подход администрации Р. Никсона (1969–1974 гг.) предполагал ее окончание на более ранней стадии — посредством управления эскалацией и с увеличением вариантов ограниченных ударов¹⁸, для чего был расширен спектр ограниченных целей (Nuclear Weapons Employment Policy, NUWEP-1974). Цели в КНР (в случае полномасштабной атаки — совместно с «азиатскими союзниками КНР») занимали 2-е место после СССР/ОВД. Рассматривалось 4 сценария: полномасштабный — удар по всем военным целям и ресурсам послевоенного восстановления; избирательный — удар по ЯО и всем сопутствующим элементам его производства и управления, а также по другим объектам, несущим военную угрозу; ограниченный — удар по менее значимым целям в ответ на ограниченное применение ЯО; региональный — цели локального значения¹⁹.

Отдельную роль в присутствии США в регионе играл фактор КНДР. После инцидента в демилитаризованной зоне 1976 г. США усилили патрулирование ПЛАРБ вблизи Корейского полуострова.

Детализация ограниченных целей продолжилась при Дж. Картере. В соответствии с директивой PD-59 (1980 г.)²⁰ и Обзором политики ядерного нацеливания²¹, гибкость целеполагания была обозначена как абсолютный приоритет. Если ранее нацеливание ориентировалось на экономические и инфраструктурные объекты послевоенного восстановления, то теперь рассматривались такие варианты, как решение оперативных задач с применением ЯО (например, удары по перемещающимся группам ВС).

В свою очередь, в течение 1964–1981 гг. КНР смогла создать ограниченные ядерные силы, способные поражать цели в восточной (а затем и европейской) части СССР (основное нацеливание) и союзников США в Азии, угрожать базе Гуам, а с 1981 г. (формально) — континентальной части США. Были испытаны первая двухступенчатая МБР «Дунфэн-4» (ноябрь 1969 г.)²², с дальностью 4–7 тыс. км в зависимости от модификации) и трехступенчатая МБР «Дунфэн-5» (в 1976 г., от 9 тыс. км). К 1980 г. на вооружении Второй артиллерии находились 4 «Дунфэн-4», до 85 одноступенчатых БРСД «Дунфэн-3» и около 50 «Дунфэн-2»²³. Бомбардировщики «Хун-6» могли использоваться для доставки ТЯО. В конце 1970-х годов началось строительство первого подводного атомного ракетносца 092 «Ся», с начала 1970-х годов — создание баллистической ракеты подводных лодок «Цзюйлан-1», хотя возможность их применения допускалась лишь теоретически²⁴. Произошла наработка значительной части ядерных БЗ КНР. К 1982 г. их количество составляло более 200 ед.²⁵ С 1964 по 1982 г. КНР провела 27–28 ядерных испытаний. КНР также вела работы по созданию противоракетной обороны (проект «640»). К 1981 г. бы-

ли созданы такие элементы системы, как комплекс с радиоэлектронным радаром с фазированной решеткой, однако проект был закрыт.

На втором этапе (1981–2007) КНР стала располагать возможностью подвергать ограниченной угрозе континентальную часть США. В целом в США китайская ядерная угроза в качестве серьезной не рассматривалась, но к концу этапа в ядерном планировании США ей стали уделять большее внимание. В 1980-е годы улучшилась система нацеливания с ПЛАРБ («Поларис» были окончательно заменены на «Трайидент» (ПЛАРБ «Огайо»), что увеличило количество боевых блоков, точность и дальность БРПЛ²⁶. В 2000-е годы началась замена «Трайидент-1» на модернизированную «Трайидент-II»²⁷, а четыре подводные лодки были переоснащены неядерными крылатыми ракетами «Томагавк BGM 109». На количественное превосходство США, достаточное для многократного нанесения разоружающего удара, не повлияли сокращения по Договору СНВ-1 (до 6–7 тыс. к середине 1990-х годов), а при исполнении условий СНВ-1 для США приоритетом стало сохранение потенциала ответного удара. Новые модификации межконтинентальных ракет стали оснащаться тремя или одним боезарядом: после списания МБР «Минитмен-II» к середине 2000-х годов на вооружении остались «Минитмен-III», несущие до трех боезарядов, либо моноблочные — слишком «дорогие» цели для разоружающей атаки. После вывода в 1990-е годы из ядерной триады самолета В-1В парк бомбардировщиков составили В-52Н, оснащенные ядерными КР AGM-86В и 129А (снята с вооружения в 2007 г.), и В-2А, несущие бомбы свободного падения В61 и В83.

С 1980-х годов во взглядах военно-политических кругов США на ядерные силы КНР параллельно наметились две тенденции. С одной стороны, ядерной угрозы не ощущалось: при Р. Рейгане КНР рассматривалась как противовес СССР, при Дж. Буше-ст., Б. Клинтоне и в течение первого срока Дж. Буша-мл. — как сила, не способная противостоять потенциалу США. При Рейгане варианты ядерной атаки против КНР передавались так называемым Сохранным резервным силам (Secure Reserve Force), созданным в соответствии с Директивой PD-59 Дж. Картера. В сохранные резервные силы входили нестратегические носители и БРПЛ и бомбардировщики, не участвовавшие в основном планировании. Администрация Дж. Буша-ст. не сочла нужным сохранение ЯО на территории базы Кунсан после распада СССР. В 2000 г. в докладе Пентагона Конгрессу ядерные силы КНР оценивались как весьма скромные²⁸. С другой стороны, с распадом СССР был утрачен элемент базы американо-китайского сближения. Вкупе с этим развитие ракетного арсенала КНР привело к появлению уже в 1992–1994 гг. американских исследований, констатирующих неизбежность превращения КНР в ядерную угрозу для союзников и континентальной части США, в противника США в сфере ядерных вооружений²⁹ и пр. На этом фоне в 1990-е годы Стратегическое командование вооруженных сил США лоббировало возвращение КНР в основное планирование SIOP (доклад Sun City Extended / расширенная версия доклада «Сан-Сити»)³⁰. После Тайваньского кризиса (1995–1996 гг.) Б. Клинтон подписал директиву PDD-60³¹, которая, по данным Х. Кристенсена, могла предусматривать расширение спектра целей для ядерных ударов по КНР и создала предпосылки для их переноса в SIOP³².

Возвращение КНР в SIOP, предположительно, произошло только в 1998 г. В том же году США и КНР объявили о взаимном ядерном ненацеливании, но можно предположить, что декларация Б. Клинтона и Цзян Цзэминя не изменила сути стратегического планирования стран. Не последовало механизмов проверки, которые по сути подорвали бы «экзистенциальное» сдерживание КНР. В соответствии с комментарием бывшего офицера управления пусками МБР «Минитмен» Б. Блера, в случае решения о нанесении удара, фактор времени введения координат цели не являлся значительным уже в 1998 г.³³ (можно предположить схожесть ситуации с БРПЛ). К 1990-м годам США располагали инфраструктурой слежения и нацеливания на мобильные МБР, созданной для советских ракет в 1980-е годы. План SIOP-6D (1987 г.) предполагал «тактику нанесения удара

на стратегические мобильные цели»³⁴. Двойное отношение к ядерному сдерживанию (ЯС) КНР сохранилось и в 2000-е годы. В Обзоре ядерной политики США (2001 г.) вероятность ядерного конфликта с КНР (из-за Тайваня) упоминалась как более высокая, чем с РФ³⁵. После принятия в КНР в 2005 г. «Закона о противодействии расколу государства», по которому КНР оставляла за собой право применить силу в отношении Тайваня, в мае 2006 г. Министерство обороны США приняло новый оперативный план Тихоокеанского командования ВС США по защите острова (№ 5077-04³⁶), который не исключал возможность применения американского ЯО как крайней меры.

На данном этапе исследователи из корпорации РЭНД оценивали максимальную вероятность успешного разоружающего удара США по Китаю лишь в 80%. Уже на данном этапе учитывался фактор ПЛАРБ, которые «могли находиться на патрулировании часть времени». Кроме того, уже в это время нельзя было говорить о полной уверенности в уничтожении и всех шахтных МБР, которые могли быть укрыты в системе горных туннелей.

Важные изменения, произошедшие в арсенале КНР в 1982–2007 гг., были связаны во многом с испытанием модификации «Дунфэн-5А» (13 тыс. км) и принятием на дежурство мобильных МБР «Дунфэн-31/31А». Был запущен ряд долгосрочных проектов (с 1986 г. проект мобильной МБР с разделяющейся головной частью (РГЧ ИН) «Дунфэн-41»). Количество МБР «Дунфэн-5» увеличилось до 20 к концу 1990-х годов. Была сделана попытка развертывания морского крыла триады — установка на ПЛАРБ проекта 092 «Ся» БРПЛ «Цзюйлан-1». КНР многократно усилила свой ядерный арсенал для поражения целей, находящихся в пределах региона, введя на вооружение с начала 1990-х годов БРСД «Дунфэн-21/21А» (дальность до 1800 км.), с 2006 г. — «Дунфэн-21С» с увеличенной точностью (СЕР 50–10 м, с возможностью установки ядерной головной части). Кроме того, в 2006 г. поступили на вооружение ракеты малой дальности «Дунхай-10», но данные о возможности их применения в ядерном оснащении отсутствуют³⁷. В 2011 г. появилась модификация бомбардировщика «Хун-6К». Вместе с тем количество ядерных БЗ практически не изменилось (с 216 до 235 ед.)³⁸. В 1996 г. КНР объявила мораторий на ядерные испытания, проведя в целом 47 испытаний ЯО.

По состоянию на 2007 г. количество китайских межконтинентальных баллистических ракет оценивалось Пентагоном в 50–60 ед. (20 МБР ограниченной дальности «Дунфэн-4», 20 МБР «Дунфэн-5», до 20 МБР «Дунфэн-31/31А») ³⁹. КНР также располагала до 50 БРСД «Дунфэн-21» и до 18 «Дунфэн-3». Кроме того, в Пентагоне сделали вывод о преодолении важного рубежа на пути к созданию китайской системы противоракетной обороны после испытания кинетического перехватчика «Дуннэн-1» на основе БРСД «Дунфэн-21» в 2007 г. С развитием группировок МБР «Дунфэн-5А» и, в особенности, «Дунфэн-31/31А» Китай получил возможность осуществлять минимальное сдерживание в отношении континентальной части США без возможности «обезоружить» США первым ударом. В соответствии с исследованием РЭНД, к концу данного этапа КНР даже в теории была способна уничтожить только 50% американского арсенала — и то в случае его минимальной готовности, например, если бы все ПЛАРБ находились в портах. Причем, несмотря на удвоение числа китайских межконтинентальных ракет и американские сокращения по СНВ-1, живучесть и боевая устойчивость арсенала США увеличилась после переноса баланса в сторону БРПЛ с разделяющейся головной частью⁴⁰. Учитывая реальное соотношение факторов, вероятностные показатели могли бы быть уменьшены вплоть до нуля, но точности расчетов препятствует неопределенность с коэффициентом эффективности ПРО.

На современном этапе (после 2007 г.) заметен технологический подъем КНР, выраженный в завершении долгосрочных проектов МБР и БРПЛ/ПЛАРБ. В американских исследованиях ставится вопрос о сохранении парадигмы минимального сдерживания и об отходе от принципа «неприменения первыми». Эта возможность заложена

и в некоторых текстах по китайской военной стратегии⁴¹, хотя в официальных документах подчеркивается оборонительный характер китайского арсенала. Тревогу США вызывает возможность резкой смены подхода непосредственно в ходе кризиса, а ее признание обеими сторонами в мирное время означало бы закрепление перехода КНР в близкие к равноправным условия стратегической стабильности с США.

На современном этапе США начинают обновление ядерной триады. В течение нескольких десятилетий предполагается создание ПЛАРБ класса «Колумбия», бомбардировщика В-21, новых МБР шахтного базирования и ядерных крылатых ракет большой дальности, реновация имеющихся бомбардировщиков и БРПЛ. Предполагаемый объем затрат в 2015–2024 гг. составит от 348 млрд долл.⁴² По условиям Договора СНВ-3, к 2021 г. на вооружении у США должно быть не более 1550 развернутых БЗ, установленных на 700 развернутых стратегических носителях (и 100 неразвернутых)⁴³. На осень 2016 г., развернутые ЯС США составляли 681 носитель: 416 МБР «Минитмен-III» шахтного базирования, 209 БРПЛ «Трайидент-II», 56 бомбардировщиков (10 В-2А и 46 В-52Н)⁴⁴. Превосходство США по-прежнему предполагает запас боезарядов, необходимых для неоднократного «покрытия» всего арсенала КНР, но скептицизм о возможности нанесения разоружающего удара в реальных условиях нарастает. По оценкам РЭНД, его вероятность не превышает 80% при низкой степени боеготовности китайских сил⁴⁵, но в реальных условиях возможно сохранение до 15–27 МБР.

Влияние развития ПРО США на потенциал ответного удара КНР только изучается. В зависимости от реальных показателей вероятности поражения (probability of kill) противоракет американской наземной системы ПРО на среднем участке полета (Ground-based Midcourse Defense, GMD), которые рассматриваются в диапазоне от 0,9 до 0,4⁴⁶, они могли бы как нейтрализовать 100% китайских боезарядов, так и допустить попадание части из них в цель (в 2017 г. соотношение может составить 44 перехватчика и 15–27 уцелевших ракет). Помимо GMD, США развивают возможность по перехвату на конечном участке системами «Иджис», но проверяемые данные об эффективности также отсутствуют. Таким образом, система ПРО GMD, теоретически, может нейтрализовать ответный удар, но вряд ли готова перехватить 100% МБР в случае массированного удара со стороны КНР. По данным РЭНД, ее эффективность снижается при тактике «волновых» атак⁴⁷, что может быть учтено в китайских расчетах.

КНР занимает важное место в Обзоре ядерной политики США. По оценкам, к 2016 г. на ее вооружении было до 75–100 МБР⁴⁸ и около 50 БРПЛ. С 2016–2017 г. начинается патрулирование ПЛАРБ 094 «Цзинь», оснащенных БРПЛ «Цзюйлан-2» с дальностью до 7400 км. В 2015 г. КНР представила БРСД «Дунфэн-26» (дальность 4000 км) с повышенной точностью. Ее ядерный вариант, по мнению Пентагона, будет означать получение возможности нанесения точечного ядерного удара. В июле 2017 г. КНР представила новую модификацию МБР «Дунфэн-31 АГ». На вооружении КНР также есть некоторое количество неядерных ракет малой дальности «Дунфэн-15», около 80 БРСД «Дунфэн-21».

На фоне развития американской ПРО в Китае активизировались работы по оснащению ракет РГЧ ИН. В 2014 г. была испытана модификация «Дунфэн-31В» с РГЧ первой баллистической ракетой с РГЧ ИН на дежурстве стала модификация «Дунфэн-5В», оснащенная шестью боезарядами. В начале 2017 г. КНР продемонстрировала успех по двум важным проектам — новой модели и новой модификации МБР с РГЧ ИН: мобильной «Дунфэн-41» дальностью до 14 тыс. км, и «Дунфэн-5С», несущих до 10 боевых блоков.

КНР развивает программу ПРО и противоспутникового оружия. С 2015 г. началось развертывание космического эшелона системы предупреждения о ракетном нападении — вывод на орбиту спутника с инфракрасной системой обнаружения ракетных

пусков. Достоверные параметры коэффициентов эффективности и масштабов развертывания ПРО КНР недоступны.

Массированный удар Китая по США, по-прежнему, невозможен в теоретической плоскости, поскольку равносильно самоубийству. По оценкам РЭНД, на 2017 г. теоретически максимальный процент уничтожения американского ЯО разоружающим ударом КНР составил бы 53% (реальный показатель существенно ниже). Наличие РГЧ ИН пока не настолько важно, так как первыми целями для «разоружающей» атаки должны стать порты базирования ПЛАРБ и базы бомбардировщиков, а увеличение ущерба арсенала «Минитмен-III» за счет РГЧ ИН составило бы лишь несколько десятков.

Формирование стратегической стабильности

В 2010 г. понятие стратегической стабильности (СС) между США и КНР фигурировало сразу в двух политических документах США — Обзоре по ПРО⁴⁹ и Обзоре ядерной политики⁵⁰. Упоминание о желании поддерживать СС с Китаем содержалось и в выходящем раз в четыре года Обзоре оборонной политики (2014 г.)⁵¹

Вопрос о формировании американо-китайской СС разрабатывается исследователями с конца 2000-х годов⁵². С 2015 г. к нему проявляют внимание китайские участники неформального диалога в стратегической сфере, что может указывать на интерес руководства обеих стран. Пока параметры СС между США и КНР не определены официально, эксперты отмечают ее фактическое наличие⁵³. В связи с этим целесообразно сделать некоторые уточнения.

В соответствии с суждением А.А. Кокошина, СС можно рассматривать как состояние, обеспечиваемое запасами устойчивости, компенсирующими влияние внешних и внутренних возмущающих факторов⁵⁴. Как отмечает А.Г. Савельев, существует два основных подхода к определению основ ядерной СС — стабильность взаимного гарантированного уничтожения и основанная на факторе ПРО⁵⁵. Наибольшая стабильность достигается при сопоставимости эффекта наступательных либо оборонительных вооружений обеих сторон. В понятие СС традиционно включают стабильность ненанесения первого удара, кризисную стабильность и стабильность гонки вооружений. В современных исследованиях отмечается, что СС теряет эффективность, если стороны декларируют готовность применить ЯО лишь в ответ на ядерный удар. Утрата сдерживания обычного конфликта⁵⁶ подрывает стабильность ненанесения первого удара, так как успех одной стороны может вынудить вторую запустить ядерное устройство от безысходности. Более стабильный вариант предполагает очерчивание «красных линий» в обычном конфликте, пересечение которых приведет к ограниченному ядерному удару. Как отмечает Э. Колби, тогда ЯО становится инструментом торга, где ядерная война не может произойти по причине роковой ошибки⁵⁷. Удар в ответ на пересечение «красной черты» должен одновременно сигнализировать решимость к эскалации и стремление к деэскалации. Важно, чтобы обе стороны обладали набором гибких и реалистичных опций первого и ответного удара, сохраняя уязвимость. Для формирования стратегического равновесия симметричное равенство не обязательно⁵⁸, а преимуществом располагает сторона с набором более гибких вариантов.

Основываясь на указанной теории, можно предположить, что в отношениях США и КНР уже есть элементы стабильности ненанесения первого удара, т.к. есть вероятность взаимного неприемлемого ущерба (ответный удар с обеих сторон). Кризисная стабильность и стабильность гонки вооружений размыты из-за двусмысленности с китайской стороны (принцип «неприменения ЯО первыми» не учитывает возможность ядерного удара как крайней меры) и нежелания США вступать в достаточно равноправные условия взаимной уязвимости.

Препятствие налаживанию кризисной стабильности заключено в разнице представлений об эффективности «экзистенциального сдерживания». Как указывает М. Фрейвел, КНР во многом рассчитывает на порождаемое неопределенностью усиление сдерживающего эффекта, достигаемое за счет опасений оппонента, что эскалация может выйти из-под контроля⁵⁹. Это позволяет компенсировать невысокие относительно США затраты на ЯО. В важном для НОАК труде «Наука о кампаниях Второй артиллерии», отражена возможность «предупреждающих мер» с донесением до общественности данных о приведении ЯС в боеготовность, что может побудить противника к деэскалации⁶⁰. Однако это может обернуться противоположным образом, и потому стабильности не способствует.

В свою очередь, стабильность гонки вооружений практически не урегулирована на договорной основе. Хотя США связаны договорным обязательством (СНВ-3), допустимый уровень в 1550 боезарядов все еще слишком велик для Китая, и его нельзя рассматривать как ограничение для развития ЯС КНР (а скорее даже наоборот). Между США и КНР не существует и договоренностей об ограничении развития систем ПРО. Учитывая, что стратегическое равновесие может существовать в отсутствие паритета, его возможность подрывается отказом США соответствовать критерию «взаимной уязвимости» (принцип защиты сил, союзников и партнеров США в Восточной Азии «от всех ракетных угроз в регионе»⁶¹) и развитием систем противоракетной обороны. Это, по неоднократным указаниям китайцев, снижает эффективность китайского сдерживания⁶² и, вероятно, толкает их к наращиванию ЯО. Кроме того, более комфортным положением для Китая было бы не балансирование на грани поддержания гарантированного ответа, а наличие «запаса прочности», или, как указывает А.А. Кокошин, «динамического диапазона»⁶³, который сгладит ядерную асимметрию.

Пекин рассматривает ЯО и как средство асимметричного противодействия ядерным угрозам. Его наращивание определяется не только мощью наступательных и оборонительных вооружений США, но и неядерными высокотехнологичными факторами — третьей «стратегией компенсации», концепцией быстрого глобального удара (БГУ) и др., развитие которых, во многом зеркально, направлено на компенсацию снижения роли ЯО в оборонной доктрине США. Такое положение дел способно подтолкнуть КНР к расширению потенциала ответного и ответно-встречного удара и даже применению ЯО первыми⁶⁴. Возможность ответно-встречного удара отрицалась китайскими участниками контактов полуофициальной дипломатии⁶⁵, но судить об этом, как об обязательстве, сложно.

Взаимная уязвимость между США и КНР подчеркивается китайскими⁶⁶ и американскими⁶⁷ специалистами, но руководство США не готово признать это официально. Понятие не упоминается в американских документах. Для США психологически сложно добровольно сковать свои действия в АТР и признать равноправие с государством, силы которого официально не вызвали серьезных опасений до последнего десятилетия. Отдельным, но весомым фактором является давление на Вашингтон союзников в АТР⁶⁸.

Выводы

Роль КНР в ядерном планировании США была значимой еще до вступления Китая в ядерный клуб и нарастала по мере развития его ЯС. Исходя из доступных данных и оценок модернизации параметров ЯС КНР, ко второй половине 2000-х годов был достигнут уровень, достаточный для реального ядерного сдерживания между США и КНР (иными словами, реализована цель, к которой КНР двигалась на протяжении всего развития своих ЯС). Сдерживание подкрепляется политикой стратегической неопределенности, но последняя становится мощным фактором обоснования ядерной и конвенциональной модернизации США. Формирующаяся система стратегической стабильности основа-

на на взаимной уязвимости в отсутствие ядерного паритета. В нем содержатся два уровня влияния: 1) угроза ракет КНР региональным базам и союзникам США; 2) взаимная прямая угроза США и КНР.

Укрепление китайских возможностей минимального ядерного сдерживания неизбежно и будет продолжаться по нарастающей в силу потребности создания военно-стратегического «динамического диапазона», диктуемой военной политикой США и союзников в регионе. Вероятно, со временем это приведет к выходу КНР на качественно новый этап развития ЯС и создаст техническую возможность для отхода от изначальной парадигмы «минимального» сдерживания в перспективе 20–30 лет, однако для этого КНР еще будет необходимо преодолеть технологическое отставание в морском компоненте триады. Данное наращивание может ограничиваться, в основном, китайскими представлениями о достаточности. Важными направлениями станут развитие ПРО и других технологий военного космоса. Выход на новый уровень ЯС, в свою очередь, создаст базу для более агрессивного проецирования или применения конвенциональных сил Китая.

Главный элемент стратегической стабильности в отношениях США и КНР — невыгодность нанесения первого удара — сформирован, но зыбки основы кризисной стабильности и стабильности гонки вооружений. Запланированное обновление американской триады, развитие систем ПРО и неядерных вооружений становятся факторами увеличения и модернизации ракетно-ядерного потенциала КНР.

1. Colby E., Gerson M., eds. *Strategic Stability: Contending Interpretations*. Carlisle: Army War College Press, 2013. 441 p. P. 62.
2. Eckstein M. PACOM: U.S. Should Renegotiate INF Missile Treaty to Better Compete with China // U.S. Naval Intelligence News, April 27, 2017. URL: <https://news.usni.org/2017/04/27/pacom-u-s-should-renegotiate-inf-treaty-that-limits-conventional-mid-range-missiles>.
3. Norris R., Kristensen H. *Global Nuclear Weapons Inventories, 1945–2010* // *Bulletin of Atomic Scientists*. July–August 2010. P. 77–83. P. 81.
4. Kristensen H., et al. *Chinese nuclear forces and U.S. nuclear war planning*. Washington. Federation of American Scientists, 2006. P. 127. URL: <http://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf>; Merrill D., Paterson T. *Major Problems in American Foreign Relations*. Vol. II. Since 1914. Belmont: Wadsworth, 2009. 624 p. P. 278.
5. Gavin, F.J. *The Myth of Flexible Response: United States Strategy in Europe during the 1960s* // *The International History Review*. Vol. 23. No. 4 (Dec., 2001). P. 847–875. P. 863.
6. Ball D., Richelson, J., eds. *Strategic Nuclear Targeting*. Ithaca: Cornell University Press, 1986. 370 p. P. 62, 82.
7. Kristensen H. et al. *Op. cit.* P. 128.
8. Zhu Yuhe, Cai Yuesu (zhu bian). *Mao Ze Dong yu 20 shiji Zhongguo*: [Мао Цзэдун и Китай в XX веке]. Beijing: Qinghua Daxue Chubanshe, 2000. 264 с. С. 195.
9. 1955 nian 1 yue 15 ri Zhonggong Zhongyang Shujichu Kuoda Huiyi Zaitan: [Возвращаясь к вопросам расширенного заседания секретариата ЦК КПК от 15 января 1955 г.] 11.12.2015. URL: http://www.hprc.org.cn/gsyj/gfs/gfzcs/201512/t20151211_363848.html.
10. Norris, Kristensen. *Op. cit.* P. 82.
11. *The Military Balance*. Vol. 82. London/Melbourne: Arms and Armour Press, 1982. 141 p. P. 3.
12. U.S. Pacific Command CINCPAC Command History 1962, Volume I. April 30, 1963. URL: http://nautilus.org/wp-content/uploads/2012/01/c_sixtytwo.pdf.
13. Norris Robert, et al. *Where They Were* // *Bulletin of the Atomic Scientists*, November/December 1999, Vol. 55, No. 6. P. 25–36. P. 30.
14. Kristensen H. et al. *Op. cit.* P. 134.
15. *Ibid.* P. 133.
16. *History of the Joint Strategic Target Planning Staff*. SIOP-4 J/K, July 1971– June 1972 (Unclassified Title). p. 53. URL: http://www.dod.mil/pubs/foi/Reading_Room/NCB/982-1.pdf.

17. *Burr W.* To Have the Only Option that of Killing 80 Million People is the Height of Immorality. The Nixon Administration, the SIOF and the Search of Limited Nuclear Options, 1969–1974. National Security Archive Electronic Briefing Book No. 173. Posted November 23, 2005. URL: <http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/>; Memorandum for the Chief of Staff, U.S. Air Force. NSC/Joint Chiefs of Staff. Jan. 27. 1969. URL: <http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOF-1.pdf>.
18. National Security Decision Memorandum (NSDM)-242. Jan. 17, 1974. URL: https://www.nixonlibrary.gov/virtuallibrary/documents/nsdm/nsdm_242.pdf.
19. *Kristensen H. et al.* Op. cit. P. 143–144.
20. Presidential Directive/ NSC-59. July 25, 1980. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/pd/pd59.pdf>.
21. Office of the Assistant Secretary of Defense. Washington D.C. Nuclear Targeting Policy Review. Memorandum. URL: <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2011-002-doc1.pdf>.
22. Dongfeng Sihao Zhouji Dandao Fazhanshi: Laodang Yizhuang de Zhanlue Wuqi (4): [История разработки межконтинентальной баллистической ракеты «Дунфэн-4»: оружие, не стареющее душой (часть 4)]. China.com. 11.01.2010. URL: http://military.china.com/zh_cn/history4/62/20100111/15771069_3.html.
23. *The Military Balance*. Vol. 81. London: Arms and Armour Press. 1980. 119 p. P. 62.
24. *Erickson A. Chase M.* China's SSBN Forces: Transitioning to the Next Generation // *China Brief*, Vol. 9. Issue 12. June 12, 2009. URL: <https://jamestown.org/program/chinas-ssbn-forces-transitioning-to-the-next-generation>.
25. *Norris, Kristensen.* Op. cit. P. 82.
26. *Spinardi G.* Why the U.S. Navy went for Hard-Target Counterforce in Trident II: (And Why It Didn't Get There Sooner) // *International Security*. Vol. 15. No. 2 (Fall, 1990). P. 147–190.
27. *Woolf A.* U.S. Strategic Nuclear Forces: Background, Developments, and Issues. Congressional Research Service. September 27, 2016. URL: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/RL33640.pdf>.
28. U.S. Department of Defense. Annual Report of the Military Power of the People's Republic of China. 2000.
29. *Kangas J. et al.* U.S. Nuclear Weapons Policy Toward China 1985–1995. 10 February 1981. URL: <http://nautilus.org/foia-document/us-nuclear-weapons-policy-towards-china-1985-1995/>
30. The Nautilus Institute Nuclear Strategy Project: Sun City Extended Study. Nuclear Strategy. December 31, 2001. URL: <http://nautilus.org/projects/nuclear-strategy/the-nautilus-institute-nuclear-strategy-project-sun-city-extended-study/>
31. PPD/ NSC 60. Nuclear Weapons Employment Policy Guidance. November 1997. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/pdd60.htm>.
32. *Kristensen H.* Nukes in Taiwan Crisis. May 13, 2008. URL: <https://fas.org/blogs/security/2008/05/nukes-in-the-taiwan-crisis/>
33. *Ibidem.*
34. *Arkin W., Kristensen H.* The Post Cold War SIOF and Nuclear Warfare Planning. A Glossary, Abbreviations and Acronyms. URL: <http://www.nukestrat.com/pubs/SIOF%20Glossary%201999.pdf>.
35. Excerpts of Classified Nuclear Posture Review // Information Centre on Militarization. 08.01.2002. URL: http://www.imi-online.de/download/Nuclear_Posture_Review.pdf.
36. *Snyder C.* US Plan for Defending Taiwan Disclosed // *Taipei Times*. June 5, 2006. URL: <http://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2006/06/05/2003311784>.
37. *Kristensen H., Norris R.* Chinese Nuclear Forces, 2016 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. Vol. 72. No. 4. P. 205–211. P. 210.
38. *Norris, Kristensen.* Op. cit. P. 81.
39. U.S. Department of Defense. Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China. 2007.
40. *Heginbotham E. et al.* The U.S.-China military scorecard: forces, geography, and the evolving balance of power, 1996–2017 / RAND Corporation. Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, 2015. P. 301. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR300/RR392/RAND_RR392.pdf.
41. *Kulacki G.* The risk of nuclear war with China: A troubling lack of urgency. 2016. URL: <http://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2016/05/Nuclear-War-with-China.pdf>.

42. Congressional Budget Office. Projected Costs of U.S. Nuclear Forces, 2015 to 2014. January 2015. URL: <https://www.cbo.gov/sites/default/files/114th-congress-2015-2016/reports/49870-nuclearforces.pdf>.
43. Treaty between the United States of America and the Russian Federation on Measures for Further reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms. Prague. April 8, 2010. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/140035.pdf>.
44. U.S. Department of State. New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms. Bureau of Arms Control, Verification and Compliance. Fact Sheet. January 1, 2017. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/266597.pdf>.
45. *Heginbotham E. et al.*. Op. cit. P. 303.
46. Ibid. P. 302-304.
47. Ibid. P. 305.
48. US Department of Defense. Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. 2016.
49. U.S. Department of Defense. Ballistic Missile Defense Review Report. 2010.
50. U.S. Department of Defense. Nuclear Posture Review Report. 2010.
51. U.S. Department of Defense. Quadrennial Defense Review Report. 2014. P. 14.
52. *Futter A., Zala B.* Coordinating the arm swing with the pivot: nuclear deterrence, stability and US strategy in the Asia-Pacific // *The Pacific Review*. 04.03.2015. Vol. 28. No. 3. P. 367-390.
53. *Li Bin, Tong Zhao* (eds.). Understanding Chinese Nuclear Thinking. Carnegie Endowment for International Peace. 2016. Massachusetts. 273 p. P. 126-142.
54. *Кокوشي А.А.* Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем. Теоретические и прикладные вопросы/ предисл. В.П. Володина, С.К. Ознобищева, В.Я. Потапова. М.: КРАСАНД. 2009. 208 с. С. 59-60.
55. *Савельев А.Г.* Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание: уроки истории // *Вестник Московского университета*. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. Т. 7. № 3. С. 57-84.
56. *Colby E., Gerson M.* Op. cit. P. 53.
57. Ibid. P. 62.
58. *Кокوشي А.А.* Обеспечение... С. 61.
59. *Fravel M., Cunningham F.* Assuring Assured Retaliation // *International Security*. Vol. 40. No. 2 (Fall 2015). P. 7-50. P. 31.
60. *Kulacki G.* An excerpt from Yu Jin (ed.). 2004. Dierpaobing zhanyixue = The science of Second Artillery operations]. URL: <http://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2014/09/Kulacki-Translation%20of%20Coercion%20section%209-22-14.pdf>.
61. *Fravel, Cunningham.* Op. cit.
62. Track 1.5 China-U.S. Strategic Nuclear Dialogue. November 13, 2009. Wikileaks. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIJING3097_a.html.
63. *Кокوشي А.А.* В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. М.: ИМО, 1989.
64. *Kulacki G.* An excerpt from Yu Jin (ed.). 2004. Dierpaobing zhanyixue =The science of Second Artillery operations. URL: <http://www.ucsusa.org/sites/default/files/attach/2014/09/Kulacki-Translation%20of%20Coercion%20section%209-22-14.pdf>.
65. *Кокوشي А.А.* 1989.
66. *Twomey C.* U.S.-China Strategic Dialogue. Phase IX Report. URL: <http://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/51930/US-China%20Report%20Phase%20IX%20Report.pdf?sequence=1>.
67. *Gompert D., Saunders P.* Sino-American Restrain in an Age of Vulnerability. URL: <http://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-273.pdf>.
68. *Futter A., Zala B.* Op. cit.

Экономика

Продовольственная безопасность КНР и экспорт сельхозпродукции РФ на китайский рынок

© 2017

М.В. Александрова

Стабильный на данный момент уровень продовольственной безопасности КНР рискует в недалеком будущем ослабнуть под влиянием целого ряда негативных факторов, включая дефицит пахотных земель и пресной воды, рост потребления и, одновременно, недоверия к качеству отечественной пищевой продукции и т.п. Это дает России, доля которой на продовольственном рынке Китая пока невелика, умножить на нем свой экспорт.

Ключевые слова: пахотные земли, деградация почв, дефицит водных ресурсов, масличные культуры, соя.

Для всех стран мира, включая постиндустриальные, обеспечение продовольственной безопасности остается одной из приоритетных задач, будучи системным элементом не только экономического развития, но и политической, социальной стабильности: уровень обеспечения граждан продуктами питания есть важный критерий национальной независимости.

Для Китая, чье население лидирует в мире по количеству потребляемой сельхозпродукции, это — основополагающий постулат. Пшеницы здесь потребляется 120 млн т (как на территории всего Евросоюза), риса — 150 млн т (1/3 мирового показателя), свинины — 57 млн т (1-е место в мире). Впрочем, уровень потребления говядины и мяса птицы здесь относительно невысок.

«Узкие места» в аграрном секторе КНР

Традиционно приверженные идеологии «опоры на собственные силы», китайцы сохраняли склонность к самообеспечению продовольствием, даже становясь лидерами в мировом товарообороте и международном разделении труда. Показатель самодостаточности их внутреннего потребления по основным сельскохозяйственным культурам оценивается в 91–97%, что соответствует рекомендациям Всемирной продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) поддерживать уровень продовольственной независимости на уровне 95%. Но объективная реальность вносит в эту статистику серьезные коррективы.

Обостряется нехватка пашни, что обусловлено природными, экологическими, социально-экономическими и демографическими факторами. В Китае проживает 20% населения планеты, располагает же он лишь 8% мирового фонда пахотных земель. Среднемировой показатель пашни на человека — 0,37 га, в Китае — лишь 0,08 га. Из сельскохозяйственного оборота постоянно изымаются земли под строительство промышленных предприятий, дорог, карьеров. Ужимает пашню и тотальная урбанизация: города растут, в частности, за счет прилегающих полей (причем денежная компенсация обезземеленным крестьянам не избавляет от риска социальных конфликтов).

До 71,3% пахотного клина — средне- и низкоурожайные земли. Порядка 20% пашни загрязнено тяжелыми металлами: ртутью, мышьяком, кадмием, свинцом¹ (ежегодно выбраковывается около 12 млн т отравленного зерна).

Деградации подвержено до 40% пахотных земель, в чем повинна не только промышленность, но и чрезмерная химизация в агротехнике. В КНР ежегодно используется 1,3 млн т ядохимикатов (что в 2,5 раза превышает среднемировые показатели). По подсчетам экспертов, лишь 30% удобрений и пестицидов используются эффективно, остальные 70% наносят непоправимый ущерб окружающей среде² (табл. 1).

Таблица 1

Внесение минеральных удобрений на гектар пашни

Страна	Количество внесенных удобрений (кг/ га)
КНР	360
Германия	200
Индия	170
США	130
Канада	88
Россия	33

Источник: URL: <http://mcx.ru/news/news/show/56321.355.htm>; <http://агро-наптия.рф/index.php/архив/3396-12-07-2016-vystuplenie-a-ikacheva-na-zasedanii-komissii-po-voprosam-apk>

На официальном уровне признается тот факт, что порядка 3,3 млн га китайской пашни утеряно безвозвратно из-за ее загрязнения промышленными отходами и пестицидами.

В большинстве провинций зафиксирован дефицит водных ресурсов. В настоящее время расход воды в Китае превышает 600 млрд куб. м в год, а дефицит воды оценивается в 50 млрд куб. м. По данным Министерства водных ресурсов КНР, на душу населения приходится 2100 куб. м воды в год (около 28% от средне-мирового значения). Между тем значительная часть рек Китая серьезно загрязнена.

Для решения этой проблемы в августе 2016 г. в КНР было выделено 430 млрд юаней на экологическую защиту водоемов. Деньги направлены на 4800 природоохранных проектов, которые в основном нацелены на предотвращение загрязнения чистых водоемов, защиту подземных вод и источников питьевой воды³. В ближайшие десятилетия структурная проблема нехватки воды может серьезно повлиять на сельхозпроизводство. В частности, сокращение полива неминуемо повлекло бы сокращение валового сбора зерновых.

Китай как импортер сельхозпродукции

В последнее десятилетие в политику продовольственной безопасности КНР был включен важный элемент — импорт сельскохозяйственной и пищевкусовой продукции. Кстати, по мнению аналитиков, Китай в силу различных факторов уже в ближайшее вре-

мя может столкнуться с угрозой нехватки продовольствия, и импорт станет расти в геометрической прогрессии⁴. Более того, существует точка зрения, что вопреки официальным реляциям объем производимого в стране продовольствия уже на протяжении нескольких лет остается ниже спроса.

Диаграмма 1

Источник: URL: <http://www.moa.gov.cn>

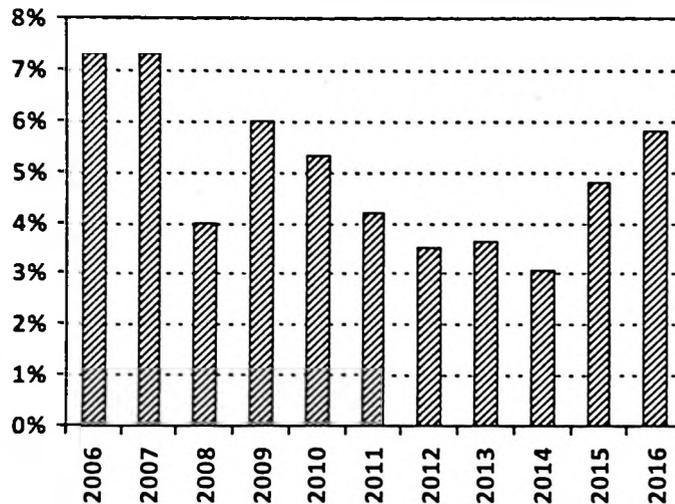
Официальные СМИ, не говоря уже о властных структурах, не признают, что рост импорта продовольствия может случиться из-за спада отечественного производства и снижения качества отечественных продуктов. На разных уровнях этот процесс сводят к росту благосостояния китайцев и их возросшей разборчивости в еде. Допустимо, однако, и иное объяснение: из-за растущего недоверия к отечественной продукции китайский средний класс постепенно увеличивает в своей потребительской корзине долю импортных продуктов.

Дефицит зерна на внутреннем рынке КНР возник с 2004 г., когда там было отмечено отрицательное сальдо в торговле продовольственной продукцией (5 млрд долл.) Пять лет спустя Китай из нетто-экспортера перешел в категорию чистого импортера зерна. Уже более двадцати лет он является одним из крупнейших в мире импортеров масличных культур. В 2014 г. страна импортировала 100 млн т пищевой продукции. По прогнозу экспертов, в 2020 г. китайский спрос на зерновые достигнет 700 млн т, из которых 200 млн т будут обеспечиваться за счет импорта⁵.

Ожидается, что к 2025 г. 2–7% потребностей КНР в важнейших видах сельхозпродукции (по рису, пшенице, кукурузе, масличным культурам, мясу) будут покрываться посредством импорта, причем закупки соевых бобов превысят 85%, хлопка — 25%, молочной продукции — 25%, сахара — 10%⁶. Это представляется вполне реальным, ибо только с 2002 по 2015 г. КНР увеличила импорт продуктов питания на 780%(!)⁷

Доля России на китайском продовольственном рынке, как уже отмечалось, пока еще невелика. К сдерживающим факторам относятся как нехватка современной транспортно-логистической инфраструктуры, так и отсутствие у РФ продуманной государственной политики по продвижению пищевой продукции с высокой степенью переработки на рынки дальнего зарубежья.

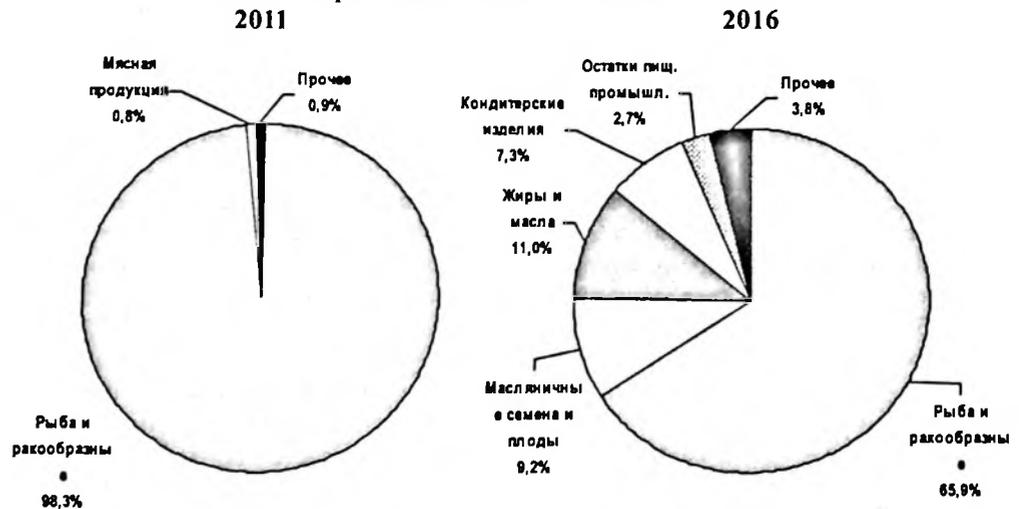
Доля продовольственных товаров и сельхозсырья в российском экспорте в КНР

Источник: построено на основании данных ФТС России.

Для последних четырех лет характерно расширение продуктовой линейки РФ в ее экспорте в КНР.

Структура экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия из России в КНР

Источник: построено на основании данных ФТС России.

Если в 2011 г. более 98% пищевого экспорта приходилось на рыбу и ракообразные, то в 2016 г. это были уже четыре крупных товарных группы, которые включают продукцию с высокой добавленной стоимостью.

Таблица 2

Прирост экспорта пищевых продуктов из РФ в КНР с 2014 по 2016 г.

Товарная группа	Прирост по тоннажу	Прирост в стоимостном исчислении
Рыба и ракообразные, в т.ч.:	15%	13%
рыба мороженая	14%	5%
ракообразные	1422%	1648%
Соевые бобы	428%	488%
Масложирная продукция, в т.ч.	999%	978%
масло подсолнечное	1192%	1074%
масло соевое	3647%	2830%
масло рапсовое	132%	120%
Шоколад	2790%	1515%

Источник: рассчитано на основании данных ФТС России.

Шансы РФ на китайском рынке сельхоз- и пищевых товаров

В целом по итогам 2016 г. объем экспорта российских продуктов питания в КНР оценивается в 1,5 млрд долл., или на 20% больше, чем годом ранее⁸.

«В 2018 г. планируется экспортировать порядка 1,5 млн т сельхозпродукции, суммарный объем экспорта до 2028 г. составит порядка 52 млн т», — отметил министр сельского хозяйства А. Ткачев в марте 2017 г. при подписании долгосрочного контракта российской ООО «Экспортная продовольственная торговля» с китайской компанией «Китайско-европейское сельскохозяйственное развитие» на поставку в КНР российской сельхозпродукции. Эти поставки будут осуществляться в рамках реализации инициативы «Новый сухопутный зерновой коридор Россия — Китай»⁹.

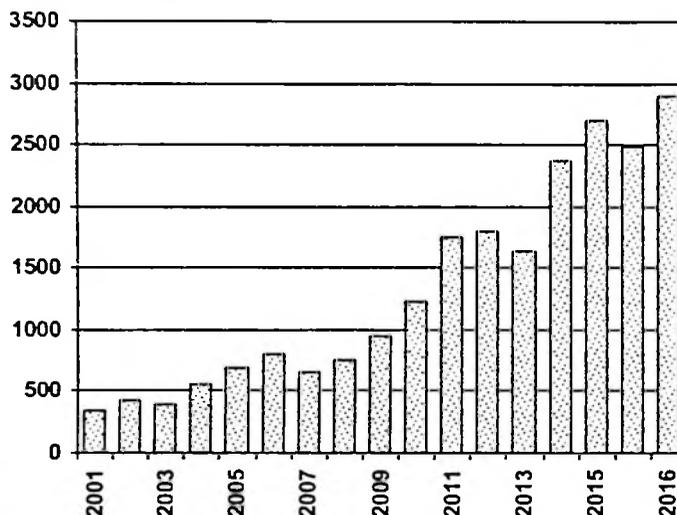
В 2016 г. Китай стал, по данным Российского экспортного центра, крупнейшим импортером продовольствия из РФ (на его долю пришлось 10,1%). Китай наращивал закупки продуктов из России постепенно. Так, в 2013 г. он занимал в перечне импортеров 4-е место, в 2014–5-е, в 2015–2-е и, наконец, а в 2016 г. обогнал прежнего лидера — Турцию, заняв лидерские позиции¹⁰.

Весьма удачно для России складывается ситуация с экспортом в КНР *масличных культур и растительного масла*. Особо китайцев интересуют *соевые бобы*, с которых и началось активное вхождение российских масличных культур на рынок соседа.

По посевным площадям и валовым сборам сои в России налицо благоприятные тенденции. В 2016 г. был собран рекордный урожай. По данным Росстата, посевные площади сои в 2016 г. составили 2,22 млн га. Совокупный валовый сбор ее достиг примерно трех млн т. Наибольший вклад в это внесли аграрии Центрального федерального округа, увеличившие производство почти на 50%.

Спрос на сою в сезоне 2016/17 умножается как за счет роста потребностей российских переработчиков в Черноземье, регионах Сибири и на Дальнем Востоке, так и благодаря сохранению спроса со стороны китайцев. В связи с этим локализация дальневосточной сои на предприятиях восточнее Урала усилится, а переработчики в Центре и на Юге будут конкурировать между собой за переработку их местного сырья¹¹.

Сбор соевых бобов в России, тыс. т

Источник: URL: <http://ab-centre.ru>

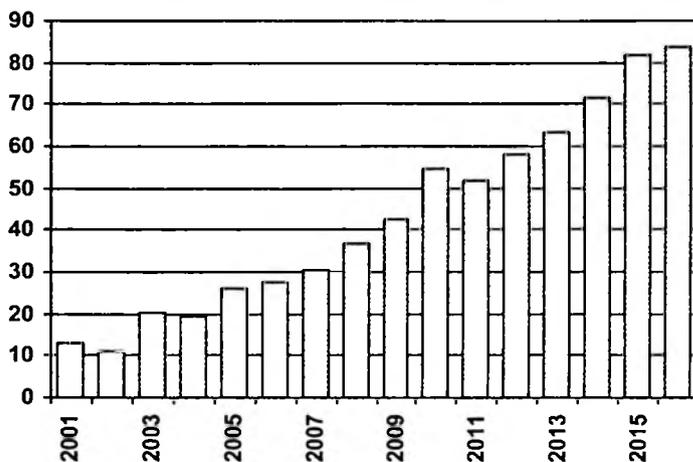
В советские времена внедрение сои на Дальнем Востоке начиналось в 1926–1927 гг. Посевы были организованы во многих местах региона, в Благовещенске тогда открылся Всесоюзный институт сои. Но широкого производства этой культуры в СССР налажено не было. Еще 10 лет назад соя возделывалась лишь на Дальнем Востоке и в некоторых регионах Южного ФО. В последние годы соя стала активно выращиваться в Центральном ФО, что обусловил растущий спрос на продукты переработки сои со стороны отрасли животноводства (в основном, в хозяйствах Центрального ФО).

Ключевой производитель соевых бобов в России сегодня — Амурская область. В 2016 г. из-за неблагоприятных агрометеорологических условий урожайность сои в области снизилась на 13%. И все-таки там было собрано почти 30% всей российской сои. У дальневосточников соя выращивается, кроме Амурской области, в Приморском крае и Еврейской АО¹².

Сегодня Китай — крупнейший потребитель сои в мире. Рост жизненного уровня стимулировал там потребление свинины, мяса птицы, яиц и растительного масла, которые еще недавно не были доступны для значительной части населения. Поэтому КНР и лидирует ныне по импорту сои (используя ее в основном на корм скоту).

При росте темпов потребления сои в КНР (+8,5% в год) среднегодовые темпы прироста производства соевых бобов составляют там 4%. Каждый седьмой килограмм этой культуры является в Китае импортным.

Импорт соевых бобов в КНР (млн т)

Источник: <http://www.agri.cn>

Активно выходить на соевый рынок КНР Россия начала с 2013 г., чему способствовала территориальная близость к Китаю нашего главного производителя соевых бобов — Амурской области. Экспортировать масло она не могла, т.к. не имела ни одного крупного масложирового комбината. Бобы приходилось везти на переработку либо в Сибирь, либо за рубеж. А поскольку транспортные тарифы в России высоки, везти выгоднее в Китай. Причем экологично выращенные российские бобы на 200–300 юаней (за тонну) дешевле китайских¹³. Так наши аграрии-дальневосточники начинали. Результат оказался неплохим: как по стоимости, так и по тоннажу прирост за 3 года превысил 400%. Если в 2013 г. в китайской статистике российская соя не достигала и 0,5% китайского импорта соевых бобов, то три года спустя ее доля приблизилась к отметке 5%.

Еще интересней ситуация по *растительному маслу*. Как отмечают эксперты, на мировом рынке из года в год наблюдается сокращение его переходящих запасов за счет более быстрого роста потребления относительно производства. Особенно наглядно этот процесс идет в Индии и в Китае.

В разных странах сложились свои привычки и традиции потребления этого продукта, обусловленные географической и климатической спецификой. Так, в странах Средиземноморья наиболее популярно оливковое, в Латинской Америке — арахисовое и кукурузное, в Западной Европе, США, Китае — соевое. Подсолнечное предпочитают в Аргентине, России, на Украине и еще в ряде стран постсоветского пространства. Крупнейшими импортерами его из РФ являются Турция и Египет. Китай, выразительно предпочитающий пальмовое масло, в последние годы стал проявлять интерес и к подсолнечному.

Потребление растительного масла в КНР возрастает: в 2015 г. оно составило 23 кг в год на душу населения. При этом главной тенденцией последних лет стало снижение импорта готовых масел и рост импорта масличного сырья для собственной переработки.

Диаграмма 6

Источник: <http://www.agri.cn/>

Диаграмма 7

Источник: <http://www.agri.cn/>

В последние годы структура потребления растительного масла в КНР претерпевает метаморфозы, наиболее заметно коснувшиеся именно подсолнечного (продажи которого с 2010 г. утроились). Таков результат мощной маркетинговой компании (лишь за первую половину 2016 г. расходы на рекламу выросли на 41%). Здесь теперь фигурирует добрая тысяча брэндов масла из семечек! Причем, наблюдается этот бум не там, где по природно-климатическим условиям возможно выращивать подсолнечник, а на восточном побережье — где расположены порты, принимающие подсолнечное масло (Шанхай, Нанкин, Тяньцзинь). Вблизи них оно и расфасовывается¹⁴.

Что касается географии импорта, то в 2015 г. доля Украины составляла 85%, Казахстана — 6%, России и Аргентины — по 4%¹⁵. В 2016 г. позиции двух последних, судя по данным диаграммы 8, усилились.

Диаграмма 8

Источник: URL: <http://www.agri.cn/>

Экспорт подсолнечного масла из России в 2015–2016 гг. достиг 1446 млн т. На КНР пришлось порядка 10% всего его экспорта (по фасованному маслу Китай занял 2-е место после Узбекистана, а по наливному — 3-е после Турции и Египта)¹⁶.

Помимо подсолнечного масла Россия стала увеличивать экспорт в КНР и другой масложировой продукции.

Диаграмма 9

Источник: построено на основе данных ФТС России.

Параллельно с ростом сбора соевых бобов у нас в последние годы значительно увеличилось и производство соевого масла. По итогам 2015/2016 сельскохозяйственно-

го года его экспорт составил 428 тыс. т. из которых 16% пришлось на Китай. Что же касается экспорта других видов пищевкусовой продукции, то ситуация складывается неоднозначно.

Проблемы российских экспортеров при выходе на китайский рынок

Дело в том, что российские экспортеры оказались не готовы к реалиям китайского рынка. Многие полагают, что если мы позиционируем себя как европейские производители, обладая, к тому же, недорогим и качественным товаром, то за оным автоматически выстроится очередь китайских импортеров. Но это — очевидный миф, не имеющий под собой какой-либо реальной основы.

Полагать, будто в КНР из-за ее многонаселенности любой пищевой продукт найдет своего потребителя, — иллюзия. Сейчас на календаре — не конец 1980-х и не начало 1990-х годов, когда любая иностранная обертка привлекала китайцев. Сегодня там функционирует весьма пересыщенный рынок, характеризующийся непростыми вкусовыми предпочтениями. Российские производители пищевкусовой продукции с высокой добавленной стоимостью серьезно запоздали с попытками проникнуть на этот рынок: крупнейшие мировые производители уже заполнили удобные ниши.

Нельзя не учитывать того, что российские продукты китайскому покупателю не знакомы (исключение составляют жители приграничных районов провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и Автономного района Внутренняя Монголия, а также китайцы, которые учились или работали в СССР или в одной из стран постсоветского пространства). При этом на данный момент не существует централизованной системы продвижения и комплексной стратегии реализации российской пищевой продукции на китайском рынке.

Да и собирательный образ российского потенциального экспортера не внушает оптимизма. Как правило, в Китае он прежде не бывал, с китайской культурой и традициями не знаком. Не интересовался заблаговременно состоянием китайского рынка, не располагает статистической информацией даже в области своего бизнеса. Не имеет представления о продукции конкурентов, не склонен пользоваться услугами специалистов-консультантов с опытом работы на китайском рынке.

Отправляясь в Китай в поисках покупателей, типичный российский экспортер, как правило, не считает нужным утруждать себя тщательной подготовкой, уповая на фортуна (а она, таким визитерам обычно не сопутствует). Возвратившись домой ни с чем, наивно уверяет всех вокруг, что в Китае «рынка нет». А производители из других стран в то же самое время заключают в Китае выгодные сделки.

В числе наиболее очевидных слабостей типичного российского предпринимателя, пытающегося сегодня налаживать бизнес в Китае, можно отметить следующее.

– Отсутствие познаний о состоянии на китайском рынке продукции, которую вознамерился экспортировать.

– Невладение структурированной информацией о том, как выходить на рынок, как качественно готовить свою продукцию и компанию в целом.

– Дефицит опыта поиска и систематизированных знаний о том, как искать потенциальных партнеров и покупателей, как оценивать надежность контрагента.

– Нежелание привлекать российских экспертов-китаеведов для исследования ситуации на том или ином рынке.

– Непонимание того, что на китайском рынке продуктов питания царит жесткая конкуренция, ибо туда со всех континентов экспортируются товары от среднего до высокого сегмента цены и качества, и чтобы преуспеть с российским продуктом, тот должен обладать высшей степенью уникальности.

– В Китае особенная культура потребления, с которой необходимо считаться (так, китайцы активно дарят продукты питания — значит, даже вопрос упаковки отнюдь не праздный).

– Неумение проявлять терпение (им предпринимателю надо запастись, ибо бюрократический аппарат Китая огромен, и согласование различных вопросов требует времени, сил и здоровья).

– Незнание истины, что для продукции фирмы перед выходом на рынок Китая необходимо оформить право собственности на торговую марку¹⁷.

Несмотря на уже допущенные промахи и ошибки, для российских экспортеров продовольственных товаров китайский рынок необходим. Причем, благоприятствующих этому факторов также немало. По результатам исследований, 75% жителей КНР не уверены в качестве отечественных продуктов питания. Правительства ряда приграничных регионов КНР (прежде всего, провинции Хэйлуцзян) в настоящее время активно инициируют меры, направленные на расширение импорта пищевкусовой продукции из России: создаются зоны беспешлинной торговли, интернет-сайты, «русские» улицы в таких городах, как Суйфэньхэ, Хэйхэ, Тунцзян, Фуюань, Жаохэ. Россия ассоциируется в КНР с чистым воздухом, чистой водой — значит, ее продукты питания могут при грамотной маркетинговой работе и правильно выстроенной рекламе вызвать доверие у китайцев. Очевидным плюсом российской продукции после 2014 г. стала их низкая цена (при «европейском» происхождении товара)¹⁸.

При этом необходимо постоянно иметь в виду: какой бы не был выбран режим выхода на рынок, тщательное его исследование должно предшествовать любому окончательному решению, как и когда на него входить. Благо, что все больше международных исследовательских компаний осуществляют операции в КНР, и ее рынок становится все более доступным для аналитики.

К сожалению, мало кто из российских предпринимателей склонен всерьез углубляться в проблематику продвижения российских пищевкусовых продуктов в КНР. Большинство производителей хотят просто продавать продукцию со склада в России, не утруждая себя вопросами логистики, прохождения таможенного, фитосанитарного, карантинного контролей, таможенной очистки грузов, ни, тем более, маркетинговыми тонкостями. Серьезные китайские компании тоже не готовы брать на себя риски и расходы, связанные с раскруткой неизвестного товара, предпочитая покупать товар со склада по свою сторону границы. К сожалению, взамен возникают некоторые негативные факты.

«Челноки», «кэмелы», «помогайки»...

В разных регионах востока России сложилась инфраструктура нелегального (или полуполегалного) «частного экспорта». Лица, занимающиеся контрабандным провозом товаров для торговых компаний, фигурируют под названием «кэмелы». Раньше «кэмелы» перевозили товар только из КНР в Россию, а сейчас работают и в обратном направлении. К ним подключаются их китайские коллеги. «Поставки» осуществляются в основном из сопредельных российских приграничных регионов китайскими «челноками» и российскими «помогайками». При этом китайские предприниматели везут в КНР, главным образом, низкокачественные товары, часто нарушая условия их хранения, что наносит ущерб имиджу России. Также в практике у китайцев подделка российских товаров без соблюдения ингредиентного состава и технологического процесса. Ни о каком прорыве указанный факт не говорит, а экспортерам и государственным структурам, курирующим развитие российского экспорта, предстоит большая работа по искоренению этого зла. Прежде всего, необходимо выработать единую (государственную или на уровне отдельных союзов, ассоциаций) стратегию позиционирования российских продуктов на внешних рынках.

* * *

За 2–3 года добиться крупных результатов на таком перенасыщенном рынке, как китайский, невозможно — необходимо работать на будущее, обрастать связями, вести постоянный мониторинг, проводить тестирование, совершенствовать маркетинг.

И если работать серьезно, вкладывая в это интеллект, упорство (да и не скупясь на затраты), то лет через десять серьезные сдвиги неизбежны: на полках крупных китайских супермаркетов российский шоколад будет конкурировать с продукцией Hershey's, а российское мороженое сможет оценить по достоинству не только Си Цзиньпин¹⁹.

1. Китай ежегодно теряет \$3 млрд из-за загрязнения почв. URL <http://ekd.me/2016/11/spoilt-soil/>
2. Китайские аграрии довели земли провинции Хэйлуцзян до деградации. URL: <http://www.ampravda.ru/2015/02/17/55207.html>.
3. За чистые тарелки. Китай не справляется с обеспечением продовольственной безопасности, одновременно выкидывая десятки миллионов тонн еды. URL <https://rg.ru/2016/12/12/kitajskie-uchenye-vosstali-protiv-bessmyslennogo-razbazarivaniia-edy.html>.
4. USDA Agricultural Projections to 2025/ URL: https://www.usda.gov/oce/commodity/projections/USDA_Agricultural_Projections_to_2025.pdf.
5. Чжунго ся и чан вэйцзи — лянши вэйцзи: [В Китае седующий кризис — продовольственный кризис] URL: <http://futures.jrj.com.cn/2016/08/16065221321723.shtml>.
6. OECD-FAO Agricultural Outlook 2016–2025 URL: <http://www.fao.org/3/a-i5778e.pdf>.
7. Чжунго ся и чан вэйцзи — лянши вэйцзи: [В Китае следующий кризис — продовольственный кризис] URL: <http://futures.jrj.com.cn/2016/08/16065221321723.shtml>.
8. *Го Чжунцзюнь*. Цена продуктов питания российского производства доступная, а качество — надежное // Дальневосточный капитал. 2017. № 4.
9. Россия планирует поставить в Китай 2028 года суммарно 52 млн тонн сельхозпродукции. URL: <http://agroobzor.ru/news/a-32750.html>.
10. Китай распробовал Россию. Кто стал основным потребителем российских продуктов питания в 2016 году. URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2017/03/01/58b59b3f9a79476034e16c28>.
11. Урожай масличных приблизился к 16 млн тонн. URL: <http://oilworld.ru/analytics/localmarket/258691>.
12. Производство соевых бобов в России по регионам, рейтинг 2016. URL: <http://abs-centre.ru/news/proizvodstvo-soevyh-bobov-v-rossii-po-regionam-reyting-2016>.
13. Дадю шицзя цзоугао: [Фьючерсным ценам на бобы сложно вырасти] URL: <http://finance.sina.com.cn/money/future/fmnews/2016-04-12/doc-ixrcizs7361603.shtml>.
14. Там же.
15. Китай нарастил импорт растительного масла. URL: <http://www.agriacta.com/argo-market/kitay-parastil-import-rastitelnogo-masla-2016-01-13>.
16. Экспорт подсолнечного масла из России сезон 2015–2016 гг. URL: <http://agro2b.ru>.
17. К примеру, 2 года назад китайское приграничье активно импортировало большое количество сладостей, в т.ч. «медовики»; в приграничных китайских уездах развернулись подпольные производства т.н. «российских» сладостей — только в Суйфэньхе функционирует 200 кондитерских цехов, которые подделывают наши «медовики», «тирамису» и прочие кондитерские изделия, которые раньше импортировались из России.
18. Как товарам из Приморья выйти на экспорт в Китай? URL: http://www.zrpress.ru/business/primorje_06.12.2016_81202_kak-tovaram-iz-primorja-vyjti-na-eksport-v-kitaj.html.
19. Сладкая сила. Завоюют ли российские продукты китайский рынок URL: <https://lenta.ru/articles/2017/01/23/soosweet>.

Экономическая деятельность зарубежных китайцев в странах по маршруту Морского Шелкового пути XXI века

© 2017

А.В. Афонасьева

В статье анализируются ресурсы зарубежного китайского бизнеса в странах маршрута Морского Шелкового пути XXI века (МШП-21). Автор дает оценки численности китайской диаспоры, проводит сопоставительный анализ оценок по капиталу, числу и сферам занятости компаний хуацяо и компаний КНР в 22 странах, через которые должен пройти МШП-21. В заключении подчеркивается прямая зависимость участия хуацяо в МШП-21 от политики руководства КНР.

Ключевые слова: зарубежные китайцы (хуацяо), Морской Шелковый путь XXI века (МШП-21), компании хуацяо, компании КНР за рубежом, отраслевая структура компаний, политика КНР в отношении китайской диаспоры.

Морской Шелковый путь XXI века является масштабной частью китайской инициативы «Один пояс, один путь», объявленной председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. Как и сухопутный путь (Экономический пояс Шелкового пути, ЭПШП), морской путь нацелен на расширение торгово-экономических связей, рост экономического и политического влияния Китая в мире, на постепенное формирование новых правил ведения международной торговли взамен ныне действующих, установленных западными странами во главе с США.

В настоящее время известны проекты маршрутов МШП-21, включающие в себя все морские порты береговой линии Китая от Даляня до Хайкоу, далее следующие через страны Юго-Восточной Азии в двух направлениях: (1) Южная Азия (Бангладеш, Индия, Пакистан, Шри-Ланка) — Ближний и Средний Восток, Африка (Иран, ОАЭ, Оман, Йемен, Кения, Саудовская Аравия, Египет, Турция) — Южная Европа (Греция, Испания, Италия); (2) на юг Тихого океана в страны Океании (Австралию, Новую Зеландию и др.)¹ 2-й маршрут в перспективе может быть расширен от стран Океании до Латинской Америки. Оба маршрута проходят через Юго-Восточную Азию — регион, который Китай традиционно считает сферой своего влияния, фактически рассматривая его как испытательный полигон для претворения в жизнь инициативы МШП-21. Стоит оговориться, что вопрос об участии Индии в МШП-21 пока остается неясным. С одной стороны, Индия входит в пятерку крупнейших учредителей Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), одной из финансовых организаций, обслуживающих интересы «пояса и пути», и является частью экономического коридора Бангладеш — Индия — Мьянма — Китай. С другой стороны, руководство Индии не участвовало в Пекинском форуме «Один пояс, один путь» в мае

Афонасьева Алина Владиславовна, кандидат экономических наук, ученый секретарь, старший научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: alina-afonasyeva@yandex.ru.

Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (ранее РГНФ) научного проекта № 16-07-50008.

2017 г., а в июне Индия открыто выступила на стороне Бутана в территориальном споре с Пекином и даже перебросила войска к границе спорной территории (плато Доклам). Остаётся неясным и вопрос о прохождении маршрутов через страны с нестабильной внутриполитической обстановкой, вооружёнными конфликтами (Йемен) и постоянными террористическими атаками (Кения).

Основными инструментами КНР в развитии ЭПШП и МШП-21 являются избыточный капитал², производственные мощности, которые планируется выводить за рубеж, а также строительные мощности, которые Китай стремится максимально загрузить, в том числе за счёт строительных проектов за границей. Зарубежные китайцы (*хуацяо хуажэнь* — китайские эмигранты, включая граждан КНР и этнических китайцев с иностранным гражданством; далее — хуацяо) рассматриваются в политических и научных кругах КНР как важный ресурс продвижения ЭПШП и МШП-21. Причём в случае с МШП-21 этот ресурс является более мощным и концентрированным: если численность хуацяо в странах ЭПШП — 1–1,2 млн человек, то по маршруту МШП-21 — 36,3 млн); сходная ситуация с объёмом капитала хуацяо (ЭПШП — около 0,5 трлн, МШП-21 — 2,07 трлн долл.) Соответственно, и степень влияния зарубежных китайцев на экономику стран-участниц пропорциональна этим показателям.

О численности хуацяо в странах маршрута МШП-21

Относительно численности зарубежной китайской диаспоры разброс оценочных данных в научной среде довольно велик: от 35 млн³ до 87 млн человек⁴. При этом известно, что 75% всей диаспоры проживает в Юго-Восточной Азии. Данные табл. 1 собраны из разных источников, и если их взять за основу, то численность мировой китайской диаспоры может составлять примерно 45,5 млн человек, что является весьма умеренной оценкой.

В странах маршрута МШП-21 проживает порядка 36,3 млн хуацяо, наиболее заметно их присутствие в ЮВА и Океании — 5,61 и 3,8% от общего числа населения этих регионов. В остальных регионах доля хуацяо составляет менее 1% от общего населения. Исключение составляют ОАЭ и Греция, где их доля — 2,0 и 1,8%, соответственно. Меньше всего их проживает в Брунее, больше всего — в Таиланде, однако их доли в численности населения этих стран примерно одинаковы — 12,2 и 15,0%. В свою очередь в Сингапуре проживает лишь 6,15% мировой китайской диаспоры, но там они составляют абсолютное большинство — 74,2%. Напротив, в Индонезии проживает 17,36% всех хуацяо, но они составляют лишь 3,3% населения страны. Значительным является присутствие хуацяо в Малайзии, где проживает 14,5% всей китайской диаспоры (табл. 1).

В странах Южной Азии проживает менее 1%, а в странах Африки, Ближнего и Среднего Востока — немногим более 1% всех хуацяо, на Южную Европу и Океанию приходится 1,18 и 2,34% мировой китайской диаспоры, соответственно (табл. 1).

В странах ЮВА, Африки, Южной Европы и Океании большинство хуацяо являются ханьцами (титульная нация Китая), тогда как в странах Южной Азии и Ближнего Востока абсолютное большинство составляют не ханьцы. В Южной Азии 62,2% хуацяо — тибетцы, 27,1% — уйгуры⁵. На Ближнем Востоке более 50% хуацяо — уйгуры, в частности, в Саудовской Аравии они составляют 88,2% китайской диаспоры, а в Турции — 62,5%⁶. Наличие в странах Южной Азии и Ближнего Востока значительного числа выходцев из Тибетского АР (ТАР) и Синьцзян-Уйгурского АР (СУАР) может иметь как положительные, так и отрицательные стороны. Негативно влиять на продвижение МШП-21 в указанных регионах может солидарность некоторых хуацяо с сепаратистскими настроениями в ТАР и СУАР. Однако с учётом того, что содержание инициативы «пояса и пути» предусматривает развитие отсталых западных районов КНР, главным образом, СУАР, значительное число зарубежных китайских уйгуров может быть заинтересованно в подключении к данной инициативе (для нача-

ла — с целью содействия развитию своей малой родины, а затем и продвижения инициативы в регионах их проживания).

Таблица 1

Численность зарубежных китайцев в странах маршрута МШП-21⁷

Страны/регионы	число, тыс. человек	доля в общем населении, %	доля в мировой китайской диаспоре, %
ЮВА	34127	5,61	75,0
Индонезия	7900	3,3	17,36
Малайзия	6600	22,0	14,5
Сингапур	2800	74,2	6,15
Филиппины	1500	1,5	3,3
Таиланд	10000	15,0	21,98
Вьетнам	1900	2,1	4,18
Мьянма	2500	4,0	5,5
Камбоджа	700	5,0	1,54
Лаос	177	2,6	0,39
Бруней	50	12,2	0,11
Южная Азия	169,14	0,01	0,37
Бангладеш	1	0,001	0,002
Индия	107	0,009	0,24
Пакистан	53	0,03	0,12
Шри-Ланка	8,14	0,04	0,018
Африка, Ближний и Средний Восток*	496,01	0,13	1,09
Кения	30	0,07	0,066
Иран	4,01	0,005	0,009
ОАЭ	200	2,13	0,44
Оман	2	0,05	0,004
Немен	—	—	—
Саудовская Аравия	170	0,52	0,37
Египет	10	0,01	0,022
Турция	80	0,1	0,18
Южная Европа*	538,23	0,45	1,18
Греция	20	1,8	0,044
Испания	186,03	0,38	0,41
Италия	332,2	0,55	0,73
Океания*	1066,21	3,8	2,34
Австралия	866,21	3,7	1,9
Новая Зеландия	200	4,4	0,44
Всего	36396,58	—	79,98

Примечание: в регионах с отметкой «*» учтены не все страны, а только те, через которые должен пройти МШП-21

Бизнес хуацяо и бизнес КНР в странах маршрута МШП-21

Зарубежный китайский бизнес фактически является опорой для крупных государственных и частных китайских компаний, «идущих за рубеж» и являющихся основными субъектами МШП-21. Совокупный капитал хуацяо китайские эксперты оценивают в 5 трлн долл., отмечая при этом, что на Юго-Восточную Азию приходится 1,5 трлн долл. Изучение китайских аналитических работ по зарубежному китайскому капиталу, а также анализ фактических данных по конкретным зарубежным китайским фирмам позволили автору дать оценку капитала хуацяо в остальных регионах, через которые пройдет МШП-21 (табл. 2); эта оценка, однако, не претендует на абсолютную полноту.

Оценка капитала зарубежных китайцев⁸

	Капитал зарубежных китайцев		ВВП, млрд долл.	Накопленные прямые инвестиции КНР за рубежом (2015–2016), млрд долл.
	Объем, млрд долл.	Доля в мировом капитале хуацяо, %		
Всего в мире	5000	100,0	76349	1357,4
Юго-Восточная Азия	1500	30,0	2555,4	71,6
Южная Азия	75	1,5	2862,4	8,8
Африка, Ближний и Средний Восток*	300	6,0	2663,4	13,7
Южная Европа*	150	3,0	3248,4	1,7
Океания*	50	1,0	565,2	35,5

Примечание: в регионах с отметкой «*» учтены не все страны, а только те, через которые должен пройти МШП-21

Согласно табл. 2, на регионы маршрута МШП-21 приходится 2,075 трлн долл., или 41,5% капитала мировой китайской диаспоры, что в 15,8 раза больше накопленных к 2015–2016 гг. прямых инвестиций КНР в этих регионах. Только в Океании объем капитала хуацяо сопоставим с объемом накопленных прямых инвестиций из КНР, в других регионах капитал хуацяо кратно превышает объем накопленных прямых инвестиций из КНР.

В сопоставлении с региональным объемом ВВП, капитал хуацяо также выглядит внушительно — 17,4% от суммарного ВВП регионов маршрута МШП-21. В частности, в ЮВА его доля составляет 58,7%, в Южной Азии — 2,62%, в странах Африки, Ближнего и Среднего Востока — 11,3%, в Южной Европе — 4,6%, в Океании — 8,8% ВВП (табл. 2).

Эти данные говорят о серьезности позиций компаний хуацяо в экономике стран — участниц МШП-21. На сегодня в указанных регионах бизнес хуацяо несопоставимо масштабнее, чем бизнес государственных и частных компаний КНР. Так что компании хуацяо могут быть не только опорой, но и полноправными субъектами МШП-21.

Данные табл. 3 также подтверждают вывод о большем влиянии компаний хуацяо, по сравнению с государственными и частными компаниями КНР, в странах участницах МШП-21. В целом в названных странах больше компаний хуацяо, чем государственных и частных компаний КНР; также большее число организаций хуацяо, по сравнению с организациями КНР, участвует в продвижении МШП-21. Более сильные позиции компании КНР занимают лишь в ОАЭ (150 против 20). В Йемене в связи с нестабильной военной обстановкой на сегодня не осталось компаний хуацяо; к 2015 г. в эту страну вернулись лишь 12 компаний КНР. В Индии, несмотря на большее число компаний, у хуацяо нет организаций, участвующих в строительстве МШП-21, а у организаций КНР таковых лишь две.

Сопоставив отраслевую структуру занятости государственных и частных компаний КНР (табл. 4) и сферы занятости компаний хуацяо в странах маршрута МШП-21 (табл. 5), можно заключить, что в первой сфере экономики китайский бизнес представлен по большей части государственными и частными компаниями КНР. В особенности это относится к добывающей промышленности. Добывающие предприятия хуацяо есть только в Малайзии, на Филиппинах и в Египте. Причем китайский бизнес по добыче энергоресурсов ведут исключительно государственные и частные компании. Компании КНР, занятые сельскохозяйственным бизнесом, более широко представлены в странах — участницах МШП-21. Лишь в Малайзии, Таиланде и Бангладеш китайский сельскохозяйственный бизнес — исключительно прерогатива хуацяо, в Новой Зеландии сельским хозяйством заняты и хуацяо, и компании КНР. В Индонезии, на Филиппинах, в Пакистане,

ОАЭ, Омане, Йемене, Испании и Австралии китайский сельскохозяйственный бизнес представлен только компаниями КНР (табл. 4).

Таблица 3

Число компаний и организаций хуацяо и КНР в странах маршрута МШП-21¹⁰

Страны	Хуацяо		КНР	
	Компании	Организации, участвующие в МШП-21	Компании	Организации, участвующие в МШП-21
Таиланд	1186694 (крупные — 6694)	13	200	4
Малайзия	480000	10	100	4
Индонезия	305173 (крупные — 5173)	10	200	3
Филиппины	2773 (крупные — 1273)	8	100	3
Сингапур	148217 (крупные — 217)	9	200	1
Бангладеш	60	1	50	0
Индия	220	0	160	2
Пакистан	несколько десятков	1	88	0
Шри-Ланка	48	2	55	0
Кения	нет данных	0	100	0
Иран	нет данных	0	80	0
ОАЭ	20	4	150	2
Оман	нет данных	2	20	0
Йемен	0	0	12	0
Саудовская Аравия	более 1000	1	80	1
Египет	более 300	3	83	1
Турция	более 100	3	64	1
Греция	более 200	3	12	0
Испания	5605	4	32	1
Италия	55950	5	33	1
Австралия	19888	3	246	3
Новая Зеландия	более 100	0	51	1

Во второй сфере экономики китайский бизнес представлен как компаниями хуацяо, так и государственными и частными компаниями КНР (главным образом это относится к обрабатывающей промышленности). В строительстве и энергетике значительно шире представлены компании КНР. Строительные фирмы хуацяо есть только в шести, а энергетические компании — только в трех из рассматриваемых стран. Крупные энергетические компании КНР присутствуют практически во всех странах маршрута МШП-21 (табл. 4).

В третьей сфере экономики китайский бизнес представлен как компаниями КНР, так и компаниями хуацяо. В торговле, а также в туристическом, гостиничном, ресторанном бизнесе это представительство сбалансировано: в 18 из 22 стран торговлей заняты оба вида компаний, только в Бангладеш, Пакистане, Иране и Йемене — это прерогатива государственных и частных компаний КНР; в 13 из 22 стран оба вида компаний заняты туристическим, гостиничным и ресторанным делом, причем в Индии, Шри-Ланке, Омане, Саудовской Аравии, Турции и Греции китайский сегмент этого рынка занимают исключительно компании хуацяо. В остальных сегментах третьей сферы экономики существенно шире география государственных и частных компаний КНР, что в большей степени справедливо для таких отраслевых сегментов, как наука и техника, транспортные услуги и складирование, финансы и страхование, консалтинг, услуги связи (табл. 4).

Таблица 4

Отраслевая структура занятости государственных и частных компаний КНР в странах маршрута МШП—21 (2013–2017), %¹⁰

	Индонезия	Сингапур	Малайзия	Таиланд	Филиппины	Бангладеш	Индия	Пакистан	Шри-Ланка	Кения	Иран
Первая сфера экономики	6,4	—	0,8	4,9	34,4	2,0	3,1	10,5	1,1	3,9	14,6
добывающая промышленность, в т.ч.	4,7	—	0,8	4,9	31,3	2,0	3,1	6,1	1,1	3,9	14,6
энергоресурсы	4,7	—	—	—	—	—	1,5	4,4	—	2,9	12,2
сельское и лесное хозяйство, рыболовство	1,8	—	—	—	3,1	—	—	4,4	—	—	—
Вторая сфера экономики	48,5	27,3	44,7	60,9	30,2	44,0	37,7	52,6	40,0	36,1	43,9
обрабатывающая промышленность, в т.ч.:	26,3	—	17,1	51,1	14,6	12,0	23,1	24,6	11,1	17,6	17,1
тяжелая	15,8	—	—	32,1	6,3	8,0	5,4	19,3	2,2	6,3	17,1
новые материалы	1,2	—	—	—	—	—	0,8	—	—	—	—
строительство	15,2	20,6	17,9	9,8	14,6	30,0	13,1	21,9	24,4	16,6	14,6
энергетика, в т.ч.:	7,0	6,7	9,8	—	1,0	2,0	1,5	6,1	4,4	2,0	12,2
новые источники энергии	1,2	—	3,3	—	—	—	—	—	1,1	—	—
Третья сфера экономики, в т.ч.:	45,1	72,7	54,5	33,7	35,4	54,0	59,2	36,8	58,9	60,0	41,5
торговля	11,1	15,2	8,9	7,6	27,1	14,0	16,9	14,1	18,9	21,5	19,5
наука и техника	7,0	9,1	4,9	7,6	1,0	12,0	16,9	2,6	14,4	11,7	—
финансы, страхование	11,7	8,5	4,9	2,2	—	4,0	7,7	4,4	6,7	8,3	4,9
недвижимость	3,5	1,8	9,8	1,1	2,1	—	0,8	—	2,2	4,4	—
транспорт, экспедиторские услуги	1,8	18,8	2,4	2,7	1,0	10,0	3,9	4,4	3,3	0,5	7,3
культура, образование, спорт	1,8	2,4	4,1	1,1	—	—	—	0,9	2,2	—	—
консалтинг	2,3	0,6	2,4	3,8	1,0	4,0	4,6	4,4	6,7	4,9	2,4
туризм, гостиничное и ресторанное дело	1,8	6,7	2,4	2,2	—	6,0	—	0,9	—	4,4	—
логистика	2,3	—	3,3	2,2	—	—	0,8	1,8	1,1	0,5	—
услуги связи	—	—	—	—	—	4,0	2,3	2,6	2,2	1,0	4,9

Таблица 4 (продолжение)

	ОАЭ	Оман	Йемен	Сауд. Аравия	Египет	Турция	Греция	Испания	Италия	Австра- лия	Новая Зеландия
Первая сфера экономики	3,8	19,5	22,2	4,1	6,8	6,4	—	3,2	—	5,7	11,1
добывающая промышлен- ность, в т.ч.	2,8	14,6	16,7	4,1	6,8	6,4	—	1,6	—	2,9	2,2
энергоресурсы	0,9	9,8	16,7	1,6	6,1	6,4	—	—	—	—	—
сельское и лесное хозяйство, рыболовство	0,9	4,9	5,6	—	—	—	—	1,6	—	2,9	8,9
Вторая сфера экономики	20,8	39,0	33,3	51,2	42,4	46,8	22,2	28,6	41,8	21,9	28,9
обрабатывающая промыш- ленность, в т.ч.:	10,4	14,6	22,2	17,1	21,2	29,8	5,6	23,8	32,7	21,9	26,7
тяжелая	1,9	—	—	8,1	4,6	27,7	—	7,9	14,6	6,7	2,2
новые материалы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
строительство	7,6	17,1	—	30,9	12,1	12,8	—	—	5,5	—	2,2
энергетика, в т.ч.:	2,8	7,3	11,1	3,3	9,1	4,3	16,7	4,8	3,6	—	—
новые источники энергии	—	—	—	—	1,5	—	16,7	1,6	1,8	—	—
Третья сфера экономики, в т.ч.	75,5	41,5	44,4	44,7	50,8	46,8	77,8	68,3	58,2	72,4	60,0
торговля	35,9	9,8	22,2	13,0	19,7	23,4	16,7	12,7	12,7	34,3	13,3
наука и техника	6,6	12,2	5,6	13,0	10,6	—	5,6	6,4	5,5	4,8	2,2
финансы, страхование	6,6	2,4	—	8,1	4,6	2,1	5,6	15,9	9,1	8,6	13,3
недвижимость	2,8	—	—	—	1,5	—	5,6	7,9	1,8	1,9	4,4
транспорт, экспедиторские услуги	7,6	2,4	—	1,6	4,6	6,4	33,3	7,9	10,9	11,4	13,3
культура, искусство, образо- вание, спорт	0,9	—	—	—	—	—	—	3,2	1,8	1,0	—
консалтинг	3,8	2,4	—	3,3	—	6,4	—	—	5,5	1,9	—
туризм, гостиничное и ресто- ранное дело	3,8	—	—	—	3,0	—	—	3,2	1,8	4,8	6,7
логистика	1,9	2,4	—	—	—	—	—	1,6	—	—	2,2
услуги связи	0,9	—	5,6	2,4	2,3	4,3	5,6	3,2	1,8	—	2,2

Таблица 5

Сферы занятости компаний хуацяо в странах маршрута МШП-21¹¹

Страны	Отрасли экономики, номинально
Индонезия	Строительство, торговля, наука и техника, финансы, недвижимость, образование, туризм
Сингапур	Обрабатывающая промышленность, строительство, энергетика, торговля, транспортные услуги, образование, консалтинг, логистика, финансы, наука и техника, туризм, гостиничное хозяйство, юриспруденция
Малайзия	Сельское хозяйство, добывающая промышленность, обрабатывающая промышленность, строительство, энергетика, финансы, недвижимость, туризм и гостиничное хозяйство, торговля
Таиланд	Сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, энергетика, финансы, недвижимость, торговля, образование, консалтинг, логистика, туризм, гостиничное хозяйство, наука и техника
Филиппины	Добывающая промышленность, обрабатывающая промышленность, торговля, финансы, недвижимость, образование, консалтинг, логистика
Бангладеш	Сельское хозяйство, швейное производство, ремесленное производство, медицинские услуги (стоматология), ресторанное дело
Индия	Производство обуви (1/5 обувного рынка Индии), мебельное производство, торговля, ресторанное дело, медицинские услуги, бытовые услуги (химчистки, прачечные)
Пакистан	Ресторанное дело, медицинские услуги
Шри-Ланка	Производство обуви, производство сафлорового масла, ресторанное дело, медицинские услуги, торговля, гостиничное хозяйство
Кения	Производство строительных материалов, мебели, зоозащита, ресторанное дело, торговля, логистика
Иран	—
ОАЭ	Пищевая промышленность, производство компьютерной техники, канцелярских товаров, торговля, ресторанное дело, транспортные услуги
Оман	Пищевая промышленность, производство компьютерной техники, канцелярских товаров, торговля, ресторанное дело, транспортные услуги
Йемен	—
Саудовская Аравия	Производство пластмассы, кожевенная промышленность, торговля, ресторанное дело, туризм, парикмахерские услуги, недвижимость, транспортировка нефти
Египет	Добывающая промышленность (каменедобыча), обрабатывающая промышленность (камнеобработка), производство готовой одежды и обуви, пищевая промышленность, ресторанное дело, туризм, торговля, услуги связи
Турция	Производство готовой одежды, шелка, лекарственного сырья, домашней утвари, офисного оборудования, бытовой техники, пищевая промышленность, торговля, недвижимость, медицинские услуги, туризм,
Греция	Торговля, ресторанное дело
Испания	Обрабатывающая промышленность, ресторанное дело, торговля, туризм, наука и техника, консалтинг, инвестиции
Италия	Кожевенная промышленность, производство готовой одежды, строительство, ресторанное дело, торговля, транспортные услуги, бытовые услуги
Австралия	Текстильная промышленность, химическая промышленность, строительство, торговля, ресторанное дело, недвижимость, медицинские услуги, издательские услуги, транспортные услуги
Новая Зеландия	Сельское хозяйство, пищевая промышленность, сборка компьютерной техники, строительство, образование, торговля, издательские и типографские услуги, недвижимость, туризм, страхование, автосервис, медицинские услуги, ресторанное дело

Вышеизложенное позволяет заключить, что при огромном объеме капитала хуацяо, существенно превышающем накопленные инвестиции компаний КНР в странах маршрута МШП-21, и при более сильных позициях компаний хуацяо в экономике большинства принимающих стран они, как правило, продолжают развивать традиционные отрасли обрабатывающей промышленности и традиционные сегменты сферы услуг, уступая компаниям КНР в плане развития современных наукоемких производств и услуг. Участие в МШП-21 даст возможность компаниям хуацяо в обмен на опыт ведения хозяйственной деятельности и накопленные финансовые ресурсы в принимающих странах, на которые есть спрос у государственных и частных компаний КНР, расширить отраслевую структуру занятости, получить доступ к передовым технологиям и выйти на новые отраслевые рынки или расширить географию бизнеса в новых для себя отраслях экономики.

* * *

Рассуждая о месте и роли китайской диаспоры в продвижении МШП-21, необходимо акцентировать внимание на том, что, несмотря на наличие значительных материальных и интеллектуальных ресурсов диаспоры, ее место в развитии МШП-21, как и любое крупномасштабное сотрудничество с Китаем, определяется в первую очередь политикой руководства КНР. Вопрос о «зарубежных соотечественниках» и необходимости работы с ними был официально озвучен еще при Дэн Сяопине в 1977 г. на XI съезде КПК. В докладах на XIV и XV съездах подчеркивалась необходимость проведения серьезной и последовательной политики в отношении зарубежных китайцев, на XVI съезде КПК в 2002 г. результаты работы с хуацяо получили высокую оценку руководства партии, которое еще раз подчеркнуло необходимость и дальше развивать работу с китайской диаспорой. Отметим, что к этому моменту в КНР уже начали возвращаться высококвалифицированные специалисты, а за рубеж стали выходить первые государственные и частные компании КНР. В докладах на XVII и XVIII съездах КПК в работе с хуацяо делался акцент на поддержании интереса зарубежных соотечественников, реэмигрантов и их родственников к исторической родине, их активное вовлечение в процесс модернизации КНР и мирного объединения родины. На последнем, XIX съезде КПК в октябре 2017 г. акцент переместился на всестороннее тесное взаимодействие КНР с зарубежными соотечественниками, реэмигрантами и их родственниками для совместного участия в деле «великого возрождения китайской нации». Сегодня конкретным выражением этого «возрождения» является инициатива «Один пояс, один путь» и ее составная часть Морской Шелковый путь XXI века.

1. *Островский А.В.* Экономический Пояс «Шелкового Пути» и Евразийский Экономический Союз: проблемы и перспективы сопряжения двух проектов. Доклад на заседании Президиума РАН 14 марта 2017 г.
2. *Ларин А.Г.* «Экономический пояс Шелкового пути»: экономическое содержание, структура, идеология // Новый Шелковый путь и его значение для России / отв. ред. Петровский В.Е. М., 2016. С. 51.
3. База данных библиотеки университета Огайо (США). URL: <http://cicdatabank.library.ohiou.edu/opac/population.php> (дата обращения: 02.10.2017).
4. *Чжу Вэньчжун, Цзя Хайтао.* 20 шницзи 80 няньдай илай хайвай хуажэнь тоуцзы чжунго далу дэ цзинцзи инсянли фэньси: [Анализ экономического влияния инвестиций зарубежных китайцев в КНР с 1980-х годов] // Сюэшу яньцзю. Гуанчжоу, 2006. № 12. С. 64.
5. Хайвай цяоцин гуаньча. 2013–2014... С. 85.
6. Рассчитано по: Хайвай цяоцин гуаньча. 2015–2016... С. 47, 51.
7. Составлено и рассчитано по: URL: <http://cicdatabank.library.ohiou.edu/opac/population.php> (дата обращения: 10.08.2017); Хайвай цяоцин гуаньча. 2013–2014: [Обзор по зарубежным китайцам.

- 2013–2014]. Гуанчжоу: Изд-во Цзинаньского ун-та, 2014. С. 87, 122, 129, 138, 148, 161, 168, 175, 183, 190, 203. Хайвай цяоцин гуаньча. 2015–2016... 2017. С. 47, 51, 80–82, 301, 312, 334, 342. Хуажэнь цзинци няньцзянь. 2012–2013: [Экономический ежегодник по этническим китайцам. 2012–2013]. Пекин, 2013. С. 150. Данные по количеству населения в рассматриваемых странах взяты из базы данных Всемирного Банка. URL: <http://databank.worldbank.org> (дата обращения: 17.10.2017).
8. Рассчитано по: *Чжуан Готу, Хуан Синьхуа, Ван Ян*. Хуацяо хуажэнь цзинци цзыюань яньцзю: [Изучение экономических ресурсов зарубежных китайцев]. С. 7–8, 470–477, 525–529, 537–554, 556, 567–574. Материалы портала «Чжунго Цяован». Раздел «Хуацяо хуажэнь»: [«Зарубежные китайцы»]. URL: <http://www.chinaqw.com/hqht/> (дата обращения: 15.09.2017).
 9. Рассчитано на основе анализа отраслевой структуры конкретных компаний по списку: Индонезия. URL: <http://www.chinachamber.co/inside/3/19.html>; Сингапур. URL: <http://resource.emagecompany.com/others/zhongzhiyexinjiapoxiehui.html>; Малайзия. URL: <http://www.cenam.com.my/name-list/>; Таиланд. URL: http://www.chinese-thai.org/index.php?langtype=cn&pageid=cn_23&add=view&id=1; Филиппины. *Чжуан Готу, Хуан Синьхуа, Ван Ян*... С. 221–224; Бангладеш. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/gbdqzn/upload/mengjiala.pdf>; Индия. URL: <http://www.ccei.org.in/3/>; Пакистан. URL: <http://pk.mofcom.gov.cn/article/catalog/201005/20100506915665.shtml>; Шри-Ланка. URL: <http://lk.mofcom.gov.cn/article/catalog/tjsj/201508/20150801084003.shtml>; Кения. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/gbdqzn/upload/kenniya.pdf>; Иран. URL: <http://ir.mofcom.gov.cn/article/zxhz/zzjg/201407/20140700646849.shtml>; ОАЭ. URL: <http://ae.mofcom.gov.cn/article/zxhz/zzjg/200702/20070204350330.shtml>; Оман. URL: <http://om.mofcom.gov.cn/article/zxhz/200912/20091206668436.shtml>; Йемен. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/gbdqzn/upload/yemen.pdf>; Саудовская Аравия. URL: <http://www.saudi-cocc.net/c35289/c35297.asp>; Египет. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/gbdqzn/upload/aiji.pdf>; Турция. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/gbdqzn/upload/tuerqi.pdf>; Греция. URL: <http://gr.mofcom.gov.cn/article/catalog/201505/20150500973217.shtml>; Испания. URL: <http://www.ccince.com/listado-socios.html>; Италия. URL: <http://milan.mofcom.gov.cn/article/zwfengsu/201312/20131200418119.shtml>; Австралия. URL: <http://au.mofcom.gov.cn/article/zxhz/zzjg/200205/20020500010943.shtml>; Новая Зеландия. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/gbdqzn/upload/xinxilan.pdf> (даты обращения: 15.09–18.10.2017). При подсчетах учитывалась занятость отдельных компаний в разных отраслях экономики.
 10. Составлено по: Хуажэнь цзинци няньцзянь: 2012–013: [Экономический ежегодник по этническим китайцам. 2012–2013]. Пекин, 2013. С. 54, 62, 64, 66, 183, 208; *Чжуан Готу, Хуан Синьхуа, Ван Ян*... С. 101–102, 153, 158–159, 183–184, 201, 211, 263–267, 470–477, 525–529, 537–54, 556, 567–574. URL: <http://www.chinaqw.com/z/2017/ydy/business/index.html> (дата обращения: 25.09.2017); URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/article/gbdqzn/> (дата обращения: 30.09.2017).
 11. Составлено по: *Чжуан Готу, Хуан Синьхуа, Ван Ян*... С. 96, 101–102, 153, 158–159, 163, 165–167, 175–178, 183–184, 188–189, 201–205, 211, 263–267, 526–528, 537–542; Хайвай цяоцин гуаньча. 2013–2014... С. 35–36, 42, 48, 63–64, 428–429. Хайвай цяоцин гуаньча. 2015–2016... С. 47–49, 80–82, 306–307, 314–315; Хуажэнь цзинци няньцзянь 2012–2013... С. 46, 50, 52, 54, 62, 64, 66, 182–183, 196, 208.

Экспорт сжиженного природного газа как инструмент расширения влияния США в АТР

© 2017

Н.А. Бирюкова

Вследствие «сланцевой революции» США смогли заявить о себе как об экспортере сжиженного природного газа (СПГ). Премиальным рынком для его коммерческой реализации стали страны АТР, среди которых крупнейшие импортеры СПГ — Япония и Южная Корея. Благодаря экономическим особенностям американских СПГ-проектов, США определили тенденцию развития торговли СПГ в регионе, а политическое руководство страны намерено использовать экспорт для обеспечения «энергетического доминирования» Соединенных Штатов. Данная статья ставит цель: оценить перспективы превращения экспорта СПГ в инструмент экономического и политического влияния США в АТР.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), Соединенные Штаты, Япония, сжиженный природный газ (СПГ), «энергетическое доминирование», «азиатская премия», Дональд Трамп.

«Сланцевая революция» в газодобывающей отрасли, ставшая возможной благодаря масштабному использованию технологий наклонного бурения и гидравлического разрыва пласта при освоении залежей природного газа в сланцевых формациях, за короткий срок изменила энергетический облик США. Государство, которое еще недавно рассматривало строительство новых терминалов по импорту сжиженного природного газа, начало активную кампанию по перепрофилированию существующей инфраструктуры в экспортную. Рост добычи сланцевого газа привел к падению внутренних цен и заставил производителей рассмотреть перспективу продажи топлива на коммерчески перспективных рынках. Таким пространством для реализации американского СПГ стал Азиатско-Тихоокеанский регион. Перспективы крупного коммерческого куша, а также роста спроса на энергоресурсы в странах АТР (на регион в целом приходится 72% глобального спроса СПГ) побудили производителей природного газа в США задуматься об экспорте именно в страны этого региона. Ведь там расположены крупнейшие его импортеры — Япония, Южная Корея и Китай.

Вышеперечисленные страны заинтересованы в диверсификации своих энергопотоков за счет природного газа США. Япония и Южная Корея, будучи крупнейшими импортерами СПГ, хотят, чтобы цена на него определялась правилами конкурентной торговли и рыночными механизмами. Для Китая появление в АТР нового поставщика природного газа означает не только возможность диверсификации энергетического баланса страны, но и реальное воздействие на партнеров в ходе переговоров о поставках трубопроводного газа.

Бирюкова Надежда Андреевна, преподаватель кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: nadezhda.a.biryukova@gmail.com.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-37-11136.

За последние несколько лет на рынке СПГ в АТР произошла значительная трансформация, обусловленная снижением цены на нефть и, соответственно, цен на СПГ, связанных с нефтяными котировками, а также запуском ряда СПГ-проектов, существенно увеличивших предложение этого товара на рынке. Суть преобразований, носящих радикальный характер для всех участников энергетической торговли в АТР, заключается в превращении регионального рынка в рынок потребителей, где импортерам принадлежит право формулирования новых правил купли-продажи природного газа. Низкая ценовая конъюнктура и ужесточившееся соперничество поставщиков за азиатских потребителей природного газа сформировали для американских экспортеров СПГ новую конкурентную среду, коммерческий потенциал которой в условиях затоваренного рынка значительно ниже ожиданий, мотивировавших решение продавать СПГ на внешних площадках.

Тем не менее превращение США в экспортера СПГ с началом первых поставок странам АТР в рамках долгосрочных контрактов в 2017 г. уже можно считать свершившимся фактом. Согласно прогнозам Управления энергетической информации США, к 2020 г. страна может стать третьим крупнейшим производителем СПГ в мире после Австралии и Катара.

Наблюдая за предпринимательской активностью на внутреннем рынке, руководство страны решило обратить экономические достижения в политическое преимущество для обеспечения американского лидерства в регионе. Первые шаги в этом направлении были сделаны администрацией Б. Обамы. Президент Д. Трамп придал уже начатым процессам расширения торговли СПГ в АТР определенную «новизну», анонсировав в конце июня 2017 г. начало политики «энергетического доминирования» США¹. Администрация намерена использовать энергоресурсы страны в качестве инструмента американской внешней политики. В отличие от президента Б. Обамы, Д. Трамп демонстрирует ярко выраженную склонность к двустороннему энергетическому взаимодействию в регионе взамен форматов многостороннего сотрудничества.

Экономические и политические аспекты экспорта американского СПГ на рынок АТР являются предметом дискуссий в политических кругах США и стран региона, а также в экспертном сообществе. Многообразие публикаций, посвященных данному сюжету, можно разделить на несколько категорий. Ранние публикации в основном анализировали экономические последствия американского экспорта СПГ для внутреннего рынка США и были нацелены на то, чтобы предоставить законодателям основания для расширения торговли СПГ². В ряде работ экспорт СПГ рассматривается в контексте международной торговли природным газом³. Целый ряд публикаций посвящен стратегическому измерению торговли энергоресурсами (и СПГ, в частности) в регионе, отношениям сотрудничества и соперничества в энергетической сфере⁴.

До «сланцевой революции» США экспортировали природный газ в основном по трубопроводам в Канаду и Мексику. В 2013 г. на североамериканских соседей приходилось практически 99% экспортируемого газа. Сравнительно небольшие объемы с 1969 г. поставлялись Японии в сжиженном виде с терминала Кепаи на Аляске⁵. До завершения строительства экспортного терминала в Луизиане это был единственный терминал в США, осуществлявший экспорт СПГ. В 2010 г. Управление минеральных энергетических ресурсов Министерства энергетики США позволило терминалам по импорту реэкспортировать на мировые рынки невостребованный в США СПГ.

Исторически сфера торговли природным газом в США подвержена жесткому федеральному регулированию. Согласно разделу 3 закона «О природном газе» (1938), заявки производителей на экспорт ресурса посредством трубопровода или в виде СПГ рассматривает Министерство энергетики США⁶. Закон обязывает ведомство выдавать разрешения только в том случае, если не доказано, что такой экспорт противоречит национальным интересам. Это правило распространяется, в частности, на торговлю со странами, с которыми у США нет действующих соглашений о зоне свободной торговли (ЗСТ).

На страны ЗСТ распространяется положение о национальном режиме (*national treatment*), и разрешения на проекты экспорта природного газа выдаются в ускоренном порядке. К таким странам относятся Австралия, Бахрейн, Канада, Чили, Доминиканская Республика, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Иордания, Мексика, Марокко, Никарагуа, Оман, Перу, Сингапур и Южная Корея. Из них только Южная Корея является крупным потребителем СПГ. Япония, мировой лидер по импорту СПГ, Китай и Индия, демонстрирующие наибольший рост спроса на этот товар, развивающиеся экономики Юго-Восточной Азии, заинтересованные в диверсификации своего энергобаланса за счет рекордно дешевого СПГ, являются коммерчески наиболее привлекательными рынками для производителей СПГ в США, но находятся за рамками зоны свободной торговли. Поэтому проекты по экспорту в эти страны подвергаются тщательной экспертизе.

В настоящее время в США функционирует лишь один экспортный терминал Sabine Pass (Луизиана), которым владеет компания Cheniere Energy, не считая терминала Kenai на Аляске, который работает на экспорт СПГ с 1969 г. (в основном, в Японию), но с 2012 г. временно прекратил функционировать. Еще четыре терминала в Техасе, Луизиане и Мэриленде находятся в стадии сооружения. Согласно прогнозам, они должны быть сданы в эксплуатацию к 2021 г. и в совокупности смогут отгружать до 9,2 млрд куб. футов СПГ в день, что являлось дневной нормой импорта Японии в 2015 г. По состоянию на середину января 2017 г. 13 экспортных терминалов находятся в стадии рассмотрения Министерством энергетики и Федеральной комиссией по регулированию в области энергетики.

Большое число заявок от компаний, желающих экспортировать СПГ на рынки АТР, обусловлено существованием «азиатской премии» — ценовой разницы между стоимостью ресурса на американском и азиатском рынках. С января 2008 г. по декабрь 2014 г. (до резкого падения нефтяных котировок) добыча природного газа в США увеличилась в семь раз, что привело к снижению цены на ресурс на внутреннем рынке страны с почти \$12/MBtu в 2006 г. до \$4/MBtu в 2014 г.⁷ В это же время цена на СПГ на рынках АТР варьировалась в диапазоне \$11–17/MBtu. Так как цены на СПГ в регионе индексируются по нефтяным котировкам⁸, в конце 2014 г. азиатская премия сократилась пропорционально цене на нефть. В декабре 2016 г. стоимость СПГ составила \$7,7/MBtu⁹, цена на спотовом рынке СПГ в апреле 2017 г. составляла \$5/MBtu. Для ряда производителей СПГ, рассчитывавших сорвать крупный куш на «азиатской премии», экспортные проекты перестали быть рентабельными, а низкие цены отрицательно сказались на их инвестиционной привлекательности. В условиях неблагоприятной ценовой конъюнктуры шесть заявок на строительство новых СПГ терминалов были отозваны¹⁰. Тем не менее администрация Д. Трампа намерена оказывать всестороннюю поддержку компаниям, которые намерены экспортировать СПГ, о чем недвусмысленно свидетельствуют заявления старшего экономического советника президента Г. Кона и министра энергетики Р. Перри¹¹. Оба публично одобрили идею строительства ряда новых экспортных терминалов, которые могут дать начало второй волне СПГ-проектов в США, реализация которых начнется в середине 2020-х годов.

Перспективы проектов по экспорту СПГ из США в любом географическом направлении зависят от их конкурентоспособности по сравнению с проектами других стран-производителей СПГ. Значительным преимуществом США в этом вопросе является то, что создание новых экспортных мощностей осуществляется на базе уже существующей инфраструктуры, которая была ориентирована на импорт СПГ (*brownfield projects*), что ощутимо снижает издержки¹². Для сравнения, экспортные терминалы в Австралии строятся «с нуля» (*greenfield projects*), и стоимость создания одной единицы мощности по сжижению природного газа отличается от американских проектов более чем в два раза (\$600–700 за тонну в США, \$2000 за тонну в Австралии).

Преимуществом американского СПГ является механизм его ценообразования, поэтому, рассматривая США в качестве поставщика СПГ, импортеры в АТР в немалой степени заинтересованы в формуле ценообразования. Стоимость природного газа в США формируется в распределительном центре — Хенри-Хабе (Henry Hub, Луизиана) и является отражением соотношения спроса и предложения, а, следовательно, и более справедливой рыночной ценой на ресурс для покупателя. До падения цены на нефть в конце 2014 г. покупатели СПГ в АТР открыто выступали против нефтяной индексации стоимости СПГ. Давление на поставщиков стало особенно сильным после аварии на Фукусиме в Японии в 2011 г. и превращения США из импортера СПГ в экспортера, готового предложить товар по значительно более выгодной цене, отвязанной от нефтяных котировок. Поставщики Австралии и Канады сопротивлялись нажиму импортеров, объясняя свою позицию тем, что индексация по нефти — залог развития торговли СПГ и запуска новых экспортных терминалов¹³. Однако падение цен на нефть привело к сокращению ценового дифференциала между контрактами, предлагаемыми США и рассчитанными по хабовой формуле, и контрактами, привязанными к нефтяным котировкам. Последние вновь стали конкурентоспособными и привлекательными для импортеров. Для США это означает, прежде всего, ожесточение конкуренции на газовых рынках АТР и рост неопределенности в развитии собственной отрасли СПГ. Тем не менее, учитывая волатильную природу глобального рынка нефти и его уязвимость перед шоками международно-политического характера, нельзя с уверенностью утверждать, что он не подвергнется новым ценовым колебаниям. В случае очередного ценового шока стоимость СПГ в АТР вновь возрастет и не замедлит сказаться на бюджетах стран региона. Динамика рынка диктует необходимость максимально диверсифицировать структуру поставок СПГ не только географически, но и с точки зрения формул ценообразования, в целях минимизации рисков, сопряженных с торговыми издержками. Экспорт СПГ Соединенными Штатами Америки вводит механизм хабового ценообразования в торговлю СПГ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, формирует тенденцию развития газового рынка АТР. Некоторые новые контракты на поставку СПГ в страны региона уже рассчитаны по формуле Хенри-Хаба. В 2012 г. Cheniere Energy подписала контракт на поставку СПГ в течение 20 лет с южнокорейской компанией Korea Gas Corp¹⁴. Первая отгрузка товара в рамках долгосрочного контракта состоялась в конце июня 2017 г. Япония также подписала три долгосрочных контракта с операторами терминалов в США, строительство которых планируется завершить в 2018 г.¹⁵ Немаловажными являются и первые шаги стран АТР в направлении создания региональных хабов. Свои проекты уже предлагают Япония, Китай, Сингапур и Филиппины¹⁶.

Кроме того, американские газовые контракты на поставку СПГ включают статью о гибкости пункта назначения, позволяющей перенаправить танкер СПГ в иной порт доставки, если цена там больше удовлетворяет продавца или покупателя. Заинтересованность в устранении статьи о фиксированном порте назначения груза неоднократно высказывалась импортерами СПГ в АТР, в частности Японией¹⁷, которая в условиях затоваренного рынка СПГ в регионе рассматривает перепродажу поставок, если часть законтрактованных объемов будет превышать потребности экономики в природном газе. Согласно экспертным оценкам, применение условия о гибкости пункта назначения ведет к сегментированию экспорта СПГ, то есть разделению его на долгосрочные контрактные отношения и увеличению доли спотовой торговли¹⁸. В конечном итоге это приведет к конвергенции механизмов ценообразования на региональных газовых рынках, которые будут определяться под воздействием одинаковых факторов. Ключевую роль в этом сыграет формула ценообразования американского СПГ, согласно долгосрочному прогнозу ВР 2017 г.¹⁹

Для стран АТР значение данной рыночной динамики неоспоримо, так как природный газ является приоритетным топливом для стимулирования экономического роста. Во время как низкие цены на нефть привлекательны для экономик азиатских стран, проблемы загрязнения воздуха начинают играть не меньшую роль, что побудит государ-

ства региона постепенно отдавать больше предпочтения природному газу, в том числе СПГ, как чистому альтернативному топливу. Кроме того, снижение расходов на импорт СПГ, вызванное падением цен на нефть, выразилось в сокращении дефицита бюджета в ряде стран. После аварии на атомном реакторе Фукусима в 2011 г. дефицит бюджета Японии составил 121,56 млрд долл., в 2015 — 23,56 млрд долл.²⁰

На коммерческую привлекательность поставок СПГ из США влияет и фактор длительности сроков транспортировки товара до порта государства-импортера. До открытия расширенного Панамского канала в 2016 г. расходы на транспортировку СПГ были выше по сравнению с издержками стран-экспортеров, расположенных ближе к потребителю. Расширение судоходного пути позволит США экспортировать большие объемы СПГ²¹ азиатским покупателям, сократить время доставки²² и существенно уменьшить затраты на транспортировку СПГ из терминалов, расположенных на берегу Мексиканского залива, до ключевых рынков Азии²³. Введение льготных тарифов на проход через канал для СПГ-танкеров также коммерчески выгодно для таких крупных импортеров, как Япония, Южная Корея, Тайвань, так как снизит издержки и для них.

В совокупности все экономические аспекты развития СПГ-индустрии в США превращают американский экспорт СПГ в коммерчески привлекательную опцию для диверсификации импортного портфеля стран-потребителей СПГ в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Тем не менее, ожидания экспортеров США получить высокую прибыль от реализации контрактов, рассчитанных с учетом азиатского ценового дифференциала, не оправдались, и они вынуждены вести торговлю в условиях низкой ценовой конъюнктуры и обостренной конкуренции не только с другими производителями СПГ, но и с поставщиками трубопроводного газа. Борьба за рыночную долю в АТР обостряется и с вводом в эксплуатацию новых СПГ-проектов Австралии, а в перспективе — расширением числа поставщиков СПГ за счет стран Восточной Африки (Танзании и Мозамбика)²⁴. СПГ-проекты для АТР предлагает и Россия, но увеличение рыночной доли России в секторе торговли СПГ на региональном рынке ограничено экономическими санкциями США и Европы, что препятствует притоку необходимых инвестиций²⁵. Крупнейшим поставщиком СПГ в страны АТР остается Катар. Затоваривание регионального рынка свидетельствует об улучшении переговорных позиций стран-импортеров — они могут выбирать поставщиков и торговаться с ними на выгодных им условиях.

Ощутимую помощь американским проектам экспорта СПГ в АТР оказывают государственные ведомства США, которые преследуют цель обратить экономические преимущества «сланцевой революции» в политические дивиденды.

До недавнего времени практическим шагом в этом направлении могло быть создание Транстихоокеанского партнерства (ТТП), соглашение о котором заключено в октябре 2015 г. Его членами должны были стать США, Австралия, Бруней, Канада, Чили, Япония, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур и Вьетнам. Решение Японии присоединиться к переговорам по ТТП в 2013 г. было отчасти продиктовано заинтересованностью получения доступа к энергоресурсам США²⁶. Несмотря на отсутствие в финальном тексте соглашения отдельной статьи по природному газу, на любые поставки ресурса в рамках зоны свободной торговли распространяется принцип «национального режима». Ограничение может быть введено, если только участник объединения желает вывезти ряд товаров национального происхождения за рамки действия принципа. Из 12 участников соглашения лишь Мексика ввела исключения для сырой нефти, бензина, природного газа и ряда других товаров.

Отдельной статьи о торговле природным газом нет и в соглашении о зоне свободной торговли США с Южной Кореей, заключенном в 2012 г., но положение о национальном режиме практически идентично со статьями о создании Транстихоокеанского партнерства. С учетом экспорта СПГ США по долгосрочным контрактам, который начал осуществляться в июне 2017 г. с терминала Sabine Pass, Южная Корея планирует расширить

объемы закупок с 2019 г., начав импортировать природный газ с терминала Freeport LNG Транстихоокеанское партнерство в случае его вступления в силу могло предоставить всем его членам возможность получать автоматическое одобрение заявок на импорт СПГ США. Однако приход к власти администрации президента Д. Трампа и его решение отказаться от участия в проекте ТТП ввиду условий, не выгодных американскому бизнесу, не позволили использовать объединение для расширения торговли американским СПГ.

Многосторонним соглашениям новый президент США предпочитает двусторонние торговые сделки²⁷. Именно они могут стать основой расширения американского экспорта СПГ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, о чем свидетельствуют последние инициативы Министерства торговли США.

В середине мая 2017 г. ведомство анонсировало возможность заключения с Китаем долгосрочных контрактов на поставки СПГ в рамках пакета двусторонних торговых соглашений. Министр торговли У. Росс отметил, что «делка позволит высвободить американские энергоресурсы... <китайский> рынок будет открыт для американских поставщиков»²⁸. В настоящее время Китай демонстрирует наибольший рост спроса на СПГ и является третьей страной в мире по объему его импорта после Японии и Южной Кореи. Тем не менее содержание достигнутых договоренностей США с Китаем по вопросу экспорта СПГ не предполагает предоставление китайским энергетическим компаниям особого режима доступа к американскому природному газу. По сути, сделка демонстрирует готовность США предоставлять КНР природный газ в достаточном объеме на рыночных условиях в рамках долгосрочных контрактов. Однако заключение такого рода рамочного соглашения позволит привлечь прямые инвестиции из Китая для развития экспортной инфраструктуры в США, что может дать начало так называемой второй инвестиционной волне в сфере экспорта СПГ. Для американских производителей СПГ сделка обладает ощутимой коммерческой привлекательностью еще и потому, что истекают контракты на поставку СПГ, заключенные Китаем в 2000-е годы, и китайские компании будут искать новых поставщиков, готовых предложить продукт по более выгодной цене. Американский СПГ с хабовой формулой ценообразования может стать привлекательной альтернативой.

Двусторонние договоренности с Китаем свидетельствуют о нескольких принципиальных моментах. Во-первых, еще недавно США и КНР выступали соперниками в сфере импорта-СПГ и в равной степени были заинтересованы в достаточном объеме товара для удовлетворения своих энергетических нужд. Сделка-«приглашение» к наращиванию объемов торговли СПГ, в которой США выступают уже его производителем, свидетельствует о кардинальной трансформации энергетических рынков, где два государства больше не являются конкурентами за ресурсы. Во-вторых, переход двух крупнейших потребителей энергоресурсов в мире от соперничества в энергетической сфере к конструктивному сотрудничеству не только устраняет один из факторов напряженности в сфере энергетической безопасности в АТР, но и свидетельствует о росте прагматизма в двусторонних отношениях США и КНР. В-третьих, возможность заключения долгосрочных контрактов на поставку СПГ из США в Китай представляет угрозу монополии Катара в сфере торговли СПГ. В настоящее время именно Катар является вторым крупнейшим после Австралии²⁹ поставщиком СПГ Китаю и одним из основных конкурентов для американских экспортеров. В преддверии перезаключения Китаем долгосрочных контрактов на поставки СПГ появление США в качестве производителя на рынке АТР может сократить рыночную долю Катара в регионе. Мировой лидер по производству СПГ уже отреагировал на угрозу вытеснения своих экспортеров с регионального рынка и доминирования на нем США, объявив об увеличении производственных мощностей на 30% в течение следующих 5–7 лет³⁰.

В то же время возможное снижение зависимости КНР от катарского природного газа и диверсификация импорта за счет поставок из США являются показательными примерами превращения азиатского газового рынка в рынок покупателя, где именно последний выступает с наиболее сильной переговорной позиции. Для США это означает

то, что на рынке СПГ в АТР они — лишь один из ряда поставщиков, рыночная доля которых зависит от привлекательности их коммерческого предложения, о чем предупреждают, в том числе, аналитики консалтингового агентства Wood Mackenzie³¹.

В отличие от Китая, в крупнейшем импортере СПГ в мире — Японии — рост спроса на СПГ будет умеренным. В 2015 г. правительство страны утвердило план производства электроэнергии до 2030 г., который отражает политическое намерение частично возродить атомную энергетику, при этом максимально диверсифицируя энергетический баланс, в котором каждому виду топлива (атом, ВИЭ, СПГ и уголь) отводится примерно равная доля³². Тем не менее, зависимость Японии от импорта энергоресурсов и расширение экспорта американского СПГ в АТР может послужить основой для укрепления двусторонних отношений. В период высоких цен на СПГ аналитические центры Японии проводили исследования, в которых эксперты пришли к выводу, что импорт СПГ из США позволил бы стране сэкономить до 8 млрд долл. в год, а кроме того — получить инструмент торга для согласования с другими поставщиками более выгодной цены на поставки³³. Следует помнить, что США для Японии — хорошо зарекомендовавший себя поставщик СПГ, который с 1969 г. обеспечивает потребности экономического комплекса страны достаточным количеством ресурса. Японский капитал с 2014 г. участвует в проектах по строительству и последующей эксплуатации экспортных терминалов США Cameron (Луизиана), Cove Point (Мэриленд), Freeport (Техас). А японские компании подписали ряд долгосрочных контрактов на поставки СПГ с их операторами.

В начале июня 2017 г. министр энергетики Р. Перри посетил Японию с визитом, по итогам которого Токно планирует подписать с США соглашение для продвижения американского экспорта СПГ в АТР через механизм перепродажи товара государствам с развивающейся экономикой³⁴. Первая поставка СПГ, произведенного из сланцевого газа, состоялась в январе 2017 г. в объеме 70 000 м тонн³⁵. К концу года общий объем экспорта СПГ США в Японию должен составить 700 тысяч м тонн. Любопытно, что Япония, все более открывающая свой рынок для американских экспортеров СПГ, пытается конвертировать двустороннюю торговлю с США в инструмент собственного экономического влияния в АТР. США, наращивая экспорт СПГ в Японию, лишь укрепляют экономическую опору уже существующих союзнических отношений, не проецируя при этом влияние на другие страны региона. Япония, напротив, перепродавая американский газ, выступает как донор ресурса, а ее соседи будут склонны воспринимать подобные свопы³⁶ как ее намерение способствовать укреплению энергетической безопасности АТР. Кроме того, Япония намерена использовать перепродажу СПГ для создания регионального СПГ хаба и нового ценового бенчмарка³⁷.

Ситуация с Южной Кореей, второй страной по объему импортируемого СПГ, отчасти схожа с ситуацией Японии — до мая 2017 г. государство не планировало наращивать экспорт СПГ ввиду замедления темпов экономического роста, достаточной обеспеченности отраслей экономики природным газом, а также намерения расширить долю возобновляемых источников энергии в электрогенерации³⁸. С избранием президентом Мун Чже Ина ожидается, что СПГ начнет играть большую роль в удовлетворении энергетических потребностей страны вследствие планируемого сокращения доли угля и атомной энергетики³⁹. В этих условиях действующий с июня 2017 года долгосрочный контракт Korean Gas Corp. с Cheniere Energy может стать основой для укрепления торговых отношений компаний, что позволит расширить экономическое присутствие США в АТР.

Будучи крупнейшими импортерами СПГ, Япония и Южная Корея заинтересованы, чтобы цена на СПГ определялась правилами конкурентной торговли и рыночными механизмами, проводниками которых становится экспорт США. Даже если не произойдет масштабного роста объемов экспорта американского СПГ в эти страны, США уже сыграли свою определяющую роль для азиатского газового рынка, задав тенденцию к изменению его природы. Появление СПГ-танкеров США в АТР способствует постепенному повыше-

нию его ликвидности, внедрению новой формулы ценообразования «газ—газ», и, как следствие, усилению переговорных позиций импортеров визави традиционным поставщикам, таким как Катар и Россия. США заявили о себе не только как об экспортере СПГ, но и как об игроке рынка, который способен формулировать новые правила его функционирования.

Новая роль США на экономическом пространстве АТР может помочь стране извлечь из нее и преимущества политического характера. Так, трансформация торговли природным газом в АТР побуждает импортеров и экспортеров по-новому оценить содержание регионального энергетического сотрудничества с целью укрепления энергобезопасности каждой страны в отдельности и региона в целом. США как экспортер могут принять в этом непосредственное участие.

На уровне экспертных кругов в США обсуждаются идеи активного участия создания новой архитектуры энергетической безопасности в АТР⁴⁰. Растущая зависимость стран АТР от импорта энергоресурсов, в том числе из стран Ближнего Востока, диктует необходимость стимулирования сотрудничества покупателей и поставщиков по широкому спектру вопросов энергетической безопасности, включая создание стратегических резервов энергоресурсов (в том числе СПГ) на случай сбоя поставок, защиту ключевых морских путей транспортировки, либерализацию энергетических рынков. США как экспортер СПГ, могли бы использовать новую рыночную среду для формулирования практических предложений с целью укрепления энергетической безопасности региона.

В настоящее время инициативы по стимулированию энергетического сотрудничества выдвигаются в рамках форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Восточно-Азиатского саммита (ВАС). Попыткой многостороннего сотрудничества стала встреча министров энергетики пяти крупнейших стран-потребителей энергоресурсов (США, КНР, Японии, Республики Корея, Индии) в декабре 2006 г., но ввиду отсутствия долгосрочных обязательств механизм атрофировался. Вторая встреча состоялась в 2008 г., третья должна была пройти в 2010 г., но была отложена на неопределенный срок. В АТЭС с 2001 г. действует Инициатива по энергетической безопасности (APEC Energy Security Initiative), целями которой являются поддержка торговли энергоресурсами и инвестиций в ее развитие. Эта программа стала рамочной для содействия торговле СПГ (APEC LNG Trade Facilitation Initiative)⁴¹, предложенной в сентябре 2014 г. министрами энергетики стран АТЭС. В качестве ключевых проблем развития рынка СПГ назывались нефтяная индексация цен на поставки, а также гибкость рынка в условиях колебаний сезонного спроса. Тем не менее, за три года существования проекта цели инициативы остаются декларативными, а активность ограничивается проведением рабочих семинаров по обмену опытом. Ввиду отсутствия ощутимого прогресса в решении формулируемых задач эксперты окрестили подобные проекты «зомби-инициативами»⁴².

Администрация Б. Обамы активно пыталась оживить региональное сотрудничество, предлагая новые форматы взаимодействия, что в полной мере отвечало экономическому вектору политики США в АТР, который состоял в направлении региональных интеграционных процессов в выгодное для США русло. Делая ставку на многосторонние инициативы, политическое руководство страны готово было взять на себя ведущую роль в формировании новой экономической архитектуры, создании региональной системы правил в сфере торговли и инвестиционной деятельности⁴³. В 2012 г. лидеры США, Индонезии и Брунея выступили с проектом Американо-Азиатско-Тихоокеанского всеобъемлющего энергетического партнерства (U.S. — Asia Pacific Comprehensive Partnership for a Sustainable Energy Future). Его реализация призвана способствовать расширению доступа стран региона к источникам энергии, росту инвестиций, разработке механизмов по оказанию технической помощи для реализации энергетических проектов⁴⁴. Партнерство руководствуется ценностями уже существующих многосторонних региональных инициатив в области энергетической безопасности и дополняет их деятельность. К их числу относятся Рабочий план по укреплению энергетической безопасности АСЕАН —

США (ASEAN — United States Energy Cooperation Work Plan), Рабочая группа по энергетике АТЭС (APEC Energy Working Group), механизм министерских встреч ВАС. Партнерство формулирует четыре приоритета своей деятельности: возобновляемые источники энергии (ВИЭ) и чистая энергетика, рынки и их взаимозависимость, рост роли природного газа и устойчивое развитие.

В отличие от Б. Обамы, администрация Д.Трампа еще не предпринимала конкретных шагов в направлении укрепления многостороннего энергетического сотрудничества в АТР. Это можно объяснить тем, что содержание политического курса США в АТР все еще разрабатывается, и тем, что президент-республиканец намерен делать ставку исключительно на развитие двусторонних контактов с конкретными партнерами в регионе. Первый вариант не исключает возможности того, что США возьмут на себя роль лидера по оживлению стагнирующих инициатив в области энергетической безопасности в АТР. Второй означает, что потенциал экспорта СПГ для превращения экономических достижений в реальный политический актив останется неиспользованным. Перспективы экономического лидерства в условиях обостренной конкуренции на рынке СПГ в АТР остаются зависимыми исключительно от рыночных факторов.

Американский СПГ обладает рядом коммерчески привлекательных черт, что обуславливает заинтересованность стран АТР в расширении торговых связей с США как с потенциально крупным экспортером. Хабовая формула ценообразования, условие гибкости порта назначения, расширение предложения на региональном рынке природного газа — все эти факторы формируют основу для качественного изменения рыночной среды в АТР. СПГ США способствует повышению прозрачности газовой торговли и увеличению роли рыночных механизмов, чем не замедлили воспользоваться страны-импортеры в регионе. Новые контрактные условия, которыми характеризуются СПГ-проекты США, становятся основанием для беспрецедентного пересмотра уже существующих долгосрочных соглашений с такими поставщиками, как Катар и Австралия, а также способствуют разработке проектов по созданию региональных хабов, которые отражали бы динамику рыночных факторов, а не коммерческие интересы поставщиков.

Экспортируя СПГ на рынок АТР, США определили тенденцию развития торговли СПГ в регионе. Тем не менее роль экономического «новатора» не предполагает автоматического превращения США в экономического и политического лидера в нем. Как показывает проведенный анализ, экономический вес страны будет определяться исключительно рыночными факторами — соотношением спроса и предложения и конкуренцией. Поддержка администрацией Д. Трампа новых проектов по экспорту СПГ сможет принести плоды лишь в среднесрочной перспективе, так как решение компаний экспортировать природный газ будет мотивировано их коммерческой привлекательностью, чтобы окупить их капитальные затраты. Что касается двусторонних соглашений, то они, безусловно, способствуют продвижению интересов американских экспортеров СПГ на рынке АТР, но в условиях избытка предложения на нем партнеры США, в частности Япония, могут использовать американские поставки СПГ для укрепления своих лидерских позиций в регионе.

Для подлинного расширения влияния с помощью экспорта СПГ США следует активно использовать потенциал многостороннего сотрудничества в области обеспечения энергетической безопасности, предлагая новые или оживляя уже существующие инициативы. Тем не менее в настоящее время администрация Д. Трампа пока не предпринимала шагов в данном направлении. В условиях, когда роль рыночных факторов на рынке природного газа в АТР как никогда высока, экономические преимущества должны быть закреплены политически. В противном случае, эпоха «энергетического доминирования» окажется бумажным проектом, так как возможности США для расширения своего влияния в регионе могут быть упущены.

1. President Trump vows to usher in golden era of American energy dominance. URL: <https://www.whitehouse.gov/blog/2017/06/30/president-trump-vows-usher-golden-era-american-energy-dominance>.
2. См., например: *Medlock K.* U.S. LNG exports: truth and consequence. Rice's University James A. III Baker Institute on Public Policy, 2012; *Montgomery D.* Macroeconomic impacts of LNG sales from the United States. NERA economic consulting, 2012.
3. См., например: *Choi T. et al.* Economic impact of LNG exports from the United States. Deloitte Center for Energy Solutions, 2011; *Choi T. et al.* Exporting the American Renaissance. Global impacts of LNG exports from the United States. Deloitte Center for Energy Solutions, 2013; *Maugeri L.* Falling short: a reality check for global LNG exports. Harvard Kennedy School, Belfer Center for Science and International Affairs, 2014.
4. См., например: *Tow W.* Strategic dimensions of energy competition in Asia // *Energy Security in Asia* / Ed. by M. Wesley. Routledge, 2006. P. 161–173; *Wilson J.* Northeast Asian resource security strategies and international resource politics in Asia // *Asian Studies Review*. Routledge / Asian Studies Association of Australia, 2014. Issue 1, Vol. 38. P. 15–35; *Cutler T.* The Trans-Pacific Partnership as a pathway for U.S. energy exports to Japan. National Bureau of Asian Research Energy Security Program, 2015; *Herberg M.* U.S., Japanese, and Asian energy security in a new energy era. National Bureau of Asian Research, 2015; *Banks G.* Managing Pacific Rim security risks with U.S. energy. American Council for Capital Formation, 2015; *Копылов О.В.* Энергетическое сотрудничество в интеграционном контексте ЮВА и АТР: новые возможности для России // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2011. № 17. С. 39–47.
5. *Иванов Н.А.* Сланцевый газ и национальные интересы США // *США и Канада: экономика, политика, культура*, 2013. № 7. С. 71.
6. *Ratner M.* U.S. Natural Gas Exports: New Opportunities, Uncertain Outcomes. January 28, 2015 // Congressional Research Service. URL: <http://fas.org/sgp/crs/misc/R42074.pdf>.
7. *Maugeri L.* Falling short: a reality check for global LNG exports. Harvard Kennedy School. Belfer Center for Science and International Affairs, 2014. P. 14.
8. Стоимость СПГ в Азии традиционно привязана к Japan Crude Cocktail (японская нефтяная корзина), средневзвешенной цене сырой нефти, импортируемой в Японию. На сохранении такой привязки настаивал Катар, являющийся мировым лидером по производству СПГ.
9. *Palti-Guzman L.* Asia's LNG prospects: finally entering the Golden Age // *Asia's energy security amid global market change*. National Bureau of Asian Research, 2016. P. 33.
10. Despite Trump trade deal, US natural gas exports to China face obstacles. URL: <https://www.cnbc.com/2017/05/12/despite-trump-deal-us-natural-gas-exports-to-china-face-obstacles.html>.
11. Liquefied natural gas is all the rage in the Trump administration. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-04-25/lng-emerges-as-a-white-house-favorite-for-promoting-energy-jobs>.
12. *Maugeri L.* P. 4.
13. *Ibidem.* P. 10.
14. Cheniere's LNG market share expands as Korea contract starts. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-06-25/cheniere-grabs-bigger-piece-of-global-gas-market-with-korea-deal>.
15. *Cutler T.* The Trans-Pacific Partnership as a pathway for U.S. energy exports to Japan. / National Bureau of Asian Research Energy Security Program, 2015. P. 6.
16. Perspectives on the development of LNG Market Hubs in Asia Pacific Region // U.S. Energy Information Administration, 2017. URL: <https://www.eia.gov/analysis/studies/lng/asia/pdf/lngasia.pdf>.
17. Destination clauses on LNG will soon fade away: gas union president. URL: <http://www.reuters.com/article/us-asia-lng-contracts-idUSKBN0LT0YY20150225>.
18. *Еремин С.В.* Региональная интеграция газовых рынков: опыт, проблемы, перспективы глобализации // *Перестройка мировых энергетических рынков: возможности и вызовы для России*. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 62.
19. BP Energy Outlook, 2017 edition. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/energy-outlook-2017/bp-energy-outlook-2017.pdf>.
20. *Palti-Guzman L.* P. 34.

21. С введением в эксплуатацию расширенного канала стал возможен проход СПГ-танкеров вместимостью 3,9 млрд куб. футов. Для сравнения: до обновления грузовой способность составляла 0,7 млрд куб. футов.
22. Время доставки сократится с 34 дней (вокруг мыса Доброй Надежды) и с 31 (через Суэцкий канал) до 20. Сократится и время транспортировки СПГ до регазификационных терминалов в странах Южной Америки: Чили — с 20 до 8–9 дней, Эквадор и Колумбия — с 25 до 5 дней.
23. Expanded Panama Canal reduces travel time for shipments of US LNG to Asian markets. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=26892>.
24. Tanzania finalizes land deal for delayed LNG project. URL: <http://www.reuters.com/article/tanzania-energy-idUSL8N15D0MS>.
25. Зуйковский Н. Сдержанный оптимизм. Обзор российский СПГ-проектов // Oil and Gas Journal Russia, март 2016. URL: <http://ogjrusssia.com/uploads/images/Articles/March%2016/Spec1.pdf>.
26. U.S. natural gas exports and Trans-Pacific Partnership (TPP) agreement. Congressional research service insight. 2015. URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/LN10375.pdf>.
27. Full transcript: president Donald Trump's new conference. URL: <http://www.cnn.com/2017/02/16/politics/donald-trump-news-conference-transcript/index.html>.
28. Trump's China deal boosts US LNG without rule change. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-05-12/trump-s-china-deal-gives-u-s-lng-a-boost-without-changing-rules>.
29. В 2016 г. Китай импортировал 26,1 млн т СПГ, из которых 12 млн т, или 46%, пришлось на Австралию, 19% было импортировано из Катара. В рамках спотовой торговли США поставили лишь 200 тыс. т.
30. Qatar just threw a wrench into Trump's plan for US "energy dominance". URL: <https://www.cnn.com/2017/07/04/qatar-to-boost-lng-exports-throwing-a-wrench-in-trumps-energy-plans.html>.
31. Despite Trump trade deal, US natural gas exports to China face obstacles. URL: <https://www.cnn.com/2017/05/12/despite-trump-deal-us-natural-gas-exports-to-china-face-obstacles.html>.
32. Palti-Guzman L. P. 38.
33. The burden reduction effects of importing U.S. LNG for Japan. Institute for Energy Economics, Japan (IEEJ), 2013. URL: <https://eneken.iej.or.jp/data/4703.pdf>.
34. Japan said to ink deal to promote U.S. LNG in Asia. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/06/02/business/japan-said-ink-deal-promote-u-s-lng-asia/#.WZNla1VJbIU>.
35. Japan buys its first shipment of natural gas from U.S. fracking. URL: <http://dailycaller.com/2017/01/09/japan-buys-its-first-shipment-of-natural-gas-from-us-fracking/>
36. Japan's Tokyo Gas may look into swapping its US volumes of LNG with volumes sourced within Asia via location exchanges, company president Michiaki Hirose said Thursday. URL: <https://www.platts.com/latest-news/natural-gas/tokyo/japans-tokyo-gas-mulls-swapping-its-us-lng-cargoes-27682678>.
37. Maxie J., Masuda T. Allied energy security: the role of U.S. oil and LNG exports in U.S. relations with Japan and South Korea. Working paper / The National Bureau for Asian Research, 2017. P. 10.
38. Palti-Guzman L. P. 38.
39. Cheniere's LNG market share expands as Korea contract starts. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-06-25/cheniere-grabs-bigger-piece-of-global-gas-market-with-korea-deal>.
40. См. например: *Herberg M.* U.S., Japanese, and Asian energy security in a new energy era. National Bureau of Asian Research, 2015; *Cronshaw I. et al.* Increasing the use of natural gas in Asia-Pacific region / Council on Foreign Relations, 2017.
41. APEC LNG Trade Facilitation Initiative. URL: http://mddb.apec.org/Documents/2014/MM/EMM/14_emm11_002.pdf.
42. *Kong B., Ju J.* Whither energy security cooperation in Northeast Asia // Energy Security in Northeast Asia. Routledge, 2015.
43. *Лексютина Я.В.* «Возвращение в Азию» — внешнеполитический курс Б. Обамы: итоги пяти лет реализации // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 10. С. 17–34.
44. Fact sheet on the U.S.-Asia Pacific Comprehensive Energy Partnership for a sustainable energy. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2012/11/20/fact-sheet-us-asia-pacific-comprehensive-partnership-sustainable-energy>.

КНР: «современная система предприятий» и подходы к новым финансовым технологиям

© 2017

З.А. Муромцева

В статье рассматриваются меры по углублению реформы финансового механизма госпредприятий, представляющего основу «современной системы предприятий». Под углом зрения проблем и интересов реального сектора экономики анализируются перспективы построения «современных финансов с китайской спецификой». Дана оценка мировому тренду современных финансовых технологий и диверсификации дериватов, не связанных с прямой куплей-продажей материальных и финансовых активов.

Ключевые слова: госпредприятия, современные финансы с китайской спецификой, углубление финансовой реформы, реальный сектор экономики, общая факторная производительность.

Принятая в КНР установка на углубление перестройки госпредприятий (длящейся уже более двух десятилетий) напоминает о высокой значимости этого процесса, тесно связанного с построением общества «малого благоденствия» («сяокан»), как и о наличии в этом серьезных проблем. Замысел и содержание этой перестройки принято трактовать как «создание современной системы предприятий»¹ (имея в виду, прежде всего, преобразование модели их финансового функционирования).

Экономические реформы и курс открытости во внешний мир, начатые в КНР на исходе 1970-х годов, положили начало трансформации плановой экономики посредством последовательного насыщения ее рыночными атрибутами (что, как увидим ниже, — дело отнюдь непростое).

При этом китайское руководство изначально акцентировало внимание на усилении совокупной национальной мощи страны. То есть при разработке теоретических и практических основ нового финансового механизма приоритетом явилось развитие.

Государственная казна уступает часть функций банкам

Упор на банковское финансирование явился трендом первых шагов на пути преобразования финансовой системы. Прежде всего, это отразилось на формировании национального дохода, в котором стала уменьшаться пропорция государственных финансов. Правительство поощряло корпорации придерживаться индустриального развития нового типа², поддерживало предприятия в разработке программ развития. Так, Государственный банк развития курировал такие предприятия, как «Синьцзян Тянь'е», «Тяньфу Термоэлектрик» и пр., содействовал внедрению индустриальных технологий в земледелии. Народный банк Китая (НБК) помогал инфраструктурному строительству, социальным мероприятиям в сферах здравоохранения, образования, охраны окружающей среды,

поддерживал малое и среднее предпринимательство, программу возрождения Северо-Востока и приграничных территорий.

При этом НБК последовательно придерживается стратегии среднесрочного и долгосрочного финансирования национальной экономики, будучи нацелен на обеспечение программ средне- и долгосрочного строительства, урбанизации. Лишь так, считают в Китае, возможно поддерживать жизнеспособность и стабильность развития экономики: ведь ориентированные на рынок реформы поставили госсектор перед лицом спекулятивных рыночных рисков.

Получив с началом реформ право на часть получаемой ими прибыли, госпредприятия лишились бюджетного финансирования, а для пополнения оборотных фондов у них не было иных источников, кроме банковских кредитов. Из-за высоких налогов, низкой нормы амортизации, инфляции, крупных затрат на социальные нужды, неотрегулированности цен задолженность госпредприятий множилась как снежный ком. Низкопроцентное государственное финансирование доставалось относительно немногим (тогда как хозяйственные субъекты вне госсектора — предприятия в свободных экономических зонах, созданные за счет прямых иностранных инвестиций, пользовались многими льготами, вплоть до временного освобождения от выплаты налогов и пошлин).

Важный компонент современной кредитной системы КНР — система корпоративных кредитов. Поведение предприятий в работе с финансовыми инструментами в основном проявлялось в их внешних кредитных отношениях с потребителями (покупателями, заказчиками, клиентами), с банками и иными заемными учреждениями.

Новым этапом в преобразовании финансового механизма предприятий госсектора стало создание нескольких акционерных коммерческих банков.

Хотя от момента начала реформ минуло почти 40 лет, у китайских предприятий, особенно государственных, выросших из плановой экономики, все еще не сложилось понимания роли финансовой системы, финансовых технологий.

В начале 1994 г. стали осуществляться первоначальные проекты преобразований финансово-налоговой, банковской, валютной и ценовой систем, сопряженных с формированием «современной системы предприятий». В ее интересах для крупных производителей основной массы продукции разрабатывались меры по избавлению от долгов, увеличению инвестирования, улучшению руководства и управления.

В 1998 г. 512 ведущих госпредприятий были прикреплены к банкам, которые обеспечивали их кредитами и регулировали их экономическую структуру³. Часть ведущих госпредприятий промышленности получила право эмиссии своих акций. Были подготовлены уполномоченные аудиторы Госсовета КНР, которые анализировали финансово-хозяйственную деятельность ведущих предприятий (без вмешательства во внутренние дела проверяемых единиц).

Функционирование фондового рынка КНР началось с открытия на исходе 1990 г. Шанхайской фондовой биржи, к которой через полгода добавилась биржа в Шэньчжэне. В 1992 г. была создана Китайская комиссия по регулированию рынка ценных бумаг. Из 10 тыс. предприятий, преобразованных в компании, акции в 2000 г. продавали 1086. Рыночная стоимость ликвидных акций, реализуемых на фондовых биржах, увеличилась с 10,9 млрд юаней в 1991 г. до 1950,5 млрд юаней в 1998 г. За показателями фондовых рынков в мире, как правило, следят инвесторы, воспринимающие их как отражение общего состояния экономики.

В 2014 г. рыночная капитализация китайских акций, торгуемых на фондовой бирже (общая капитализация компаний за вычетом пакетов акций государства и стратегических инвесторов), превысила 40 трлн юаней. Год спустя на фондовом рынке Шэньчжэня было зарегистрировано 1746 листинговых компаний, в Шанхае — 1061. Но доля предприятий госсектора среди них невелика — порядка 20%.

По мере уменьшения ассигнований из бюджета и в результате замены отчислений от прибыли налогами самостоятельность госпредприятий как участников смешанной экономики с атрибутами рынка постепенно повышалась. Но в случаях, когда заходила речь о расширении их производства, они по-прежнему зависели от бюджетных ассигнований.

«Бумеранг» проблем вернулся к банкам

В ситуации острого спроса на капитал ответственность государства перед обществом вкпе с его установкой о необходимости финансирования предприятий повышали внешнее давление на банки, что порождало деформации в использовании их фондов. Многие госпредприятия, надолго оккупируя кредитные фонды банков, продолжительное время уклонялись от уплаты долгов, прибегая к таким новообразованным механизмам, как поглощение, разделение, слияние, фальшивое банкротство.

Умножение неосуществленных займов, высокий риск и низкая эффективность порождали финансовые трудности банков. Несмотря на их монополию в финансовой системе Китая, банки испытывали жесточайшие трудности, которые компенсировались, в основном, продолжительным ростом сбережений.

На рубеже 2000-х годов в КНР были предприняты практические меры по ликвидации высокой задолженности предприятий посредством превращения ее в пай государства. Госсовет учредил четыре коммерческих банка («Хуажун», «Чанчэн», «Дунфан», «Синда»), которые действовали не по принципу «банк-предприятие» (между банком и предприятием учреждался посредник, «компания-акционер»). Их задача заключалась в том, чтобы трансформировать задолженности («плохие кредиты») в акционерный пай, который в дальнейшем мог быть передан либо выкуплен предприятием (или продан на рынке).

Итак, в первом десятилетии XXI века финансово-кредитная система КНР продолжала служить для предприятий госсектора источником финансовых ресурсов, но по-прежнему не выполняла своей роли как важного фактора продвижения экономических реформ.

Во втором десятилетии XXI века курс на углубление реформ поставил перед финансовой системой КНР сложные задачи. В первую очередь это касается моделей инвестиционных проектов, призванных обеспечивать все сферы экономики финансовыми средствами, ориентированными на долгосрочное развитие.

В преобразовании финансовой системы, считают китайские реформаторы, необходимы прагматические и реалистические меры, основанные на современных идеях. Прежде всего, это касается кредитной системы. Необходимо задействовать рыночный, корпоративный, личный кредиты. В них должны сочетаться: государственный кредит с рыночным, рыночный — с корпоративным, корпоративный — с личным.

КНР не может, по мнению китайских аналитиков, вернуться на путь финансово-го развития, ориентированный, в основном, на Запад, ибо жесткая международная конкуренция не позволяет идти по пути «свободной» эволюции рыночного механизма. К тому же, в КНР отсутствуют финансовые источники, могущие обеспечить огромную стоимость естественной эволюции. Для модернизации, в реальном смысле этого понятия, финансовому сектору КНР предстоит пройти долгий путь, требующий систематических усилий и креативности.

В 2010 г. кредитное финансирование, осуществляемое банками, заняло в общем финансировании непропорционально высокую долю — 92% (рыночные инструменты финансирования составили тогда всего лишь 8%⁴).

Дело в том, что рынок акций формировался в КНР под влиянием банковского кредитования, доминирующего в финансировании отраслей экономики и постепенно распространяющегося от промышленности и строительства на все три сферы производства. Он отличается от американской модели, где преобладают акции фондового рынка.

Тем не менее на современном этапе углубления экономической реформы фондовые рынки Китая в Шанхае и Шэньчжэне получили существенное развитие. Финансовые регуляторы этих рынков действуют оперативно, используя, в том числе и жесткие меры нерыночного характера.

Инвентаризация результатов

В ходе формирования «современных финансов с китайской спецификой» в КНР идет апробация взаимодействия инвестиций в реальную экономику с использованием мирового тренда развития современных финансов, заключающуюся в использовании инвестиций для непроизводственных целей. Если инвестиции в производство должны обеспечить завершение в Китае индустриализации нового типа, то непроизводственные инвестиции направлены на получение средств, связанных с распространением и диверсификацией инструментов, не участвующих в прямой купле и продаже финансовых активов, что повышает риски финансового обеспечения реального сектора.

В связи с трудностями становления новой модели развития экономики, базирующейся на интенсивных факторах роста, в Китае ожесточилась дискуссия по проблемам использования новых финансовых инструментов. Критике подвергаются такие из них, как фьючерсы, свопы и прочие сделки, не связанные с оборотом — т.е. с прямой куплей-продажей материальных и финансовых активов. Многие китайские экономисты считают, что влияние финансового развития на взаимосвязь волатильности финансового рынка с долгосрочными тенденциями экономического роста будет зависеть от финансовых ресурсов, направленных в реальный сектор и в непроизводственную сферу, включая обеспечение положительной корреляции между ними⁵.

В условиях «новой нормальности» экономика КНР чувствительна к изменениям финансовой политики в мире. Внимательно наблюдая за политикой центробанков США, Японии и Европы, Комитет КНР по финансовому контролю наряду с жесткими мерами в отношении теневого сектора китайской экономики осуществляет регулирование валютного курса и процентных ставок. В процессе реформы в Китае формируется стратегия корректировки финансовой политики, характеризующаяся осмотрительностью и гибкостью в принятии решений путем лавирования между действиями спекулятивного характера (имеющими место в мире) и объективной ситуацией на мировом рынке. НБК не придерживается слепой зависимости от динамики процентных ставок, варьирующихся в мировой экономике, и не предусматривает перехода к денежной либерализации. Особое внимание уделено осмотрительности финансовых действий, которые должны обеспечивать относительную устойчивость и гибкость процентных ставок и валютного курса, чтобы умерить спекулятивные устремления и теневой банкинг.

Возможное сжатие ликвидности в глобальном масштабе, которое могут принять развитые страны во главе с США, содержит скрытые финансовые риски и опасны для китайской экономики ввиду возможности спада цен на активы и беспорядка на рынке недвижимости.

В предвидении развития подобных ситуаций правительство КНР создало в 2017 г., по результатам работы всекитайской конференции по финансовым вопросам, комиссию, призванную содействовать регулированию финансового контроля для перспективного развития. Было указано, что в работе финансистов необходимо улучшить обслуживание реального сектора экономики.

Финансовое реформирование, в котором появляются современные инструменты, не препятствует в целом реструктуризации традиционных отраслей и росту реальной экономики. Снижение удельного веса финансирования долгов способствует урегулированию интересов реальной экономики, что не противоречит мировой тенденции укрепления нематериальных факторов экономического развития, сконцентрированных в показа-

теле общей факторной производительности (совокупность факторов, за вычетом затрат труда и капитала, влияющих на выпуск продукции).

Чтобы не нарушать интересы финансовой поддержки реальной экономики, НБК тщательно отслеживает денежно-кредитную деятельность, комплексно использует свои возможности, чтобы обеспечить умеренное и стабильное развитие денежного обращения в банковской системе. Коммерческие банки в унисон сдерживают межбанковские операции с целью усилить динамику финансовой поддержки реальных отраслей экономики.

НБК также ставит задачу сбалансировать уровень кредитов для соотношения «спрос-предложение» и со временем реализовать структурные реформы в сфере предложения, которые в конечном итоге призваны способствовать реструктуризации реальной экономики. Следовательно, политика формирования современной финансовой системы КНР поставлена на службу интересам национальных предприятий и предпринимателей, а финансовые инструменты, в которых заложена общая факторная производительность, зависящая от развития новой экономики, но чреватая на настоящем этапе серьезными рисками, жестко контролируется государством.

За годы реформ финансовый сектор КНР претерпел трансформацию. Функции Центрального банка (НБК) постепенно преобразовывались. Роль кредитора он теперь исполняет лишь в крайних случаях, монетарная политика начала обретать эффективность. Деятельность четырех главных коммерческих банков (Сельскохозяйственного банка Китая, Банка Китая, Строительного Банка Китая, Торгово-промышленного Банка Китая) становилась прозрачнее. Муниципальные коммерческие банки (их в КНР — свыше 300) начали работать в почти каждом городе уровня префектуры (округа). Современная банковская система и «современная система предприятий» укрепились. Роль банков усиливалась. Наконец, с 1994 г. здесь успешно функционируют три «государственно-директивных банка» (в СМИ и научной литературе неточно именуемые «политическими»): Экспортно-импортный банк, чья задача — финансирование экспорта оборудования, Государственный банк развития, кредитующий наиболее крупные проекты, и Китайский банк развития сельского хозяйства, обслуживающий сельскохозяйственные закупки.

Что же касается производственных финансовых инструментов — фьючерсов, аукционов, свопов и сделок, не связанных с оборотом, прямой куплей-продажей материальных и финансовых активов, то их развитие при формировании механизма системы современных финансов с китайской спецификой очевидно.

К концу 2010 г. банковский сектор обладал активами в сумме 95,3 трлн юаней и общей задолженностью в 89,3 трлн юаней⁶. Первоначальные очертания современной системы финансов обретают форму, хотя она еще далека от совершенства и по-прежнему нестабильна. Кроме того, финансовая индустрия КНР остается в высокой степени уязвимой как от внешних, так и от внутренних обстоятельств.

Удовлетворительные результаты деятельности финансового механизма КНР во время Азиатского финансового кризиса в 1997 г. и в глобальном финансовом кризисе 2008 г. не означают, что китайская финансовая система обрела устойчивость в противостоянии рискам. Чтобы достичь модернизации в реальном смысле этого понятия, его финансовому сектору предстоит долгий путь.

Сознавая, что финансовая нестабильность могла бы ввергнуть страну в хаос, центральное правительство единовременно тратит огромные суммы, чтобы оплатить не представленные активы обанкротившихся финансовых учреждений и коммерческих банков.

Финансовые риски остаются высокими. Хотя доля неоплаченных банковских займов снижается, до победы над потенциальными угрозами еще далеко. Рыночное финансирование капитала остается незначительным.

Коррективы, внесенные сессией ВСНП

На 5-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2017 г.) в докладе о выполнении плана экономического и социального развития за 2016 год и проекте плана экономического и социального развития на 2017 год подчеркнуто: «Углубленно продвигая реформу финансовой системы, усиливая рыночный контроль и устранение бюджетно-финансовых рисков посредством проведения взвешенной монетарной, производственной и земельной политики, надлежит прилагать усилия для предотвращения перехода средств от реального к виртуальному сектору экономики и рисков колебания на рынке недвижимости»⁷.

В ходе этой сессии настоятельно звучал призыв к разумной активности в деле снижения соотношения между ценными бумагами с фиксированными и нефиксированными доходами, т.е. финансового левериджа (показателя соотношения заемного и собственного капитала) предприятий. Было также указано, что путем слияния, реорганизации и объявления в соответствии с законом банкротства надлежит стимулировать ликвидацию фиктивно функционирующих «зомби предприятий». Без воздействия рычагов государственного регулирования в рамках углубления финансовой реформы формально закрытые предприятия продолжают существовать, превращаясь в «зомби» и препятствуя мерам по интенсификации производства.

Для формирования финансового механизма «современной системы предприятий» важны такие меры, как стимулирование банков, исполнительных организаций и предприятий к конвертации долгов в акции на основе рыночных принципов и самостоятельных переговоров. Переход на интенсивный путь развития требует продвижения акционерного финансирования, расширения каналов для паевого финансирования и усиления мер самих предприятий по ограничению собственного коэффициента финансового левериджа.

Наряду с задачей углубления финансовых реформ в материалах сессии подчеркнута необходимость принятия комплексных мер по снижению издержек в реальном секторе экономики. Речь шла о дальнейшем упрощении процедур визирования, снижения нерациональных расходов на посреднические услуги и экспертизу и т.д.

В разработке новых способов инвестирования и финансирования продолжается нормирование и внедрение в практику моделей государственно-частного партнерства, подбираются проекты, которыми предусмотрены надежные притоки наличности и которые сулят стабильную отдачу.

В облегчении долгового бремени предприятий все более значимым становится наличие бюджета хозяйствования на государственном капитале. Данные последних сессий ВСНП свидетельствуют об участии госкапитала в преодолении задолженности на местах, где поступления в бюджет прибыли от хозяйствования госкапиталом увеличились в 2016 г. на 2% и составили 260,184 млрд юаней; выплаты из него возросли на 18,2% (более 217 млрд юаней). Поступления в бюджет от хозяйствования госкапиталом центральных предприятий в 2016 г. превысили 143 млрд юаней. Этот показатель был меньше предусмотренного на 11,3%.

Политические установки сессии ВСНП поддерживают, поощряют и расширяют допуск частных инвестиций в конкурентные операции в базисных отраслях, телекоммуникации, в разведке и освоении нефти и газа, в сфере оборонной науки и техники.

Продвижение реформы бюджетно-налоговой и финансовой системы предусматривает улучшение управленческой структуры коммерческих банков и углубление реформы, нацеленной на создание многоуровневой системы рынка капитала, совершенствование порядка выпуска акций и ускорение развития современного страхового обслуживания.

Китайский финансовый сектор в условиях глобального развития не может не учитывать современные мировые тенденции в финансовой сфере. Современная модель китайского финансового развития формируется в смешанной экономике и представляет, как отмечалось выше, комбинацию государственных и рыночных факторов в процессе финансовой маркетизации.

О стратегии финансовой маркетизации КНР

На прошедшем в мае 2017 г. в Пекине форуме международного сотрудничества «Один пояс, один путь» Председатель КНР Си Цзиньпин в своем установочном выступлении отметил, что финансы есть кровеносная система современной экономики. «Нужно способствовать развитию «больших данных», «облачных вычислений» и «умных» городов, чтобы объединить их в цифровой Шелковый путь XXI века», — заявил он⁸. После этого форума НБК учредил Комитет по финансовым технологиям⁹, призванный оценивать влияние новых финансовых технологий на монетарную политику, финансовые рынки, финансовую стабильность и клиринг.

Технология блокчейн¹⁰ является одним из ключевых элементов, определяющих новые финансовые технологии. НБК еще в 2016 г. проявил интерес к этой технологии, когда она стала базой транзакций биткоина. Эксперты и разработчики приступили к созданию криптовалюты в Китае. Было выяснено, что блокчейн имеет полезные свойства и может применяться в других областях. Блокчейн-платформа может обеспечивать рациональное финансирование и непрерывное функционирование цепочек поставок. Поскольку весь этот процесс автоматизирован, он не подвержен сбоям. В КНР первую блокчейн-платформу использовала компания «Dianrong» совместно с производителем «iPhone Foxconn». На основе блокчейн в сотрудничестве с IBM Почтовый сбербанк Китая, активы которого составляли более 1 трлн долл., запустил систему коммерческого учета активов. Имеются сведения, что Национальный фонд социального страхования Китая, управляющий примерно 250 млрд долл., также планирует использовать при помощи швейцарского банка UBS технологию блокчейн.

Имеющиеся примеры использования новых инструментов финансовых технологий свидетельствуют об их преимуществах в международной торговле и сотрудничестве, о достигаемой экономии времени и денежных средств. Однако эти примеры для большинства партнеров кажутся эфемерными, поскольку не имеют программного обеспечения с открытым исходным кодом, а также гармонизированного законодательства и равноценного развития современных финансовых технологий у участников.

Декларация Си Цзиньпина о «цифровом Шелковом пути XXI века» пока что выглядит преждевременной. Внедрение новых технологий в КНР целиком зависит от государства и его усилий по совершенствованию «современной системы предприятий», объединяющей как государственные, так и негосударственные предприятия всех сфер производства, включая финансы. Инновационное развитие этой системы по-прежнему связано с процессами глобализации и заимствованием интеллектуальной собственности. Процесс перехода Китая на новые источники стимулирования современного экономического развития в связке «труд — земля — капитал» обостряет внимание ко всем элементам этого триединого целого.

На настоящем этапе реформирования чрезвычайная сложность решения экологических и земельных проблем, снижение трудовых преимуществ фокусирует внимание на проблемах капитала. Финансовые средства, накопленные в Китае многомиллионной трудовой армией и вложенные в развитие реальной экономики, подвергаются серьезным финансовым рискам. Спекулятивные сделки, с одной стороны, обусловлены использованием новых финансовых инструментов, не связанных с реальным движением материальных и финансовых средств. С другой стороны, владение передовыми производственными технологиями, внедрение инновационного развития, новейшие финансовые технологии формируют фундамент общей факторной производительности, плодами которого пользуются в первую очередь развитые страны. Развивая сотрудничество «Один пояс, один путь», китайское руководство предусматривает возможность повысить темп своего продвижения к плодам общего факторного развития.

По мере становления китайской экономики на интенсивный путь развития начнут действовать долгосрочные технологические изменения. Они могут повысить общую факторную производительность и позволят оказывать влияние на эффективность производства вне зависимости от затрат труда и капитала.

Для осуществления этой тенденции в Китае очень важной представляется устойчивость экономической глобализации. Однако в мире поднимается волна антиглобализма. Данная тенденция, как и стремление Соединенных Штатов к однополярности и удержанию своего господства в мире могут стать главным «камнем преткновения» на пути совершенствования современной системы предприятий и развития современной финансовой системы в КНР.

Стратегия финансовой маркетизации Китая под руководством государства должна, по мнению китайских аналитиков, пройти три стадии. В период 2-й стадии (2020–2050 гг.) предполагается установить современную корпоративную систему, первоначальные основы развитого финансового рынка с реализацией направления финансовой социализации. В четвертом десятилетии, на 2-й стадии, в Китае будет формироваться система развитого рыночного кредита при высокой степени социализации, что повлечет рост доли Китая на международном финансовом рынке. В 3-й стадии (с середины XXI века) Китай усилит влияние на международный финансовый рынок, китайская валюта станет важным компонентом мировой монетарной системы.

1. «Современная система предприятий» характеризуется как система четкого разграничения имущественных прав, как право инвестора на получение дохода от деятельности предприятия пропорционально вложенным средствам, как право предприятия на самостоятельное ведение хозяйственной деятельности и его ответственности за результаты этой деятельности как юридического лица. Решение о создании «системы современных предприятий», принятое 3-м пленумом ЦК КПК 14-го созыва, направляло госпредприятия на путь такого развития. См. подробнее: *Муромцева З.А., Шао Жэнь*. Государственные предприятия КНР: реформы и развитие. М.: ИДВ РАН, 2017.
2. Индустриализация нового типа — высоконаучное и техноемкое производство, основанное на инновациях, ресурсосбережении и охране экологической среды.
3. Цзинцзи жибао. 05.01.1998.
4. *Lixing Zou*. China's Rise. Development-Oriented Finance and Sustainable Development // World Scientific. New Jersey; London; Singapore, 2015. P. 352.
5. Цзинцзи сюэ дунтай. 2016. № 9. С. 4.
6. *Lixing Zou*. Op. cit. P. 351.
7. Жэньминь жибао. 18.03.2017.
8. Цит. по: Китай. 2017. № 6. С. 21.
9. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/21/06/2017/594a30529a794767690a7042>.
10. Технология блокчейн делает возможным хранить данные о финансовых операциях, юридических обязательствах, правах собственности, обеспечивая прозрачность и доступность для ознакомления при надежной защите от взлома, подлога и т.д. Блокчейн — своего рода картотека, фиксирующая и шифрующая данные об операциях, записи в которой трудно подделать, а данные о внесении в нее дополнительных записей сразу же появляются у всех, кто причастен к этой системе. Впервые блокчейн был использован в качестве базы транзакций криптовалюты биткоин. В связи с противоречивым отношением к распространению криптовалюты необходимо разделять понятия технология блокчейн и цифровые валюты. В настоящее время технологией блокчейн занимаются крупные венчурные компании такие, как Digital Currency Group, Blockchain Capital, Pantera Capital, Fenbushi Capital, Boost VC. Отрицательное отношение к цифровой валюте формируется из-за возможности ее использования в незаконной торговле, оружием, наркотиками и т.д.

Государство и общество

Переосмысление теорий этногенеза корейцев в Республике Корея и КНДР в 1960-е годы

© 2017

В.С. Акуленко

В статье рассматривается вопрос переосмысления учеными КНДР и Республики Корея вопроса этногенеза корейцев в 1960-е годы. В этот период сочетание политических и идеологических изменений вместе с наметившимся прогрессом в изучении древнейшего прошлого Кореи привели к формированию тенденций, которые играют важнейшую роль в понимании учеными двух стран процесса этногенеза корейцев. В КНДР приступили к «чучхеизации» Древней истории, приведшей к формированию автохтонной теории этногенеза корейцев, в то время как в РК сделали ставку на междисциплинарный подход, позволивший сформировать теорию о миграционном характере этногенеза корейцев на полиэтнической основе.

Ключевые слова: теории этногенеза корейцев, автохтонная теория этногенеза корейцев, миграционная теория этногенеза корейцев, «чучхеизация» истории.

1960-е годы являются переломным моментом в изучении теорий этногенеза корейцев в КНДР и РК. В обоих государствах в этот период происходят значительные идеологические и политические изменения: в КНДР устанавливается режим личной власти Ким Ир Сена и начинается формирование идеологии чучхе, в РК к власти приходит Пак Чон Хи, также установивший диктаторский тип правления и сформировавший свою тоталитарную националистическую идеологию. Оба режима используют историю не только в качестве идеологического инструмента в деле воспитания подрастающего поколения, но и как мягкую силу в отношении зарубежных соотечественников.

Одновременно с этим ученые РК и КНДР делают ряд замечательных открытий в области археологии, начинают использовать в своих исследованиях данные физической антропологии, сравнительно-исторического языкознания и других наук.

Все это приводит к переосмыслению теорий происхождения корейцев, сформированных в предыдущий период. Именно в 1960-е годы начинается постепенное расхождение северокорейских и южнокорейских взглядов на процесс формирования корейцев. В связи с этим изучение теорий этногенеза, сформированных в данный период в РК и КНДР, позволяет пролить свет на процесс, приведший в итоге к появлению двух диа-

метрально противоположных взглядов на этногенез корейцев, бытующих сейчас в КНДР и РК.

Данный вопрос практически не исследуется ни в России, ни за рубежом. Между тем его пристальное изучение может помочь сблизить в будущем позиции двух исторических школ, что является одной из важных задач для преодоления раскола между Севером и Югом.

Начало «чучхензации» этногенеза корейцев в КНДР

Конец 1950-х годов является одним из поворотных пунктов в истории КНДР. Именно в это время начинает набирать обороты «чучхензация» северокорейского общества и отход от советских и китайских методов. Одновременно в официальной идеологии КНДР начинает проявляться крен в сторону национализма. По мнению Хобсбаума, многие марксистские государства всегда тяготели к превращению в национальные не только по форме, но и по содержанию¹. А в начале 1960-х годов «интерес к истории» проявил Ким Чен Ир, который в середине октября 1960 г.² подверг резкой критике своего преподавателя истории за «догматизм» и вскоре выступил перед аудиторией с докладом «О пересмотре вопроса объединения Трех государств»³.

Более того, для пересмотра, по крайней мере, Древней истории Кореи и теории этногенеза корейцев сложились и объективные предпосылки, связанные с прогрессом северокорейской археологии. Открытия, сделанные северокорейскими учеными в рассматриваемый период, начали формировать доказательную базу автохтонной теории этногенеза.

Кроме того, с начала 1960-х годов идет пересмотр понимания и центрального для формирования в Корее теорий этногенеза термина «минчжок»⁴. До начала 60-х северокорейские ученые толковали «минчжок» в соответствии со сталинским определением нации, что накладывало на его использование определенные временные рамки. Поэтому для феодальной формации пользовались отдельным термином «чунминчжок»⁵, который является эквивалентом советского термина «народность». Северокорейские ученые нередко использовали советские термины в корейской транскрипции. Однако уже в изданной в 1962 г. второй редакции «Общей истории Кореи»⁶ вместо термина «чунминчжок» повсеместно используется термин «инмин»⁷. А 3 января 1964 г. в беседе с филологами Ким Ир Сен впервые указывает на важность языка в формировании «минчжок»⁸. В этом можно увидеть постепенное начало отказа от данного Сталиным определения нации. При этом отказ от советского опыта в данном случае, возможно, был продиктован не только идеологическими соображениями, как указывают южнокорейские авторы⁹, но и практическими соображениями, так как сталинское определение нации не совсем подходило для корейского термина «минчжок», активно использовавшегося для построения теорий этногенеза.

Таким образом, изменения в политической и идеологической системе КНДР на рубеже 1950-х и 1960-х годов, наряду с новым пониманием термина «минчжок» и прогрессом северокорейской археологии, приводят к тому, что в новой редакции «Общей истории Кореи», которая выходит из печати в 1962 г., версия этногенеза корейцев довольно сильно отличается от той, которая была описана всего за 6 лет до этого, в первой редакции книги¹⁰.

Благодаря новым открытиям северокорейских археологов фактическая основа исторических сочинений становится более разнообразной, что позволяет по-новому взглянуть и на процесс этногенеза, отодвинуть его границы дальше в прошлое. В 1960-х годах северокорейскими учеными были обнаружены первые палеолитические стоянки на территории КНДР. Это, прежде всего, стоянка Кульпхори, обнаруженная еще в 1963 г. в уезде Унги пров. Северная Хамгён, где были найдены орудия эпохи среднего палеолита возрастом около 100 тыс. лет, а также легендарная пещерная стоянка Комынмору, откры-

тая в 1966 г. в уезде Санвон города Пхеньян, возраст которой тогда оценивался в 400–500 тыс. лет¹¹.

Тем не менее эти находки не сразу стали базой для пересмотра теорий этногенеза корейцев, хотя в исторических сочинениях рассматриваемого периода палеолитические жители уже называются «предками»¹².

Большее внимание уделяется периоду неолита, который был уже довольно хорошо изучен. Время его появления определяется как V–IV тыс. до н.э.¹³ Северокорейские ученые проводят сравнение кунсанской неолитической культуры, наиболее подробно изученной в тот период по материалам раскопок стоянки Кунсан (уезд Ончхон, пров. Южная Пхёнзан), с неолитическими культурами соседних регионов Азии. К примеру, указывается на большую схожесть узоров керамики кунсанской культуры и неолитических культур долины р. Енисей и Байкальского региона¹⁴, а также на некоторые различия керамических традиций кунсанской культуры и неолитической культуры северо-восточной части Кореи, которую объединяют с культурой южной части Приморья¹⁵. В частности, обращается внимание на различные типы дна сосудов: в северо-западной части Кореи они острые или закругленные, а в северо-восточной — плоские. Есть упоминания и об обнаружении более ранней неорнаментированной догребенчатой керамики¹⁶.

Одновременно с этим, в результате анализа каменных изделий, обнаруженных в северо-восточной части Кореи, северокорейские ученые делают вывод о возможном непрерывном развитии неолитической культуры этого региона начиная с палеолита¹⁷. То есть в 1960-е годы начинает формироваться представление об этногенезе корейцев как об автохтонном процессе, который начался еще в период палеолита.

Тем не менее в 60-е годы северокорейские ученые считают непосредственными предками корейцев племена е, мэк и хан, которые, по их мнению, имели одинаковые языки и обычаи, а также издревле занимались земледелием. Эти племена сформировали первые государственные образования корейцев: е основали государство Древний Чосон, мэк — Пуё и Мэккук (или Коригук), а хан — Чингук. География распространения древних корейских племен включает в себя не только Корейский полуостров, но и широкие просторы Северо-Восточного Китая. Временем формирования племен считается II тыс. до н.э., а причиной их возникновения — усложнение социально-экономической жизни и давление со стороны ближайших соседей¹⁸.

Заслуживает внимания трактовка этнической истории этого периода, данная выдающимся северокорейским историком Ли Чжи Рином. Он предполагал, что корейские племена — е, мэк и хан, сложились уже к I тыс. до н.э., однако до них на побережье Желтого моря и Бохайского залива обитало племя чои, поглощенное в результате миграции с севера племен е и мэк¹⁹. Следы существования данного племени он нашел не только в китайских летописях, но и в некоторых элементах культуры племен хан. К примеру, в мифе о рождении из яйца или обычае приделывать крылья усопшим у племен чинхан²⁰. По его мнению, хан сложились в ходе смешения племен е и местных жителей — чои²¹. Кроме того, Ли Чжи Рин предположил, что сушени китайских летописей также являлись и чосонцами, а их предками были все те же чои, смешавшиеся с е²².

Интересным фактом с точки зрения интерпретации этногенетических процессов является признание переселения на Корейский полуостров значительного количества китайских беженцев в период Борющихся царств (V в. до н.э. — 221 г. н.э.), что подтверждается многочисленными археологическими находками. Однако северокорейские авторы тут же делают важную оговорку — это переселение никак не связано с началом использования корейцами железа²³. В этом утверждении можно обнаружить начавшуюся «чучхеизацию» Древней истории Кореи, выражающуюся в стремлении доказать отсутствие иностранного влияния (либо показать его незначительность) на формирование корейского народа, развитие его культуры и государственности.

На примере легенд о Кичжа и Ви Мане также отчетливо прослеживается данная тенденция. Легенда о пришествии китайского вельможи Киджа на восток была отвергнута как несостоятельная еще в начале 1960-х.²⁴ Для ее развенчания в июне 1961 г. даже собирали симпозиум, на котором 8 из 10 дискуссантов высказались в пользу ее несостоятельности.²⁵ А этническая принадлежность Ви Мана однозначно определяется северо-корейскими учеными, как еская²⁶.

Тем не менее полностью отказаться от присутствия иностранного влияния на этногенез корейцев северо-корейским ученым тогда не удалось, так как бесспорным историческим фактом, который имеет и материальное подтверждение в виде археологических памятников, является существование на территории Кореи после падения Древнего Чосона китайских округов. Однако в связи с тем, что северо-корейская наука рассматривает борьбу корейского народа с внутренними и внешними врагами в качестве двигателя корейской истории, борьба с китайскими захватчиками играет важную роль в этногенезе корейцев, так как способствует формированию новых центров притяжения корейских племен. Одним из таких центров освободительного движения становится р. Тэдонган. Борьба древних чосонцев против китайских захватчиков привела к постепенному освобождению территории Кореи от последних²⁷.

Указание на бассейн р. Тэдонган как на центр освободительной борьбы древних корейцев является отнюдь не случайным, так как в 1960-е годы начинает проявлять себя еще одна тенденция в построении теории этногенеза корейцев — североцентризм. Обоострение идеологической борьбы между РК и КНДР приводит к соревнованию между историками двух стран за вклад Севера и Юга Кореи в формирование и развитие корейского народа, его государственности и культуры. Поэтому неудивительно, что наибольшее внимание северо-корейские ученые уделяют племени когурё, которое описывается как одна из ветвей племен мэк, которая уже во II в. до н.э. вела обособленную жизнь в горных районах на границе Кореи и Маньчжурии²⁸.

Формирование и становление новых центров этногенеза корейцев не проходило бесследно для этнической истории полуострова. Северо-корейские ученые отмечают, что общность языков племен, которые являлись предками современных корейцев, еще более усиливается после образования государств Когурё, Пэкче и Силла. Сближение языков способствовало большему взаимопониманию между народами полуострова²⁹. Указывают северо-корейские ученые и на формирование прочных культурных связей между тремя корейскими государствами³⁰.

К сожалению, в 60-е годы, в отличие от предшествующего периода, вопрос формирования корейской народности в научных работах отдельно не рассматривается. Однако перемены, произошедшие в понимании процесса появления первого единого корейского государства, позволяют предположить, что момент завершения формирования корейской народности также переместился ближе к настоящему. В начале 60-х результат войн за гегемонию на Корейском полуострове между Когурё, Пэкче и Силла стало принято называть «объединением южной части территории государства»³¹, так как на севере разбитые китайцами когурёсцы основывают новое государство — Бохай³². Таким способом северо-корейские ученые стремились подчеркнуть незавершенный характер объединения Кореи. Кроме того, как уже было сказано выше, интерес к этому вопросу проявил и молодой Ким Чен Ир.

Возможно, поэтому с начала 1960-х формируется идея о периоде Северного и Южного государства, или Северной и Южной династии, в истории Кореи³³. К примеру, Пак Си Хён указывает, что Силла и Бохай называли друг друга таким образом, подчеркивая тем самым ненормальность сложившейся ситуации и необходимость объединения двух братских народов³⁴. Формирование такой идеи, возможно, является трансляцией современной политической ситуации на Корейском полуострове на историческое прошлое, а также попыткой отказать «южному» государству Силла в праве называться первым

объединителем Кореи. Корё, возникшее как преемник Когурё, выглядит в этом смысле гораздо привлекательнее для северокорейских ученых, так как не ломает формирующуюся концепцию о вечном превосходстве Севера над Югом.

Подводя итоги, можно сказать, что в 1960-е годы под влиянием идеологических и политических изменений, а также новых археологических открытий в КНДР начинает формироваться новая теория этногенеза корейцев. «Чучхеизация» истории рождает тенденцию на определение этногенеза корейцев как автохтонного процесса, происходившего в Корее и в северо-восточной части Китая, возможно, с периода палеолита. Более того, северокорейские ученые стараются «избавить» корейскую историю от иностранного влияния, что приводит к отрицанию значительного влияния Китая и других стран и народов на формирование культуры и государственности на Корейском полуострове. Идеологическое противостояние Севера и Юга рождает еще одну тенденцию, которую мы условно обозначили как «североцентризм», в описании истории Кореи и этногенеза корейцев. В результате, несмотря на признание важной роли силланской культуры и языка в формировании общекорейской культуры и языка, завершение процесса этногенеза откладывается до создания государства Корё. Кроме того, начинает подчеркиваться выдающаяся роль когурёсцев и их преемников бохайцев в развитии корейской культуры и государственности, а также важность воссоединения родственных народов Корё и Бохая после падения последнего. Данный факт представляется как «особый случай в мировой истории феодальных обществ»³⁵.

Концепции этногенеза корейцев в РК в 1960-е годы

С началом 1960-х, после прихода к власти Пак Чон Хи, в стране начался новый период, связанный с бурным ростом экономики, с одной стороны, и ограничением гражданских свобод — с другой. Основой идеологии нового режима становится теория «национальной демократии», одной из основ которой была концепция «чучхесон» (идеология национального субъективизма), согласно которой любое событие в истории Кореи оценивалось с учетом проявления в нем «национального сознания» и «национальной самобытности». Концепция предполагала следование традиционным корейским духовным и политическим установкам, характерным для государства Силла³⁶.

Такая идеологизация истории страны стимулировала южнокорейских историков к более подробному и обстоятельному изучению происхождения корейцев, а власти — к лучшему финансированию таких исследований. В результате в изучении вопроса этногенеза корейцев появились новые работы и идеи. Стали активно применяться достижения физической антропологии, этнологии, археологии, лингвистики и других наук.

Основываясь на данных физической антропологии, этногенез корейцев исследовал На Сэ Чжин. Одна из первых его работ была посвящена измерению размеров зубов корейцев и их сравнению с зубами европейцев, американцев, австралийцев и японцев. В ней он на фактическом материале показал, что по строению зубов корейцы условно располагаются между японцами и европейцами³⁷.

В другой своей работе он представил более широкий набор данных о корейцах и окружающих народах. Главный вывод, который он делает, заключается в том, что антропологические особенности корейцев, сформировавшиеся в древности и сохранившиеся до сих пор благодаря изолированности этноса на полуострове, выделяют их среди прочих народов Дальнего Востока и делают больше всего похожими на европейцев³⁸.

Соглашаясь с западными исследователями в том, что корейцы принадлежат к более широкой группе алтайских народов (северных народов), он, однако, указывает, что с точки зрения антропологии корейцы все же от них отличаются³⁹. Кроме того, он согласен и с возможным участием в этногенезе корейцев народов, принадлежащих к южным культурам полинезийского происхождения⁴⁰. В целом, На Сэ Чжин придерживается мне-

ния об участии двух—трех компонентов в этногенезе корейцев. Сформировавшийся таким образом этнос сохранился, по его мнению, практически в неизменном виде, образовав изолированный генофонд⁴¹. Главный его вывод заключается в том, что корейцы — это гомогенный народ с пятитысячелетней историей⁴².

Важнейшей вехой в развитии теорий этногенеза корейцев становятся исследования южнокорейского археолога Ким Вон Рёна. Пожалуй, главным его достижениями в 1960-е годы можно считать введение в научный оборот сведений, содержащихся в «Самгук саги»⁴³, о ранней истории Трех государств⁴⁴, что позволило заполнить многие лакуны в понимании процесса формирования ранней государственности на Корейском полуострове, а также получить дополнительные сведения об этногенезе корейцев. Он также предсказал скорое обнаружение палеолитической культуры в Корее, основывая свои предположения на сообщениях японских археологов, а также обращая внимание на уже обнаруженные палеолитические стоянки в Северном Китае и на севере японского острова Кюсю⁴⁵.

Неолитическую культуру полуострова Ким Вон Рён однозначно связывает с сибирскими андроновской и афанасьевской культурами и, в более широком смысле, с поясом распространения культур гребенчатой керамики — от Японии до Северной Европы. Он считает, что неолитический период в Корее стоит отождествлять именно с этим видом керамики, и делает предположение, что время ее проникновения можно определить примерно II—III тыс. до н.э.⁴⁶

Ким Вон Рён выделяет два пути проникновения носителей культуры гребенчатой керамики на Корейский полуостров:

1. через Монголию и Маньчжурию вдоль побережья Жёлтого моря.

2. Вдоль р. Амур на юг, через Приморский край, вдоль побережья Японского моря.

По первому пути, по его мнению, шла первая, более ранняя, волна переселенцев, так как в керамике, дошедшей до нас, видны классические черты гребенчатой керамики. По второму пути переселенцы пришли позже и принесли с собой, в том числе, и элементы культуры аборигенов Приморского края⁴⁷.

Для следующего за неолитом периода палеометалла Ким Вон Рён разработал свою периодизацию. Наиболее ранний, Бронзовый век — I, он связывает с тагарской культурой Сибири. Одним из его ведущих признаков становится характерная волчкообразная неорнаментированная керамика. Говорит он и о прослеживающейся по артефактам связи данной культуры с китайской луншаньской археологической культурой, чей ареал распространения совершенно точно доходил на востоке до Ляодунского полуострова⁴⁸.

Бронзовый век — 2 он связывает с очередным переселением из Сибири, так как в это время появляются характерные для андроновской и карасуковской культур типы погребений⁴⁹. Одновременно этот период Ким Вон Рён называет Железным веком — I, что связано с крупномасштабным переселением носителей культуры железа из Китая в период Борющихся царств (V в. до н.э. — 221 г. н.э.). Характерными артефактами нового периода становятся знаменитые кинжалы «се», бронзовые монеты, новые виды могильников и керамики. В этот период население Корейского полуострова знакомится с технологией обработки железа⁵⁰.

Наступление следующего периода Ким Вон Рён связывает с падением Древнего Чосона и созданием округа Лолан. В этот период в Корею проникает передовая китайская культура, одновременно с этим беженцы из Древнего Чосона разносят по всему полуострову технологию обработки металла. Этот период он называет Железный век — 2⁵¹.

На основе анализа могильников и материальной культуры северо-западной части Кореи Ким Вон Рён приходит к выводу о большом влиянии, оказанном китайцами на развитие корейцев в этом регионе, да и в Корее в целом⁵². Таким образом, в работах Ким Вон Рёна на основе археологических данных убедительно показано значительное

влияние миграций из Сибири, Алтая и Северного Китая на становление древних корейских государств, а, значит, и на этногенез корейцев.

Исследования этногенеза корейцев были бы неполными без внимательного изучения вопроса происхождения корейского языка. Вопрос его формирования поднимает в своей работе Ли Ги Мун. В своем исследовании он проводит сравнение корейского языка с языками алтайской языковой семьи и японским языком, а также отдельно рассматривает языки пуё, когурё, силла и средневековый корейский язык.

В результате проделанных исследований он приходит к выводу, что современное состояние изучения алтайской языковой семьи делает сложным определение места в ней корейского языка, хотя родственные связи явно прослеживаются. По его мнению, к группе алтайских языков могут быть также отнесены и языки племен пуё и хан. В то же время отнесение японского языка к пуёскому, по его мнению, являлось преждевременным. Кроме того, своим исследованием Ли Ги Мун показал, что силланский язык оказал решающее влияние на становление средневекового корейского языка⁵³.

Несмотря на попытки в прошлом рассмотреть этногенез корейцев с точки зрения целого ряда наук, именно в 1960-е годы благодаря развитию в Южной Корее антропологии, лингвистики, этнографии и археологии становится возможным полноценно реализовать данное намерение. Одной из основополагающих работ в этом направлении является исследование Ким Чон Хака. В своей работе он, прежде всего, подвергает сомнению утверждение Широкогорова о том, что корейцы являются потомками палеоазиатов, вытесненных на полуостров тунгусо-маньчжурами⁵⁴. К палеоазиатам Ким Чон Хак относит чукчей, коряков, камчадалов, айнов и эскимосов, но не корейцев⁵⁵.

Рассматривая этногенез корейцев с точки зрения археологии, Ким Чон Хак выделяет две мощные культурные волны в период неолита. Одна протянулась через Маньчжурию на полуостров из Северного Китая, а вторая, также через Маньчжурию, идет на полуостров из Сибири. По его мнению, две эти северные волны сформировали облик населения Кореи в период неолита⁵⁶. Особо Ким Чон Хак подчеркивал тот факт, что во время неолита произошел не импорт культуры извне, а крупномасштабное переселение ее носителей, так как вместе с керамикой приходят определенные типы каменных орудий, новый жизненный уклад и, конечно, могильные комплексы⁵⁷. Упоминает он и об обнаружении артефактов некоего «южного типа», к примеру, особого вида каменных топоров, которые могут с ней ассоциироваться⁵⁸.

Следующее крупное переселение из Маньчжурии и Северного Китая Ким Чон Хак ассоциирует с проникновением культуры бронзового века. Несмотря на северный путь ее проникновения, он не исключает присутствие в ней элементов культур южного происхождения, так как в Китае население уже с доисторических времен было неоднородным и постоянно перемешивалось.

Особое место в работе Ким Чон Хака занимают данные лингвистики. На их основе он показывает, что корейский язык с большой долей вероятности должен быть отнесен к алтайской языковой семье, хотя у него есть и ряд особенностей — фонетических и лексических, указывающих на присутствие в этногенезе корейцев некоего южного элемента, возможно, малайско-полинезийского происхождения⁵⁹.

Анализируя этногенез корейцев с точки зрения этнографии, Ким Чон Хак в первую очередь обращается к легендам. По его мнению, содержание мифа о Тангуне, Пак Хёккосе и Ким Суро явно указывает на их связь с севером, так как почитание медведя в качестве тотема и солярный культ, а именно их влияние он здесь видит, весьма широко распространены у алтайских народов⁶⁰. Другие элементы корейской культуры также, по его мнению, были принесены корейцами из древней прародины — Алтая. Это, прежде всего, анимизм и шаманизм, характерный для всех народов северной части Евразии, а также белый цвет одежды и вообще весь корейский традиционный костюм⁶¹. Южное влияние Ким Чон Хак видит в появлении культуры заливного рисосеяния, проникшей

на полуостров на рубеже бронзового и железного веков из Южного Китая⁶², а также культуры тагуировки у племен махан и чинхан⁶³.

Однако есть и некоторые этнографические элементы, которые Ким Чон Хак затруднялся отнести к какому-то определенному элементу этногенеза. Например, деформация черепа детей, которая практиковалась у чинхан и о которой сообщают китайские хронисты⁶⁴.

Рассматривает в своем исследовании Ким Чон Хак и данные физической антропологии. По его мнению, основные особенности тела современных корейцев сближают их с тунгусо-маньчжурами и монголами⁶⁵.

Сам процесс этногенеза Ким Чон Хак описывает, исходя из данных письменных источников. Одним из первых этнонимов, относящихся к протокорейцам, он считает «тон-и» или «и». По мнению Ким Чон Хака, в период неолита эти племена, принадлежащие к более широкой группе алтайских племен, пришли в регион, дойдя до северо-восточной части Китая. Он отмечает, что в китайских летописях часть этих племен действует на Шаньдунском полуострове и в его окрестностях, сражаясь с древними китайцами. Другая их часть расселяется по Маньчжурии и далее на северо-восток, а также на Корейском полуострове⁶⁶. Он четко отделяет племена сушеней, уззи и мохэ, проживавших на северо-востоке Маньчжурии, от протокорейцев, считая их древними тунгусскими племенами, от которых протокорейцы отделились и существовали обособленно⁶⁷.

Несмотря на путаницу в китайских летописях, по-разному называющих племена, проживающие в средней и южной части Маньчжурии, а также северной и средней частях Кореи — е, мэк или емэк, Ким Чон Хак считает, что речь идет об одном племени, самоназвание которого было «свебальк», что и было записано позднее иероглифами как «емэк». К этой группе племен он также относил когурё, пуё и окчо. Позднее все эти племена были объединены в рамках одного государственного образования — Когурё⁶⁸.

Самоназвание другой крупной группы протокорейских племен — хан — он связывает с корейским словом «кхыда» (большой). Это самоназвание, по его мнению, сохранилось во многих топонимах региона и связано с алтайским словом [khan], [kan], [han]. Их этническую принадлежность он определяет как алтайскую с незначительной долей полинезийцев⁶⁹.

Еще одной важной тенденцией в 1960-е годы становится вывод вопроса этногенеза из проблематики становления государственности на Корейском полуострове. Ким Чон Хак настаивает на том, что появление единого государства не является непременным условием для формирования народа. Куда большее значение, по его мнению, играет формирование культуры. Он предполагает возможность формирования корейцев еще в I тыс. до н.э., после чего они разделились на ряд родственных племен — е, мэк и хан, основавших свои государственные образования⁷⁰.

Таким образом, в 1960-е годы в РК происходит важное переосмысление вопроса происхождения корейцев и ранних этапов этногенеза. Появляется новый взгляд на момент завершения процесса этногенеза, который стал возможен благодаря выводу вопроса этногенеза из проблематики становления государственности. Изучение этногенеза с использованием данных физической антропологии, сравнительно-исторического языкознания, археологии, этнографии и их сочетания дали потрясающий результат, позволивший обнаружить присутствие в этногенезе корейцев некоего «южного» элемента, возможно, малайско-полинезийского происхождения. Убедительно была подтверждена и существующая с древности связь с Алтайским регионом, Сибирью и Северным Китаем, момент завершения формирования корейцев был отодвинут до I тыс. до н.э.

Выводы

Таким образом, 1960-е годы стали важным этапом и поворотным пунктом в развитии теорий этногенеза в РК и КНДР, так как между теориями этногенеза двух стран наметился раскол, основы которого лежали в политической и идеологической плоскости. Именно политика и идеология в значительной степени повлияли не только на рост интереса к данной теме, но и на интерпретацию фактического материала, добытого учеными двух стран.

В РК окончательно утвердилась теория миграционного и многокомпонентного этногенеза корейцев. Корейский полуостров и Южная Маньчжурия виделись южнокорейским ученым как «плавильный котел», в котором в ходе нескольких волн переселения — как с севера, так и с юга, к началу н.э. сформировалась общность родственных племен, создавших ряд государственных образований, которые затем были объединены под властью государства Силла. При этом часть южнокорейских ученых допускает формирование корейцев как единого народа еще в I тыс. до н.э.

Таких результатов южнокорейские ученые смогли добиться благодаря изучению Древней истории Кореи с позиций археологии, физической антропологии, сравнительно-исторического языкознания, этнографии, источниковедения, а также междисциплинарным исследованиям, сочетавшим в себе достижения всех этих наук. Кроме того, прогресс в изучении Древней истории Кореи был бы невозможен без пристального внимания к данной теме со стороны правительства страны.

В КНДР в этот период начинает формироваться идея об автохтонном характере этногенеза корейцев, а также об исключительной важности северной части Кореи для хода исторического развития Кореи и этногенеза корейского народа. Постепенная «чужезация» корейской истории приводит к утверждению идеи об отсутствии позитивного влияния на формирование и развитие корейского народа, его культуры и государственности со стороны окружающих народов и государств.

В результате этногенез корейцев в КНДР в данный период представлялся как процесс объединения родственных по происхождению племен, обособлено проживавших в Корее и соседних регионах начиная с периода неолита, а, возможно, и палеолита. Завершается процесс этногенеза, по мнению северокаорейских ученых, в X веке после создания государства Корё и воссоединения бохайцев — потомков когурёсцев с единокровными корёскими братьями.

В последующие годы южнокорейские и северокаорейские ученые продолжили изучать этногенез корейцев под влиянием сформировавшихся в 1960-е годы тенденций. В итоге в РК утвердилась теория о преимущественно алтайском происхождении корейцев, а в КНДР — о происхождении от коренных жителей Корейского полуострова, где главным эволюционным центром представляется долина реки Тэдонган.

1. *Hobsbawm Eric*. Some Reflectionson «The Break-up of Britain». URL: <https://newleftreview.org/1/105/eric-hobsbawm-some-reflections-on-the-break-up-of-britain>.
2. Чольсэый виин Ким Чон Иль тончжи: [Несравненный герой товарищ Ким Чен Ир]. URL: <http://ournation-school.com/index.php?menu=lecture&cno=119&id=180>.
3. *Асмолов К.В.* Корейская политическая культура: традиции и трансформация. М.: ИДВ РАН, 2005. С. 187.
4. Термин «минжжок» может быть переведен как нация, народ, этнос.
5. Термин «чунминжжок» переводится на русский язык как народность.
6. Чосон тхонса (сан): [Общая история Кореи (том первый)]. Пхеньян: Квахаквончхульпханса, 1962. 849 с.
7. Термин «инмин» переводится на русский язык как народ.

8. Чхольхак сачжон: [Философский словарь]. Пхеньян: Сахвеквахакчхульпханса, 1970. С. 256.
9. *Ким Тхэ У*. Пухханий Сталин минчжогирон туёнгва итхаль квачжон: [Процесс применения и отказа от сталинской теории нации в КНДР] // Ёксава хёнсиле: [История и действительность]. Сеул, 2002. № 44. С. 261.
10. Чосон тхонса (сан): [Общая история Кореи (том первый)]. Пхеньян: Квахаквончхульпханса, 1958. 536 с.
11. Санвон комынморуужок пальгульчунганпогосо: [Промежуточный отчет о раскопках памятника Комынмору в Санвон] // Кокоминсоннунмунчип: [Сборник статей по археологии и этнографии]. Пхеньян, 1969. № 1. С. 29.
12. *Ким Ю Бан*. Чогук рёксаый ачхим: [Утро отечественной истории]. Пхеньян: Кунчжунмунхва-хульпханса, 1966. С. 9–10.
13. Чосон рёкса: [История Кореи]. Токио: Хагусобан, 1963. С. 12–14; *То Ю Хо, Ким Ён Нам*. Ури нара кусокки сидва ирри синсокки сидэый нёндронэ тэхаё: [О периодизации палеолита и раннего неолита нашей страны] // Рёкса квахак: [Историческая наука]. Пхеньян. 1964. № 4. С. 57–59.
14. Чосон тхонса (сан), 1962. С. 9.
15. Там же. С. 12–14.
16. *То Ю Хо, Ким Ён Нам*. Указ. соч. С. 59.
17. Чосон тхонса (сан), 1962. С. 13.
18. Чосон рёкса. С. 18.
19. *Ли Чжи Рин*. Кочосон ёнгу: [Исследование Древнего Чосона]. Пхеньян: Квахаквончхульпханса, 1964. С. 391.
20. Там же. С. 108–110.
21. Там же. С. 277–278.
22. Там же. С. 210.
23. Чосон тхонса (сан), 1962. С. 35; *Ким Ён Ган*. Ури нара кымсокмунхваый кивонэ тэхаё: [О происхождении культуры металла нашей страны] // Рёкса квахак: [Историческая наука]. Пхеньян. 1961. № 5. С. 50–56.
24. *Ли Чжирин*. Указ. соч. С. 124–136; *То Ю Хо*. Кочосон мунхваэ тэхаё: [О культуре Древнего Чосона] // Рёкса квахак: [Историческая наука]. Пхеньян. 1961. № 5. С. 41–49; *Хон Хви Ю, Кан Сок Чуи*. Сови «Кичжа тоннэсолъ»э тэхан пипхан: [Критика так называемой «Теории о пришествии Кичжа на Восток»] // Рёкса квахак: [Историческая наука]. Пхеньян. 1961. № 4. С. 1–19.
25. Сови «Кичжа тоннэсолъ»ый хохвансонэ тэхан квахактхоронхве: [Симпозиум о неправдоподобности так называемой «Теории о пришествии Кичжа на Восток»] // Рёкса квахак: [Историческая наука]. Пхеньян. 1961. № 5. С. 19.
26. Чосон рёкса, С. 32–33; *То Ю Хо*. Указ. соч. С. 49.
27. Чосон рёкса. С. 35–36.
28. Чосон тхонса (сан), 1962. С. 73.
29. Там же. С. 125.
30. Там же. С. 142–151.
31. Там же. С. 153.
32. *Пак Си Хён*. Пархэ ёнгурыль вихаё: [Ради исследования истории Бохая] // Рёкса квахак: [Историческая наука]. Пхеньян. 1962. № 1. С. 8–9.
33. Чосон рёкса. С. 105.
34. *Пак Си Хён*. Указ. соч. С. 10.
35. Там же. С. 246–247; *Пак Си Хён*. Указ. соч. С. 29.
36. *Ермалова Е. М.* Формирование и развитие идеологии периода авторитарных режимов в Южной Корее (1948–1987 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук (07.00.03); Владивосток: ДВФУ, 2010. С. 22.
37. *На Сэ Чжун, Ким Гю Тхэж*. Хангугин чхнаый чхэчжилыллилюхакчок ёнгу: [Антропологическое исследование зубов корейцев] // Тэханчхигваыйсахёпхвечжи: [Журнал Корейской ассоциации стоматологов]. Сеул. 1961. № 3. С. 1–29.
38. *На Сэ Чжун*. Хангуминчжокый чхэчжилыллилюхакчок ёнгу: [Антропологическое исследование корейской нации] // Хангукмунхвасадэге: минчжок, куккаса: [Большой сборник по истории корейской культуры: история народа и государства]. Сеул: Корётхаккё минчжокмунхваёнгувон, 1964. С. 209.
39. Там же. С. 90.
40. Там же. С. 91.

41. Там же. С. 92.
42. Там же. С. 209.
43. «Самгук саги», или «Исторические записи Трёх государств» (1145 г.) — средневековый корейский письменный памятник, составленный под руководством Ким Бу Сика.
44. *Ким Вон Рён*. Самгуксидэый кэсиэ кванхан илгочхаль: [Рассмотрение навалного этапа периода Трёх государств] // Тонамунхва: [Культура Восточной Азии]. Сеул. 1967. № 7. С. 1–33.
45. *Ким Вон Рён*. Хангукмунхваый кокохакчок ёнгу: [Археологическое исследование корейской культуры] // Хангукмунхвасадэге: минчжок, куккаса: [Большой сборник по истории корейской культуры: история народа и государства]. Сеул: Корётэхаккё минчжокмунхваёнгувон, 1964. С. 240–242.
46. Там же. С. 244–247.
47. Там же. С. 247.
48. Там же. С. 256–257.
49. Там же. С. 264.
50. Там же. С. 265–268.
51. Там же. С. 269.
52. Там же. С. 280.
53. *Ли Ги Мун*. Хангуго хёнсонса: [История формирования корейского языка] // Хангукмунхвасадэге: оно, мунхакса: [Большой сборник по истории корейской культуры: история языка и литературы]. Сеул: Корётэхаккё минчжокмунхваёнгувон, 1967. С. 25–112.
54. *Ким Чон Хак*. Хангукминчжок хёнсонса: [История формирования корейского народа] // Хангукмунхвасадэге: минчжок, куккаса: [Большой сборник по истории корейской культуры: история народа и государства]. Сеул: Корётэхаккё минчжокмунхваёнгувон, 1964. С. 324.
55. Там же. С. 323.
56. Там же. С. 327.
57. Там же. С. 353.
58. Там же. С. 327.
59. Там же. С. 334–339.
60. Там же. С. 347–350.
61. Там же. С. 351.
62. Там же. С. 332–334.
63. Там же. С. 354.
64. Там же.
65. Там же. С. 346–347.
66. Там же. С. 427–429.
67. Там же. С. 358–370.
68. Там же. С. 426–429.
69. Там же. С. 412.
70. Там же. С. 411–421.

История

Октябрьская Социалистическая Революция 1917 г. в России и развитие «Движения за новую культуру» в Китае

© 2017

Н.Л. Мамаева

Наиболее сильное влияние России Китай испытал в годы Октябрьской революции и в послеоктябрьский период. Важное место занимало идейно-культурное влияние России на «Движение за новую культуру» в Китае (1915–1925), на основе которого развивались Движение 4 мая 1919 г. и подъем революционного движения в Китае в 1925–1927 гг. Изучение идейно-культурных аспектов взаимодействия и влияния марксизма-ленинизма на Китай переносит центр тяжести взаимодействия сторон на области идеологии, культуры, демократии и демонстрирует специфику исторического процесса в Китае.

Ключевые слова: Первая мировая война, Октябрьская революция, «национальный суверенитет», антиимпериализм, «Синь циннянь» («Новая молодежь»), Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Мао Цзэдун, марксизм-ленинизм, марксистские кружки, РКП(б), Коминтерн, партийное строительство, пропаганда и агитация, КПК.

Взаимосвязь внутренних факторов и внешних влияний на Китай наиболее четко и всесторонне проявила себя в Движении 4 мая 1919 г., развивавшегося на базе первоначального этапа Движения за новую культуру¹. Как уже неоднократно отмечалось в историографии, интеллектуальный подъем, идеи освобождения и раскрепощения личности, революция в литературе и языке, реформа системы народного просвещения отражали в целом стремление к обновлению, к разрыву со старой феодальной культурой, тесно связанной с догматами конфуцианства, и одновременно — стремление образованных слоев населения к утверждению и укреплению буржуазно-демократических ценностей, характерных для западных стран.

Между тем Первая мировая война и тяжелые условия экономического, политического и социального характера в постсиньхайское время, более того, элементы хаоса в политической сфере Китайской Республики (КР) привели к тому, что некоторые переломные деятели страны, такие как, Чэнь Дусю, Ли Дачжао и другие начинали сомневаться в целесообразности для Китая буржуазной демократической республики, как не впол-

Мамаева Наталья Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. E-mail: mamaeva_nl@mail.ru.
Статья написана при поддержке РГНФ (РФФИ), проект № 16-21-10001/16.

не отвечающей условиям Китая, и призывали к обсуждению вопроса о том, существуют ли у Китая иной выход².

Сведения об Октябрьской революции в России очень скоро стали достоянием общественности Китая. С 10 ноября 1917 г. китайские газеты и журналы стали публиковать сообщения о событиях в России, о первых шагах советского государства в области внутренней и внешней политики. Однако подробная информация о революции в России, включая документы Советского правительства о принципах внешней политики Советской России относительно Китая, в течение полутора-двух лет после свершения революции доходила до Китая медленно, преодолевая препятствия, чинимые западными державами, опасавшимися распространения марксизма и большевистских идей на Китай и другие страны³. В годы гражданской войны в России (1918–1922) Китай, совершенно отрезанный чехословацким выступлением, а затем армией Колчака от всякого общения с Советской Россией, лишь после взятия большевиками Владивостока получил возможность вплотную следить за борьбой Красной Армии с интервентами и белогвардейцами.

Внутриполитическая обстановка развивалась в направлении расширения и углубления массового движения под патриотическими лозунгами. Крупнейшие события в этом направлении происходили в процессе так называемого Движения 4 мая 1919 г. Имевшее ярко выраженную антияпонскую окраску, это Движение стало поворотным пунктом в идейно-политическом развитии Китая, выдвинув на повестку дня проблему национального спасения и поставив вопрос о путях развития и возрождения страны. Исходные моменты «переоценки ценностей» в общественной и политической жизни прямо или косвенно были связаны с Движением за новую культуру.

Движение 4 мая 1919 г. стало решительным поворотом к формированию в обществе антиимпериалистических позиций. Это — важный момент в истории политического развития Китая 20-х — 40-х годов XX века.

Как писал Мао Цзэдун в своей статье «О новой демократии», Движение 4 мая характеризовалось стремительным присоединением к нему с июня 1919 г. не участвовавших активно ранее в общественно-политической жизни страны социальных слоев и групп. К 3 июня революционное движение вовлекло в свои ряды широкие массы учащейся молодежи, интеллигенцию, пролетариат, мелкую и среднюю буржуазию и охватило всю страну, причем имели место грандиозные политические забастовки рабочих⁴. Как отмечается в китайской историографии, в ходе Движения 4 мая учащиеся Пекина и Шанхая направляли своих представителей для установления связей с Гоминьданом, но руководители Гоминьдана отказались от участия в Движении, объяснив это отсутствием у них необходимых сил⁵.

В отличие от Синьхайской революции, Движение 4 мая 1919 г. последовательно и бескомпромиссно выступило против империализма и против феодализма, характеризовалось патриотическим и демократическим подъемом. Оно, как считается в КНР, «идейно и организационно подготовило образование в 1921 г. Коммунистической партии Китая», а также возникновение и развитие Движения 30 мая 1925 г., в ходе которого учащиеся Шанхая организовали антиимпериалистические манифестации на территории иностранного селтльмента, призывая рабочих бороться за возвращение селтльментов Китаю. Последнее положило начало мощному революционному подъему, известному в литературе как «великая революция» 1925–1927 гг.⁶

Движение 4 мая 1919 г. ускорило процесс возникновения и последующего размежевания в стране политических сил, ориентированных на преодоление политической и социальной нестабильности в стране и создание сильной государственности. Российская и современная китайская историография характеризуют Движение 4 мая как переломный момент в истории китайского революционного движения и период, в течение которого в интеллигентской среде вышел на повестку дня вопрос возможности использования опыта Октябрьской революции в Китае.

С Движения 4 Мая 1919 г. и под впечатлением Октябрьской революции в России в истории Китая начался новый этап развития. Он характеризовался рождением новых теорий, подъемом национального и коммунистического движений, формировавшихся во взаимодействии с зарубежными идейными и политическими тенденциями. События в Китае были частью общего мирового процесса развития национально-освободительных движений во многих странах мира. После Октябрьской революции и Первой мировой войны волна революционных событий охватила ряд стран Европы, Америки и Азии. В ноябре 1918 г. были свергнуты германская и австро-венгерская монархии, 21 марта 1919 г. — провозглашена Венгерская Советская Республика, 13 апреля — Баварская Советская Республика. Усилилось забастовочное движение в Англии, Франции, США и Японии. Октябрьская революция дала толчок для подъема национально-освободительного движения в Индии, Индокитае, Корее, Индонезии, Сирии, Ливане, Ираке, Судане, Египте, Турции, Иране, Афганистане⁷.

Как показало Движение 4 мая, разочарование китайской общественности в президенте США Вильсоне и недовольство позицией союзников усилились по сравнению с дооктябрьским периодом. На фоне, по сути, предательства союзных государств Советская Россия уже в июле 1918 г. в лице наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина представила свою новую позицию относительно Китая, основанную на принципах уважения национального суверенитета КР, равенства и добрососедства.

Большое впечатление на общественность КР произвели уже первые шаги Советской России в ее внутренней и, особенно, внешней политике. Основопологающие принципы новой внешней политики Советской России — равенства, мира, добрососедства, помощи — содержались в Декрете о мире (принят 8 ноября 1917 г.), Декларации прав народов России (принята 15 ноября 1917 г.), в Обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (принято 3 декабря 1917 г.). В «Обращении Совета Народных комиссаров ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 г. содержались практически все основные подходы и принципы, на которых молодое Советское государство было намерено выстраивать систему международных отношений⁸. В нем было объявлено об отмене всех заключенных царской Россией со странами Востока неравноправных договоров. Президиум ВЦИК 2 декабря 1918 г. принял постановление о прекращении взыскания с китайского правительства сумм, причитающихся в виде военного вознаграждения по заключенному протоколу 1901 г. (так называемый боксерский протокол).

Лишь в марте 1920 г. Обращение от 3 декабря 1917 г. было доставлено в Китай и напечатано во всех крупных газетах. Политика равноправия, мира, дружбы, а также идеалы социальной справедливости, провозглашаемые Советским государством, получили глубокий отклик в широких слоях китайского общества. В последовавшем вслед за этим событием Обращении РСФСР от 25 июля 1919 г. к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая советская сторона нашла нужные слова, понятные широким слоям китайского населения, в котором изложила свою позицию в международных отношениях и относительно Китая: «Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат порабощенные народы Востока, и в числе их в первую очередь китайский народ...». Наряду с конкретно названными мероприятиями, такими, как отказ от завоеваний царского правительства, уничтожение всех особых привилегий, всех факторий русских купцов на китайской земле, четко формулировались и другие цели национального суверенитета, а именно: «В Китае не должно быть иной власти, иного суда, как власть и суд китайского народа». И далее: «если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным и избежать той участи, которую ему приготовили союзники в Версале... пусть он поймет, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин и его Красная Армия»⁹. Эти планы сопровождались выражением готовности Советской Рос-

сии договориться по этим вопросам с китайским народом в лице его уполномоченных¹⁰. Пекинское правительство не только не ответило Москве, но предприняло попытки в ряде журнальных статей представить этот шаг Советского правительства как «обман и ловушку»¹¹. Китайская общественность ознакомилась с этим документом лишь весной 1920 г., в то время как руководство КР узнало о его содержании еще в сентябре 1919 г. Однако факт стремления китайского правительства скрыть от населения содержание новых принципов внешней политики Советской России и ее конкретные планы взаимоотношений с Китаем не остановили Советское правительство в его усилиях донести до китайской общественности судьбоносное содержание данного документа. В марте 1920 г. текст документа был передан китайским дипломатам и одновременно напечатан в прессе Иркутска, Верхне-Удинска и Владивостока. Причем из Владивостока текст Обращения был передан по радио и принят в Шанхае редакцией прогрессивной русской газеты «Шанхайская жизнь», которая 25 марта 1920 г. опубликовала его, а также издала специальным приложением тиражом 1 млн экземпляров¹². После этого Обращение было перепечатано многими китайскими газетами и журналами. Усилиями Советской стороны оно все-таки стало достоянием китайской общественности и реальным фактором влияния РСФСР на «Движение за новую культуру» в направлении усиления демократических аспектов, антиимпериалистических и антифеодальных требований, в значительной степени проявившихся в Движении 4 мая 1919 г.

Инициативы России в области внешней политики, которые были тесно связаны с победой Октябрьской социалистической революции, конечно, не оставили китайский народ равнодушным к формирующейся в Советской России новой внешней политике, не похожей на внешнеполитические действия в отношении Китая империалистических держав. В крупных городах КР начались выступления за нормализацию советско-китайских отношений, в которых участвовали многочисленные общественные организации, торговые союзы, депутаты парламента и даже некоторые милитаристы¹³. Перемена в сторону положительной оценки внешней политики советской стороны имела место и в правительстве КР, хотя и с существенными оговорками, среди которых можно отметить выдвигавшиеся китайскими дипломатами в неофициальных переговорах с советскими представителями условия, заключающиеся в готовности китайской стороны начать переговоры с РСФСР лишь после того, как другие страны признают Советское правительство¹⁴.

Направление урегулирования советско-китайских отношений, несмотря на трудности, создаваемые руководством КР, а также великими державами, продолжало развиваться. 27 сентября 1920 г. Чжан Сылиню, участвовавшему в неофициальных переговорах по вопросу урегулирования советско-китайских отношений в Москве, была передана нота НКВД, в которой Советское правительство подтверждало содержание Обращения от 25 июля 1919 г. Оно включало положения, изложенные в «Обращении правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г. В своем втором Обращении от 25 июня 1920 г. правительство РСФСР объявляло «...не имеющими силы все договоры, заключенные прежними правительствами России и Китаем», отказывалось от всех захватов китайской территории, от всех русских концессий в Китае и возвращало «...Китаю безвозмездно и на вечные времена все, что было хищнически у него захвачено царским правительством и русской буржуазией». Российское и китайское правительства соглашались также «...заключить специальный договор о порядке пользования Китайско-Восточной железной дороги для нужд РСФСР...»¹⁵. Во второй документ была внесена существенная корректива: отсутствовала апелляция к правительству Южного Китая, что подчеркивало признание советской стороной Пекинского правительства как единственного для всей страны законного правительства страны. Таким образом, в двух Советских декларациях и заявлениях (1919–1920 гг.), подписанных Л.М. Караханом и переданных китайской стороне, Советское государство объявило о своем отказе от прав и привилегий царской России и Временного правительства.

К концу 1922 г. наблюдалось укрепление международного престижа Советской России, заключившей торговые договора и соглашения со многими державами. Это факт ускорило переход китайского правительства к активизации процесса нормализации советско-китайских отношений.

В Китай проникало и живое слово китайцев — очевидцев Октябрьской революции в России, занятых там в строительных работах (около 40 000 человек) в прифронтовой полосе во время Первой мировой войны.

Следующим шагом революционеров стали попытки разных общественных течений разобраться в характере Октябрьской революции, советской власти, партии большевиков. Вопрос о том, насколько соответствовала условиям Китая революция в России, стал одним из основных, которые ставила перед собою китайская интеллигенция и представители других социальных слоев, среди которых было немало участников Движения за новую культуру.

Дальновидность и стремление быть готовым к оказанию помощи прогрессивным демократическим силам Китая в деле усиления государственности и недопущения развала страны проявилась в разработке Москвой курса на тесное сотрудничество с партией Сунь Ятсена, в то время самой большой и авторитетной партией Китая, которая, пройдя ряд реорганизаций, получила в 1919 г. название Китайской национальной партии (Чжунго Гоминьдан)¹⁶. Контакты с ней начались еще до взаимодействия представителей Советской России, РКП(б) и международного коммунистического движения с китайскими коммунистами, которые создали свою партию с помощью РКП(б) и Коминтерна в 1921 г.

Сунь Ятсен и его сторонники приветствовали Октябрьскую революцию. Сунь Ятсен был первым из видных китайских общественных деятелей, кто выступал за признание Советской России азиатскими государствами и за широкую пропаганду в печати завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции¹⁷. В мае 1918 г. в беседе с японскими и индийскими журналистами в Шанхае Сунь Ятсен высказался за признание Советской России азиатскими государствами, за публикацию достижений Октябрьской революции. Летом 1918 г. Сунь Ятсен направил телеграмму Советскому правительству и его главе В.И. Ленину, в которой выражал глубокое восхищение самоотверженной борьбой Российской коммунистической партией большевиков и надежду на то, «что революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы». По вопросу использования в Китае опыта Октябрьской революции Сунь Ятсен демонстрировал выборочный подход¹⁸. Он одобрял антиимпериалистическую политику РКП(б), восхищался мужеством российских революционеров и российского народа в их борьбе с империалистической агрессией, считал необходимым изучение управленческого опыта советской власти, организации Советов, системы народного образования, строительства Красной Армии. Однако он не принимал коммунистическую идеологию, был противником вооруженной классовой борьбы¹⁹. Деятельность партии Гоминьдан, ставшей в результате влияния Октября массовой «партией действия», стала частью нового демократического этапа развития национального движения в Китае, в ходе которого были разбиты северные милитаристы и коренным образом изменилась ситуация в стране. Авторитет Сунь Ятсена, высоко ценившего отношения дружбы и сотрудничества с Советской Россией, несмотря на его неприятие коммунистической идеологии и классовой борьбы, оказал на коммунистов благотворное влияние в области отношений с Советским государством, соответственно способствовал более тесному сближению с РКП(б)/ВКП(б) и в результате — приобщению к марксизму-ленинизму.

Как отмечалось выше, именно в период патриотического подъема в Китае с июля 1919 г. до сентября 1920 г. Советское правительство дважды обращалось с декларациями в адрес Китая, заявив о намерениях РСФСР отказаться от всех привилегий в Китае. 17 января 1924 г. чрезвычайный и полномочный представитель СССР в Китае Кара-

хан в письме на имя главы китайской делегации по переговорам с СССР Ван Чжэнтиня сообщил, что отказ Пекинского правительства от советских предложений, изложенных в декларации 1919 г., и поддержка им в то время антисоветской интервенции не дает на данный момент Китаю никаких оснований, а тем более прав требовать от СССР соблюдения обещаний, высказанных в той декларации. Тем не менее, Карахан подчеркнул, что при нормализации отношений между СССР и Китаем Советское правительство готово вернуться к своим обещаниям, высказанным в декларациях 1919 и 1920 г. Заключение 31 мая 1924 г. советско-китайского соглашения об установлении официальных дипломатических отношений между двумя государствами было успехом советской дипломатии и демократических сил Китая.

Заключение договора на объявленных принципах, демонстрация со стороны Советского государства глубокого уважения к китайскому народу были адекватно восприняты различными социальными слоями и группами КР. Параллельно с повышением авторитета Советской России в сфере внешней политики в Китае усиливался интерес и к идеологии, которой руководствовалась правящая партия России в подготовке и проведении Октябрьской революции. Успешная деятельность Москвы в деле нормализации советско-китайских отношений способствовала углублению революционных процессов в Китае, в том числе распространению марксизма и началу коммунистического движения.

Параллельное развитие действий, связанных с урегулированием советско-китайских отношений и событиями Движения 4 мая 1919 г., усилило восприятие в китайском обществе европейских идей социализма и опыта Октябрьской революции в России, распространение которых в широких масштабах относится уже к 1920-м годам, и создало предпосылки для последующего преодоления замкнутого круга воспроизводства милитаристских режимов.

Отметим при этом высокие оценки Мао Цзэдуна, данные в его статье «О новой демократии» Движению 4 мая 1919 г., истоки которого он тесно связывает с Движением за новую культуру. Он проводит связь между Движением за новую культуру, Движением 4 мая 1919 г. и последующими движениями, включая Движение 30 мая 1925 г, характеризовавшиеся подъемом национального, демократического и коммунистического духа.

Современная китайская историография, объясняя причины восприятия марксизма и большевизма в Китае, почти ставит знак равенства между ситуацией в России и Китае, то есть несколько преувеличивает элементы схожести исторического процесса в этих государствах. Без оговорок следует признать наличие и в Китае, и в России факта неравномерности развития регионов, что прямо отражалось в сфере экономики и политики, снижая уровень благосостояния населения и, в целом, угрожая стабильности в обеих странах²⁰. По ряду аспектов совпадения носили поверхностный характер. Так, между борьбой Советской России с иностранными интервентами во время гражданской войны и причинами антиимпериалистической позиции китайского революционного движения имелась существенная разница. Гражданская война, как отмечается в российской научной литературе, — это вовсе не «три похода Антанты». Несмотря на участие иностранных держав в гражданской войне в России, каждая из которых преследовала свои интересы, эта война была прежде всего внутренним делом Советской России²¹. Китай, как известно, являлся полуколонией империалистических держав, которые проводили политику ущемления национального суверенитета страны, начиная с Опиумных войн середины XIX века, а после смерти Юань Шикая принимали активное участие в расправах милитаристских группировок за руководящие позиции в Пекинском правительстве. Таким образом, в политической жизни обоих государств антиимпериалистический аспект имел различные проявления и содержание.

Если в России на повестке дня стояли социальные проблемы, решение которых требовало выхода ее из войны, то в Китае на первом месте стояли задачи объединения страны, укрепления ее единства и восстановления национального суверенитета. Между

тем, опыт истории и в России, и Китае свидетельствует о том, что не следует абсолютизировать отдельные важные для государств и народов темы в качестве единственных причин революционных движений и революций. Жизнь значительно сложнее. Характеристика причин революции 1917 г. в России как следствия стечения целого ряда объективных и субъективных обстоятельств отражает именно такой указанный выше подход. Выдвинутые большевиками лозунги «земля — крестьянам» и «мир — народам», отразив самые жгучие потребности населения, обеспечили им поддержку со стороны широких социальных слоев. Революции, особенно ее начальному периоду, сопутствовали небывалый революционный подъем, атмосфера равенства и справедливости, что наряду с другими обстоятельствами свидетельствует о закономерности революционного подъема в конкретный исторический период и противоречит мнению ряда отечественных и зарубежных историков, считающих Октябрьскую революцию переворотом, не имеющим объективных корней.

Неудивительно, что Движение 4 мая 1919 г., выдвинувшее целый ряд злободневных требований и осуществлявшееся в условиях необычайного революционного подъема, воспринималось многими современниками как преддверие новой демократической революции.

Современная китайская историография разделяет приверженцев марксизма на три основные категории. К первой причисляет идейных вождей Движения за новую культуру в лице Ли Дачжао и Чэнь Дусю. Выступления Ли Дачжао в печати свидетельствуют, что уже в 1919 г. он выполнял функции первопроходца коммунистического движения в Китае²². Летом 1920 г. о своей приверженности марксизму прямо заявил и Чэнь Дусю. По его мнению, замена республиканской политической системы на социализм является «судьбоносной неизбежностью». При этом он выступал за использование революционных, в том числе, силовых методов революционной борьбы²³. Во вторую категорию включено ядро прогрессивной молодежи — Мао Цзэдун, Дэн Чжунся, Цай Хэсэнь, Юнь Дайин, Цюй Цюбо, Чжоу Эньлай²⁴.

К третьей категории историография причисляет часть членов Объединённой лиги, деятелей периода Синьхайской революции, таких, как Дун Биу, Линь Бошюй. У Юйчжан²⁵. Эти революционеры стали приверженцами социализма, учитывая множество событий и направлений исторического процесса, а именно: извлекая уроки из поражения Синьхайской революции, а также изучая теорию марксизма и успешный опыт Октябрьской революции в России. В результате такого тщательного всестороннего осмысления ситуации, они постепенно уходили от идей буржуазной демократии к идеям марксизма.

Одной из специфических характеристик развития коммунистического движения можно назвать тот факт, что все первые китайские марксисты были сторонниками борьбы за демократию. И будучи демократами, из всех многочисленных учений, распространенных в то время в Китае, они выбрали марксизм. Частично это можно также объяснить тем, что первые марксисты были выходцами из среды интеллигенции, хорошо знакомой с западными демократическими постулатами, которые, по их признанию, плохо «работали» в Китае. Важный момент: не отказываясь от демократических идей, они, «унаследовав дух демократии и науки», развили свои представления о демократии и науке на основе теории марксизма, наполнили эти представления новым содержанием. Речь идет о начале китаизации марксизма, о привлекательности для китайцев новых принципов внешней политики Советского государства, его опыта в партийном, государственном (Советы) и военном строительстве.

Большое значение в распространении марксизма и переходе к практическому воплощению идей марксизма-ленинизма в жизнь имела деятельность Коммунистического Интернационала — мирового центра коммунистического движения.

На повестку дня у передовых людей Китая встал вопрос о создании китайской пролетарской политической партии, которая руководствуется теорией марксизма.

В феврале 1920 г. Чэнь Дусю и Ли Дачжао начали обмениваться мнениями по поводу создания в Китае подобной партии. С начала 1920 г. Коминтерн принял решение направить своих представителей в Китай для встречи с теми, кто руководил Движением 4 мая. В 1919–1920 гг. в Китай прибыли первые представители РКП(б) для установления связей с революционными лидерами Китая, направленные партийным и государственным руководством Забайкалья и Приморья. Однако наиболее активную деятельность при подготовке создания Компартии Китая развернула группа Г.Н. Войтинского, прибывшего в Китай в апреле 1920 г. Члены группы встречались с Ли Дачжао и Чэнь Дусю, рассказывали им о революции в Советской России, о РКП(б), обсуждали вопрос о создании в Китае Коммунистической партии. Эти встречи и беседы сыграли свою роль в последующем создании КПК. Организация и деятельность коммунистических кружков в Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Ханькоу, Нанкине, Ухани и Цзинани, как свидетельствуют документы, оплачивалась Советской Россией²⁶, что сыграло колоссальную роль в переходе китайского коммунистического движения «от слов к делу». Нельзя недооценивать финансовую помощь, которую оказывал Коминтерн по ряду важнейших для формирования Коммунистической партии Китая направлений: в издательской сфере, в организации информационно-пропагандистской работы, в организации перевода на китайский язык «Программы Российской коммунистической партии», «Конституции РСФСР», «Кодекса законов о труде», в открытии и деятельности школы русского языка в Шанхае (1920 г.), в создании системы подготовки Коминтерном революционных кадров для Китая (в КУТВ, КУТК и других организациях в Москве) и т.д.

Следует отметить, что относительно свободный на современном этапе доступ российских исследователей к архивным фондам сделал возможным более глубокое и всеобъемлющее изучение финансовой помощи Советской России китайским коммунистам как при подготовке первого учредительного съезда КПК (июль—август 1921 г.), так и последующих съездов. Как следовало из корреспонденции представителей ИККИ Б.З. Шумяцкого и Г. Маринга в первой половине 1921 г., Коминтерн уже на стадии подготовки I съезда КПК оказывал китайскому комдвижению материально-финансовую поддержку²⁷. В книге И.Н. Сотниковой, вводящей в научный оборот неизвестные прежде архивные документы, сказано, что финансовая помощь дальневосточного Секретариата Коминтерна китайским коммунистам, помимо идейной и организационной, использовалась по разным направлениям — как на содержание немногочисленного аппарата КПК, так и на все виды деятельности партий. Расходы по организации и работе I—VII съездов КПК были оплачены Коминтерном. Коминтерн содержал аппарат КПК в течение почти 15 лет²⁸.

Если в начале 1921 г. ассигнования из России составляли всего 200 кит. долл., то к концу года сумма достигла приблизительно 17 655 кит. долл.²⁹ Помощь китайским коммунистам оказывалась в критической для Советской России ситуации: помимо тягот гражданской войны летом 1921 г., начался голод в Поволжье, Приуралье, на Кавказе, в Крыму, на Украине. И хотя в течение 1921–1922 гг. голодали в России 40 млн человек, для Китая в поддержку КПК продолжали выделяться финансовые средства.

Таким образом, влияние Октябрьской социалистической революции на Китай складывалось из целого ряда направлений и адресатов, которые в рамках статьи невозможно охватить полностью.

Влияние Советов и Коминтерна на дальнейшее развитие КПК в 1920-х годах предоставит ученым новый материал для исследования и обобщения темы.

1. Подробно см.: Н.Л. Мамаева. Россия и начальный период «Движения за новую культуру» в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5. С. 123–128.

2. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао: [Очерк по истории Китайской Народной республики]. Сюй цзюань: [Том-предисловие]. Пекин, 2012. С. 86–87; Чжунго гунчаньдан лиши: [История Коммунистической партии Китая]. Т. I (1921–1949). Кн. 1. Пекин, 2011. С. 33.
3. *Ивэн А.* За СССР. За революционный Китай. М.; Л., 1929. С. 22.
4. *Мао Цзэдун.* Избранные произведения / пер. с кит. Т. 3. М., 1953. С. 215–220.
5. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао. С. 91.
6. Там же. С. 90; *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. С. 249, 255–257.
7. Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева. // История Китая с древнейших времен до начала века: в 10 т. / отв. ред. С.Л. Тихвинский. Т. VII. М., 2013. С. 90.
8. Новейшая история Китая 1917–1927. М., 1983. С. 48–49.
9. Документы внешней политики СССР: в 10 т. М., 1957–1965. Т. 2. С. 223.
10. Китайская Республика (1912–1949). С. 108, 111.
11. *Ивэн А.* Указ. соч. С. 24.
12. Красное знамя. Владивосток. 21.05.1920.
13. *Мировицкая Р.А.* Движение в Китае за признание Советской России (1920–1924). М., 1962. С. 14–24.
14. Новейшая история Китая 1917–1927. С. 70.
15. URL: http://bookz.ru/authors/alekseev-mihail/sovetska_087/page-3-sovetska_087.html.
16. См. подробно: *Н.Л. Мамаева.* Коминтерн и Гоминьдан 1919–1929. М., 1999.
17. *Мамаева Н.Л.* Гоминьдан в национально-революционном движении Китая (1923–1927). М., 1991. С. 17.
18. Подробнее см.: *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан.
19. Там же. С. 24.
20. См.: *Соколов А.К.* Курс Советской истории. 1917–1940. М., 1999. С. 19–21.
21. *Соколов А.К.* Историческая география России. М., 2016. С. 170–171.
22. См.: *Ли Дачжао.* Избранные произведения. Сб. статей / пер. с кит. М., 1989.
23. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао. С. 91.
24. См., например: *Мао Цзэдун.* Автобиография. Стихи / сост., предисл., коммент., пер. с кит. и англ. А.В. Панцова. М., 2008. С. 121.
25. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао. С. 92.
26. *Сотникова И.Н.* Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика: 1919–1943 гг. М., 2015. С. 228. Подчеркнем, что расходы Коминтерна развитие китайского коммунистического движения практически целиком оплачивались Советским государством. Это положение убедительно представлено в книге И.Н. Сотниковой.
27. Из письма Б.З. Шумяцкова М.В. Кобецкому (Омск, 26 февраля 1921 г.); Письмо Г. Маринга Кобецкому М.В. (Шанхай, 9 июля 1921 г.) / К 80-летию образования Компартии Китая: новые документы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 4. С. 130–131.
28. *Сотникова И.Н.* Указ. соч. С. 231–232.
29. Эти сведения, представленные китайским историком Ян Куйсуном, цит. по: *Сотникова И.Н.* Указ. соч. С. 232.

Тао Сишэн и журнал «Шихо»: китайская экономическая история через призму западной мысли

© 2017

О.Н. Борох

Статья рассматривает вклад Тао Сишэна в формирование социально-экономической истории Китая как специализированной научной дисциплины в 1930-е годы. Проанализированы теоретические и методологические особенности журнала «Шихо», его роль в освоении достижений западной экономической истории. На примере серии публикаций 1936 г., посвященных 160-летию «Богатства народов» Адама Смита, продемонстрирована связь исследования истории экономики с выбором пути развития Китая.

Ключевые слова: республиканский Китай, история общества, социально-экономическая история Китая, западная экономическая мысль, Адам Смит.

В 1930-е годы китайские общественные науки начали обретать новый облик благодаря осмыслению национальной специфики с опорой на западный методологический инструментарий и расширению интеллектуальной открытости внешнему миру на фоне позитивного восприятия китайского наследия. Представительным воплощением этой тенденции стала деятельность журнала «Шихо» («Продовольствие и товары»), создателем которого выступил историк китайской экономики и политический деятель Тао Сишэн (1899–1988).

В отличие от многих влиятельных интеллектуалов республиканской эпохи, зарубежного образования Тао Сишэн не получил. В детстве китайские классические тексты ему преподавал отец. В 1912 г. его приняли в только что созданную Школу изучения английского языка (*Инвэньгуань*) в Учане. В сентябре 1915 г. Тао Сишэн поступил на подготовительные курсы Пекинского университета, в 1918 г. стал студентом. После окончания университета в 1922 г. Тао Сишэн преподавал в Политико-правовой школе провинции Аньхуэй, с 1924 г. работал в редакции правовой и экономической литературы издательства «Шаньу иньшугуань» в Шанхае.

В период революционных событий Тао Сишэн заинтересовался политикой. В 1927 г. он был политическим инструктором в уханьском филиале Центральной военной школы и членом совета подготовки политработников при политотделе Военного совета. Одновременно он читал в Уханьском университете курсы «Введение в общественные науки», «История революции в разных странах», «История пролетарских партий», «История агрессии империализма в Китае»¹.

В 1928 г. Тао Сишэн вернулся в Шанхай и занялся преподаванием, в центре его исследовательских интересов оказались проблемы китайского общества. Осенью 1931 г.

Борох Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: borokh@hotmail.com.

он стал профессором Школы права Пекинского университета, в конце 1934 г. создал журнал «Шихо». 1928–1937 гг. стали наиболее успешным периодом научного творчества в биографии Тао Сишэна, в этот период он мало соприкасался с политикой.

В 1929 г. исследователь опубликовал книги «Анализ истории китайского общества», «История феодального общества Китая», «Китайское общество и китайская революция»². В начале 1930-х годов были изданы «Базовые знания о теории революции» (1930), «Краткие заметки о явлениях китайского общества» (1930), «Спорщики и странствующие рыцари» (1931), «Экономическая история династии Западная Хань» (1931). Четыре выпуска «Истории китайской политической мысли» были опубликованы в 1932–1935 гг.

В 1935 г. в Школе права Пекинского университете была создана кафедра изучения экономической истории Китая. Тао Сишэн сформировал собственную исследовательскую группу, он руководил Лянь Шишэном и другими учениками, собиравшими материалы по истории Древнего Китая. В 1936–1937 гг. они составили восемь сборников материалов по экономической истории династии Тан.

Перед началом войны с Японией Тао Сишэн опубликовал несколько написанных в соавторстве книг по китайской экономической и политической истории. В 1936 г. были изданы «Экономическая история династии Тан» и «Политический строй династий Цинь и Хань». В 1937 г. — «Экономическая история Южных и Северных династий»³.

Тао Сишэн занимался переводами зарубежной научной литературы. Он перевел книгу немецкого социолога Ф. Оппенгеймера «Государство», которая вышла в 1929 г. в издательстве «Синьшэнмин шуцзюй» под названием «Теория государства». В 1931 г. в издательстве «Шанъу иньшугуань» был издан его перевод книги английского юриста, антрополога, историка и социолога права Г.С. Мэйна «Древнее право». Ученый также участвовал в совместной работе по переводу японских трудов по экономической теории и истории экономики: в издательстве «Синьшэнмин шуцзюй» вышли на китайском книги «Развитие экономического учения Маркса» Тантиро Каваниси (1931) и «Экономическая история разных стран» Томоюки Исихама (1936).

Полномасштабная агрессия Японии против Китая в 1937 г. прервала издание журнала «Шихо». Тао Сишэн вновь обратился к политике и установил связь с Ван Цзинвэем, однако его участие в создании прояпонской администрации оказалось кратковременным. В начале 1940 г. он тайно бежал из Шанхая в Сянган, где обнаружил секретный договор с Японией, который заключил Ван Цзинвэй. В 1942 г. Тао Сишэн переехал в Чунцин и включился в работу пропагандистского аппарата Гоминьдана. Он помогал Чан Кайши готовить книгу «Судьба Китая». По некоторым сведениям, Тао Сишэн также был причастен к составлению книги Чан Кайши «Китайское экономическое учение».

После войны Тао Сишэн стал заместителем министра пропаганды и занимался политической публицистикой. В 1949 г. вместе с гоминьдановскими властями Тао Сишэн уехал на Тайвань. Там в 1971 г. он возобновил издание журнала «Шихо», который выпускался до момента смерти ученого в 1988 г.

Политическая биография Тао Сишэна долгое время препятствовала объективной оценке его научной деятельности. В 1950-е годы в КНР Тао Сишэна называли «реакционером»; выходивший под его редакцией журнал «Шихо» упрекали в распространении «реакционных воззрений на историю, сбивших с толку некоторых людей»⁴. В начальный период реформ в 1980-е годы Тао Сишэна и его журнал продолжали рассматривать в контексте «противостояния марксистской исторической науке». Позитивные оценки появились лишь в 1990-е годы, в начале XXI века они стали доминирующими. Ученые КНР признали связь научных достижений Тао Сишэна с восприятием идей материализма. «Хотя Тао Сишэн имел политический статус члена Гоминьдана, но в науке он придерживался материалистического взгляда на историю», «он выступал против формализованного исторического материализма, но не против исторического материализма вообще»⁵.

Исследования социально-экономической истории Китая и журнал «Шихо»

Известность в научных кругах Тао Сишэн получил благодаря публикации в 1928–1929 гг. ряда статей по истории китайского общества. После того как в 1931 г. произошла реорганизация преподавания исторических дисциплин в Пекинском университете, его пригласили читать лекции по истории китайского общества и истории политической мысли Китая. Смена места работы и научного окружения повлияла на исследовательскую деятельность Тао Сишэна. Китайские авторы полагают, что после переезда в Пекин он из «революционера-историка» превратился в профессионального специалиста по истории⁶.

В начале 1930-х годов в Пекине к научному стилю Шанхая относились с иронией. Пекинская образованная элита считала, что в Шанхае сказывается влияние «концессионной психологии», там много рассуждают о живописи, музыке и внешней стороне жизни. Шанхайское восприятие китайской и западной культуры считали грубым, тогда как в Пекине якобы царили глубокое искусство и стремление к совершенству. В соответствии с оценками того времени, до войны в Пекине «изучали науку ради науки», а представители «шанхайского направления» стремились к «деньгам и положению в обществе»; пекинские интеллектуалы искали правду, были простыми и бесхитростными, а шанхайцы — практичными и поверхностными. Это различие проявлялось и в сфере исторической науки: в то время как в Пекине занимались исследованием культурного наследия, в Шанхае спорили об истории общества⁷.

Дискуссия об истории китайского общества проходила в конце 1920-х — начале 1930-х годов. Одна группа ученых (Ван Сюэвэнь, Чжан Вэньтянь) доказывала, что китайское общество является полуфеодальным и полукOLONиальным. Приверженцы другой позиции (Жэнь Шу, Янь Линфэн) под влиянием троцкистских идей утверждали, что Китай представляет собой капиталистическое общество. Представители обеих сторон называли себя марксистами⁸.

В период дискуссии Тао Сишэн упрекал ее участников в злоупотреблении теорией, в недостаточном внимании к фактам китайской истории и стремлении приспособить их к схеме развития европейских стран, в механическом применении марксизма для анализа китайского общества. По его мнению, рассуждения коммунистов о «полуфеодальном полукOLONиальном» Китае были предназначены для обоснования революционной политики и не опирались на анализ структуры китайского общества. «Китай времен Маркса для европейцев все-таки был загадкой, поэтому теория Маркса об азиатском обществе и китайском обществе, естественно, было неполной. Сам Маркс в своих трудах, например, в “Капитале”, проявлял осторожность, везде оставлял в стороне азиатское общество и не включал его ни в какие категории феодального или городского общества древних обществ Европы. Современные так называемые марксисты даже такой научной позиции не сохранили, они берут пару услышанных слов и сразу используют их для анализа китайского общества, это смешно»⁹.

Тао Сишэн указывал на недопустимость переноса в Китай с «добавлением дедукции» результатов анализа европейского общества, проведенного западными учеными. Хотя компоненты китайского общества могут не так сильно отличаться от тех, что были выявлены в социальной истории Европы, структура этих компонентов в Китае является особенной. «На основании общности компонентов многие копируют закономерности европейского общества. На основании разницы структуры компонентов многие полностью отвергают применимость социологических методов, порожденных европейским обществом. Оба подхода неправильные»¹⁰. Тао Сишэн подчеркивал, что на Китай нельзя смотреть как на маленькое государство, расположенное где-то на гористом полуострове в Западной Европе, поскольку китайское общество отличается неравномерностью развития, которое происходит иным по сравнению с Европой путем в несходных географических условиях¹¹.

Противником марксизма и западных научных теорий Тао Сишэн не был. Рассказывая о собственных научных взглядах, он признавал, что для него процесс «систематизации идей» начался с изучения книги Г.С. Мэйна «Древнее право». Впоследствии на него повлияли «Социология и современные социальные проблемы» американского социолога Ч.А. Эллвуда, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, «История человеческого брака» финского антрополога и социолога Э. Вестермарка, «Эволюция морали» английского философа и социолога Л. Хобхауза и «Капитал» К. Маркса¹². Его ученик Хэ Цыцюань вспоминал, что Тао Сишэн прочитал труды Маркса, Энгельса, Каутского и подвергся их влиянию.

Трибуной для обсуждения результатов исследований в области социально-экономической истории Китая стали журнал «Шихо» и Научное общество Шихо, создание которых поддержал авторитетный историк Гу Цзеган. Тао Сишэн признавал его роль в появлении нового периодического издания: «Гу Цзеган не только был энтузиастом создания журнала “Шихо”, но и предложил ему такое название. Он считал, что основой общества и стимулом истории является экономика, он также предлагал назвать его “Шисинь” (“Сердце истории”), но потом было выбрано название “Шихо”»¹³. Это название переключалось с названиями раздела династийных историй и энциклопедий «Шихочжи» в классических исторических книгах.

Журнал «Шихо» выходил дважды в месяц с декабря 1934 г. до июля 1937 г. За это время был издан 61 номер журнала, свыше 150 авторов опубликовали в нем более трехсот статей. Основными темами публикаций были сельское хозяйство, денежное обращение, система землепользования, арендные налоги, рынки и торговля, экономика монастырей. Также были затронуты проблемы социального статуса, народонаселения, родовые и семейные отношения, структура общества, жизнь городов, народные обычаи. Эти статьи были сосредоточены на китайской истории, охватывая период с древности до династии Цин.

Тао Сишэн признал, что в теоретических спорах об истории китайского общества «ажитаж уже миновал». Чтобы стали возможны новые теоретические споры, следовало пройти через этап поиска исторических материалов, выдвижения конкретных проблем, также нужно было создать новую конструктивную атмосферу для обсуждения. В первом номере «Шихо» он выражал надежду, что журнал сможет «объединить изучающих социально-экономическую историю Китая, в особенности собирающих материалы по этой теме, их знания, мнения, методы, а также по ходу дела обнаруживать полученные вопросы, материалы. Все могут указывать друг другу, реально вести обсуждение, а потом могут перейти к разделению труда. Смысл данного журнала состоит только в этом, а не в экзальтации и не в следовании моде, как это было в так называемом споре об истории китайского общества»¹⁴.

Подводя итоги двух лет существования журнала, Тао Сишэн обобщил особенности его научного стиля — дух самокритики, отсутствие претензий на выдвижение ортодоксальных трактовок, признание достоинства публикации на основании научного метода и вклада в исследование, стремление к сотрудничеству ученых вместо взаимной борьбы различных направлений¹⁵. Журнал заложил основу для возникновения в китайской исторической науке «группы Шихо»¹⁶.

Общество Шихо ставило задачи расширения познаний в западной социально-экономической истории, проведения сопоставлений Китая и Запада для того, чтобы обрести новые идеи и ориентиры в изучении национальной истории. Тао Сишэн указывал, что «для углубленных исследований социально-экономической истории Китая необходимо иметь точные знания истории экономики и общества зарубежных стран»¹⁷. Деятели Общества проявляли интерес к современной зарубежной исследовательской методологии. Тао Сишэн поддержал предложение создать в журнале специальную рубрику о зарубежных трудах по мировой экономической истории и разработал подробный план ознакомления с ними.

Наибольший вклад в эту работу внес Лянь Шишэн. В его переводе в журнале «Шихо» (Т. 1, № 8) вышла изданная в 1929 г. статья немецкого экономиста, историка и социолога В. Зомбарта «Экономическая теория и экономическая история». Особый интерес Лянь Шишэн проявил к трудам профессора экономической истории Кембриджского университета Дж. Г. Клэпхема, написавшего «Экономическую историю современной Англии». В журнале были опубликованы переводы его статей «Об исследовании экономической истории» (Т. 2, № 8) и «Экономическая история как дисциплина» (Т. 2, № 2), в которой шла речь о важности статистического метода при изучении истории экономики. Лянь Шишэн перевел статью профессора Университета Торонто У.Т. Джекмана «Факты в экономической истории», которая вышла под названием «О важности экономической истории» (Т. 2, № 12). В переводе Лянь Шишэна под названием «Как изучать социальные факты» (Т. 3, № 6) была опубликована статья «Методы социальных исследований», написанная авторитетными специалистами по истории тред-юнионов супругами С. и Б. Вебб. В журнале были напечатаны переведенные Лянь Шишэном главы из книги «Индустриальная эволюция» основателя дисциплины «история бизнеса» профессора Гарвардского университета Н.С.Б. Граса (Т. 3, № 9). Лянь Шишэн также опубликовал в «Шихо» перевод отдельных глав брошюры Г. фон Шмоллера «Система меркантилизма и ее историческое значение» (Т. 2, № 10; Т. 3, № 1). В 1935 г. Тао Сишэн сообщил, что Общество Шихо готовит к изданию ее полный перевод, поскольку «обсуждаемая в этой книге система может служить сравнительным материалом для изучения политики Китая после династии Сун в области внешней торговли, денег, а также внутренней торговли и организации городов»¹⁸.

В 1930-е годы труды Шмоллера, Зомбарта, Клэпхема, Джекмана, Граса, Веббов находились на переднем крае исследований социально-экономической истории. Ознакомление с ними способствовало расширению научного кругозора китайских ученых. Внимание журнала «Шихо» к трудами западных и японских исследователей экономической истории Китая помогло проникновению их подходов в китайскую историографию.

Статей об историческом материализме Маркса в журнале было мало, исключением стали опубликованные в переводе Ли Бинхэна главы из «Введения в политическую экономию» Р. Люксембург (Т. 3, № 8; Т. 3, № 12). По мнению современного китайского исследователя Су Юнмина, это невнимание можно объяснить тем, что после «Движения 4 мая» о марксистском понимании истории много писал Ли Дачжао, для большого числа китайских авторов исторический материализм служил тогда основным методом изучения социально-экономической истории Китая. В ходе спора об истории китайского общества позиции сторонников исторического материализма подверглись воздействию идеологии, а «группа Шихо» стремилась вести ознакомление с зарубежными трудами «с чисто научных позиций и избегать бессмысленной полемики»¹⁹.

Обсуждение трактовки истории китайской экономики в «Богатстве народов» Адама Смита

Развитием усилий по ознакомлению с экономической мыслью Запада стало появление в журнале «Шихо» серии статей о «Богатстве народов» Адама Смита. В последнем номере 1935 г. редакция журнала анонсировала сбор статей для специального выпуска, посвященного 160-летию «Богатства народов». В объявлении подчеркивалось, что «Богатство народов» является «основой экономической науки и «авангардом» экономической историографии». Журнал видел в Адаме Смите не столько основоположника классической политэкономии, сколько «экономического историографа», который «хорошо овладел историей» и потому смог создать «последовательную теорию»²⁰.

Специальный выпуск о «Богатстве народов» журнал не подготовил. Материалы на эту тему вышли в различных номерах третьего тома «Шихо» в 1936 г. В переводе с английского языка была опубликована большая статья британского историка экономики

Ч.Р. Фэя «О «Богатстве народов»»²¹. Получивший образование в США историк западной экономической мысли Чжао Найтуань рассказал о процессе создания «Богатства народов» и источниках учения Адама Смита. Сравнивая книгу Смита с беспредельным хребтом Куньлунь и расположенным в провинции Цинхай плато Синсюхай, которое древние китайцы считали местом истока реки Янцзы, он отметил, что такое впечатление сложилось у него 12 лет назад во время учебы в Мичигане, где он внимательно прочитал «Богатство народов». Он отметил, что в интеллектуальном смысле эта книга была основой всех последующих экономических сочинений.

Чжао Найтуань хорошо знал труды Смита и даже обращался к каталогу библиотеки Адама Смита чтобы узнать, какие книги он читал наиболее часто, а какие вообще никогда не открывал. Он перечислил имена ученых, которые оказали влияние на Смита, и проанализировал источники его взглядов. Китайский экономист оспорил мнение о том, что идеи Смита были заимствованы у физиократов. На основании изучения лекций, прочитанных Смитом в Университете Глазго до его поездки во Францию, Чжао Найтуань заключил, что наибольшее влияние на Смита оказала британская интеллектуальная традиция.

Чжао Найтуань признал, что в период, когда либерализм идет к упадку и экономисты воспевают национальную контролируемую экономку, создается впечатление, что книга Смита утратила свое значение. Тем не менее, он призвал оценить величие этой книги, подчеркнув, что ее содержание не сводится исключительно к пропаганде либерализма, в ней есть еще много аспектов, которые могут представить интерес для китайцев²².

Проблема современного значения «Богатства народов» вызывала большой интерес у авторов «Шихо». Тао Сишэн отметил: «Сейчас эпоха противостояния монополистического капитализма и социализма. Новый меркантилизм победил либерализм, социализм также поднимается и идет на смену капитализму. Однако он [Адам Смит] является основоположником экономической историографии. Кроме того, в Китае, где сейчас в особых формах осуществляется промышленная революция, его экономическая наука все еще представляет ценность для внимательного чтения. Поэтому мы должны отметить его известный труд»²³.

В наибольшей степени тематике журнала «Шихо» соответствовала статья Лянь Шишэна и Тао Сишэна «Адам Смит о Китае». Следуя программной задаче систематизации исторических материалов, они собрали и прокомментировали высказывания Смита о специфике китайской экономики. В ходе рассмотрения проблемы с точки зрения различий в уровнях экономического развития Китая и Запада особое внимание было уделено историческому контексту появления «Богатства народов». «Адам Смит был экономистом эпохи мануфактурного капитализма. Мануфактурная промышленность в Англии была развитой, уже ожидалось наступление механизированной промышленности. Хотя «Богатство народов» написано до промышленной революции, Адам Смит уже чувствовал огромный прогресс, который скоро придет. Этот ученый, выросший в эпоху огромного прогресса общества и понимавший его, часто говорил о Китае. Как же накануне промышленной революции крупный экономист смотрел на Китай, находившийся на большом расстоянии от промышленной революции?»²⁴.

Статья открывалась перечислением позитивных суждений Смита о китайской экономике и его слов о том, что Китай был более богатой страной, чем любая часть Европы²⁵. Автор «Богатства народов» обращал внимание на «громоздкие размеры Китайской империи, многочисленность ее населения, разнообразие климата, а следовательно, и продуктов различных ее провинций, и легкое сообщение водным путем между большей частью этих провинций»²⁶. Он полагал, что обширного внутреннего рынка страны достаточно для существования очень крупных мануфактур и для проведения весьма значительного разделения труда.

Лянь Шишэн и Тао Сишэн согласились с этими историческими описаниями. «Не было ничего удивительного в самовосхвалении китайских ученых-служилых. В XVIII веке наши земли были плодородными и освоенными, население многочисленным,

транспорт удобным, рынок обширным, это вызывало интерес и внимание европейских экономистов. Особенно богатыми были районы производства риса»²⁷. Последний вывод был подкреплен словами Смита: «В странах, возделывающих рис, который обыкновенно дает две, а иногда и три жатвы в год, причем каждая более обильна, чем жатва какого-либо другого зернового хлеба. обилие пищи должно быть гораздо более значительно, чем в любой стране таких же размеров, возделывающей хлеб. Такие страны ввиду этого отличаются более густым населением»²⁸.

Далее авторы отмечали: «Китай мог хвалиться не только хорошими естественными условиями, но и тем, что прогресс сельского хозяйства и промышленности начался рано»²⁹. Этот тезис был подтвержден высказываниями Смита о развитии земледелия и промышленности в Древнем Египте, Индии и Китае³⁰.

На этом позитивные суждения о китайской экономике закончились. Следующий раздел статьи гласил: «Однако позже наступила стагнация»³¹. Тао Сишэн и Лянь Шишэн признали: «Былая слава ушла. Богатство естественных условий было дано нам небом. Самовосхваление китайских ученых-служилых было напрасным. На самом деле они хвастались тем, что препятствовало продвижению Китая вперед. Это очень четко понял Адам Смит — экономист из прогрессирующей в XVIII веке Англии»³². В «Богатстве народов» было сказано, что богатый, плодородный, трудолюбивый и многонаселенный Китай оставался в состоянии застоя на протяжении пятисот лет с того времени, как его посетил Марко Поло³³.

Авторы отметили, что к стагнации привели два просчета в экономической политике. Первым стало невнимание к промышленности. «Именно потому, что сельское хозяйство процветало, китайское правительство не уделяло внимания промышленности, а обращало внимание только на сельское хозяйство»³⁴. Они сослались на слова Смита о том, что государи Китая, Древнего Египта и Индостана «всегда извлекали весь свой доход или гораздо большую его часть из того или иного вида поземельного налога, или земельной ренты», поэтому естественно, что «государи этих стран с особым вниманием относились к интересам земледелия»³⁵.

Предпочтение сельскому хозяйству проникло во все слои китайского общества: «Такими были монархи. Таким было и общество»³⁶. Этот тезис был подкреплен цитатой из «Богатства народов», объяснявшей, что в Китае положение крестьянина было лучше, чем положение ремесленника, в результате заветная мечта каждого человека состояла в «получении небольшого клочка земли в собственность или в аренду»³⁷.

Вторым просчетом стало невнимание к внешней торговле. Лянь Шишэн и Тао Сишэн подробно процитировали рассуждения Смита о том, что «китайцы сами и на своих собственных судах не ведут почти никакой внешней торговли»³⁸. В «Богатстве народов» было сказано, что громадная и многонаселенная Китайская империя не нуждалась во внешних рынках, так как имела собственный обширный внутренний рынок³⁹.

Далее авторы рассмотрели взгляды Смита на бедность и богатство Китая. Обратившись к бедственному положению трудящихся, они отметили: «Так как общество и экономика Китая находились в состоянии застоя, не было возможностей для повышения зарплат крестьян и ремесленников»⁴⁰. Тао Сишэн и Лянь Шишэн привели большую цитату из «Богатства народов», в которой Смит утверждал, что бедность низших слоев китайского общества далеко превосходит бедность самых нищенских наций Европы, китайские бедняки убивают своих детей и едят мертвых животных⁴¹. Он также писал, что «действительное вознаграждение труда в Европе выше, чем в Китае, поскольку значительнейшая часть Европы находится в прогрессирующем состоянии, а Китай, по-видимому, в стационарном»⁴².

Авторы статьи задали закономерный вопрос: «Если зарплаты рабочих такие низкие и бедное население столь велико, в чем тогда состоит богатство Китая?»⁴³. Смит полагал, что в Китае доходы богатых значительно превосходили границы их личного потребле-

ния, они наслаждались благами жизни намного больше, чем европейцы. Драгоценные металлы в Китае были намного дороже, чем в Европе, поскольку благодаря избыточному производству риса богатые люди в Китае имели средства для покупки гораздо большего количества труда других людей. Богачи соревновались между собой «за все те особенные и редкие произведения, которые природа доставляет лишь в небольших количествах, как, например, драгоценные металлы и камни». Смит отмечал, что из-за низкой действительной цены труда денежная цена большей части промышленных изделий в Китае будет значительно ниже, чем в любой европейской стране. В силу всех этих причин драгоценные металлы представляют товар, который выгодно продавать из Европы в Китай⁴⁴.

В XIX веке Великобритания нашла способ компенсировать отток серебра на китайский рынок поставками произведенного в Индии опиума. После поражения в Опиумной войне Китай оказался в подчиненном положении по отношению к Западу. Отголоски тех событий можно найти в словах Тао Сишэна и Лянь Шишэна: «Богатство Китая только лишь предоставляло богатым людям средства для приобретения антиквариата и драгоценностей. Поэтому Китай был землей, хранящей большие богатства. Прошло время, и значительная часть этих накопленных богатств ушла за океан. Если мы вспомним о прошлом, становится обидно, что хотя запасы непродуцированных сокровищ представляют собой богатство, но они не являются богатствами, позволяющими обществу прогрессировать. Несмотря на то, что богатые люди были богатыми, общество находилось в застое»⁴⁵.

Заключительный раздел статьи рассматривал «потенциальные возможности для прогресса» и включал цитаты из «Богатства народов», внушавшие надежду на развитие Китая. Смит полагал, что хотя Китай находится в состоянии застоя, он не движется вспять: жители не покидают города и не забрасывают обработанные земли, число рабочих, несмотря на их скудное существование, не уменьшается⁴⁶. Тао Сишэн и Лянь Шишэн подчеркивали, что «благодаря усердному труду рабочих масс Китай не идет назад»⁴⁷.

Смит предполагал, что развитие мореплавания и внешней торговли поможет Китаю добиться прогресса в развитии мануфактурной промышленности и значительно увеличит ее производительность, а торговые контакты с другими странами дадут китайцам возможность научиться применению и сооружению современных машин⁴⁸. Авторы заявили, что ситуация в мировой экономике полностью изменилась по сравнению с эпохой Смита, что сделало рецепты «Богатства народов» неприменимыми на практике. «Впоследствии Китай захотел улучшить себя, следуя примеру других стран, однако либерализм в других странах развился в монополизм, что стало препятствовать прогрессу Китая. Методология Адама Смита этого предвидеть не могла»⁴⁹.

К тексту статьи были добавлены два комментария Тао Сишэна, который критически проанализировал аргументы Смита.

Первый комментарий касался внешней торговли. Смит думал, что расширение свободы мореплавания приведет к росту китайской промышленности и увеличению ее производительности⁵⁰. Тао Сишэн отметил, что в соответствии с этой теорией застой Китая можно преодолеть только с помощью либерализма, и тогда упорный труд рабочих и передовая техника смогут продвинуть Китай вперед. В конце XVIII века Смит считал, что китайская промышленность «хотя и отличалась от европейской, но не намного». В ту эпоху в Китае не было либерализма, и потому он не смог вступить в стадию промышленной революции. «А в других местах был либерализм, в особенности такой, который существовал накануне промышленной революции, он позволил Англии продвинуться в авангард капитализма»⁵¹.

С точки зрения Тао Сишэна, опора на либерализм «в то время была правильной». Он напомнил, что в 1688 г. в Англии произошла «бескровная революция», политическая власть была разделена между аристократией и капиталистами. Вслед за этим городская промышленность получила развитие, мануфактуры и капиталистическая семейная промышленность проникли в разные отрасли производства. О развитии промышлен-

ности и торговли можно судить по сосредоточению населения в британских городах. «Естественно, что либерализм стал гордостью эпохи».

В Китае во второй половине XVIII века у власти находились императоры Цяньлун и Юнчжэн. Свобода, прагматизм и научные методы исследования, которые появились в конце династии Мин и начале династии Цин, подверглись удару со стороны императорского абсолютистского конфуцианства и стереотипных восьмичленных экзаменационных сочинений. Политика закрытых дверей одержала последнюю победу, зарубежные мигранты были решительно отвергнуты. «Китай в эпоху Адама Смита в действительности был реакционным, а не застойным», заключил Тао Сишэн⁵².

Китайский исследователь четко заявил, что идеология *laissez-faire* не сможет действовать развитию Китая. «После того, как свободный капитализм превратился в монополистический, стало невозможным спасти Китай начала XX века с помощью либерализма. Хотя либерализм имел большие задачи и заслуги в устранении остатков реакционного общества, есть только один путь социализма, который позволит развить Китай, идущий к упадку от полукOLONиального к колониальному статусу, и освободить его из-под пяты государственного монополистического капитализма. Безнадежны попытки заниматься свободной конкуренцией с помощью частного капитала и стремиться к свободному развитию с помощью неорганизованных методов»⁵³.

Во втором комментарии Тао Сишэн обратился к истории экономики и отметил, что «теория застоя» Смита описывала только один аспект китайского общества, не давая полной картины. «За внешним застоєм внутри были большие потрясения и противоречия, этого либеральный экономист Смит не мог бы разглядеть, даже если бы он получил более детальные доклады»⁵⁴.

Тао Сишэн подверг сомнению заявление Смита о том, что китайцы не уделяли внимания промышленности и торговле. Реальная проблема состояла в том, что торговцы господствовали над промышленниками и не позволяли им расширять производство, сами торговцы также не были заинтересованы в инвестировании своей прибыли в производство. При такой организации экономики рекомендации Смита расширить внешнюю торговлю не принесли бы ожидаемого эффекта. По мнению Тао Сишэна, дальнейшее развитие внешней торговли Китая привело бы лишь к созданию новых гильдий, получению дополнительных прибылей и хранению большего количества сокровищ. Промышленность и торговля, наталкиваясь на препятствия со стороны землевладельцев и бюрократов, не имели возможности опереться на власть государства, чтобы освободиться от ограничений.

Исторические факты не подтвердили гипотезу Смита о том, что китайцы не интересовались мореплаванием и торговлей. Тао Сишэн напомнил, что китайские мигранты на Филиппинах были очень активны в конце династии Мин, китайцы на Тайване столкнулись с армиями маньчжуров и голландцев в начале династии Цин, а торговые суда из Фуцзяни, Чжэцзяна и Гуанчжоу боролись за политику открытых дверей. «Этого не смог увидеть не только Адам Смит, но и наши современные историки этого не обнаружили!»⁵⁵.

Чтобы выявить динамику развития китайской экономической мысли в 1920-е — 1930-е годы, можно обратиться к увидевшему свет в 1923 г. тематическому выпуску журнала «Сюэи» («Наука и искусство») по поводу 200-летия со дня рождения Адама Смита. На его страницах появилась статья Ли Чаохуаня о взглядах Смита на экономику Китая⁵⁶.

Первое и наиболее заметное отличие от публикации в «Шихо» сводится к тому, что исторические комментарии самого Ли Чаохуаня были минимальны. Он черпал суждения об экономической истории Китая не из китайских источников, а из комментариев к «Богатству народов» британского экономиста Дж.Р. Мак-Куллоха.

Автор «Сюэи» также начал рассмотрение темы с суждения Смита о том, что Китай был богаче любого европейского государства⁵⁷. Однако «такое мнение не соответствовало действительности», поскольку об этом написал Мак-Куллох: «Доктор Смит мог составить свое мнение о богатствах Китая из представлений о нем ранних путешествен-

ников и иезуитов. Более поздние и лучше подтвержденные описания показывают, что Китай, вместо того чтобы быть богатым, в реальности очень бедная и плохо возделанная страна. Население чрезмерно избыточно, бедность и страдания распространены до пределов, неведомых ни в одной стране Европы за исключением Ирландии»⁵⁸. Тема исследования подлинного исторического облика экономики Китая была сведена в «Сюэи» к пересказу западной критики необоснованного оптимизма иностранных путешественников и миссионеров.

Ли Чаохуань сослался на тезис Смита о том, что китайцы относятся к внешней торговле «с крайним презрением и едва устаивают предоставлять ей хотя бы слабую защиту законов»⁵⁹. Этим размышлениям китайский автор противопоставил комментарий Мак-Куллоха, открыто усомнившегося в их обоснованности. «Теперь признано каждым, кто знаком с предметом, что представление, будто бы китайцы невнимательны к внешней торговле и презирают ее, полностью лишено оснований. Напротив, заметна их склонность к коммерции». Китайцы поддерживают по морю активные торговые связи с Филиппинами, Японией, Сиамом, Сингапуром, Батавией; они «являются, и долгое время являлись на Востоке тем, кем голландцы были в Европе — перевозчиками и торговцами с окружающими странами»⁶⁰. По мнению Мак-Куллоха, представить китайцев противниками коммерции, с которыми трудно иметь дело, было в интересах компаний из Великобритании и Голландии, получивших монополию на торговлю с Китаем и стремившихся найти оправдание своим особым привилегиям. Однако после того, как торговля с Китаем стала открытой для всех стран, опыт показал, что эти представления оказались полностью беспочвенными. По мнению Ли Чаохуаня, все это стало понятным в середине XIX века. Здесь вновь можно видеть подмену изучения социально-экономической истории Китая поверхностными суждениями иностранных наблюдателей.

Авторы «Шихо» и «Сюэи» опирались на одни и те же цитаты Смита о Китае, но их методы и глубина исторических познаний были разными. Ли Чаохуань написал статью в «Сюэи» будучи студентом экономического факультета Императорского университета Киото, и его подходы отразили воздействие японской академической традиции. Отталкиваясь от рассуждений Смита о малом внимании китайцев к внешней торговле, он заключил, что воспрепятствовать международной торговле трудно, поскольку она благоприятствует прогрессу национальной экономики. Он полагал, что с учетом мировых тенденций желательность для Китая предписанной Смитом политики *laissez-faire* в сфере внешней торговли не вызывает сомнений, хотя проводить ее следует с осторожностью и в случае необходимости использовать протекционистские меры⁶¹.

Сравнение публикаций в «Шихо» и «Сюэи» позволяет сделать вывод, что в 1923 г. Ли Чаохуань надеялся найти решение проблем Китая внутри обрисованной Смитом парадигмы либеральной экономики. Лянь Шишэн и Тао Сишэн в 1936 г. заявили о полном несоответствии этой парадигмы запросам развития Китая. Они стремились показать различие между высказываниями Смита о Китае и реальностью с опорой на китайские исторические материалы, а не на суждения иностранных комментаторов «Богатства народов». Тао Сишэн критиковал монополистический капитализм, называл идеологию либерализма неэффективной и поддерживал развитие Китая по пути социализма. Его политические рекомендации были основаны на изучении социально-экономической истории Китая.

* * *

Смена акцентов в интерпретации идей Адама Смита была обусловлена изменениями в оценках перспектив развития Китая. Журнал «Шихо» проанализировал «Богатство народов» с позиций китаецентризма и критики западного экономического либерализма. Усилению этих настроений в середине 1930-х годов способствовало осознание неминуемого приближения нападения со стороны Японии. Тао Сишэн указывал, что одной из опор «национального пробуждения» должно стать осознание китайцами того, что политика

laissez-faire не соответствует организации нации и запросам экономики. Этот вывод, «с одной стороны, основан на крахе под давлением империализма новой индустриальной политики в конце династии Цин, с другой стороны, на наблюдении, что на передовые рубежи вышли СССР и другие страны с организованной экономической политикой»⁶².

Обсуждение «Богатства народов» вышло за рамки экономической истории и было обращено к проблеме выбора пути развития Китая. Лю Чуньцян отметил, что журнал «Шихо» отразил размышления Тао Сишэна о необходимости проведения модернизации с учетом национальной специфики. Дискуссия конца 1920-х годов об истории китайского общества была основана на идеях классовой борьбы и революции, что привело к упрощенному восприятию специфических особенностей общественных отношений. Восполняя этот пробел, в середине 1930-х годов журнал «Шихо» был устремлен к выявлению китайских социальных и культурных компонентов. Тао Сишэн стоял на позициях укрепления национального государства, он «пытался заново вернуть “обществу” социальную историю и через внимание к традиционной культуре постепенно превратить социальную историю в социально-культурную историю»⁶³.

160-летие «Богатства народов» совпало с возрождением интереса к китайской традиции. В январе 1935 г. был опубликован «Манифест строительства собственной китайской культуры», одним из десяти его подписантов стал Тао Сишэн. «Манифест» призывал к отказу от бездумного копирования зарубежных моделей, к критическому подходу и использованию научного метода для «изучения прошлого, овладения настоящим и создания будущего» Китая.

Позитивная оценка национальной традиции создавала благоприятный фон для формирования истории китайской экономической мысли как самостоятельной научной дисциплины. Книга Тан Цинцзэна «История китайской экономической мысли»⁶⁴, заложившая основы для профессиональных исследований в этой области, была опубликована в 1936 г. — в тот же год, что и серия статей о «Богатстве народов» в журнале «Шихо».

Тан Цинцзэн создал новаторский труд по истории китайской экономической мысли, опираясь на западную исследовательскую методологию. Сосредоточенная на выявлении исторических материалов по китайской экономике «группа Шихо» также подверглась значительному влиянию западных теорий и методов. Современные китайские авторы напоминают, что к середине 1930-х годов были изданы исследования китайской социально-экономической истории советских марксистов и японских ученых. Собственных работ на эту тему в Китае еще не было. Ощущение того, что чужестранцы «заменяют жреца» и занимают сферу, в которой обязаны присутствовать китайские ученые, усилило психологическую мотивацию для проведения самостоятельных исследований. Отставание от иностранцев позволило извлечь уроки из зарубежного научного опыта и привести его обсуждение⁶⁵.

Важнейшей особенностью развития общественных наук в Китае середины 1930-х годов стало соединение поворота к национальной традиции с освоением современных зарубежных идей. К этому времени утратили прежнее влияние как сторонники «полной вестернизации» Китая, так и защитники устоев традиционной культуры. Изучение «группой Шихо» китайской экономической истории с использованием иностранных теорий и методов способствовало выявлению и осмыслению национальной специфики. Именно в те годы в научных кругах сформировалось понимание важности учета «китайской специфики» при составлении планов развития страны в условиях открытости внешнему миру.

1. Тао Сишэн няньпу цзяньбянь: [Краткая биография Тао Сишэна] // Тао Сишэн цзюань. Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку: [Том Тао Сишэн. Библиотека китайских мыслителей нового и новейшего времени] / Чэнь Фэн (ред.). Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2014. С. 554.

2. *Делюсин Л.П.* Тао Сишэн о характере и эволюции китайского общества // XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 3. М.: ГРВЛ, 1981. С. 8–13.
3. Тао Сишэн няньпу цзяньбянь. С. 555–556.
4. *Сунь Цзясян, Цзэн Сянькай, Чжэнь Чангань.* Пипань Тао Сишэн «сянь цзыбэньчжун шэхуэй лунь» дэ фаньдун гуаньдянь: [Критика реакционной «теории докапиталистического общества» Тао Сишэна] // Лиши яньцзю. 1958. № 12. С. 63.
5. *Чэнь Фэн.* Даоянь: [Предисловие] // Тао Сишэн цзюань. С. 9–10.
6. *Сян Яньнань, Инь Цзин.* Чжунго шэхуэй цзинци ши яньцзю дэ тохуан юй дяньци — Тао Сишэн чуан бань «Шихо» дэ шисюэ ии: [Открытие и создание основ для изучения социально-экономической истории Китая — значение для изучения истории созданного Тао Сишэном журнала «Шихо»] // Бэйцин шифань дасюэ сюэбао (Шэхуэй кэсюэ бань). 2005. № 3. С. 93.
7. *Жуань Син.* Тао Сишэн юй «Шихо баньюэкань»: [Тао Сишэн и журнал «Шихо»] // Ланьчжоу дасюэ сюэбао (Шэхуэй кэсюэ бань). 2005. № 2. С. 26–30.
8. См.: *Е Шичан, Сунь Дацюань, Дин Сяочжи.* Цзиньдай Чжунго цзинци сысянши. Ся цэ: [История китайской экономической мысли нового времени. Ч. 2]. Шанхай: Шанхай цайцин дасюэ чубаньшэ, 2017. С. 12–13.
9. *Тао Сишэн.* Макэсы дэ шэхуэй цзиньхуа лунь: [Теория эволюции общества Маркса] // Тао Сишэн цзюань. С. 93.
10. *Тао Сишэн.* «Чжунго шэхуэй юй Чжунго гэмин» сюйлунь — Жухэ гуаньча Чжунго шэхуэй: [Предисловие к «Китайскому обществу и китайской революции» — Как наблюдать за китайским обществом] (5 окт. 1929 г.) // Тао Сишэн цзюань. С. 154.
11. Там же.
12. *Тао Сишэн.* Яньцзю Чжунго шэхуэй ши дэ фанфа хэ гуаньдянь: [Методы и концепции изучения истории китайского общества] (9 дек. 1936 г.) // Тао Сишэн цзюань. С. 444.
13. *Тао Сишэн.* Соду дифанчжи дэ тин: [Предложения по поиску и чтению историко-географических описаний отдельных районов] (16 дек. 1934 г.) // Тао Сишэн цзюань. С. 376.
14. *Тао Сишэн.* «Шихо» чуан кань хао. Бяньци дэ хуа: [Первый номер «Шихо». От редактора] (1 дек. 1934 г.) // Тао Сишэн цзюань. С. 374.
15. *Тао Сишэн.* «Шихо» чжоукань чуан кань дэ ии: [Значение создания журнала «Шихо»] (6 дек. 1936 г.) // Тао Сишэн цзюань. С. 442–443.
16. См.: *Су Юнмин.* «Шихо пай» шисюэ яньцзю: [Исследование историографии «группой Шихо»]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2015.
17. *Тао Сишэн.* Шихо сюэхуэй бэнь нянь лю сян гунцзо цаоюэ: [Проект работы из шести пунктов Общества Шихо в текущем году] // Шихо (баньюэкань). 1935. Т. 1. № 6. С. 1.
18. *Тао Сишэн.* Цзинци ши минчжу сюань цзихуа: [План выборочного перевода известных трудов по экономической истории] (1 июня 1935 г.) // Тао Сишэн цзюань. С. 395.
19. *Су Юнмин.* Указ. соч. С. 185.
20. Шихо сюэхуэй. Юань фу чубань 160 чжоунянь цзинянь чжэньвэнь цини: [Общество Шихо. Объявление о сборе статей к 160-летию издания «Источников богатства»] // Шихо (баньюэкань). 1935. Т. 2. № 12. С. 8.
21. *Фэй [Фэй Ч.Р.].* Лунь юань фу: [О «Богатстве народов»] / пер. Лянь Шишэн // Шихо (баньюэкань). 1936. Т. 3. № 4. С. 1–14.
22. *Чжао Найтуань.* Сыми Ядань гофулунь чжуаньшу дэ цзинго цзи ци сюэшо юаньюань: [Процесс написания Адамом Смитом «Богатства народов» и его источники] // Шихо (баньюэкань). 1936. Т. 3. № 7. С. 1–9.
23. *Тао Сишэн.* Бяньци дэ хуа: [От редактора] // Шихо (баньюэкань). 1936. Т. 3. № 3. С. 50.
24. *Лянь Шишэн, Тао Сишэн.* Сыми Ядань лунь Чжунго: [Адам Смит о Китае] // Шихо (баньюэкань). 1936. Т. 3. № 3. С. 1.
25. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ.; предисл. В.С. Афанасьева. М.: Эксмо, 2007. С. 228. (Антология экономической мысли).
26. Там же. С. 641–642.
27. *Лянь Шишэн, Тао Сишэн.* Указ. соч. С. 1.
28. *Смит А.* Указ. соч. С. 241.
29. *Лянь Шишэн, Тао Сишэн.* Указ. соч. С. 2.
30. *Смит А.* Указ. соч. С. 81–82.
31. *Лянь Шишэн, Тао Сишэн.* Указ. соч. С. 2.

32. Там же.
33. *Смит А.* Указ. соч. С. 123–124.
34. *Лянь Шишэн, Тао Сишэн.* Указ. соч. С. 2.
35. *Смит А.* Указ. соч. С. 644.
36. *Лянь Шишэн, Тао Сишэн.* Указ. соч. С. 2.
37. *Смит А.* Указ. соч. С. 641.
38. Там же.
39. Там же. С. 641–642.
40. *Лянь Шишэн, Тао Сишэн.* Указ. соч. С. 3.
41. *Смит А.* Указ. соч. С. 124.
42. Там же. С. 228.
43. *Лянь Шишэн, Тао Сишэн.* Указ. соч. С. 4.
44. *Смит А.* Указ. соч. С. 241–242.
45. *Лянь Шишэн, Тао Сишэн.* Указ. соч. С. 5.
46. *Смит А.* Указ. соч. С. 124.
47. *Лянь Шишэн, Тао Сишэн.* Указ. соч. С. 5.
48. *Смит А.* Указ. соч. С. 642.
49. *Лянь Шишэн, Тао Сишэн.* Указ. соч. С. 5.
50. *Смит А.* Указ. соч. С. 641, 649.
51. *Лянь Шишэн, Тао Сишэн.* Указ. соч. С. 6.
52. Там же. С. 6.
53. Там же.
54. Там же.
55. Там же.
56. *Ли Чаохуань.* Ядань Сыми чжи Чжунго цзинци гуань: [Взгляды Адама Смита на экономику Китая] // Сюэи. 1923. Т. 5. № 7. С. 1–8.
57. *Смит А.* Указ. соч. С. 228.
58. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations / By Adam Smith, LL.D. With a life of the author, an introductory discourse, notes, and supplemental dissertations. By J.R. McCulloch, Esq. Professor of Political economy in the University of London. In four volumes. Edinburgh: Printed for Adam Black, and William Tait. 1928. Vol. I. P. 311.
59. *Смит А.* Указ. соч. С. 477–478.
60. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations / By Adam Smith, LL.D; with a life of the author, an introductory discourse. By J.R. McCulloch. Edinburgh: Adam and Charles Black; London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1859. Fifth edition, corrected and improved. P. 219.
61. *Ли Чаохуань.* Указ. соч. С. 5.
62. *Тао Сишэн.* Чжунго чулу юй Чжун Жи гуаньси: [Выход для Китая и китайско-японские отношения] (21 дек. 1936 г.) // Тао Сишэн цзюань. С. 451.
63. *Лю Чуньцян.* Тао Сишэн юй «Шихо» дэ чжэнчжисин тэдянь: [Тао Сишэн и политические особенности «Шихо»] // Бэйцзин кэци дасюэ сюэбао (Шэхуэй кэсюэ бань). 2014. Т. 30. № 3. С. 75.
64. *Тан Цинцзэн.* Чжунго цзинци сысян ши. Ди и цзюань: [История китайской экономической мысли. Т. 1]. Шанхай: Шаньу иньшугуань, 1936.
65. *Су Юнмин.* Шихо пай дэ цзюэци юаньинь фэньси: [Анализ причин подъема «группы Шихо»] // Наньчан дасюэ сюэбао (Жэньвэнь шэхуэй кэсюэ бань). 2014. № 7. С. 99.

Ду Яцюань и становление китайского культурного консерватизма в 1910-е годы

© 2017

А.В. Ломанов

Китайский мыслитель, публицист и пропагандист науки Ду Яцюань в конце 1910-х годов стал выразителем идеологии культурного консерватизма, призывавшим к взаимному соединению и гармонизации культур Китая и Запада. На основании первоисточников рассматриваются его политические взгляды, в том числе концепция «преемственности» государственности, трактовка соотношения «старого» и «нового» в развитии Китая, понимание социальной основы революции. Сделан вывод, что мировоззрение Ду Яцюаня стало выражением идей консервативного направления, стремившегося не допустить разрыва с национальной традицией в ходе построения новой культуры.

Ключевые слова: культуры Китая и Запада, Первая мировая война, социализм, средний класс, «Дунфан цзачжи», Чэнь Дусю.

Первое десятилетие существования Китайской республики стало периодом активного распространения западных знаний и переосмысления отношений культурных традиций Китая и Запада. Важную роль в этих процессах сыграл Ду Яцюань (1873–1933). Он внес заметный вклад в пропаганду современных естественных наук, в период «Движения 4 мая» он стал выразителем идеологии культурного консерватизма, призывавшим к взаимному соединению и гармонизации культур Китая и Запада.

Ду Яцюань (Ду Вэйсунь, Ду Цюфань) родился в 1873 г. в провинции Чжэцзян в округе Шаосин. Благодаря прилежанию в учебе он добился успехов при сдаче экзаменов на занятие должности, однако японо-китайская война 1894 г. изменила его приоритеты. Под влиянием патриотического порыва он обратился к изучению естественных наук — математики, физики, химии, биологии. Чтобы получить возможность знакомиться с новой научной литературой, он изучил японский язык.

По приглашению Цай Юаньпэя в 1898 г. Ду Яцюань стал преподавателем математики и естественных наук в Китайско-западной школе (*Чжун Си сюэтан*) в городе Шаосин. В этот период он проявил интерес к политике, разделяя реформаторские устремления Цай Юаньпэя.

В 1900 г. Ду Яцюань отправился в Шанхай. Тогда он придумал себе новое имя Яцюань, которое должно было символизировать его беспристрастность и скромность. Он объяснил Цай Юаньпэю, что это имя происходит от скорописного написания двух иероглифических знаков — иероглифа «я», обозначающего инертный газ аргон, и знака «сянь», обозначающего в геометрии линию, лишенную телесности и собственной поверхности¹.

Этому имени было суждено обрести известность в истории китайской научной мысли. Оно вошло в название созданного Ду Яцюанем в Шанхае первого в Китае част-

Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com.

Подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00353 «Эволюция и специфика культурного консерватизма в Китае в XX веке»

ного научно-технического учебного заведения Яцюань сюэгуань. Тогда же появился нацеленный на популяризацию научных знаний журнал «Яцюань цзачжи». Он выходил в Шанхае с ноября 1900 г. по июнь 1901 г., всего было издано десять номеров. Журнал рассказывал о математике, физике и химии, наиболее важными стали публикации о современной химии, материалы для которых были почерпнуты из литературы на японском языке. Несмотря на просветительский характер издания, ему удалось внести вклад в развитие химической науки в Китае. Ду Яцюань придумал китайские имена для 13 новых химических элементов, шесть из них вошли в научный лексикон. «Яцюань цзачжи» впервые опубликовал периодическую таблицу Менделеева, что «имело важное значение в истории естественнонаучных исследований в Китае»².

В 1901 г. на полученные от отца деньги Ду Яцюань создал Научный кабинет всеобщих знаний (*Путун сюэцу иш*) и журнал «Всеобщий научный вестник» (*Путун сюэбао*), который пропагандировал как естественные, так и общественные науки. В 1902 г. Ду Яцюань приступил к изданию ежемесячника «Китайско-зарубежный вестник исчислений» (*Чжун вай суань бао*), ставшего первым в Китае специализированным периодическим изданием по математике. В этот период Ду Яцюань составил школьный учебник китайского языка «Начала литературы» (*Вэньсюэ чуци*). Это пособие отразило новые веяния в системе образования. Изучение китайских классических канонов перестало быть главной темой, в учебник вошли знания о западных естественных науках и зарубежной истории. В конце 1902 г. Ду Яцюань вернулся в Шаосин, где вместе с Цай Юаньпэем и другими единомышленниками начал работы по созданию Колледжа Юэцзюнь (*Юэцзюнь гунсюэ*).

В 1904 г. основатели издательства Шанью иньшугуань (The Commercial Press) Ся Жуйфан и Чжан Юаньци пригласили Ду Яцюаня на работу, он стал заведующим секцией естественных наук в отделе переводов. Почти три десятилетия он работал в Шанью иньшугуань, где ему удалось реализовать замысел популяризации научных знаний. За эти годы в качестве редактора он подготовил к изданию большое количество школьных учебников по естественным наукам и специализированных научных трудов.

Наибольшую известность Ду Яцюаню принесли публикации в журнале «Дунфан цзачжи» (The Eastern Miscellany), который выходил в издательстве Шанью иньшугуань. Этот журнал существовал с 1904 по 1948 г. и обрел славу самого влиятельного общественно-политического издания республиканского Китая. С 1909 г. Ду Яцюань участвовал в работе редакции журнала, а в 1911 г. стал его главным редактором. Он изменил стиль журнала, в нем появились более объемные статьи, иллюстрации, заметно вырос интерес к китайской и зарубежной политике, современным научным знаниям.

Ду Яцюань был одним из авторов «Дунфан цзачжи». Под псевдонимами Цан Фу и Гао Лао он опубликовал около двух сотен заметок, которые оказали большое влияние на китайские интеллектуальные дискуссии 1910-х годов. Наиболее заметным событием стала разгоревшаяся в конце 1918 — начале 1919 г. полемика с лидером «Движения за новую культуру» Чэнь Дусю. Ду Яцюань выступил с позиции защиты китайской культуры с осуждением вестернизаторского радикализма, предложив сосредоточить усилия на гармонизации и взаимном дополнении двух культурных традиций. В 1919 г. Ду Яцюань вступил в спор о сущности новых идей с Цзян Мэнлинем — профессором Пекинского университета, временно исполнявшим обязанности ректора после отставки Цай Юаньпэя из-за событий «Движения 4 мая».

Издательство не поддержало общественно-политическую позицию Ду Яцюаня, опасаясь, что его консервативные взгляды повредят популярности журнала. В 1919 г. ему пришлось покинуть пост главного редактора «Дунфан цзачжи». На этом его активное участие в идейных дискуссиях завершилось. Он продолжал работу в Шанью иньшугуань, где занимался изданием научной и учебной литературы. В 1920 г. он выступил с критической позиции Юй Юньсю, призывавшего к полному отказу от китайской традиционной медицины и отрицавшего ее научный характер. По мнению Ду Яцюаня, у китайской традиционной медицины были свои теоретические основания, которые еще не получили

описания с помощью современной научной терминологии. Он призвал к взаимному соединению китайской и западной медицины. В 1927 г. Ду Яцюань вел философские споры с Ли Шицинем о старых и новых этических воззрениях и с Чжу Гуаншянем о чувствах и разуме. В основе этих обсуждений лежали поставленные в предыдущее десятилетие проблемы понимания рациональности и соотношения культур Востока и Запада.

В качестве главного редактора Ду Яцюань подготовил к изданию несколько фундаментальных справочников, которые оставили след в развитии китайской науки первой половины XX века. Составление «Большого словаря ботаники» (*Чжисюэ да-цыдянь*) продолжалось с 1907 по 1918 г., «Большого словаря зоологии» (*Дунъюэ да-цыдянь*) — с 1917 по 1923 г. Достоинством этих работ стало сведение воедино латинских, японских и китайских наименований растений и животных, наличие большого количества иллюстраций.

Попытка Ду Яцюаня создать собственное учебное заведение оказалась неудачной. В 1924 г. он на собственные деньги основал в Шанхае Школу нового Китая (*Синь Чжунхуа сюэюань*), сам занимался там преподаванием. Он залез в долги и продал часть имущества, однако денег на финансирование школы все равно не хватило и через пару лет ее пришлось закрыть.

Трагический перелом в жизни Ду Яцюаня наступил после «инцидента 28 января» 1932 г., когда в Шанхае начались военные действия и японские бомбардировки. Здание Шанью иньшугуань и жилой корпус были разрушены, издательство прекратило работу. После этого Ду Яцюань вернулся в родной уезд вместе с семьей. За год он завершил свой последний труд — «Словарь естественных наук для младшей школы» (*Сяосюэ цзыжань ксюэ цыдянь*). Вскоре Ду Яцюань заболел, у обедневшей семьи не было денег на лечение. Он умер от плеврита 6 декабря 1933 г. в возрасте 60 лет.

Социально-политические воззрения

В истории китайской мысли XX века присутствует «феномен Ду Яцюаня», указывающий на значительный разрыв в оценках различных аспектов деятельности мыслителя. С одной стороны, он внес очевидный вклад в распространение естественнонаучных знаний. Его устремление к пропаганде современной науки и техники было основано на патриотической мотивации создания предпосылок для развития Китая. С другой стороны, его позиция в ходе полемики о соотношении культур Востока и Запада в период «Движения 4 мая» была расценена как проявление «отсталости» и «косности».

Важной вехой на пути к созданию целостной сбалансированной оценки идейного наследия Ду Яцюаня стала статья, которую в 1994 г. опубликовал известный исследователь китайской мысли Ван Юаньхуа³. Он отметил, что после смерти Ду Яцюаня о его заслугах вспоминали очень редко, его имя постепенно позабыли. В изданных после образования КНР работах по истории современной китайской мысли не было упоминаний дискуссии о культурах Востока и Запада в период «Движения 4 мая», хотя, по мнению Ван Юаньхуа, историческое значение этой дискуссии было весьма значительным.

Публикации Ду Яцюаня в журнале «Дунфан цзачжи» периода 1910-х годов дают возможность охарактеризовать направление эволюции его общественно-политических взглядов. В увидевшей свет в 1911 г. статье «Идеология сокращения правительства» он выступил с либеральных позиций, призывая к урезанию государственных расходов и уменьшению вмешательства государства в жизнь общества⁴. Ду Яцюань подчеркивал, что ограничение функций правительства стало общемировой тенденцией, которая наиболее наглядным образом проявляется в Европе и в Японии. Он призывал Китай последовать этому примеру, указывая на несостоятельность призывов сохранить сильную власть для того, чтобы не допустить раскола и упадка страны. Ду Яцюань полагал, что у китайцев сильный независимый характер, на протяжении истории они всегда противились слишком сильной власти, которая много вмешивается в их дела и чрезмерно командует, они также обрели навыки самостоятельного управления своими делами. В уменьшении

полномочий власти и расширении пространства для деятельности общества он видел лекарство от поразивших Китай политических недугов и заодно возможность стимулировать экономическую активность людей.

Вместе с тем Ду Яцюань уделял внимание зарубежной социалистической мысли, интерес к ней он проявил еще до начала Первой мировой войны. Он перевел книгу японского социалиста Сюсюя Котоку «Сущность социализма» (кит. назв. *Шэхуэйчжэи шэньсуй*), журнал «Дунфан цзачжи» печатал ее с продолжением с мая по сентябрь 1912 г. В предисловии к публикации Ду Яцюань обозначил подчеркнуто нейтральную позицию: «Социализм развился в Европе и Америке, постепенно проникает в Восточную Азию. Поклоняющиеся ему говорят, что это источник счастья для человечества. Порицающие его видят в нем семя мировой опасности. Счастье? Опасность? Я не осмеливаюсь сказать и не могу сказать, поскольку не исследовал эту идеологию. Если в ней счастье, то эта идеология имеет ценность для исследования, если в ней опасность, то ее тем более нельзя не исследовать»⁵.

Интерес к социализму и его позитивные оценки можно обнаружить и в более поздних публикациях Ду Яцюаня. Однако этот интерес не превратился в стимул для поиска революционных способов преобразования Китая. Напротив, мыслитель сознательно выбрал путь постепенных умеренных преобразований, в ходе которых не происходит радикального разрыва между старым и новым. Эта идея была изложена в 1914 г. в статье «Идеология преемственности»⁶.

Идеологию преемственности в развитии государственности Ду Яцюань почерпнул из книги немецкого политического мыслителя XIX века Константина Франца «Введение в физиологию государства» (*Vorschule zur Physiologie der Staaten*, 1857), с которой ознакомился через японский перевод. Китайский мыслитель пояснял, что общность нации основана на государстве, процесс государственного строительства является длительным и растянут на поколения. Подчеркивая это обстоятельство, на Западе сравнивают государство с семейным достоянием, которое передают из поколения в поколение, от предков к потомкам. В широком смысле нация — это не только живущие ныне, но и те, кто был до них и кто будет после них.

В статье была выражена идея, которая впоследствии отчетливым образом повлияла на позицию Ду Яцюаня в период дискуссии о культурах Востока и Запада. Он заявил о необходимости сочетания старого и нового, недопустимости одностороннего противопоставления одного другому. В его изложении идеология преемственности государственного организма «с одной стороны, означает продвижение вперед, с другой стороны, охватывает смысл сохранения старого»⁷.

Китайский мыслитель встал на сторону европейского консерватизма, поставив Великобританию на первое место в качестве позитивного примера успешного соединения старого и нового. Ду Яцюань предупредил, что разрыв между движением вперед и сохранением старого пошатнет устои государства. Утрата людьми старых привычек и взглядов приведет к тому, что станет невозможным сопрячь воедино разные взгляды, нация будет охвачена постоянными спорами. Он пояснил: «Те, кого называют хранителями старого (*баошоучжэ*), стараются не вносить путаницу, но вовсе не стремятся к восстановлению древности»⁸.

Стремление «восстановить древность» опасно тем, что способно похоронить продвижение вперед и тем самым ослабить государство. Ду Яцюань исходил из того, что историю нельзя повернуть вспять: попытки реставрации после Французской революции провалились, Россия уже никогда не вернется к допетровским порядкам, а Япония — к укладу жизни, существовавшему до периода обновления Мэйдзи.

Ду Яцюань отметил, что во времена абсолютизма преемственность государства сводилась к преемственности монаршей власти, потомки правителя не нарушали созданный предками уклад. Однако этим государствам было очень трудно создавать новое. В демократических государствах проблемы движения к новому нет, но им необходимо более серьезно относиться к вопросу преемственности, чтобы избежать смятения и бес-

порядка. Эту преемственность нельзя гарантировать государственным законом. Здесь важное значение обретает мораль нации, без чего политики будут думать лишь о достижении собственных целей, а не о государстве. Таким образом, почерпнутая из европейской политической мысли идеология преемственности государства стала для Ду Яцюаня предпосылкой формирования собственной концепции гармонизации культур Востока и Запада, позволяющей соединить заимствованную за рубежом модель республиканской власти с сохранением традиционных устоев китайской культуры.

Современный китайский общественед Ван Хуэй отметил, что появившаяся вскоре после Синьхайской революции «идеология преемственности» была призвана подчеркнуть историческую связь между Цинской империей и возникшей после революции республикой, столкнувшейся с угрозой утраты входивших в состав империи территорий. Радикальное противопоставление империи и республики не позволяло увидеть сложность проблемы. «Когда статья об «идеологии преемственности» была опубликована, монгольский вопрос уже всплыл на поверхность и формировался тибетский вопрос. Дипломатическое признание Республики зависело от полноты суверенитета Китая. Изложение Ду преемственности государства было явным ответом на эту историческую ситуацию. Концепция «идеологии преемственности» (continuum) подчеркивала зависимость преемственности нации от добровольного подчинения индивида государству, в результате проблема политической преемственности была тесно связана с моральным состоянием граждан. Проблема политической системы, в конечном счете, затрагивала моральные вопросы, и этот момент подкреплял переход «Дунфан цзачжи» от политики к вопросам цивилизации или культуры».

События Первой мировой войны повысили уверенность Ду Яцюаня в необходимости укрепления культурных устоев китайской идентичности. одновременно он пытался осмыслить перемены, которые назревали в стране и мире после потрясшего Европу конфликта. Летом 1917 г. он отметил, что после Первой мировой войны будет происходить образование крупных союзов между государствами, ускорится прогресс науки и техники, расширятся масштабы экономической конкуренции. Рост запроса на знания и технические навыки приведет к тому, что в обществе возникнет обладающий силой новый класс, который будет обладать научной подготовкой и заниматься трудом¹⁰.

Китайский мыслитель возлагал на «научных трудящихся» (*кэсюэ дэ лаодунцзя*) большие надежды, полагая, что ряды этого класса будут непрерывно увеличиваться. В его руках окажутся государственные и общественные структуры, он будет влиять на политику и на армию. В результате политические партии перестанут заниматься обманом, прежняя политика исчезнет, войны прекратятся, армии можно будет распустить, и тогда «государственная демократия превратится в мировой социализм»¹¹.

Упования на «научного трудящегося» сближали Ду Яцюаня с марксизмом, однако дальнейшие поиски новых движущих сил развития китайского общества уже через год привели его к концепции «среднего класса». В статье «Новая жизнь Китая» (июль 1918 г.) он заявил, что представителями старых сил являются военные и бюрократия. После Синьхайской революции от них трудно избавиться, поскольку вступившие с ними в противостояние новые силы в итоге стали придатком старых сил. Новые силы революционной эпохи не добились успеха потому, что не опирались на жизнь общества, а сосредоточились на политическом действии, они не стремились изменить и усовершенствовать себя, увлекшись расширением политического влияния. Ду Яцюань пришел к выводу, что среди старых сил, жаждущих политической власти, ростки нового искать бесполезно. Новую силу представляют те, кто обладает интеллектуальным потенциалом, кто занят делами общества и самостоятельно зарабатывает себе на жизнь. У этих людей высокие моральные стандарты, для них репутация важнее, чем стремление обрести власть за счет других людей. Таких людей мало, но их становится все больше. «Ныне во всех цивилизованных государствах в центре находится сила среднего класса, Китай в будущем не станет исключением, я глубоко в это верю»¹².

Эти рассуждения дают возможность сделать вывод, что Ду Яцюань не был противником происходивших в Китае социально-политических трансформаций. Он предвидел появление новых общественных сил, которые смогут превзойти старые силы, обретая современные знания и на практике демонстрируя свою заботу о будущем страны.

Ду Яцюань выделил два типа революции. Когда власть аристократии превращается в демократическую власть и на место абсолютизма приходит республика — это политическая революция. Когда экономический строй общества превращается в «трудовой строй» (*лаодун чжиду*) и частная собственность становится общественной — это социальная революция. Причину современных революций он видел в концентрации имущества в руках немногочисленных людей. По этой причине обладающий знаниями и собственностью средний класс теряет имущество либо его остается очень мало, он более не в состоянии обеспечить свою жизнь. В результате он объединяется с рабочим классом, класс интеллигенции становится трудовым. Происходит просвещение трудового класса, он пробуждается и обретает знания. Соединившись вместе, рабочий класс и интеллигенция выступают за гуманизм и общественную собственность¹³.

В Европе революции были успешными потому, что знания интеллигенции соединились с общественными силами. Однако в разных странах противостояние классов в экономике и политике обретает свою специфику. В Великобритании и США это противостояние удалось ослабить. Возникающие союзы социальных групп также отличаются. «Например, в России, по причине неразвитости имущего класса, класс интеллигенции вышел из класса аристократии и соединился напрямую с трудовым классом, они пошли дальше политической революции и произошла социальная революция»¹⁴.

Неуспех политической революции и невозможность социальной революции в Китае Ду Яцюань объяснил историческими традициями. По его мнению, в прошлом «бродяжный класс» (*юминь цзецзи*), состоящий из избыточной части рабочего класса, всегда был значительным. Китайская интеллигенция колебалась между аристократией и «бродяжным классом» и не могла действовать сама. Во времена процветания она объединялась с аристократией, когда беднела, то оказывалась вместе с «бродяжным классом». Их объединение приводило к тому, что в обществе возникала мощная сила сопротивления власти аристократии, однако после победы революции представители этого альянса сами превращались в аристократию. Это не политическая и не социальная революция, ее можно назвать «императорской революцией», когда происходит смена правителя без изменения системы. Ду Яцюань обвинял китайскую интеллигенцию в том, что историческое двойственное тяготение к аристократии и к люмпенам мешает ей преодолеть унаследованные от этих слоев моральные недостатки, найти новую социальную опору в лице производственного рабочего класса, создать собственные независимые политические воззрения.

Спор о культурах Востока и Запада

В ходе полемики Ду Яцюаня и Чэнь Дусю позиции сторон заметно различались. Ду Яцюань исходил из того, что культуры Китая и Запада обладают собственными уникальными особенностями, они дополняют друг друга, в отношениях между ними следует добиваться гармонизации (*тяохэ*). Он не отрицал важности заимствования достижений западной цивилизации для развития Китая, однако выступал против всеобщей вестернизации и полного отрицания собственной культурной традиции. Чэнь Дусю считал, что две культуры полностью несовместимы, и поскольку западная цивилизация является «общечеловеческой», от китайской традиционной культуры следует полностью избавиться и заменить ее западной культурой.

Взгляды Ду Яцюаня на отношения культур были сформулированы в 1916 г. — за два года до начала спора с Чэнь Дусю — в статье «Цивилизация покоя и цивилизация движения»¹⁵. В ней содержался тезис о том, что цивилизации отличаются между собой по качеству, а не по степени развития. Ду Яцюань предположил, что различия цивилиза-

ций Востока и Запада обусловлены социальными факторами. Прежде всего, западная цивилизация составлена из многих наций, которые образуют национальные государства. В Китае также есть многочисленные нации, однако различий между ними куда меньше и степень их слияния намного выше. Если западная воинственность основана на конфликтах между нациями, то история конфликтов в Китае сводится к борьбе за выживание отдельных семей и кланов, подобные войны не затрагивали весь народ в целом. В сфере экономики развитие морской торговли на Западе привело к ожесточенной конкуренции, в то время как сухопутная экономика Китая была основана на сельском хозяйстве, поэтому в ней было больше стабильности и меньше соперничества.

Чтобы описать различия китайской «цивилизации покоя» и западной «цивилизации движения», Ду Яцюань сосредоточил внимание на противопоставлении их характеристик. На Западе ценят рукотворное и считают природу злом, которое нужно покорять. Тем временем в Китае естественное считают добром, что нашло отражение в традиционных представлениях о «воле Неба», «Небесном принципе» и т.п. На Западе жизнь людей экстравертна, они ищут ресурсы вовне и находятся в непрерывном общении с другими людьми. Жизнь китайцев интравертна, они ориентированы на себя и собственную спокойную жизнь. На Западе активно действуют группы, связанные с местностью, классом, государством и нацией, они обретают индивидуальные качества, между ними разворачивается соперничество. В Китае принадлежность к землячеству не сопровождается обретением людьми концептуальной идентичности. Между индивидом, кланом, кругом друзей, государством, человечеством и мирозданием было различие ближнего и дальнего, но не было конфликта. Тем временем на Западе спорили между собой две идеологии: одна ставит в центр индивида, другая — государство. Западное общество больше всего ценит победу в борьбе, мораль для него вторична и выступает как инструмент сплочения элементов группы для противостояния с другой группой. В Китае высшей целью морали является преодоление конфликтов. Война является нормальным состоянием западного общества, тогда как в Китае общество всегда стремилось к миру.

Источником противопоставления западной любви к войнам исконному китайскому пацифизму стало разочарование в Западе из-за Первой мировой войны. Ду Яцюань заявил, что после этой войны Китаю необходимо отказаться от прежнего слепого подражания Западу. Однако это не означало, что от общения между цивилизациями следует отказаться. «Движение» и «покой» способны дополнять друг друга, можно взять достоинства от каждой цивилизации и соединить их вместе. «В настоящее время связи между двумя обществами процветают с каждым днем, две цивилизации взаимно сближаются, по этой причине гармонизация (*тяохэ*) становится неизбежной тенденцией»¹⁶.

Ду Яцюань верил в то, что китайская традиционная культура способна помочь Западу избавиться от недостатков. Он признавал, что без освоения западных достижений Китай не сможет преодолеть отсталость, однако надежду на то, что все китайские проблемы удастся решить с опорой на западную цивилизацию, он считал абсурдной. В прошлом на Западе критиковали восточную цивилизацию, указывали на бедность Китая, это вызвало отклик среди китайцев, которые начали сомневаться в собственной цивилизации и поклоняться западной цивилизации. Однако Первая мировая война обнажила банкротство западной цивилизации. «Если рассуждать беспристрастно, современная жизнь Востока и Запада не может считаться удовлетворительной. Современные цивилизации Востока и Запада не могут называть себя образцовыми цивилизациями. Рождение новой цивилизации имеет причиной пробуждение людских сердец, оно является неотложным»¹⁷.

Появление этой новой цивилизации станет возможным благодаря принятию достоинств и отказу от недостатков имеющихся цивилизаций. Ду Яцюань отметил, что экономика западного общества благодаря использованию машин и изобретений встала на путь быстрого развития, чего нет на Востоке. Однако при этом следует помнить о том, что Запад и Восток преследуют разные экономические цели. Восточные общества стремятся обеспечить людям приемлемый достаток, удовлетворить их основные потребности. На Западе экономика работает на удовлетворение непомерных желаний небольшого

числа людей, она не связана с запросами общества. В этой ситуации производимые товары не являются необходимыми, возникают перепроизводство и острая конкуренция, экономические конфликты между государствами перерастают в военные столкновения.

В области морали на Западе делают акцент на сильном действии и забывают о рациональности, в Китае все наоборот. По мнению Ду Яцюаня, древнегреческая мысль с ее вниманием к рациональности близка китайской морали, но это не относится к западной традиции иудейской религиозности. Он отметил, что в XIX веке расцвет на Западе научного знания и материализма, появление учения Дарвина о борьбе за выживание и учения Шопенгауэра о воле стали основанием для появления идеологии грубой силы и рассуждений о всемогуществе войны. В итоге на Западе разрушили не только иудейскую религиозность, но и отбросили рациональную греческую мысль. Ду Яцюань прогнозировал, что после Первой мировой войны западная экономика обязательно пойдет к социализму, а в области морали на основе иудейской мысли возникнет новый синтез с греческой мыслью.

С учетом этих тенденций Китаю следует заимствовать западную науку для развития экономики, но не для снабжения высших слоев предметами роскоши. Учиться у Запада необходимо для того, чтобы с помощью научных знаний осуществлять китайские цели в экономике, чтобы с помощью духа сильного действия практиковать китайскую рациональную мораль. Весьма современным и актуальным выглядит в наши дни суждение Ду Яцюаня о том, что относящемуся к восточной цивилизации Китаю во времена «поворота мирового течения» обязательно нужно иметь «самосознание» и «уверенность в себе»¹⁸.

Начало спору о культурах положила опубликованная весной 1918 г. статья Ду Яцюаня «Находящееся в замешательстве сознание современного человека». В ней содержалось высказывание, которое позволило Чэнь Дусю заподозрить Ду Яцюаня в стремлении вернуть Китай к старым порядкам: «Когда мы еще не заимствовали западную науку, читали книги мудрецов, исследовали принципы дел и вещей, обращаясь вовне, обсуждали проблемы окружающего мира — каков путь правителя (*цзюнь дао*) и каковы обязанности подданного (*чэнь цзе*), гуманность и насилие, предательство и мудрость знали как свои пять пальцев; отступали назад и совершенствовались себя, поэтому понимали нормы отношений между людьми и усердие ученых, правилам поведения можно было следовать. Хотя рассуждающие о делах часто проявляли изворотливость, школы ученых спорили о сходствах и различиях, в отношении конфуцианского учения (*минцзяо*), устоев и постоянств (*ган чан*) было общее понимание. Поэтому то, что мы считали истиной, соотечественники также считали истиной. Хотя были знающие, они не могли это представить ложью, хотя были сильные, они не решались представить это ложью»¹⁹.

Эти ностальгические воспоминания о былом идейном единстве Китая появились в контексте критического описания кризиса утраты основных принципов политики государства (*го ши*) во времена республики. Ду Яцюань подчеркивал, что древние китайские мудрецы придавали большое значение объединению идей и добились этого, однако под влиянием западного понимания политики единство было утрачено. Представления об истине и лжи потеряны, поскольку в парламенте каждая сила продвигает свою идеологию. Китайская мысль утратила единство, и с точки зрения стремления к объединению и созданию системы (*тунчжэи*) это несомненный регресс. В Китае наблюдается банкротство в духовной сфере, у людей не осталось опоры в духовной жизни, воцарилась одержимость материальными интересами, конкуренция становится смыслом жизни. Помимо этого, Ду Яцюань указал на распространение идеологии силы в политической сфере и прагматизма в области образования. На этом основании он заявил, что «решительно нельзя надеяться на привнесенную извне западную цивилизацию, нужно надеяться на исконную цивилизацию собственной страны»²⁰.

Китайский интеллигент заявил, что носители западной цивилизации погрязли в хаосе и противоречиях, теперь они сами ждут спасения. Западная мысль утратила единство, там произошла духовная фрагментация, что обесценивает достигнутые запад-

ной цивилизацией материальные успехи. У китайцев нет опыта противостояния этим недугам, однако остановить проникновение в страну западных учений невозможно и решению проблемы это не поможет. Путь к спасению состоит в том, чтобы «объединить свою исконную цивилизацию, прояснить в ней то, что имело систематический характер, исправить то, что было ошибочным. Следует прилагать все усилия для заимствования западных учений, чтобы они входили в нашу исконную цивилизацию»²¹.

Алармистские суждения Ду Яцюаня по поводу вредоносной «отравы» западной цивилизации увенчались призывом к синтезу культур. Он полагал, что присущее традиционной китайской цивилизации наличие «единой нити», соединяющей разные учения, поможет избавить западную цивилизацию от фрагментарности. Развитие усилий в этом направлении могло бы привести к интеграции разных цивилизаций в единую мировую цивилизацию.

Выступление Ду Яцюаня вызвало неприятие со стороны Чэнь Дусю, опубликовавшего в журнале «Синь циннянь» две критические статьи²². Он подчеркивал, что в условиях республиканской системы правления в Китае не может быть «пути правителя» и «обязанностей подданного», поскольку прежней монархической власти больше нет. Позитивное упоминание об этих аспектах китайской традиции стало основанием заподозрить Ду Яцюаня в «предательстве республики» и «замыслах реставрации» монархии.

В декабре 1918 г. Ду Яцюань ответил на первую критическую публикацию Чэнь Дусю²³. Он подчеркнул, что призывы к идейному единению не имеют ничего общего с запретами, которые существовали в средневековой Европе, это также не провозглашенные конфуцианства единственной наукой и не отказ от перевода европейских книг и заимствования европейской культуры. Он отверг обвинение Чэнь Дусю в том, что упоминание о «пути правителя и обязанностях подданного» является изменой республиканскому строю. Ду Яцюань настаивал, что этот строй совместим с исконной китайской культурой, поскольку в древности были идеи «народ видит и слышит», «народ обладает большой ценностью, а правитель — малой». Они могут служить основой демократической политики даже после изменения политической системы, а традиционные этические нормы могут быть интегрированы в жизнь современного государства.

На этом открытая полемика закончилась. Ответа на вторую критическую статью Чэнь Дусю не последовало. Перед тем, как покинуть в конце 1919 г. пост главного редактора «Дунфан цзачжи», Ду Яцюань опубликовал статью, в которой четко изложил свое понимание соотношения старого и нового, западного и китайского²⁴. Он пояснил, что определение «старого» и «нового» зависит от изменения существующих условий, из которых вырастают их трактовки. В Китае конца XIX века понимание соотношения «старого» и «нового» было одним, а после Первой мировой войны оно стало другим. Во времена реформ 1898 г. в западной цивилизации видели «новое» и относились к китайской цивилизации как к «старому». Однако после войны современная западная цивилизация перестала отвечать запросам времени, и потому она более не является «новой». Общепланетарный запрос на обновление позволяет традиционной китайской культуре, которую еще недавно считали «старой», внести свой вклад в создание будущей «новой» цивилизации всего человечества.

* * *

Обращаясь к истории дискуссии о культурах Востока и Запада, можно видеть, что выдвинутые Чэнь Дусю в адрес Ду Яцюаня обвинения в «предательстве республики» и «замысле реставрации» монархии были поверхностными и выхваченными из контекста. За рассуждениями Ду Яцюаня о необходимости объединения идей и укрепления централизации в государственном управлении скрывалась искренняя озабоченность политическим разбродом, расколом власти и усилением влияния милитаристов в первое десятилетие существования Китайской республики.

Ду Яцюаня можно упрекнуть в том, что он не сумел создать конкретный детализованный план объединения китайской традиции и западной культуры. Однако сле-

дует признать, что его подход к взаимодействию культур был открытым и плюралистическим, он стремился к равноправному синтезу двух цивилизаций. Его выступления в защиту китайской традиции противоречили радикальной вестернизаторской позиции Чэнь Дусю. Но на деле Ду Яцюань не был противником сближения с западной цивилизацией. Об этом свидетельствует его неоспоримый вклад в распространение в Китае западных научных знаний.

Китайский исследователь Ван Юаньхуа предположил, что провозглашение Ду Яцюаня «отсталым» противником перемен было связано с интерпретацией событий новейшей истории Китая. В течение столетия одна реформа за другой оканчивалась поражением. После Опиумной войны началось «движение заморских дел», нацеленное на заимствование западной науки и техники. Однако поражение Китая в первой войне с Японией стало свидетельством его провала. Реформаторы попытались изменить политическую систему, но потерпели неудачу. Синьхайская революция свергла императорскую власть, но политическая ситуация не улучшилась. Эти непрерывные поражения легко могли привести людей к мысли о том, что причина их заключалась в недостаточной последовательности. В эпоху «Движения 4 мая» возникло понимание необходимости революционного преобразования идей. На фоне роста убежденности молодежи в благотворности радикализма Ду Яцюань выглядел слишком выдержанным, осмотрительным и держащимся за старое²⁵.

Современные исследователи (к ним относится Сюй Цзялу) отмечают, что прежняя трактовка «Движения 4 мая» была слишком узкой. Это движение было плюралистичным, к нему относятся не только радикальные выступления обращавшегося к молодежи журнала «Синь циннянь», но и публикации «Дунфан цзачжи», доносившего идеи науки и демократии до среднего поколения китайской интеллигенции.

В этом контексте Ду Яцюань предстает как ключевая фигура периода становления идеологии китайского культурного консерватизма. Он внес значительный вклад в пропаганду науки — служившей, наряду с демократией, одним из двух знамен «Движения 4 мая». Он критиковал республиканскую политику, но не призывал к восстановлению монархии. Он противился радикализму, но поддерживал общественные преобразования. Он указывал на недостатки западной цивилизации, выступая при этом за соединение ее достоинств с китайской традицией.

Предложенная Ду Яцюанем «гармонизация» цивилизаций Китая и Запада не была «антизападной», среди ее идейных предпосылок были западные идеи либерализма. Его поиски позволяют понять последующее движение китайского консерватизма в направлении сохранения национальной культурной традиции. Подобно Ду Яцюаню, китайские интеллектуалы прошлого столетия не видели в политической системе страны заметных достоинств, заслуживающих «консервации». Их более всего заботила судьба китайской культуры.

Ду Яцюань обозначил консервативное направление в китайском просветительском движении начала XX века, призывая не допустить разрыва с традицией в ходе строительства новой культуры. Этот умеренный сбалансированный подход заметно отличался от радикализма течения «Синь циннянь». Однако он не был его противоположностью. Позиции Чэнь Дусю и Ду Яцюаня не могут быть удовлетворительным образом описаны в понятиях «прогресс» — «регресс», «новое» — «старое». Скорее речь идет о разных методах обновления китайской цивилизации и о различиях в понимании современного значения китайской традиции.

1. Ду Яцюань цзюань. Чжунго цзиньдай сысянцзя вэньку / Чжоу Юэфэн бьянь: [Том Ду Яцюань. Библиотека китайских мыслителей нового и новейшего времени / сост. Чжоу Юэфэн]. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2014. С. 548.

2. Чэнь Ивэнь, Яо Юань. «Яцюань цзачжи» юй сифан хуасюэ юаньсеу минчэн цзай Чжунго дэ чуаньбо: [«Яцюань цзачжи» и распространение в Китае западных названий химических элементов] // Сибэй дасюэ сюэбао (цзыжань кэсюэ бань). 2007. Том. 37. № 4. С. 343.
3. Ван Юаньхуа. Ду Яцюань юй Дун Си вэньхуа вэньти луньчжань: [Ду Яцюань и дискуссия о проблеме культур Востока и Запада] // Сяньдай Чжунго сысян шилунь: [Очерки истории современной китайской мысли] / сост. Сюй Цзялу. Т. 1. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2014. С. 397–411. Впервые опубликовано в журнале «Сюэжэнь» (1994, вып. 5).
4. Ду Яцюань. Цзяньчжэнчжун: [Политика сокращения правительства] // Ду Яцюань цзюань. С. 31–35. Впервые опубликовано в «Дунфан цзачжи». Цзюань 8. № 1. Март 1911 г.
5. Ду Яцюань цзюань. С. 71.
6. Цан Фу (Ду Яцюань). Цзесюйчжун: [Идеология преемственности] // Ду Яцюань цзюань. С. 179–181. Впервые опубликовано в «Дунфан цзачжи». Цзюань 11. № 1. Июль 1914 г.
7. Там же. С. 180.
8. Там же.
9. Wang Hui. The Transformation of Culture and Politics: War, Revolution and the “Thought Warfare” of the 1910s // Twentieth-Century China. 2013. Vol. 38 № 1. P. 12.
10. Цан Фу (Ду Яцюань). Вэйлай чжи шицзюй: [Будущее мироустройство] // Ду Яцюань цзюань. С. 383. Впервые опубликовано в «Дунфан цзачжи». Цзюань 14. № 7. Июль 1917 г.
11. Там же. С. 384.
12. Цан Фу (Ду Яцюань). Чжунго чжи синь шэнмин: [Новая жизнь Китая] // Ду Яцюань цзюань. С. 444. Впервые опубликовано в «Дунфан цзачжи». Цзюань 15. № 7. Июль 1918 г.
13. Цан Фу (Ду Яцюань). Чжунго чжэнчжи гэмин бу чэнцзю цзи шэхуй гэмин бу фашэн дэ юаньин: [Причины, по которым в Китае политическая революция не добилась успеха и социальная революция не возникла] // Ду Яцюань цзюань. С. 490. Впервые опубликовано в «Дунфан цзачжи». Цзюань 16. № 4. Апрель 1919 г.
14. Там же. С. 491.
15. Цан Фу (Ду Яцюань). Цзин дэ вэньмин юй дун дэ вэньмин: [Цивилизация покоя и цивилизация движения] // Ду Яцюань цзюань. С. 315–320. Впервые опубликовано в «Дунфан цзачжи». Цзюань 13. № 10. Октябрь 1916 г.
16. Там же. С. 319.
17. Цан Фу (Ду Яцюань). Чжань хоу дун си вэньмин чжи тяохэ: [Гармонизация цивилизаций Востока и Запада после войны] // Ду Яцюань цзюань. С. 357. Впервые опубликовано в «Дунфан цзачжи». Цзюань 14. № 4. Апрель 1917 г.
18. Там же. С. 361.
19. Цан Фу (Ду Яцюань). Милуань дэ сяньдай жэньсинь: [Находящееся в замешательстве сознание современного человека] // Ду Яцюань цзюань. С. 341. Впервые опубликовано в «Дунфан цзачжи». Цзюань 15. № 1. Апрель 1918 г.
20. Там же. С. 434.
21. Там же. С. 435.
22. Чэнь Дусю. Чживэнь «Дунфан цзачжи» цзичжэ: [Задаю вопрос автору «Дунфан цзачжи»] // Синь циннянь. Цзюань 5. № 3. Сентябрь 1918 г.; Он же. Цзай чживэнь «Дунфан цзачжи» цзичжэ: [Еще раз задаю вопрос автору «Дунфан цзачжи»] // Синь циннянь. Цзюань 6. № 2. Февраль 1919 г.
23. Цан Фу (Ду Яцюань). Да «Синь циннянь» цзачжи цзичжэ чжи чживэнь: [Ответ на вопросы автора журнала «Синь циннянь»] // Ду Яцюань цзюань. С. 474–477. Впервые опубликовано в «Дунфан цзачжи». Цзюань 15. № 12. Декабрь 1918 г.
24. Цан Фу (Ду Яцюань). Синь цзю сысян чжи чжэчжун: [Компромисс новых и старых идей] // Ду Яцюань цзюань. С. 498–503. Впервые опубликовано в «Дунфан цзачжи». Цзюань 16. № 9. Сентябрь 1919 г.
25. Ван Юаньхуа. Ду Яцюань юй Дун Си вэньхуа вэньти луньчжань: [Ду Яцюань и дискуссия о проблеме культур Востока и Запада] // Сяньдай Чжунго сысян шилунь: [Очерки истории современной китайской мысли] / сост. Сюй Цзялу. Т. 1. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2014. С. 399–400.

Китайский чай в России (Посвящается 240-й годовщине со дня рождения Никиты Яковлевича Бичурина)

© 2017

В.С. Мясников

Автор подробно освещает историю формирования российско-китайской торговли чаем, посвящая статью 240-летию со дня рождения выдающегося российского синолога Н.Я. Бичурина.

Ключевые слова: китайский чай, торговля чаем, российско-китайские отношения, Н.Я. Бичурин.

Слегка перефразируя заданный Николаем Васильевичем Гоголем в «Мертвых душах» вопрос: «И какой же русский не любит быстрой езды?», сегодня мы можем спросить: «И какой же русский не любит китайский чай?». Судя по сводкам ГИБДД, этот русский продолжает любить быструю езду, автомобиль стал его «упорно двигательным» аппаратом. Но к нему издавна пришла и вторая любовь — к чаепитию. Когда и как это произошло?

Одним из известнейших достижений китайской цивилизации является окультуривание чая. Недавно в китайской печати промелькнуло сообщение о том, что в одной из южных провинций археологи обнаружили в раскопе остатки чая. Они датировали эту находку двухтысячелетним возрастом. Редакция русскоязычного журнала «Китай» стала коллективным автором книги «Его Величество Чай»¹. Авторы этой книги подчеркивают, что «согласно письменным источникам чаеводство зародилось 3000 лет назад»². Далее сообщается, что «чай был открыт культурным героем китайской нации Шэньнуном — Божественным земледельцем, покровителем земледелия и медицины, одним из великих мифических правителей Китая»³. При династии Западная Чжоу уже существовали чайные плантации, и княжество Баго «уже платило дань чаем императору У-вану»⁴. Согласно историку Бань Гу (32–92 гг.) «в районе современного города Чэнду «распространилась мода на чаепитие и появились специальная чайная утварь и принадлежности, а также чайный рынок, который называли Уян»⁵. В период династии Суй (589–619)⁶ произошло объединение Китая и был построен действующий до наших дней Великий Канал. Тогда же были открыты лечебные свойства дикорастущего чая. Отвар веточек чайных деревьев использовался в медицине. При следующей династии Тан (618–907) чайные деревья стали одной из сельскохозяйственных культур. Танский ученый Лу Юй (733–804) создал «Чайный канон» («Ча

Мясников Владимир Степанович, академик РАН, главный научный сотрудник ИДВ РАН.
E-mail: ifes@ifes-ras.ru.

В основе статьи использованы тезисы выступления на открытии российско-китайской конференции «Чайный путь» (Москва, 2 июня 2016 г.) Для данной публикации текст выступления существенно переработан и многократно расширен.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект №15-01-00231а «Русско-китайские отношения в 1681–1901 гг. Материалы и документы».

цзин»), в котором говорилось о способах выращивания чайных деревьев, сборе и высушивании их листочков и заваривании чая. Лу Юй рассматривал чай не только как лекарственное средство, но и как полезный повседневный напиток. Он же рассказал, как обрабатывать чайные листья, чтобы получить зеленый чай, желтый чай, красный чай, белый чай⁷. Чай превратился в подлинно национальный напиток, сформировались правила чаепития. «Такие правила содержали и эстетические требования к чайной посуде, что привело к существенному обновлению категорий и художественного ассортимента изделий»⁸.

В период династии Тан чай стал одним из основных товаров во внутренней и внешней торговле Китая. Как отметила З.Г. Лапина, «в VIII в. казна ввела особый налог на чай, и за контрабанду чаем подвергали смертной казни»⁹. И в IX веке, «чтобы увеличить поступления в казну от монополии на соль и чай, власти карали смертной казнью за контрабанду, но эти меры были всё менее эффективными»¹⁰.

Наша страна установила отношения с Китаем 1 сентября 1618 г., когда в Пекин прибыла первая русская экспедиция во главе с томским казаком Иваном Петлиным¹¹. Не исключено, что русские посланцы отведали чая. В это время в Китае правила национальная династия Мин (168–1644 гг.) Чай тогда уже пользовался наибольшей известностью из напитков, распространенных в Китае. «К минскому времени культура выращивания чая уже почти достигла своего совершенства, получили распространение десятки сортов на любой вкус. Правда, в минскую эпоху привычный нам черный (по-китайски именуемый красным) чай еще почти не был известен, пили в основном зеленый чай, в Юго-Восточном Китае появилась особая разновидность чая, именуемая улунской. Лучшие сорта зеленого чая собирали в гористых местностях районов к югу от Янцзы»¹².

Знакомство русских с чаем в Китае, засвидетельствованное в документальных источниках, относится к 1638 г. Известный предприниматель Константин Попов в своих очерках дал такую датировку появления китайского чая в Русском государстве. «В 1638 году, — писал он, — Русское посольство, бывшее в Монголии¹³, взамен своих подарков получило вместе с прочим 200 пачек чая для Государя. Послы были весьма недовольны таким ничтожным и совершенно, по их мнению, бесполезным подарком, но по необходимости должны были принять его; потом хотели было выбросить, но почему-то не исполнили этого, чай уцелел и был привезен в Москву»¹⁴.

А вот как сцена чаепития описана в «Статейном списке» Василия Старкова, главы посольства, о котором говорил К.А. Попов: Алтын-хан «нас перед собою кормил, в корыто мясо коровье накатчи, да перед нами поставили, а пили — чай словет, а чай лист не ведать деревянной, не ведать травы какой, а варят его в воде, да прибеливают молоком. А к ним, к мугальцам, чай идет ис Китайского [государства], а сказывают, что чай лист снимают с виноградного дерева, а какое дерево имянно, рассказать не умеют». Алтын-хан посылал царю Михаилу Федоровичу ответные подарки («дань») в числе которых было и «200 бумажек чаю»¹⁵.

В Москве, отметил К.А. Попов, «оценили этот подарок, и с тех пор чай вошел в употребление, сначала как лекарство. В 1674 г. чай уже продавался в Москве, но постоянный ввоз его начался только с 1680 г., по заключению торгового трактата с Китаем». Речь идет о Нерчинском договоре 1689 г., который официально открыл для русских купцов возможность торговать в Пекине.

Однако американский автор Марта Эйвери¹⁶, упомянув о миссии В. Старкова, заметила, что русские познакомились с чаем значительно раньше. Она отмечает, что русская торговля с Персией и Индией в низовьях Волги, включала в товарооборот и чай. Причем русские пили чай из стеклянных стаканов, а китайцы пили чай из фарфоровых чашек¹⁷. С этим утверждением можно согласиться, так как в Астрахани в начале XVII столетия действительно была колония индийских купцов.

Следующий эпизод чаепития русским дипломатом относится к 1654 г., когда первое официальное посольство Русского государства приближалось к столице Цинской им-

перин — Пекину. Цинские чиновники не знали, какой церемониал следовало применить при встрече русского посольства, и решили, что такой же, как при встрече Далай-ламы, за год до этого посетившего Пекин. При подъезде к столице послу преподнесли чай от императора. Но это был не китайский чай (император был не китаец, а маньчжур), а монгольский с молоком и жиром. Шел Великий пост, и посол Ф.И. Байков отказался выпить такой чай.

Члены Русской духовной миссии, начавшей свою деятельность в Пекине в 1716 г. и официально оформленной в 1727 г., конечно, пили китайский чай. Посещали пекинские чайные и русские албазинцы, служившие в императорской гвардейской сотне¹⁸. В Миссию Академия наук посылала и представителей разных отраслей знания.

Один из первых русских китаеведов А.Л. Леонтьев подготовил небольшую книгу «Уведомление о чае и шелке»¹⁹. Доктор П.Е. Кирилов²⁰, возвращаясь домой, «захватил с собой чайный куст и семена и в домашних условиях (далеко не благоприятных) доказал возможность произрастания этой культуры в России»²¹.

В своих дневниковых «Замечаниях о Китае» (1827–1828 гг.) член 10-й миссии Н.И. Вознесенский²² уделил чаю должное внимание. Он так и озаглавил эти страницы «ЧАЙ». Поскольку это было первое, принадлежащее русскому автору научное описание чая, приведем его полностью:

«Марта 26-го²³. Фуцзянь хотя не большая провинция, но почитается наилучшею в Империи: положением своим способствует она торговле с Филиппинскими островами, с Япониею, с Явою, с Сиамом и пр. Сверх произрастений²⁴, свойственных другим провинциям, в сей родится превосходный и наилучший во всем Китае чай.

Дерево, на котором растет чай, редко бывает выше шести футов, густо и ветвисто, листья на нем узкие, остроконечные, темно зеленые, длиною в дюйм и зубчатые по краям. Цветы походят на белый шиповник, ягоды на ореховое ядро, не менее влажны. Оно боится солнца, и посему и садят его под шелковичными и бамбуковыми деревьями, а более всего на отлогостях гор. Сажают его семена в ямках глубиною в восемь и девять вершков, от 60 до 70-ти семян в ямку, и тотчас покрывают землю. Зерна всходят и выпускают многие стебли, из коих вырастает особое дерево; пока оно растет, должно навозить землю мочью, или навозною жидкостию, или же разведенным калом шелковичного червя. Так чтобы не весьма много и не мало, опасаясь дабы корень не попортить. Есть ли же садить его на ровных местах или при берегах, то непременно нужно подделывать близ чайных ямок каналы для стечения воды, ибо если корни будут влажны, то и чай пропадет.

Редко бывает, чтобы собирали чай в первые два года, но в третий и последующий сбор весьма изобилен. На седьмом году менее он листьев приносит, и оные становятся толсты и тверды. Тогда срезавают дерево по самый корень, от чего на будущий год пускает он новые отрасли, на коих родится великое множество листьев. Первый сбор наилучший, бывает в марте месяце, когда они малы, нежны и едва развернулись, и приносит так здесь называемый моу-фын-ча т.е. цветошный чай, щиплют те только листья, кои находятяся на концах самых мелких ветвей.

Второе время собирания есть апрель месяц. Листва бывает тогда больше и изобильнее, но добротою хуже первых. В мае же самого последнего сорта. Таким образом, чаи, знаемые нами, и столь между собою различные рождаются все на одном дереве, и помянутая разность происходит от времени, когда листья собраны, и от способа, как высушены.

Способ приготовления бывает также весьма различный: иные не нужно свертывать, а особливо самые молоденькие; они сами собою свернуты: другие свертывают пальцами обмочивши в рисовой воде и сушат на железных листах, и переворачивают рукою, пока они посредственно не окрепнут. Сняв с железного листа, кладут их на рогожки, и махают опахалами, чтобы остыли. Иные мешают с душистыми цветами. Листья последнего сбора кладут над паром горячей воды, для того чтоб смякли. И для отнятия у них некоторого нездорового свойства, кое всегда имеют они, быв свежи. Когда пар их пробьет,

кладут на железные листы или сковороды и сушат, как выше сказано. Последняя операция для всех сортов чая есть сушка онаго перед жаром, пока он совершенно высохнет. И всё сие производит величайшее различие доброты и качеств чаю. Хоть листва собрана и с одного дерева.

Чай есть главный напиток китайцев, богатых и бедных; они пьют его почти беспрестанно и всегда горячий и без сахара. Наливают в чашку и покрывают крышкой, и когда настоится, тогда пьют его. И здесь расходуется его невероятное множество, и большую частью последнего разбора, но жаль, что излишнее его употребление вредно здоровью, расслабляя нервы.

Слово *The* произошло от худого произношения в Фудзянь провинции. в коей называется чай *те*; но во всех провинциях выговаривают *ча*. Впрочем не должно смешивать с чаем всё, что китайцы называют сим именем, они его дают многим другим растениям, кои ни видом, ни свойствами ему не подобны.

Лучший чай распространяет благоухание по всей комнате и оставляет на вкусе приятнейшую приятность, ни с чем несравнимую. При сем тщательно наблюдать должно, чтобы вода была самая чистая и кипела большим ключем, но если вода перекипит, то чай много теряет своего вкуса. Для сохранения в чаю запаха должно его беречь от воздуха»²⁵.

В опубликованной в 1842 г. в Петербурге книге Н.Я. Бичурина «Статистическое описание китайской империи» помещены разнообразные сведения о чае²⁶. В описании провинции Аньхой сказано: «Хуан-шань, огромнейшая и высокая гора в 160 ли от Хой-чжеу-фу на северо-запад. В окружности содержит 300 ли; имеет 36 утесистых вершин. из конх выходит 36 ключей и 24 реки. Из ключей сей горы принимает начало река Чже-цзян. Вершины её кажутся в отдаленной синеве. тучи ходят ниже их. По сей горе растет чай, называемый пхьянь-ча. Лучшие сорта сего чая суть: цзяо-ше, лян-синь, цзинь-я известны в Китае под названием цветочных. Общее название всех чаев, собираемых на сей горе, есть сун-ло-ча, но гора Сун-ло-шань²⁷, по которой он растет, получила название не от чая, а от хвойного леса, которым её вершины покрыты... < Ци-юнь-шань; высочайшая гора, лежащая в 40 ли от Нин-го-фу на север. На её предгорьях собирается превосходный чай в небольшом только количестве... < Я-шань, гора, лежащая в 40 ли от города Нин-го-фу на юг. По сей горе собирают хороший чай.

В губернии Цзян-си, Лу-шань, огромная и высокая гора в 25 ли от Цзю-цзян-фу на юг: в окружности содержит 250 ли; она имеет много прекрасных видов, и тем достопримечательна, что чай, собираемый на ней, лучше всех чаев, собираемых в других местах сей области.

В губернии Фу-цзян. Лун-шань; небольшая гора в 10 ли от Чан-чжеу-фу на север, лучшая из красивых гор. По сей горе растет превосходный чай. < Ву-и-шань, длинная гора, лежащая в 200 ли от Цзян-нин-фу на северо-запад; распространяется на 200 ли; имеет 36 пиков, 37 утесов, окружаемых источниками. Сня гора ещё тем достопримечательна, что на ней во множестве растет чай разных сортов, известный под общим названием бу-и-ча.

В губернии Чже-цзян. Жи-чжу-лин, небольшая гора в 50 ли от Шао-син-фу на юго-востоке. По сей горе растет чай превосходной доброты. Тхьянь-тхай-шань; высочайшие горы, лежащие в 90 ли от Тхай-чжеу-фу на северо-запад; в окружности содержит около 800 ли. В горах есть каменный мостик, переброшенный через пропасть; он ширины имеет не более фута, и человек при переходе через него от страха забывает себя. По горным отлогостям во множестве растет чай, делимый по свойствам его на три разряда. < Фан-шань; небольшая гора в 110 ли от Цзюй-чжеу-фу на восток. На сей горе собирают чай превосходной доброты.

В губернии Сы-чуань. Мынь-шань; цепь гор, дугообразно простирающихся от города Я-чжеу-фу на северо-запад. Горы сии имеют пять вершин, на которых растет чай превосходной доброты. Э-мэй-шань; обширная и высочайшая гора в 100 ли от Цзя-

дин-фу на юго-запад. Подъём на нее от подошвы до самой высокой её вершины простирается 120 ли. По сей горе много находится прекрасных видов, и растет лучший чай, вкус которого вначале горьковат, а потом изменяется в приятный.

В губернии Юнь-нань. Пху-эр-шань; горы лежащие в 650 ли от Пху-эр-фу на юг по правому берегу реки Лань-цан-цзян. На сих горах собирают чай, отличный от всех других видов чая, называемый пху-эр-ча. Он растет на дереве; свойства теплого, имеет приятный запах. От сих гор и самый город Пху-эр-фу получил название. Лу-ча-шань; обширный горный кряж в 650 ли от Пу-эр-фу на юг по левую сторону реки Лань-цан-цзян. На сих горах во множестве растет чай пху-эр-ча, называемый в Кяхте пурча. ◊ Ча-шань; цепь гор от Чу-сюн-фу на восток. На сих горах растет чайное дерево, с которого собирают *лху-эр-ча*²⁸.

В это свое произведение Н.Я. Бичурин включил и раздел «Прибавления», в котором имеется специальная статья «Чайное растение»²⁹. Никита Яковлевич решил просветить своих читателей, рассказав не только о тех местностях в Китае, где произрастает чай, но и о выращивании чайных деревьев, сборе урожая и приготовлении чая к продаже, его транспортировке и, наконец, о правилах заваривания чая. С этим разделом я предлагаю читателю ознакомиться, поместив его в виде специального Приложения к моей статье.

В 1848 г. Н.Я. Бичурин опубликовал другой свой замечательный труд — «Китай в гражданском и нравственном состоянии». И здесь любознательный читатель обнаружит раздел «Пища», в котором рассказывается о том, как питался китайский народ в различных провинциях своей страны, и здесь автор не забыл упомянуть о чае. «По окончании стола обыкновенно берут ивовые зубочистки — точно такие, какие подают к столу в Португалии, закуривают трубки, пьют по чашке крепкого чая, который способствует переварению жирных яств, жуют арек³⁰ и расходятся»³¹.

Многие из членов Русской духовной миссии хотели, чтобы чай выращивался и в России. К.А. Скачков, выдающийся знаток сельского хозяйства Китая, пытался вырастить чайное дерево в Петербурге. Но эксперимент кончился неудачей. Он же опубликовал статью «О морской доставке чая из Китая»³². В течение XVIII—XIX веков чай доставлялся в Россию караванами через Монголию. По аналогии с Великим Шелковым путем этот маршрут и был назван «Чайным путем».

Впервые в России чай был посажен в Никитском ботаническом саду в 1814 г. В Западное Закавказье чай был завезен в 1846 г., а первая чайная плантация была заложена (в 60-х годах XIX века) в районе Озургети.

Замечательное отношение русского человека к чаю мы находим у великого русского писателя Ивана Александровича Гончарова. Ему довелось посетить Китай во время плавания на фрегате «Паллада» под командованием адмирала Е.В. Путятина. 11 ноября 1853 г. русский корабль возвратился из Японии в Шанхай. Не могу согласиться со знаменитым биографом И.А. Гончарова Анри Труайя, который пишет: «Скучая, Гончаров наблюдает за пестрой толпой, наводнившей этот наполовину азиатский, наполовину европейский город: бритоголовые китайцы, английские вывески над китайскими лавками, ящики с чаем на вездущих к порту улицах»³³.

А вот как этот эпизод путешествия описан самим И.А. Гончаровым.

«На другой день, 28 ноября (10 декабря) утром, встали и пошли... обедать. Вы не поверите? Как же иначе назвать? В столовой накрыт стол человек на двадцать. Перед одним дымится кусок ростбифа, перед другим стоит яичница с ветчиной, там сосиски, жареная баранина; после всего уж подадут вам чаю. Это англичане называют завтракать. Позавтракаешь — и хоть опять ложиться спать. “Да чай это или кофе?” — спрашиваю китайца, который принес мне чашку. “Tea or coffee”, — бессмысленно повторял он. “Tea, tea”, — забормотал потом, понявши. “Не может быть: отчего же он такой черный?” Попробовал — в самом деле, та же микстура, которую я, под видом чая, принимал в Лондо-

не, потом в Капштате³⁴. Там простительно, а в Китае — такой чай, заваренный и поданный китайцем!

Что ж, нету, что ли, в Шанхае хорошего чаю? Как не быть! Здесь есть всякий чай, какой только родится в Китае. Всё дело в слове “хороший”. Мы называем “хорошим” нежные, душистые цветочные чаи. Не для всякого носа и языка доступен аромат и букет этого чая: он слишком тонок. Эти чаи называются здесь пекое (pekoe flower)³⁵. Англичане хорошим чаем, да просто чаем (у них он один), называют особый сорт грубого черного или смесь его с зеленым, смесь очень наркотическую, которая дает себя чувствовать потребителю, язвит язык и нёбо во рту, как почти всё, что англичане едят и пьют. Они готовы приправлять свои кушанья щетиной, лишь бы чесало горло. И от чая требуют того же, чего от индийских сой и перцев, то есть чего-то вроде яда. Они клеветают еще на нас, что мы пьем не чай, а какие-то цветы, вроде жасминов.

Оставляю, кому угодно, опровергать это: англичане в деле гастрономии не авторитет. Замечу только, что некоторые любители в Китае действительно подбавляют себе в чай цветы или какие-нибудь душистые специи; в Японии кладут иногда гвоздику. Кажется, отец Иоакимф тоже говорит о подобной противозаконной подмеси, которую допускают китайцы, кладя в черный чай жасминовые, а в желтый розовые листки. Но это уж извращенный вкус самих китайцев, следствие пресыщения. Есть и у нас люди, которые нюхают табак с бергамотом или резедой, едят селедку с черносливом и т. п. Англичане пьют свой черный чай и знать не хотят, что чай имеет свои белые цветы.

У нас употребление чая составляет самостоятельную, необходимую потребность; у англичан, напротив, побочную, дополнение завтрака, почти как пищеварительную приправу; оттого им всё равно, похож ли чай на портер, на черепаший суп, лишь бы был черен, густ, шипал язык и не походил ни на какой другой чай. Американцы пьют один зеленый чай, без всякой примеси. Мы удивляемся этому варварскому вкусу, а англичане смеются, что мы пьем, под названием чая, какой-то приторный напиток. Китайцы сами, я видел, пьют простой, грубый чай, то есть простые китайцы, народ, а в Пекине, как мне сказывал отец Аввакум, порядочные люди пьют только желтый чай, разумеется, без сахара. Но я — русский человек и принадлежу к огромному числу потребителей, населяющих пространство от Кяхты до Финского залива. — я за пекое: будем пить не с цветами, а цветочный чай и подождем, пока англичане выработают свое чутье и вкус до способности наслаждаться чаем pekoe flower, и притом заваривать, а не варить его, по своему обыкновению, как капусту³⁶.

Впрочем, всем другим нациям простительно не уметь наслаждаться хорошим чаем: надо знать, что значит чашка чаю, когда войдешь в трескучий, тридцатиградусный мороз в теплую комнату и сядешь около самовара, чтоб оценить достоинство чая. С каким наслаждением пили мы чай, который привез нам в Нагасаки капитан Фуругельм! Ящик стоит 16 испанских талеров: в нем около 70 русских фунтов; и какой чай! У нас он продается не менее 5 руб. сер. за фунт.

После обеда... виноват, после завтрака, мы вышли на улицу; наша отель стояла на углу, на перекрестке. Прямо из ворот тянется улица без домов, только с бесконечными каменными заборами, из-за которых выглядывает зелень. Направо такая же улица, налево — тоже, и все одинакне. Дома все окружены дворами и большею частью красивые; архитектура у всех почти одна и та же: всё стиль загородных домов... Между прочим, я встретил целый ряд носильщиков: каждый нес по два больших ящика с чаем. Я следил за ними. Они шли от реки: там с лодок брали ящики и несли в купеческие дома, оставляя за собой дорожку чая, как у нас, таская кули, оставляют дорожку муки. Местный колорит! В амбарах ящики эти унаковываются окончательно, герметически, и идут на американские клипперы или английские суда³⁷.

Китайцы — живой и деятельный народ: без дела почти никого не увидишь. Шум, суматоха, движение, крики и говор. На каждом шагу попадаются носильщики. Они беглым

и крупным шагом таскают ноши, издавая мерные крики и выступая в такт. Здесь народ не похож на тот, что мы видели в Гонконге и в Сингапуре: он смирен, скромен и очень опрятен. Все мужики и бабы одеты чисто, и запахов разных меньше по улицам, нежели в Гонконге, исключая, однако ж, рынков. Несет ли, например, носильщик груды кирпичей, они лежат не непосредственно на плече, как у нашего каменщика; рубашка или кафтан его не в грязи от этого. У него на плечах лежит бамбуковое коромысло, которое держит две дощечки, в виде весов, и на дощечках лежат две кучи красиво сложенных серых кирпичей. С ним не страшно встретиться. Он не толкнет вас, а предупредит мерным своим криком, и если вы не слышите или не хотите дать ему дороги, он остановится и уступит ее вам. Всё это чисто, даже картинно: и бамбук, и самые кирпичи, костюм носильщика, коса его и легко надетая шапочка из серого тонкого войлока, отороченная лентой или бархатом. Заглянешь в ялик к перевозчику: любо посмотреть, тянет сесть туда»³⁸.

И это «скупчая, наблюдат»!!!

* * *

В 1884 г. А.А. Соловцов заложил чайную плантацию недалеко от Батуми. На основе этой плантации в 1892–1896 гг. К.А. Поповым была построена одна из первых чайных фабрик в России. С середины 1890-х годов чай фигурировал в договорах мастеровых и ремесленников с предпринимателями как одна из трех составных обязательных частей заработной платы (жалованье деньгами, харчи, чай). В русский язык вошли такие понятия, как «чаевые», такие обороты речи, как «дать кому-либо на чай», «чай не пьешь, откуда сила». Владимир Иванович Даль приводит полтора десятка пословиц и поговорок, связанных с чаем. Открывает этот перечень такое выражение: «Ныне уж нет сбитню, а всё чаёк; не просят на водку, а просят на чай»³⁹. У Федора Михайловича Достоевского есть такое замечательное выражение одного из героев: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»⁴⁰.

Русский (грузинский) чай под названием «Русский чай Дядюшкина» в 1899 г. получил золотую медаль на Парижской выставке. К началу XX века Россия была самой чаепотребляющей страной мира. Чайные склады и магазины были открыты в Ростове-на-Дону, Казани, Уфе, Тюмени, Перми, Кургане, Челябинске, Томске, Омске, Барнауле, Красноярске, Иркутске, Бийске, Семипалатинске, Владивостоке, Ташкенте, Самарканде, Екатеринбурге, Киеве, Коканде, Тифлисе. Обороты чайной торговли достигали к этому времени нескольких сотен миллионов рублей в год. Одна лишь фирма Кузнецова накануне Первой мировой войны продавала чая на 50 млн руб. ежегодно, а фирма Высоцкого — на 35 млн руб.

С 1900 г. открыли Транссибирскую железную дорогу. Чай значительно подешевел, его употребление стало массовым. Новую ноту в русское чаепитие внесло появление самовара — отныне он главный участник русского чайного застолья, непременная принадлежность любого семейного дома. Александр Николаевич Островский писал: «В четыре часа по всему Замоскворечью слышен ропот самоваров. Если это летом, то в домах открываются все окна для прохлады, у открытого окна вокруг кипящего самовара составляются семейные картины...». Прекрасной иллюстрацией к этому стало полотно Б.М. Кустодиева «Купчиха за чаем».

Чай не знал и не знает социальных различий — он был любим и в великосветских салонах Петербурга, и в деревенской избе, топившейся по-черному, его пили в трактирах Мещанской слободы и в фешенебельных ресторанах. Чаепитие в России нечто большее, чем просто застольная традиция — это образ жизни, черта национального характера, символ хлебосольства и гостеприимства...⁴¹ «Чай играл большую роль в общественном и семейном быту. За парой чая в трактирах заключались купцами сделки на огромные суммы, его пили на общественных собраниях, за чаем отдыхали извозчики, мастеровые, для чего во множестве существовали чайные»⁴².

Широким распространением в нашей стране чайный куст обязан основателю Батумского ботанического сада, ученому Александру Николаевичу Краснову (1862–1915). Совершая экспедиции в Японию и Китай, он привозил семена и саженцы редких растений, в том числе и наиболее перспективных сортов чая. В результате в 1900 (1901) г. первые чайные плантации появились в России в Краснодарском крае, близ Сочи. Через шесть лет крестьянин И.А. Кошман уже начал продавать чай, выращенный на плантации близ селения Солох-Аул в Краснодарском крае.

До начала Первой мировой войны площадь чайных плантаций в России составляла всего 182 га. Незнание агротехники чая, неудачный подбор сортов и технологии ферментации привели к тому, что долгое время получаемый продукт был низкого качества. Военное ведомство закупало этот продукт для солдат, и поэтому его называли «солдатским чаем».

Чай в те времена ценился в Москве очень дорого. За полтора фунта (1 фунт равнялся 409 граммам) чая среднего качества давали шкурку соболя. Даже в начале XIX века продавали лучший цветочный китайский чай по 10–12 рублей ассигнациями за фунт. Это были весьма внушительные деньги — на них можно было купить три-четыре коровы. Отсюда такие большие прибыли у чайной фирмы «Братья К. и С. Поповы».

Причина же такой дороговизны была простой. Выращивали чай практически только в Китае, и потому китайские чаеводы могли держать монополю высокие цены на свой эксклюзивный товар. Да и сама покупка чая была сопряжена с немалыми трудностями. В разных провинциях Китая есть свои ассоциации чаеводов и чаоторговцев. Помимо того, что китайские торговцы порой отказывались принимать в оплату русские золотые и серебряные монеты, само производство чая держалось под строжайшим секретом. До 1842 г. китайские порты были закрыты для захода иностранных судов, тем самым оставался только сухопутный путь для торговцев, через Азию и Россию. Этим и воспользовался русский предприниматель Константин Абрамович Попов. Несмотря на все затраты и тяготы долгого пути, русский купец получал солидный доход от перепродажи чая английским, голландским и немецким коллегам.

Благодаря Константину Попову чай в России стал доступен людям всех социальных слоев. Жизнь К.А. Попова, может послужить примером для многих предпринимателей. Родился он в посаде Большие Соли. В тринадцать лет, как и многие в те времена ярославские отроки, начал работать в Петербурге у крупного виноторговца. Мальчик был весьма смысленный. Уже через пять лет он служил приказчиком в чайном магазине. Скопив с братом Семеном небольшой капитал, он открыл на Невском проспекте свой магазин чая. Торговля шла бойко. Расширяя ассортимент, Константин Попов занялся и оптовой торговлей. К 195-летию выдающегося предпринимателя, купца 1-й гильдии, «чайного короля» России на его родине в Некрасовском крае в краеведческом музее была открыта экспозиция.

В 1863 г. Поповы арендовали в Китае у города Ханькоу чайную плантацию и фабрику. Вскоре чай фирмы «Братья К. и С. Поповы» продавался в 90 городах России. Через Петербург Поповы вывозили чай в Западную Европу, ко двору пяти европейских королей. Высшим достижением было открытие собственных торговых предприятий в Китае и в традиционно «чайной» стране — Великобритании. Английская чайная церемония «five-o clock tea» — это чай между вторым завтраком и обедом, его пьют с молоком.

Известный, особенно старшему поколению, грузинский чай — также заслуга фирмы Поповых. Семья Константиновича давно привлекала идея разводить чай в России, а не возить его из Китая. В 1893 г. он выкупил несколько обширных участков земли в местечке Чаква, неподалеку от города Багуми, и посадил там первые чайные кусты. В дело было вложено около миллиона рублей. Для выращивания чая К.А. Попов пригласил из Китая мастера-чаевода Лю Чжэньчжоу (русская транскрипция тех лет: Лау Чжэньчжау). Вместе с ним на пароходе приплыли еще десять мастеров-китайцев, а в трюме лежали тщательно упакованные в тюки десять тысяч черенков чайных кустов и несколько сотен пудов семян. Уже

через семь лет, в 1900 г., в Париже на Всемирной промышленной выставке русский чай фирмы Попова, выращенный на Чаквинских плантациях китайцем Лю Чжэньчжоу, получил первое место и Большую золотую медаль как лучший чай в мире.

Получая большие прибыли, не забывали Поповы и о меценатстве. Потомственный почетный гражданин посада Большие Соли, Константин Абрамович прославился благотворительностью в Москве, Петербурге и Костроме. Заработав свой первый миллион, он в родных Солях жертвовал на строительство храмов, образование. Сам он не имел образования, но понимал значение его для будущих поколений. До сих пор стоит построенное на его средства Николаевское двухклассное приходское ремесленное училище, в котором бесплатно обучались грамоте и ремеслу дети всех сословий. Помимо основных общеобразовательных предметов, Закона Божия, чтения церковной и гражданской литературы, церковного пения, были введены предметы трудового обучения: швейное, сапожное и башмачное дело.

Учредитель постоянно интересовался делами учебного заведения. Учреждал премии молодым дарованиям. Им были построены земская больница и богадельня, ремесленное училище и общественный банк — жаль, что до сих пор местные жители не установили памятник своему соотечественнику — «чайному королю» и великому меценату.

В 1913 г. потребление чая на душу населения составляло 413 граммов в год. Далее, 1917–1923 гг. можно назвать чайным периодом в России в связи с жесткими ограничениями на употребление спиртных напитков после 1917 г. и национализации огромных запасов чая. В самые трудные годы гражданской войны и интервенции в Москве был создан единый орган, ведавший заготовкой, распределением и торговлей чаем в стране, — Центрочай.

Лю Цзежун, сын китайского чаевода Лю Чжэньчжоу, в возрасте пяти лет приехал с отцом в Россию. Отец его долгое время работал в России. Поэтому Лю Цзежун успел окончить физико-математический факультет Петербургского университета, жениться на русской девушке. Он преподавал математику в реальном училище. Был активным участником революционного движения⁴³. Поэтому, когда во время революции его отец, управлявший чайными плантациями, был объявлен «классовым врагом», Лю Цзежун обратился к В.И. Ленину. Он объяснил вождю мирового пролетариата, какой вред преследованием Лю Чжэньчжоу может быть нанесен чайному делу в России⁴⁴. Уже 16 апреля 1918 г., через месяц после переезда в Москву, В.И. Ленин рассматривал проект декрета о чае, а 19 апреля 1918 г. этот документ был подписан. Согласно ему были установлены четкие правила распределения и торговли чаем, а также цены на него, зависящие не от сорта чая, а от классовой принадлежности покупателей. Рабочие, особенно члены профсоюза, получали чай бесплатно, а представители буржуазии должны были платить за него максимально высокую цену.

Лю Чжэньчжоу продолжил свою работу и даже был награжден орденом, а сын его вскоре после кончины В.И. Ленина возвратился в Китай. Там он был одним из первых ученых, кто попытался по документам воссоздать историю отношений Китая с Россией⁴⁵.

Конечно, большинство тех, кто профессионально изучает китайскую культуру, кого называют китаеведами, любят пить китайский чай и учатся у китайских коллег чаепитию. Во-первых, нужно знать, в какие сезоны года, какой чай следует пить. Во-вторых, как покупать, как хранить, как заваривать чай. Выдающийся китаевед XX века академик Василий Михайлович Алексеев был знатоком чаепития по-китайски. Вот как об этом рассказывает его дочь М.В. Баньковская в своем Послесловии к вышедшему в 2000 г. переводу В.М. Алексеевым сборника новелл китайского писателя XVII века Пу Сун-лина «Странные истории из Кабинета неудачника» («Ляо Чжай чжи и»). Эта часть Послесловия носит название «Умеете ли вы пить китайский чай?»

«...“Разброс точек” среди друзей-читателей Ляо Чжая велик, и, можно представить их как большую и очень пеструю толпу людей, которых объединяет одно драгоценное свойство — интерес к чужому, непривычному.

Мне кажется, что в основе этого свойства лежит что-то простое, вкусовое. Есть люди, которые, хлебнув китайский зеленый ароматный чай, решительно заявляют: “наш лучше” и отодвигают чашку. Чаще всего, такой человек не станет и читателем китайской литературы. Действительно, мы привыкли пить чай с бутербродами и печеньем, а китайский чай для этого совершенно не годится. Зато годится для многого другого, и в китайской литературе, пишет Алексеев, “большое место занимает непривычное нам обильное потребление чая для углубления наслаждения природой и интенсивности наслаждения”. Помните, Цяо Нян («Цяо Нян и ее любовник») при свете белой луны и редких звезд велит служанке заварить чашечку круглого чая, дабы насладиться чудесной ночью, и в примечании Алексеев со вкусом поясняет, что круглый чай — самый лучший, редкостный, его государи жаловали придворным, а “заварить чашечку” значит положить листья прямо в чашку, залить кипятком и накрыть другой, меньшей чашкой, чтобы потом, не снимая, а лишь отодвигая ее, отхлебывать по глоточку зеленоватый настой. Чай не уступал вину ни в быту старого Китая, ни в литературе. “Поэзия чая” — так назывался спецкурс, выделенный Алексеевым из общего курса китайской поэзии. Как образцы Алексеев предлагал слушателям короткие фразы вроде следующих: “Горы кругом... В чайном дыму забываюсь в безмолвии”; “Чай смывает мрак души и заботы”; “Вместо вина другу — тонкое прихлебывание чая”; “Чай и саморастворение в стихах”; “Прекрасный чай всегда уподоблялся красавице” и еще, особо звучащая, — “Чайный дымок колеблет седины друзей. от которых ушли [умерли] общие друзья”... Какие уж тут бутерброды. “печенье к чаю”! И так ведь во всем, и надо бы помнить этот “чайный дымок”, читая Ляо Чжая, и стараться не умозрительно, а вкусово воспринимать стародавнее его новшество. “Настоящее новшество, — убеждал Алексеев, — как всегда и везде, не может быть понято без известного рода революции, которая должна освободить место новой идее в нашем фонде зрелых и слишком застывших мыслей” — вот бы и размыть эти “застывшие” горячим пахучим — круглым! — чаем...»⁴⁶

Итак, мы остановились на судьбах китайского чая в России в XVII — начале XX столетия. А как в то же время развивались выращивание чайных кустов и деревьев, а также торговля чаем в самом Китае? Ответ на эти вопросы мы находим в справочнике *China Year Book* за 1926 год.

Интересующий нас раздел ежегодника так и называется «Чай». И он начинается с исторического экскурса.

«Чай это всеобщий напиток китайцев, потребление которого достигает 5 фунтов⁴⁷ в год на душу населения. Думается, что наиболее раннее употребление чая в Китае, было скорее в качестве овощной приправы, чем напитка, использование чайных листьев как приправы, имеет место и в наши дни у шаньсийцев и бирманцев. Бретшнейдер⁴⁸ упоминает, что в Ча-пу⁴⁹ — специальном исследовании о чае, опубликованном между десятым и тринадцатым веками — сказано, что император Вэньди (589–605 гг.) получил рекомендацию от одного настоятеля буддийского монастыря пить отваренный *мин* (листья чая) как лекарство от головной боли. Привычка пить отвар специально приготовленных листьев должна рассматриваться как имеющая сравнительно недавнее происхождение. В восьмом веке мы имеем первое несомненное свидетельство того, что чай стал обычной сельскохозяйственной культурой, из источников династии Тан мы узнаем, что он облагался имперским налогом»⁵⁰.

Далее следует повествование о сортах чая, способах его выращивания и сбора, а так же о реализации готовой продукции.

«Чай как растение произрастает преимущественно в провинциях Хунань, Хубэй, Фуцзянь, Цзянси, Аньхой, Чжэцзян, Гуандун и Юньнань; основными портами, через ко-

торые он экспортируется, служат Ханькоу (черный чай и черный и зеленый кирпичный чай), Цзюцзян и Фучжоу (черный чай). Ханчжоу, Нинбо, Цзюцзян, Сантья (зеленый чай). Чай будет черным или зеленым в зависимости от способа приготовления. Он выращивается небольшими гнездами на приусадебных участках, его плантации практически неизвестны. Листья обрываются членами семьи⁵¹ и высушиваются на солнце, затем они предаются посреднику, который подвергает их обжигу. Для зеленых чаев листики прогреваются почти сразу же после того, как они собраны, и высушиваются быстро после того как они вручную закручены и зажаты в шарики. Обычно бывает три сбора листьев чая: в начале апреля, когда молодые листики покрыты белесым налетом (ограниченная выработка известная как высший сорт черного чая), в середине мая и вновь в августе»⁵².

Анализируя производство чая и торговлю им на китайском рынке, автор данной статьи отмечает: «Производство чая берет свое начало в Фучжоу в период 70-х годов. Торговля быстро расцвела, принося различные успехи, и три фабрики, оснащенные английским оборудованием, были полностью загружены в течение нескольких лет до 1891 г. С этого года начался постепенный упадок вследствие экономических причин: из-за перенесения российского рынка торговли чаем на берега Янцзы в соседние города Цзюцзян и Ханькоу. Торговля в Фучжоу постепенно увяла, и все три иностранные фабрики были вынуждены закрыться...

Русские фирмы в Ханькоу, Цзюцзяне и Фучжоу производили высококачественный кирпичный чай, изготовлявшийся, главным образом, путем обветривания его специальными веялками отдельно от чая и с применением чайной пыли, привозившейся из Индии и с Цейлона, а также благодаря применению гидравлики при упаковке»⁵³.

Не забыл автор этого очерка в справочнике упомянуть и о цветочных чаях. В нашей стране сегодня весьма популярен «молихуа ча» — жасминовый чай. Он был известен и сто лет тому назад.

«Ароматизированный чай готовится на чайных фабриках в Фучжоу путем нагревания определенных видов цветов вместе с листьями чая. Четыре вида цветов используются на чайных фабриках в Фучжоу: 1) белый жасмин, 2) *чу лан* — один из видов орхидей, 3) *шуйзуй* и 4) *юй лан* — особый вид магнолии (*Magnolia conspicua*). Из-за нынешней депрессии на экспортном рынке зеленого чая был очень малый спрос на эти цветы, и цены на них упали до беспрецедентно низкого уровня...

Сравнительно часто ароматизированный цветами чай употребляется в Северном Китае. Он обычно производится на основе высококачественных сортов зеленого чая, черный чай не ароматизируется. Снижение запроса на зеленый чай может, таким образом, повлиять и на рынок ароматизированных чаев»⁵⁴.

Говоря об экспорте китайского чая, автор данной статьи подчеркивает: «В 1924 г. Великобритания заняла первое место: ее импорт черного чая достиг 4 596 174 гонконгских долл., Турция, Персия и Египет закупили зеленый чай на общую сумму 3 082 348 гонконгских долл. Россия все еще остается вне чайного рынка.

Министр иностранных дел в разное время заявлял протесты русскому послу⁵⁵ по поводу чрезмерных долгов за китайский чай»⁵⁶.

Интересные данные о русской торговле китайским чаем содержатся в книге члена-корреспондента АН СССР, возглавлявшего советское торгпредство в Пекине, а затем ставшего первым директором Института Дальнего Востока АН СССР (1967–1985) Мнхаила Иосифовича Сладковского «Очерки экономических отношений СССР с Китаем»⁵⁷.

М.И. Сладковский вскрыл причины нарушения баланса в русско-китайской торговле. «После отмены меновой системы кяхтинской торговли и разрешения русского правительства на расплату купцами за покупаемые товары деньгами, золотом и серебром, соотношение между стоимостью ввоза и вывоза товаров через Кяхту стало меняться в пользу китайских товаров. Вывоз русских товаров стал стремительно сокращаться»⁵⁸. Существеннейшую роль в этом процессе сыграла торговля чаем. Дело в том, что «после отмены русским

правительством запрета завозить китайский чай морем через Одессу. Морская торговля между китайскими портами (Кантон, Шанхай) и Одессой стала для России односторонней. Привозя из Кантона или Шанхая главным образом байховый чай, русские купцы были вынуждены для оплаты его завозить в Китай наличные деньги, золото или серебро, поскольку русские товары морем из европейских портов почти не завозились из-за жесткой конкуренции и засилья в китайских портах западноевропейских и американских фирм»⁵⁹.

Для Китая экспорт чая играл существенную роль в его внешней торговле. Поскольку Великобритания расширяла чайные плантации в Индии и на Цейлоне, то она существенно пополнила свой импорт чая за счет этих стран. При подписании русско-китайского Санкт-Петербургского договора 12 февраля 1881 г. китайская сторона, стремясь увеличить русский чайный экспорт, предложила в статье 16 договора исправить вывозные таможенные тарифы так, чтобы «вывозные пошлины, взимаемые ныне с некоторых сортов чая низшего качества, в размере одинаковом с пошлинами на чай высшего достоинства, будут уменьшены соразмерно со стоимостью этих низших сортов чая»⁶⁰. Это способствовало существенному росту русского импорта кирпичного чая через Кяхту⁶¹.

Интересно наблюдение М.И. Сладковского о реэкспорте к 1914 г. русскими предпринимателями китайского чая в Синьцзян и приграничные районы Северо-Восточного Китая⁶². «В истории русско-китайской торговли, — отметил Михаил Иосифович, — наивысший ввоз чая в Россию был в 1915 г. Под влиянием мировой войны импорт чая в Россию снизился»⁶³.

После создания СССР торговля нашей страны с Китаем постепенно возростала. Уже в 1923–1924 гг. из Китая было вывезено 6 133 тонны чая, за которые наша страна заплатила 5 736 000 руб.⁶⁴ Так что приведенное нами выше высказывание из опубликованного в 1926 г. английского справочника — «Россия все еще остается вне чайного рынка. Министр иностранных дел в разное время заявлял протесты русскому послу по поводу чрезмерных долгов за китайский чай» — абсолютно не соответствует действительности. Это была обычная английская ложь о России, начало которой было положено еще во второй половине XIX века, когда шла «Большая игра в Азии». Так называлась схватка Российской и Британской империй за территории и сферы влияния на Азиатском континенте. Этой лжи в различной форме хватает и сегодня. Конечно, всякая ложь раздражает. Мы воспринимаем ее как оскорбление нашей страны, а значит и каждого из нас. Иногда на нее хочется ответить словами замечательного английского писателя Ричарда Олдингтона⁶⁵, прозвучавшими в 1929 г. в его романе «Смерть героя»: «Дивная старая Англия. Да поразит тебя сифилис, старая сука, ты нас отдала на съедение червям...»⁶⁶. Но мы — люди вежливые, поэтому отвечаем русскими пословицами: «Кто о ком за глаза худо говорит, тот того боится» и «Клеветники на том свете раскаленные сковородки лижут»⁶⁷.

Приложение

Н.Я. Бичурин. Чайное растение

Чайное растение есть достопримечательное произведение в прозябаемом царстве Южного Китая, ибо лист сего растения, под названием чая, в торговле составляет самую важную статью китайского отпуска за границу. Чай по свойствам и качествам почвы имеет неодинаковую доброту, и более по сей доброте, нежели по своему образованию, делится на многие виды. Но лучшие чаи приготавливаются в небольшом количестве, и довольно редки, и посему даже качественные их названия в народе мало известны. Чай, приготавливаемый для общего потребления, имеет разные видовые названия, но сии названия в России мало известны, потому что русскими купцами, торгующими в Китае, и доныне не приняты.

В статье под названием *Естественное состояние*⁶⁸, хотя означены все места, на которых собирается хороший чай преимущественно перед другими местами, но, судя по

важности предмета, не считаю излишним еще собрать таковые места под одну точку зрения. Следуя по карте по губерниям в политическом их расположении, мы заметим, что:

1) В губернии Ань-хой.

В области Ань-цин-фу по горе Минь-шань собирается превосходный чай, называемый *лун-цзин-ча*; в области Хой-чжеу-фу по горе Хуан-шань собирается чай, известный в Китае под общим названием *сун-ло-ча*, а у нас под названием *зеленого*. *Цяо-ше* — птичий язык, *лянь-синь* — росток в плоде лотоса, *инь-чжень* — серебряные иголки суть лучшие виды помянутого чая. В области Нин-го-фу собирают хорошие чаи по горам Цию-шань и Я-шань.

2) В губернии Цзянь-су.

Целая область Цю-цзян-фу производит чай, но лучший собирается по горе Лу-шань.

3) В губернии Фу-цзянь.

В области Чжан-чжеу-фу собирают превосходный чай по горе Лун-шань.

4) В губернии Чже-цзян.

В области Шаосин-фу собирают чай по горе Жи-чжу-лин, а в области Тхай-чжеу-фу по хребту Тьянь-шань, в области Цюй-чжеу-фу получают превосходный чай с горы Фан-шань.

5) В губернии Ху-нань.

Чайное растение разводится в областях Чан-ша-фу, Юн-чжеу-фу и Юн-шунь-фу, и как сие растение, по низменности местоположения, не имеет вкуса, нужного хорошим чаям, то наиболее готовится в плитах, по форме которых по-китайски называется чжуань-ча, а в переводе от слова в слово: *кирпичный чай*. Впрочем и кирпичные чаи имеют подразделение между собою по отношению к внутренней их доброте.

6) В губернии Сы-чуань.

Чайное растение разводят в областях Чен-дэ-фу и Чун-цин-фу, но лучший, даже перед всеми местами в целом Китае, чай собирается в Я-чжеу-фу по хребту Мын-шань и в Цзя-дин-фу по горе Э-мэйшань.

7) В губернии Юнь-нань.

Чай собирается в области Пху-эр-фу по горным хребтам Пху-эр-шань и Лу-чаньшань, в Чу-чюн-фу по горному хребту Ча-шань, в Юн-чан-фу по горе Мын-тьяхань-шань.

8) В губернии Гуй-чжеу.

Чайные усадьбы разведены в областях: Сы-нань-фу, Ши-цян-фу, Да-дин-фу и в округе Пьхин-юань-чжеу.

Исключая Юнь-нянь, во всех прочих губерниях чай собирается с древесистого растения, имеющего от одного до двух футов вышины, в губернии Юнь-нань, напротив, чай собирается с дерева, которое толщиной бывает в два охвата, а в высоту несколько десятков футов. И как сей чай наиболее собирается в области Пху-эр-фу, то и носит общее название *пху-эр-ча*, а в Кяхте известен под названием *пурча*.

Из климатического обзора чайных усадеб Китая открывается, что чайный кустарник разводится между 24 и 31 градусами, а чайное дерево само собою растет между 23 и 34 градусами северной широты. Здесь следовало бы сообщить сведение о разных видах чайного растения и о качественном его разнообразии, зависящем от местоположения и почв, но для сего потребно личное объяснение с хозяевами чайных усадеб, что и в самом Пекине трудно сделать. Книжные сведения о чайном растении ограничиваются общими правилами, как разводится, собирается, готовится, сохраняется и употребляется собираемый с него лист, известный в России под названием чая⁶⁹.

Посадка чайного растения

Чайные семена для посадки собираются уже созревшие, что обыкновенно бывает в сентябрьской луне. Высушив семена перед солнцем, перемешивают их с мокрым пес-

ком, всыпают в корзину и покрывают соломой для предохранения от мороза. Семена, тронутые морозом, не дают ростков. В половине мартовской луны сажают их в тенистом месте — под тутовыми или бамбуковыми деревьями, потому что чайное растение боится солнечного жара. Для посадки выкапывают круглые ямки — в двух футах одну от другой, и землю в них перемешивают с черноземом. Ямка должна иметь не более трех футов окружности и одного фута глубины. В каждую ямку сажают от 60 до 70 семечек и засыпают землю, толщиной в один с небольшим дюйм. Во время засухи поливают водою, в которой рис промывается. Дикую траву, вырастающую в ямках в первые два года не выдергивают, уже на третий год начинают пропалывать ямки и окучивать корни чайного растения землю, которая смочена уриною и перемешана с пометом шелковичных червей, но только не в большом количестве, дабы не повредить молодым корешкам. На четвертый год можно собирать чай. Вообще для посадки чайного растения избирают тучные горные покати, на которых не могла бы вода задерживаться, а если доведется садить на ровном месте, то по обеим сторонам ряда ямок проводят глубокие борозды для стока воды. Как скоро вода в излишестве проникает до корня, то растение неизбежно погибнет. Покати для усадеб должны быть обращены к югу, а обращенные к северу не годятся, почему на одной и той же горе есть большое различие в местах. Между чайными кустами сажают только хорошие деревья, каковы суть: *Olea fragrans*, *Armeniaca vulgaris*, *Magnolia julan*, александрийская роза, вечно зеленеющие кедр и бамбук. Сии деревья достаточны прикрывать чайное растение от инея и снега и защищать от солнечного зноя. Можно подле чайных растений садить разные пахучие цветы, но оно не терпит близ себя гряд с огородным овощем, потому что гряды углублены на полфута от поверхности земли и вместо поливания наполняют водою, которая в почве далеко проникает в стороны.

Сбор чая

Ощипка чайного растения производится в конце мартовской, но более в первой половине апрельской луны. Можно и повременить дня два, чтоб чайному листу дать время войти в силу. Такой чай вдвое пахучее и сверх того прочнее к сбережению. Лист с молодых веточек бывает мягок, и потому не опасности, хотя бы и перерос несколько. Чай собирают на рассвете, а с солнечным восходом прекращают работу. Сощипывают росточки ногтем, чтоб пальцами не помять их, и немедленно бросают в чистую воду, дабы чай от прикосновения руками не потерял чистоту и свежесть.

Росточки твердые, имеющие вид птичьего языка, считаются лучшими. Первые росточки и первые развернувшиеся листочки составляют отборный чай, листочки в тех же кустов, но второго сбора считаются ниже, а далее еще ниже.

Приготовление чая

Чайный лист при снятии с дерева не имеет большой пахучести, а усиливают ее через выпаривание в чугунных котликах. Впрочем как чай не выдерживает большого огня, то не надобно жарить его долго. Равным образом не должно в котлик накладывать его много, потому что в сем случае трудно вымешивать ровно. Если передержать чай в котлике, то от излишнего разгорячения он теряет пахучесть. Котлик для выпаривания чая должен быть чугунный, выполированный и несколько подержанный. Чай, по принятии запаха от нового чугуна, теряет свою пахучесть, почему котлик, назначаемый для выпаривания чая, употребляется только для согревания чистой воды. Огонь для выпаривания чая разводится древесными прутиками, и лист и пень дерева не годятся. От поленьев огонь бывает лисен, а от листьев скоро вспыхивает и вдруг гаснет. Чай, снимаемый с кустарника, немедленно выпаривают, а в котлик кладут от 4 до 8 лан, неодинаково. Сначала употребляют легкий огонь, потом исподволь усиливают его, а между тем, во время выпаривания, беспрерывно и весьма проворно мешают чай палочкой. Выпаривание прекраща-

ется, как скоро чайный лист начнет издавать пахучий запах. Таким образом приготавливается черный чай, известный у нас под названием байхового.

Приготовление зеленого чая иначе производится. При сощипывании отделяют отвердевшие ветки и устаревшие листья, а отбирают только молодые листочки и отщипывают у них верхушки и стебельки, от которых чайный листок легко пригорает. В продолжение выпаривания один человек веером отмахивает горячий пар. Если упустить сие, то чай пожелтеет, а с сим вместе изменится и цвет, и пахучесть, и вкус его. По окончании выпаривания высыпают чай из котликов на лотки или фарфоровые блюда и расстилают тонким слоем, причем веером проворно отмахивают горячий пар, а между тем, пока чай влажен, руками переминают его, отчего листочки как бы свертываются. После сего вторично всыпают чай в котлики, подсушивают на легком огне и убирают на сбережение.

Надушивание чая

Обработанный чай надушается пахучими цветами разных деревьев, каковы суть *Olea fragrans*, жасмины, роза *Centifolia*, дерево померанцевое, *Camelia*, мошкатная роза (*мосян*), *Armeniaca vulgaris*. На три части чая берут одну часть цветов, и то и другое накладывают в кувшин через слой, и когда кувшин наполнится, то плотно завязывают его бумагою и ставят в котле с водою на огонь. Когда снятый с котла чай остынет, то отделяют его от цветов, завертывают в бумагу и подсушивают над огнем. Лучший чай не терпит пахучих цветов, а напротив, портится от них, почему надушают только средственный чай, и притом не в большом количестве. В Европе сие поддельное благовоние приписывают чаю.

Сбережение чая

Чай имеет чистый вкус, весьма легко изменяющийся от восприятия всякого постороннего запаха. Чтобы сохранить чай от порчи, надобно держать его в теплом и сухом месте, в чистом и свободном воздухе, потому что как от холода и сырости, так и от спершегося теплого воздуха он повреждается во вкусе, а еще более не терпит быть поблизости пахучих вещей. Обработанный чай — для сбережения — надобно ссыпать в фарфоровые кувшины и плотно завязывать, чтобы не выдохся или не повредился от сырого воздуха, хранить близ жилых комнат, в которых воздух всегда теплый и свежий, ставить на возвышенном месте. Чай не терпит писчей бумаги. Она составляет в воде, и посему много в себе содержит сырости. Чай, пролежав одну ночь в бумаге, принимает в себя запах ее, а свой вкус совершенно теряет. Чай для ежедневного употребления надобно держать в чайнице, обернутой сухим листом водяного бамбука и крепко заткнутой пенькою, ставить на столе, в отдалении от вещей, издающих какой-либо запах. Но чай в большом количестве надобно держать в фарфоровом кувшине, который бы вмещал от 10 до 20 гинов и был обернут сухим листом водяного бамбука в несколько рядов. Сверх того чай должен быть самый сухой и свежий, притом плотно лежал бы в кувшине и накрыт был толстым слоем сухих листьев водяного бамбука, а чтобы воздух не мог проходить внутрь, кувшин нужно крепко заткнуть пенькою и сверху придавить большим новым кирпичом. Таким образом сберегаемый чай без порчи может пролежать до нового чая.

Заваривание чая

При заваривании чая должно наблюдать пять правил.

1) Брать хорошую воду, потому что от худой воды вкус чая портится. Для заваривания чая вода горных ключей есть лучшая, речная считается второю, а если доведется употреблять колодезную, то нужно очищать ее через вычерпывание.

2) Для согревания вводы употреблять горшочек серой глины, а для наливания чая фарфоровый чайник, но в последнем случае белая фарфоровая чашка лучше чайника⁷¹, Сверх сего при наливании воды на чай должно соблюдать чистоту. Если поблизо-

сти будет запах сырого мяса, рыбы, прели, масла или сала, то истинный вкус чая совершенно пропадет.

3) Избегать помеси. Чай имеет нежное свойство, и легко воспринимает всякий посторонний вкус. Если наливать в прикосновении с чем-нибудь пахучим, пряным, горьким или сладким, то вкус чая делается смешанным то есть как будто отзывается чем-то.

4) Чай хорошо настаивается, если налить прокипевшею водою, а не кипучею. Кипячение воды для чая должно происходить постепенно. Оно начинается проскакивающими пузырьками наподобие рыбьих глаз, потом показывается со всех сторон, подобно бьющему роднику, наконец вода начинает клубиться, подобно волнам. Это трехкратное кипение без живого огня быть не может, а живым огнем называется пыл горящих дровяных углей. Вода, согреваемая на мозглях и курящихся дровах, весьма портит вкус чая.

5) Перед наливанием кипятка на чай надобно теплою водою смыть пыль с чая и согреть, и таким образом отнять у него отзыв дымом. Чайник и чашку также надобно выполоскать чисто и вытереть досуха, а потом наливать чай. Таким образом приготовленный чай совершенно удерживает и вкус, и цвет, и запах свой.

В самом Китае чай употребляется в трех видах: в листьях, в порошке и в экстракте. В России употребляют только первый вид чая, к которому причисляется и кирпичный, но в употреблении поступают вопреки строгим предосторожностям, соблюдаемым в Китае. В Кяхте есть обыкновение свидетельствовать чай, принятый из китайского магазина, и сие свидетельство заключается в следующем: приказчик — с дозволения хозяина — железным совком прокалывает каждое место насквозь, и делает сие с большою исправностью, потому что вынутый совком чай предоставляется в его пользу. Потом просверленные таким образом ящики с чаем заширивают⁷² в размоченные сырмятные кожи, от которой чай до такой степени портится, что в Иркутске свежий чай иногда пить невозможно. Впрочем, такое свидетельство чаев еще не распространено на лучшие чаи.

Вообще должно заметить, что обработка чайного листа существенно заключается в выпаривании сырости, смывании нечистоты и уничтожении снотворного (наркотического) и наводящего скуку под ложечкою свойства его.

* * *

Таким образом, публикация Н.Я. Бичуриным его монографий «Статистическое описание Китайской империи» (1842) и «Китай в гражданском и нравственном состоянии» (1848) предоставила русской читающей публике к середине XIX века полную информацию о китайском чае. Повлияло ли это на торговлю китайским чаем в России? Думаю, что да. Для этого были свои причины. Русско-китайская торговля все еще была сосредоточена в Кяхте.

Что касается торговли чаем, то он первоначально завозился в Кяхту торговыми казенными караванами, которые в XVII — начале XVIII века главным образом доставляли из Китая шелк и ремень. Как отметил М.И. Сладковский: «Из других товаров, завозимых казенными караванами, можно отметить драгоценные камни, фарфоровую, серебряную и лаковую (деревянную) посуду и, наконец, чай, вывоз которого, однако, получил развитие лишь в конце XVIII столетия»⁷³.

Говоря о середине XVIII века, М.И. Сладковский, показал, что «среди китайских товаров, вымениваемых в Кяхте, первое место занимали хлопчатобумажные и шелковые ткани, а затем шелк-сырец, сахар-леденец, табак, чай, бадьян, занавески и другие второстепенные товары»⁷⁴.

Даже в 70-х — 80-х годах XVIII века «чай являлся еще второстепенной статьей русского ввоза. Байхового чая⁷⁵ в этот период ввозилось около 12 500 пудов, а кирпичного — несколько более 17 000 пудов. Однако употребление чая быстро возрастало не только среди азиатского, но и европейского населения России»⁷⁶. Лишь в самом конце XVIII

столетия «главное место среди ввозимых китайских товаров стали занимать товары народного потребления (китайка, сахар, табак и, наконец, чай)⁷⁷.

Если же обратиться к «бичуринским» временам, то чай занял по всем показателям лидирующие позиции. Чай стал завозиться в Россию из Западного Китая, причем если в 1842 г. байхового чая было завезено 449 пудов, а кирпичного 3 151 пуд⁷⁸, то «русский ввоз чая через Кяхту почти удвоился» и в период 1801–1830 гг. достиг 143 200 пудов⁷⁹. В 1825–1850 гг. среди китайских товаров, завозимых через Кяхту, главное место принадлежало чаю. «К середине XIX столетия на долю чая приходилось около 95% от стоимости товаров, ввезенных из Китая через Кяхту»⁸⁰.

Н.Я. Бичурин дважды побывал в Кяхте, когда ехал в Китай и когда возвращался. Затем он провел в Кяхте почти два года, подготовил учебник китайского языка для открытой там школы. У него было много друзей среди кяхтинского купечества⁸¹, а это была читающая публика, получавшая петербургские журналы и книги⁸². Общаясь с ними, Н.Я. Бичурин, вероятно, решил своим трудом о «чайном растении» не только просветить читателей, но и воздействовать на качество и ассортимент завозимых китайских чаев.

1. Его Величество Чай / Редакция русскоязычного журнала «Китай». Пекин: Хуабао чубаньшэ, 2011.
2. Там же. С. 2.
3. Там же. С. 5.
4. Там же.
5. Там же. С. 6.
6. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. Т. III: Троецарствие, Цзинь. Южные и Северные династии, Суй, Тан / отв. ред. И.Ф. Попова, М.Е. Кравцова. М.: Вост. лит., 2014.
7. Подробнее о Лу Юе и его книге см.: Его Величество Чай. С. 180–181; *Игнатович А.Н.* Чайное действо. М., 2011. С. 20–27. Там же см.: переводы японских трактатов о чае (с. 373–443).
8. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. III. С. 783.
9. История Китая / под ред. А.В. Меликсетова. 3-е изд., испр. и доп. М.: МГУ; Оникс XXI век, 2004. С. 182.
10. Там же. С. 186.
11. *Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* Первые русские дипломаты в Китае. М.: Вост. лит., 1966.
12. *Малявин В.* Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 138–139.
13. Речь идет о посольстве Василия Старкова. См.: Русско-монгольские отношения 1636–1654: Сб. документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М., 1974. Док. № 28.
14. *Попов К.А.* О чае и его приготовлении русскими в Китае. М.: Тип. И.Н. Кушнерова, 1870. Здесь дано описание сортов и видов чая, рассказано о разведении чайных кустов, сборе, приготовлении, упаковке чая, а также о кирпичных чаях и китайской торговле чаем. Думаю, что эту книгу (35 с.) стоило бы переиздать и в наши дни, получив разрешение от потомков автора.
15. Русско-монгольские отношения 1636–1654. С. 129.
16. Avery Martha. The Tea Road: China and Russia Meet Across the Steppe. Beijing: China Intercontinental Press, 2004.
17. Ibidem. P. 113–115.
18. *Петров В.П.* Албазинцы в Китае. Вашингтон: Изд-во кн. магазина Victor Kamkin, 1956. С. 36.
19. *Леонтьев А.Л.* Уведомление о чае и шелке: Из китайской книги «Ван боу кюань» называемой. СПб, 1775. 46 с.
20. О нем см.: *Мясников В.С.* Пекинские письма доктора Кирилова // *Мясников В.С.* Кастальский ключ китаеведа. Т. 4: Квадратура китайского круга. М.: Вост. лит., 2014. С. 207–236.
21. *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977. С. 146, 323, сноска 22.
22. О нем см.: *Скачков П.Е.* Указ. соч. С. 138.
23. Эта работа, судя по пометам на полях, была написана автором в марте—апреле 1826 г.
24. У В.И. Даля мы находим термин *произрастенье* — растение, всё что растет на корню, одеваясь зеленью. См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3: «Г». М.: Русский язык Медиа, 2006. С. 487.

25. Замечания о Китае Николая Ивановича Вознесенского. 1829. Пекин — В лист. 198 л. ЦГА Тартарстана. Ф. 10. № 832. Март—апрель 1826 г. Л. 1118–1122.
26. Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи: в 2 частях. М.: Восточный дом, 2002.
27. Сун есть общее название хвойных деревьев.
28. Цит. по: Бичурин Н.Я. Статистическое описание Китайской империи. С. 54–57, 60–62.
29. Там же. С. 336–343.
30. Арек — вероятно, один из видов жевательного табака.
31. Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Вост. дом, 2002. С. 376–377.
32. «Голос». 25.10.1882. О его работах по чае и торговле см.: Скачков П.Е. Очерки... С. 429.
33. Труайя А. «Миллион терзаний» Ивана Александровича Гончарова. М.: Центр Рудомино, 2012. С. 69.
34. Капштат (англ. Cape Town) — морской порт, который был главным городом Капской колонии — британского владения в Южной Африке.
35. Рекое (англ.) — высший сорт черного чая.
36. Тема чаепития привлекала внимание и наших европейских коллег. См., например: *Calthorpe, J.* The gentle art of tea drinking in China // *Tien-hsia monthly*. 1939. № 8. P. 319–326; *Bodde, D.* Early references to tea drinking // *Journal of the American Oriental Society*. 1942. № 62. P. 74–76; *Goodrich, L.C., Wilbur C.M.* Additional notes on tea // *Journal of the American Oriental Society*. 1942. № 62. P. 195–197; *Blofeld J.E.C.* Tea drinking in China // *Journal of the Royal Central Asian Society*. 1945. № 32. P. 74–76. — *Примеч. В.М.*
37. См.: *MacGregor, D.R.* Some early British tea-clippers // *Mariners Mirror*. 1948. № 34. P. 67–82, 184–198, 280–293. — *Прим. В.М.*
38. Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3: Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. Том второй. М.: Гослитиздат, 1953. С. 105–109.
39. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 580–581.
40. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 5. С. 174.
41. Интересная сцена чаепития описана Михаилом Чеховым в его книге «Вокруг Чехова». Как то ранним утром примерно в 5 часов поутру А.П. Чехов, М. Чехов и В. Гиляровский возвращались из гостей. Шли пешком по ночной Москве. Захотелось выпить чаю. «Дядя Гиляй» предложил зайти в ближайшую чайную. Несмотря на ранний час в чайной было довольно много народа: ломовые извозчики пили свой утренний чай. В. Гиляровский решил подшутить над одним из возниц. Но его затея не была понята и чуть не привела к столкновению писателей с ломовиками. // *Чехов М.П.* Вокруг Чехова. Встречи и воспоминания. М.: Московский рабочий. 1981. С. 87–88.
42. Беловицкий Л.В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа: XVIII — начало XX в. М.: Эксмо, 2007. С. 739–740.
43. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. М., 2009. С. 73–90.
44. О Лю Цзюжуне и его отце см.: Друг издалека / сост. Л. Каландаришвили, Б. Пирадов. Батуми, 1958.
45. Письма, полученные из России в годы царствования Кан-Си и Цянь-Лун: Архивные материалы на русском языке из бывшего Императорского дворца / пер. на кит. Ван Чжн-сян; ред. рус. текста Лю Цзе-жун. Пекин, 1936.
46. *Пу Сун-лин.* Странные истории из Кабинета неудачника / пер. с кит., предисл., статьи и коммент. акад. В.М. Алексеева; сост., подготовка текста, послесловие М.В. Баньковской. СПб: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 754–755.
47. Английский и американский фунт равен 453,592 г.
48. Эмилий Васильевич Бретшнейдер (1833–1901), врач Русской духовной миссии в Пекине, китаевед. Подробнее см.: *Скачков П.Е.* Очерки... С. 179–181; *Шевчук С.В.* Эмилий Бретшнейдер — врач, китаевед, ботаник // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. СПб.: МАЭ РАН, 2015. Вып. 9. С. 302–308. — *Примеч. В.М.*
49. Другое название «Трактата о чае». — *Примеч. В.М.*
50. *China Year Book*. 1926. P. 581.
51. В Отделе Востока Эрмитажа хранятся западные альбомы XIX—XX вв. В одном из них я обнаружил китайскую картину, показывающую сбор чая китайской семьей. На ней изображено чайное дерево, под которым на разостланных белых полотнищах расположилась китайская семья. На дереве же маленькие обезьянки обрывают листочки и сбрасывают их вниз. Членам семьи остается только подбирать этот урожай и укладывать его в мешки. — *Примеч. В.М.*
52. *China Year Book*. P. 681.
53. Там же.

54. Там же. Р. 683.
55. Вероятно, имеется в виду Лев Карахан. До 1924 г. все державы, имевшие дипломатические представительства в Китае, назначали во главе их не послов, а посланников. После заключения Л.М. Караханом 31 мая 1924 г. советско-китайского Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской республикой состоялся обмен нотами относительно учреждения посольства и обмена дипломатическими представителями в ранге послов (см.: Советско-китайские отношения 1917–1957. Сб. документов. М.: Вост. лит., 1959. С. 82–85, 93–94). Таким образом, СССР первым поднял ранг своего представителя в Китае. Подробнее см.: *Катица М.С.* Советско-китайские отношения. М., 1958. С. 122–123. — *Примеч. В.М.*
56. *China Year Book*. Р. 684. В 1927 г. китайские власти грубо нарушили иммунитет советских дипломатов в Китае (см.: Советско-китайские отношения 1917–1957... С. 116–132). Это привело к разрыву дипломатических отношений между двумя странами. См. также: *Крюков В.М., Крюков М.В.* Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 2: 1922–1926 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2015.
57. *Сладковский М.И.* Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М.: Внешторгиздат, 1957.
58. Там же. С. 113.
59. Там же.
60. Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / под общ. ред. акад. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 123.
61. Соответствующие таблицы см.: *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 117–119, 124.
62. Там же. С. 160, 163, 165.
63. Там же. С. 165.
64. Там же. С. 205.
65. *Aldington Richard*, 1892–1962.
66. *Олдингтон Р.* Смерть героя / пер. Н. Галь. М., 1976. С. 32.
67. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: в 3 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1984. С. 354.
68. См.: *Бичурин Н.Я.* Статистическое описание Китайской империи... Ч. 1. С. 54.
69. Чайное растение по-китайски называется *ча*, а приготовленные для питья листочки называются *ча-е*, что значит: *чайный лист*. Монголы последние два слова слили в слово *чай* и сообщили сие русским купцам *Tbé* — европейское название чая заимствовано, по уверению католических миссионеров, от жителей китайской губернии Фуцзинь.
70. Сие говорится о сборе лучшего чая.
71. Чай, делаемый в чайнике, несколько отзывается прелью, почему китайцы вместо чайника употребляют чайную чашку с крышкою, которую вполвину накрывают налитый чай. У нас, наоборот, ставят чайник над огнем в самоваре.
72. Заширивать, заширить *цыбик* или ящик с товаром, *сиб*. Зашивать в *ширу* (*китайск.?*) в *кожу, шкуру*. *Даль В.И.* Толковый словарь... Т. 1: А–З. С. 66.
73. *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 47.
74. Там же. С. 69.
75. Наименование «байховый» происходит от китайского слова «бай-хо», что значит «оптовый». К этому виду чая относится черный чай, продаваемый в крупной упаковке.
76. *Сладковский М.И.* Указ. соч. С. 70.
77. Там же.
78. Там же. С. 88.
79. Там же. С. 83.
80. Там же. С. 91.
81. В 1830–1831 гг. Н.Я. Бичурин по заданию Министерства иностранных дел предпринял поездку в Кяхту, где с помощью монгольского переводчика перевел монгольско-русский словарь. Еще одну поездку в Кяхту он осуществил в 1835–1837 гг., чтобы организовать там училище китайского языка. Для этого учебного заведения, программа которого впервые в России предусматривала обучение живому китайскому языку, Н.Я. Бичурин написал китайскую грамматику на русском языке и составил пространную программу 4-летнего обучения. При подготовке «Китайской грамматики» (СПб, 1835) Н.Я. Бичурин использовал и китайские, и европейские пособия.
82. *Мясников В.С.* Пекинские письма доктора Кирилова // *Мясников В.С.* Кастальский ключ китаеведа. Т. 4: Квадратура китайского круга. М.: Наука, 2014. С. 207–236.

Проблема правового положения русских в китайской провинции Синьцзян в советско-китайских отношениях (1920–1924 гг.)

© 2017

Е.Н. Наземцева

В статье рассматривается проблема правового положения русских в китайской провинции Синьцзян в советско-китайских отношениях (1920–1924 гг.). Автор анализирует политику китайских властей в отношении бывших подданных Российской империи и русских эмигрантов, проблемы и особенности получения русскими советского гражданства и возвращения их на родину. Особое внимание уделено роли консульского корпуса СССР в Синьцзяне в урегулировании правового статуса русских и влиянию данного вопроса на советско-китайские отношения.

Ключевые слова: русская эмиграция, беженцы, дипломатия, правовое патожение, СССР, Китайская Республика.

На Северо-Западе Китая, в провинции Синьцзян, правовое положение бывших русско-подданных и обосновавшихся здесь в первой половине 1920-х годов русских эмигрантов имело свои особенности, а урегулирование их правового статуса являлось важным фактором советско-китайских отношений в регионе.

Отношение к русским гражданам со стороны китайской администрации провинции начало меняться уже с весны 1917 г. В российское Министерство иностранных дел консулами были направлены сведения о падении престижа России, а также о случаях оскорблений русских подданных со стороны китайцев¹.

С началом Гражданской войны российские консулы в Синьцзяне, как и в целом в Китае, включились в активную борьбу с советской властью. Они поддержали омское правительство А.В. Колчака и тесно контактировали с командованием отдельных формирований белых. В частности, консулы В.Ф. Люба и В.В. Долбежев активно сотрудничали с командующим Семиреченской армией атаманом Б.В. Анненковым². Это сотрудничество было не только военным, но и гуманитарным. В частности для оказания материальной помощи начавшим прибывать в Синьцзян беженцам была создана специальная Особая комиссия, избранная 4-м кругом Семиреченского казачьего войска. Российским консульством в Кульдже этой комиссии было выделено 207 тысяч рублей³. На каждую семью отпущалось около 350 рублей⁴.

После окончания Гражданской войны в России в Синьцзяне оказалось около 50 тыс. русских беженцев и военных эмигрантов. Их политическое и правовое положение было очень сложным: были ограничены возможности передвижения по провинции, запрещена вербовка в белые части китайских подданных⁵. Для пребывания на террито-

Наземцева Елена Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (НИИВИ ВАГШ ВС РФ). E-mail: elenanazz@mail.ru.

рши Синьцзяна русские эмигранты должны были получить специальное разрешение у китайских властей. Так как в этот период в провинции еще отсутствовали советские консулы, ходатайствовали о получении таких разрешений специальные представители РСФСР⁹. Они же оформляли специальные удостоверения, разрешающие находиться на территории провинции бывшим русским подданным⁷.

Постепенно проблемы урегулирования правового статуса и улучшения правового положения русских беженцев и бывших русско-подданных, находившихся в провинции, стали важной частью советско-китайских отношений первой половины 20-х годов XX века. Переход на территорию провинции десятков тысяч беженцев и осложнение политической и социальной обстановки в Синьцзяне вынудили руководство провинции пойти на сотрудничество с представителями РСФСР для решения возникших проблем. В 1920 г. была создана беженская комиссия, в обязанности которой входили изучение положения беженцев в Илийском и Кашгарском округах Синьцзяна, в которых оказалось наибольшее число беженцев, и оказание им помощи при возвращении на родину. Китайские власти первое время оказывали содействие комиссии⁸, однако ее работа оказалась непродуктивной из-за отсутствия необходимых средств и сильного противодействия командования белых⁹.

Тяжелые условия эмиграции, в которых оказались бывшие русские граждане, вынуждали их возвращаться на родину. Анализ данных консульских обзоров о русской эмиграции в Илийском округе свидетельствует о постоянстве реэмиграционных настроений в среде военной эмиграции. По официальным данным консула СССР в Кульдже Д.К. Вазонова, за период с 1920 по 1923 г. в Россию выехали «20 Оренбургских, 10 Семиреченских и 50 человек офицеров разных губерний, 700 Оренбургских, 100 Семиреченских и 450 других рядовых казаков, всего — 1250 человек»¹⁰. Но следует учитывать, что многие уходили «самотеком»¹¹.

Процедура возвращения была довольно сложной. Сначала беженцы регистрировались в советском представительстве (например, в 1921 г. зарегистрированы 14 753 человека, в том числе 288 военных)¹². Затем они писали заявление на имя уполномоченного РСФСР на местах, заполняли анкеты, далее им выдавалось удостоверение о заявлении «себя русскими гражданами», справка о личности, кормовое довольствие¹³. После этого они попадали в распоряжение Уполномоченного Народного Комиссариата по Иностранным Делах Союза Советских Социалистических Республик по Западному Китаю¹⁴. Он, в свою очередь, выдавал им соответствующее заключение и направлял анкеты в НКВД¹⁵. После получения ответа из Москвы просителю выдавалось удостоверение о российском гражданстве¹⁶. Для беспрепятственного проезда на территорию СССР бывшему рядовому белой армии Управлением комиссариата по иностранным сношениям провинции выдавался пропуск¹⁷. При этом специально отмечалось, что консульский сбор с рядовых не взыскивался¹⁸. Напротив, бывшие русско-подданные, находившиеся в провинции, но не являвшиеся беженцами, консульский сбор уплачивали¹⁹. Однако, учитывая низкую заработную плату в провинции, материальное положение беженцев и влияние данных обстоятельств на желание зарегистрироваться, максимальная сумма сбора была невысокой — 6 руб. золотом, из которых 4,5 руб. стоило заявление и 1,5 руб. — временное удостоверение. В дальнейшем через каждые три месяца за возобновление документа взималось по 1 руб. 60 коп. с лиц, имеющих какое-либо имущество или постоянный заработок. Остальные от взносов освобождались²⁰.

Отчетность о зарегистрированных лицах ежемесячно предоставлялась в НКВД²¹. Следует отметить, что первое время половина всех консульских сборов взыскивалась неправильно, так как отсутствовали специальные инструкции. Иногда сборы вообще не брали. Кроме того, так как бывшие российские подданные не подвергались ранее вообще никакой регистрации, паспортов или удостоверений личности о принадлеж-

ности к русскому гражданству у них не было. Советские консулы даже предлагали выдавать паспорта «собственного изготовления»²².

Следует отметить, что, поскольку Постановление ВЦИК от 15 декабря 1921 г. о восстановлении в правах русского гражданства в Синьцзяне не было проведено, хотя и являлось «фундаментом основной консульской работы» по отношению к проживавшим здесь бывшим русским подданным, советским представителям для проведения учета русско-подданных в 1923 г. пришлось его воскресить²³. Однако уполномоченному НКВД в Средней Азии была дана директива: не придавать огласке Постановление до получения специальных указаний и временно ограничиться приемом заявлений и ходатайств от лиц, которые по своей инициативе обратились к уполномоченным. При этом за истечением срока применения общей амнистии, дарованной ТуркЦИК 20 июня 1922 г. и распространенной на Западный Китай, к солдатам белых армий должны были применяться правила об амнистии, которые применялись не только к гражданам РСФСР, но и к уроженцам всех республик, входящих в Союз²⁴.

Спустя некоторое время «специальные указания» были получены: до заключения советско-китайского соглашения об установлении отношений и открытии всех пяти консульств в Синьцзяне не объявлять о производстве общей регистрации в Западном Китае. Это планировалось сделать после заключения договора, параллельно указав срок. При этом экономико-правовым отделом НКВД обращалось внимание на то, что обычно устанавливался тот срок, который предлагался уполномоченными НКВД на местах, в данном случае — 1 год²⁵. Кроме того, до сих пор не были обозначены права самих советских представителей по восстановлению бывших российских граждан в советском гражданстве. Уполномоченный НКВД в Илийском округе сделал по этому поводу специальный запрос в НКВД. Это произошло только в 1925 г., согласно циркулярному письму Г.В. Чичерина от 25 / VII-25 г. № 0712 на имя всех консулов в Западном Китае²⁶. На Коллегии НКВД было решено ввиду дальности расстояний и необходимости урегулирования правового положения бывших русских подданных предоставить уполномоченным в Западном Китае право принимать заявления о регистрации и восстановлении в правах от лиц, которые будут по своей инициативе обращаться к уполномоченным за признанием их сохранившим советское гражданство или подлежащими амнистии, или имеющими право на восстановление в гражданстве. При этом уполномоченному в Урумчи предоставлялись следующие права: а) решение вопросов о признании того или иного лица сохранившим советское гражданство; б) сообщения заявителям заключений по делам, подлежащим рассмотрению ЦИК СССР, т.е. о восстановлении в правах (а также о принятии в гражданство иностранцев); в) выдача этим лицам заграничных видов и свидетельств на возвращение в СССР от своего имени. Уполномоченным же в Чугучаке и Кульдже предоставлялось только право принятия заявлений и пересылки их уполномоченному в Урумчи, а с другой стороны — пересылки выданного заграничного вида или свидетельства²⁷. Лица, пропустившие срок регистрации, считались потерявшими гражданство и могли приобретать его только на тех же основаниях, что и иностранцы. Разумеется, что никаких паспортов «собственного изготовления» выдавать не разрешалось, так как, согласно директиве НКВД, уже имелись установленные формы бланков²⁸. Для этого экономико-правовой отдел НКВД специально направил приказ в отдел виз о необходимости выслать уполномоченному НКВД в Урумчи необходимое количество бланков, которые он мог выдавать при проведении декрета²⁹. Лицам, не имеющим новых документов, удостоверяющих личность и статус, разрешалось проживать по документам Российской империи, а не имеющим никаких документов, но желающим выехать в СССР, выдавались специальные свидетельства³⁰.

Все регистрирующиеся делились на четыре категории: 1) проживавшие в провинции до 1918 г. гражданские лица русской национальности; 2) бежавшие в Синьцзян в 1918–1920 гг.; 3) киргизы, дунгане, бежавшие в Синьцзян в 1916–1920 гг.; 4) остатки

белогвардейских армий атаманов А.И. Дутова, Б.В. Анненкова и генерала А.С. Бакича, интернированные китайскими властями и не вернувшиеся в Россию³¹.

Исключением из правил регистрации в советском гражданстве были дела следующих лиц, признанных гражданами СССР, виза которым на въезд в СССР выдавалась без запроса центра: киргиз-кочевников, принадлежащих к коренному населению Средней Азии, жителей пограничных районов с Западным Китаем — узбеков, таджиков и киргизов, а также граждан русской национальности, если они принадлежали в момент оставления территории бывшей Российской империи «к рабочему и трудовому крестьянству и, если они оставили пределы бывшей России в силу давления колонизаторской политики бывшего царского правительства или выехали под влиянием голода и басмачества». Специально оговаривалось, что настоящее правило распространялось на указанные категории бывших российских граждан даже в том случае, если эти граждане «под влиянием принуждения китайских властей приняли великобританское гражданство»³².

Выдавать заграничные виды, свидетельства на въезд в СССР (лицам, потерявшим гражданство) или эвакуационные свидетельства (амнистированным солдатам) мог Уполномоченный в Урумчи без запроса центра. Белые же офицеры и эмигранты могли получать от него же заграничные виды или свидетельства на возвращение в СССР только по восстановлении их ЦИК СССР в правах³³. Однако выдача заграничного вида не означала получения разрешения на въезд в СССР, которое должно было выдаваться отделом виз. После получения разрешения для выезда в СССР выдавалось специальное свидетельство. Амнистированным выдавалось эвакуационное свидетельство и виза без запроса центра³⁴.

Получившие разрешение на въезд в СССР беженцы первоначально следовали до Джаркенда, где поступали в распоряжение ГПУ, которое получало специальные средства от НКВД для дальнейшей отправки их в Алма-Ату. Здесь беженцы проходили «первый серьезный фильтр», затем направлялись в ГПУ Ташкента, и уже после этого — по своим местам в СССР³⁵. Все военнослужащие белых армий при возвращении на родину также обязательно водворялись на жительство в те области и края, где проживали до революции и только оттуда после получения специального разрешения местных властей могли выезжать в другие местности, если у них возникало такое желание³⁶.

С весны 1923 г. поток русских эмигрантов, направлявшихся в СССР из Синьцзяна, увеличился. В основном это были те, кто намеревался перейти границу нелегально. Они не были зарегистрированы в советском консульстве. Среди них были и офицеры, так как многим из них в регистрации и восстановлении в гражданстве СССР было отказано. Были и те, кто подавал повторные заявления и, в конце концов, добивался получения советского паспорта, другие же вынуждены были устраивать свою жизнь в эмиграции³⁷. Как отмечал советский консул, «тяготение к возвращению в Россию было у всех, но от этого шага удерживал страх, а потому большинство конечным пунктом странствований считало Америку, надеясь там устроить свою будущность»³⁸. Некоторые группы русских беженцев вообще не стремились подавать документы на регистрацию и промышляли в приграничье мелким грабежом и попрошайничеством, что серьезно осложняло ситуацию на советско-китайской границе³⁹.

Поскольку определение правового статуса русских эмигрантов требовало времени, и они не имели права свободного передвижения по территории провинции, многие не могли найти подходящую работу, чтобы прокормить себя и свои семьи. Поэтому их материальное положение было очень тяжелым. Первоначально помощь беженцам оказывало отделение Русско-Азиатского банка в Синьцзяне. По данным советского консульства, банк никогда не отказывал в поддержке. Средства слагались из сумм, специально отпущенных банком, а также из добровольных пожертвований служащих⁴⁰. Однако помощь банка не могла быть бесконечной и не решала всех проблем. К концу 1923 г. банк вообще прекратил ее оказывать⁴¹.

Уполномоченный НКВД в Кульдже З.И. Печатников неоднократно сообщал в НКВД, что материальные условия «остатков белогвардейщины» в Илийском округе очень тяжелые. Солдатам и офицерам «приходится пускаться «во все тяжкие», чтобы добыть хлеб насущный», плохо одетые, изнуренные «бывшие» капитаны, есаулы и полковники производили «довольно жалкое впечатление», хотя «отдельные единицы» жили сносно⁴². Позже об этом сообщал и консул СССР в Кульдже Д.К. Вазонов. В частности, он приводил следующий пример: «В ужасных условиях находились работавшие по добыче железной руды (около 70 человек). Дневной паёк был полтора фунта муки и больше ничего. Большинство не имело рубах, а только шаровары и рваный бараний полушубок. В таком положении вся партия проработала зиму, а весной, по личной просьбе, была отправлена китайскими властями в СССР»⁴³.

Такое материальное положение русских эмигрантов серьезно затрудняло их реэвакуацию в СССР, которая должна была осуществляться группами по 50 человек. Однако казаки и солдаты, бывшие в белой армии, обычно приходили регистрироваться поодиночке, причем каждый из них настолько нуждался в помощи в первый же день, что не было возможности их держать до того времени, когда соберется 50 человек. По этим причинам отправление их походным порядком от Кульджи до Алма-Аты, как предполагалось, на деле оказывалось неосуществимым. Как отмечал Печатников, «все эти казаки так скверно одеты, по крайней мере, в последнее время являются большинством почти босыми и без верхней одежды, что пускать их в таком виде путешествовать по Джетысуйской области по меньшей мере нецелесообразно, да к тому же особенно выгодное впечатление мы оставим у неэвакуированных, по существу невежественных крестьян», да и местные жители по пути движения означенных казаков, «видя, в каком виде мы возвращаем из Западного Китая, вряд ли хорошо отзовутся о совласти». Учитывая ситуацию, представитель НКВД предлагал проводить реэвакуацию группами по 10–15 человек, предоставив им возможность ехать на подводах до первой железнодорожной станции»⁴⁴.

Отношение властей Синьцзяна к русским эмигрантам и бывшим русско-подданным, которые регистрировались в советских консульствах, но пока не оформили советского гражданства, было отрицательным. Зарегистрировавшись, они теряли те немногие права, которые у них имелись наравне с местными гражданами провинции. При этом следует учесть, что зарегистрировавшийся в консульстве бывший русский подданный, желающий затем получить гражданство СССР, вынужден был довольно длительный срок ждать утверждения его в правах гражданства. В результате в этот период времени он оказывался вне закона: не гражданин Китая, но и не гражданин СССР. Иногда доходило и до репрессий со стороны китайских властей⁴⁵. В 1923 — начале 1924 г. советскими представителями были получены сведения о двух случаях смертной казни бывших российских граждан⁴⁶. От зарегистрировавшихся, но еще не восстановленных в правах гражданства СССР поступали массовые жалобы на различные притеснения. Более того, руководство провинции пыталось заставить русских принять китайское гражданство. Советские представители старались урегулировать эти вопросы, но китайские власти не шли на уступки.

По мнению советских представителей, причина таких действий китайских властей заключалась в отсутствии соответствующих договорных отношений СССР с Китаем в начале 1920-х годов, с одной стороны, и запрета на публикацию Постановления о лишении гражданства — с другой.

Однако положение не изменилось и после установления советско-китайских отношений в 1924 г. Китайские власти препятствовали советским консулам вести работу по выдаче пропусков русским беженцам для выезда из провинции, не позволяли производить объезды округов в целях регистрации беженцев, объясняя это опасениями распространения советской пропаганды⁴⁷. Так, в политической сводке за 4–17 декабря 1925 г. о положении в Кашгарском округе, составленной генконсулом СССР М.Ф. Дум-

писом, отмечалось следующее. По архивным данным бывших царских консульств, в 1910 г. консульством была проведена точная регистрация российских граждан округа, регистрируемым выдавались особые торговые билеты (*тун шан пяо*), визируемые китайскими властями. Всего российских граждан в округе оказалось тогда до 10 тыс. человек⁴⁸. В основном это были коренные жители Кашгарии — сарты. Главной задачей прибывшего советского консула стала их регистрация и восстановление в советском гражданстве. Хотя в предыдущие годы «особенных репрессий со стороны китайских чиновников по отношению к бывшим российским гражданам не наблюдалось», однако три недели спустя после приезда М.Ф. Думписа положение изменилось: начались репрессии вплоть до избиения, вымогательства, отправления в тюрьму по малейшему поводу и безо всякого повода, имели место и принуждения принять китайское подданство. Стараясь урегулировать положение, генконсул направил письмо на имя кашгарского губернатора и заведующего иностранными делами, в котором заявил о необходимости принятия срочных мер к прекращению указанных неправомерных действий. В результате данные явления прекратились⁴⁹.

Не обходилось и без специальных методов вредительства, направленных на срыв регистрации. Например, илийский даоинь на основании ежедневных заявлений от жителей Илийского края обвинил советские власти в Ташкенте, Алма-Ате и других городах Средней Азии в организации союза грабителей численностью около 3 тыс. человек, снабженных оружием «для ограбления Илийского края». По данным даоиня, часть награбленного данный союз должен был направить в казну советской власти, другую — на личные нужды грабителей. В подтверждение активных действий упомянутого союза даоинь приводил случаи грабежей около г. Боротала, Текес и Кульджа. Несмотря на категорический протест советского представителя и указания, что все заявления являются злостной провокацией, последний в письменной форме требовал сообщения советскому правительству об уничтожении упомянутого союза⁵⁰.

Активно препятствовали реэмиграции и различные белоэмигрантские организации Синьцзяна. Например, в 1923 г. ими были распространены слухи, объясняющие советскую политику реэмиграции необходимостью увеличить контингент людей для мобилизации из-за обострения отношений с Великобританией. Это привело к тому, что некоторые зарегистрировавшиеся даже возвратили уже полученные для выезда в СССР документы⁵¹.

Кроме того, многие бывшие российские граждане вообще не знали о том, что они не имеют гражданства, так как, напомним, декрет об этом в Синьцзяне так и не был опубликован⁵².

В связи с этим консулы просили экономико-правовой отдел НКВД пояснить, «в какой мере возможна защита бывших российских граждан до восстановления ими советского гражданства», так как «по политическим соображениям это крайне необходимо»⁵³. Экономико-правовой отдел НКВД предлагал весьма радикальный выход из сложившейся ситуации. Из служебной записки помощника заведующего этим отделом Г.Н. Лашкевича следовало, что, учитывая «бесправие, господствующее в Илийской провинции», есть все основания «к изъятию юрисдикции над нашими гражданами из рук местной администрации»⁵⁴. Он считал, это можно обосновать тем, что в китайской конституции Синьцзян был изъят из судебной системы и суд официально передан в руки администрации. Лашкевич предлагал закрепить это соглашением с местной правительственной властью⁵⁵. Проект протокола, который мог бы быть положен в основу переговоров об установлении особой юрисдикции над советскими гражданами в Западном Китае, прилагался. Однако НКВД не принял это предложение.

Подобное положение в решении «русского вопроса» объяснялось не только отсутствием официальных дипломатических отношений между Китайской Республикой и СССР в 1920 — начале 1924 г., но и отсутствием единства в определении политики

провинции по отношению СССР в правительстве Синьцзяна. Губернатор Ян Цзенсинь стремился к налаживанию взаимовыгодных экономических и политических контактов с Советским Союзом. В этом его поддерживали крупное чиновничество и мусульманское купечество. Однако взоры комиссара по иностранным делам провинции — Фань Яонаня и другой части купечества были обращены на Восток. Налаживание связей с СССР воспринималось ими как усиление советского влияния в регионе⁵⁶. Так как противоречия в провинциальном руководстве отражались на мероприятиях по репатриации, советские представители обратились за помощью непосредственно к Фаню, но не получили поддержки. Несмотря на неоднократные личные переговоры генерального консула СССР А.Е. Быстрова с Фанем, последний не шел на уступки и продолжал видеть в этом давлении со стороны Советского Союза «на свободное проявление воли жителей Синьцзяна»⁵⁷.

Существенно тормозило регистрацию беженцев и их реэвакуацию в СССР отсутствие средств, о чем консулы неоднократно докладывали в Москву⁵⁸. Деньги были получены только в 1923 г. — 10 тыс. руб. золотом⁵⁹. По мнению советских представителей, данных средств «при слабом наплыве белых офицеров» должно хватить еще надолго⁶⁰.

Тем не менее регистрация осуществлялась, хотя и не такими быстрыми темпами, как планировалось. В среднем, в середине 1920-х годов ежемесячно регистрировалось в советском консульстве в Синьцзяне от одного до семи человек с последующим восстановлением их в гражданстве СССР и возвращением на родину. В основном это были представители военной части эмиграции⁶¹. Богатые купцы и командование воздерживались от получения советского гражданства, так как опасались репрессий со стороны советских властей за участие в белогвардейских отрядах⁶².

Следует отметить, что советское руководство часто отказывало русским беженцам в получении гражданства. Например, из ведомости о деятельности представительства НКВД СССР в Западном Китае по регистрации граждан СССР в Синьцзяне за время с 1 сентября по 1 ноября 1924 г. следует, что в представительство НКВД в Западном Китае поступило 15 делопроизводств о регистрации и восстановлении гражданства СССР. Однако от НКВД разрешений на восстановление гражданства получено не было⁶³.

К середине 1920-х годов в Илийском округе, главным образом в Кульдже и Суйдуне, по данным Уполномоченного НКВД в Кульдже на 1924 г., оставались интернированные остатки белых отрядов атаманов А.И. Дутова, Б.В. Анненкова, генерала А.С. Бакича. Численность их была невелика: оренбургских казаков до 500 человек, сибирских — около 50 человек, семиреченских казаков и крестьян с семьями всего до 300 человек. Всего русских беженцев около 800 человек, из которых не менее 300 человек казаков и 100 человек их семей по всем данным собирались вернуться на родину в текущем году⁶⁴.

В то же время, по утверждению советских представителей в Синьцзяне, несмотря на продолжающуюся регистрацию рядовых казаков для выезда в СССР, в Суйдуне сохранялось подобие организованного отряда, который насчитывал 190–200 казаков, в том числе 60 офицеров. Этому способствовала материальная поддержка, оказываемая Илийским Джен Шоу Ши, который надеялся использовать их для урегулирования внутривнутриполитических проблем провинции. Например, в апреле 1924 г. в Суйдуне собрались 190–200 казаков отряда, так как предполагалось направление их в Кашгарский округ для борьбы с восставшим там местным населением. Однако восстание было ликвидировано китайскими властями и казаки разошлись⁶⁵.

Чтобы ускорить процесс получения гражданства русскими эмигрантами, советские консулы предлагали Москве проводить более гибкую политику по отношению к белой эмиграции в Синьцзяне, учитывая то, что со временем эмиграция стала практически не опасной для советской власти. В своих отчетах, направляемых в центр, они отмечали: «если бы нам удалось устранить враждебность, внести элемент взаимного

доверия», тогда «белых было бы куда легче растворить» и из врагов превратить, если не в друзей, «но, во всяком случае, в людей более или менее благожелательно относящихся к советской власти»⁶⁶. Однако директив, которые дали бы возможность так действовать, не поступало. Между тем, по справедливому замечанию З.И. Печатникова, деление на два лагеря — «красных» и «белых» — вредило укреплению советского влияния и престижа в Синьцзяне⁶⁷.

Таким образом, положение бывших русско-подданных и беженцев в Синьцзяне в первой половине 1920-х годов было достаточно сложным. Оно зависело от специфики ситуации в самой провинции и от взаимоотношений ее руководства с новой — советской — властью в России. Существенно осложняла правовое положение русских и противоречивая политика китайских властей.

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 143. Оп. 491. Д. 3357. Л. 75.
2. Бармин В.А. Взаимоотношения российской дипломатической миссии и подданных России в Синьцзяне с белым движением в 1919–1920 гг. // Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность. Сборник научных статей памяти Б.П. Гуревича. Барнаул, 2006. С. 247.
3. АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1580. Л. 1.
4. Там же. Л. 6.
5. Мировицкая Р.А. Советский Союз и Китай в период разрыва и восстановления отношений (1928–1936 гг.) / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. Информационный бюллетень № 67. М. 1975. С. 110.
6. Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 311. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 13.
7. АВП РФ. Ф. 311. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 1.
8. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 32.
9. Там же. Л. 33.
10. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 41.
11. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 34.
12. Там же. Л. 33.
13. АВП РФ. Ф. 304. Оп. 4. П. 7. Д. 7. Л. 8.
14. Там же. Л. 9.
15. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 38.
16. Там же. Л. 41.
17. АВП РФ. Л. 304. Оп. 4. П. 7. Д. 7. Л. 11.
18. Там же. Л. 22.
19. Там же. Л. 14.
20. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 41.
21. АВП РФ. Ф. 304. Оп. 4. П. 7. Д. 7. Л. 60.
22. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 4.
23. Там же. Л. 6. См. текст Постановления: Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 3. Возвращение... 1921–1924 гг. М., 2002. С. 81.
24. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 25.
25. АВП РФ. Ф. 304. Оп. 4. П. 7. Д. 7. Л. 96.
26. АВП РФ. Ф. 0253. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 21.
27. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 7.
28. Там же. Л. 14.
29. Там же. Л. 24.
30. Там же. Л. 14.
31. Там же. Л. 39.
32. АВП РФ. Ф. 0253. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 21.
33. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 44.
34. Там же. Л. 46.

35. Там же. Л. 36.
36. АВП РФ. Ф. 304. Оп. 4. П. 7. Д. 7. Л. 65.
37. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 44.
38. Там же. Л. 45.
39. Там же. Л. 43.
40. Там же. Л. 44.
41. Там же. Л. 45.
42. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 44.
43. АВП РФ. Ф. 0253. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 45.
44. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 23.
45. Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ России). Ф. 2. Оп. 4. Д. 408. Л. 1.
46. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 19.
47. Там же. Л. 19. 54.
48. АВП РФ. Ф. 0253. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 106.
49. Там же. Л. 107.
50. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 71.
51. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 35.
52. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 53.
53. АВП РФ. Ф. 0253. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 95.
54. Там же. Л. 1.
55. Там же.
56. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 9. П. 18. Д. 74. Л. 3.
57. Там же. Л. 6.
58. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 43.
59. АВП РФ. Ф. 054. Оп. 6. П. 44. Д. 260. Л. 33.
60. АВП РФ. Ф. 08. Оп. 9. П. 18. Д. 74. Л. 6.
61. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 10. П. 131. Д. 92. Л. 3. 61, 135.
62. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 18.
63. АВП РФ. Ф. 304. Оп. 4. П. 7. Д. 7. Л. 118.
64. Там же. Л. 59.
65. Там же. Л. 71–72.
66. АВП РФ. Ф. 0262. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 45.
67. Там же. Л. 44.

Культура

Российский и китайский театры: от культурной политики к диалогу культур

© 2017

Э.В. Осипова

В статье прослеживается история взаимоотношений российского и китайского театров, выявляется специфика межкультурного взаимодействия двух стран. Автор подробно излагает хронику постановок русской и советской классики на китайской сцене. Особое внимание уделено связям российских театральных коллективов Дальнего Востока с китайскими коллегами

Ключевые слова: Китай, межкультурный диалог, театр, гастроли, спектакль, зритель.

В наши дни довольно сложно представить жизнь искусства и театра вне межкультурного общения. Коммуникативные связи, образующиеся во время зарубежных гастролей и фестивалей, международных биеннале искусств, интернациональных мастер-классов и др., становятся тем объединяющим пространством, где театральные деятели разных стран могут вести профессиональное общение и налаживать контакты с иностранными коллегами.

В основе любых межкультурных коммуникаций лежит «непосредственный или опосредованный обмен информацией между представителями разных культур»¹. Это — главное, детали привносятся конкретными обстоятельствами и самими участниками межкультурных контактов.

Историю российско-китайского диалога в области театрального искусства можно разделить на несколько этапов, каждый из которых имеет свои особенности и специфику. Своеобычны и отношения, рождающиеся в результате взаимного межкультурного интереса. По нашим наблюдениям, межтеатральные связи, выстраиваемые между китайцами и русскими, заметно отличаются, к примеру, от отношений между русскими и японскими, или между русскими и корейскими театральными деятелями.

Обратимся к истории русско-китайского межтеатрального диалога.

Интерес китайских деятелей театра к русской драматической школе обозначился еще в начале XX века²: все начиналось со знакомства с русской литературой и изучения самого сценического метода. Благодаря переводам художественных произведений и на-

Осипова Эрика Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).
E-mail: eossipova@yandex.ru.

учным публикациям по общекультурным проблемам писателя Лу Синя³ в Китае получила развитие новая форма драматического театра. Первоначально драматическое искусство так и называли «новой драмой» (*синь цзюй*), позже оно получило название «разговорная драма» (*хуацзюй*). В 1906 г. китайскими студентами в Токио была организована первая театральная труппа с поэтическим названием *Чуньлюиэ* («Общество весенней ивы»). Площадкой для ее деятельности стал Шанхай. Именно здесь, сразу после возвращения в Китай наиболее активных членов «Общества весенней ивы», одна за другой открываются театральные студии, участники которых, по утверждению Е.К. Шулуновой, часто были связаны с революционным движением⁴. Поэтому предпочтение отдавалось пьесам, отвечающим настроениям китайского общества, на которые оказала влияние Синьхайская революция: «Золото и кровь», «События в Восточной Азии», «Да здравствует республика!», «Журавлиная башня» и др. Со сцены звучали прямые политические призывы. Подобная репертуарная приверженность ограничивала творческое развитие театральных коллективов, сужала их художественный потенциал. Поэтому спустя некоторое время революционный пафос уступил место «страстям человеческим», и тематика репертуарных афиш стала заметно разнообразнее: русская, европейская классика, современные зарубежные произведения — «Воскресение» Толстого, «Дама с камелиями» Дюма, «Черный раб взывает к небу» по роману Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», «Отелло» Шекспира, «Гедда Габлер» Ибсена и др. Особое внимание в новых драматических студиях уделялось изучению режиссерского реалистического театра. Такие сценические новации стали возможны благодаря «Движению 4 мая»⁵ — новому культурному направлению, в числе задач которого было реформирование китайского литературного языка, что способствовало улучшению качества художественных переводов. В 1921 г. выходит сборник «Театр России» («*Элосы сицюй*»), в который вошли «Ревизор» Н.В. Гоголя, «Гроза» А.Н. Островского, «Месяц в деревне» И.С. Тургенева, «Власть тьмы» и «Плоды просвещения» Л.Н. Толстого, «Иванов», «Дядя Ваня» и «Вишневый сад» А.П. Чехова и др. В этих произведениях русской классики «китайский зритель увидел зеркало, отражившее и человека в условиях, когда повседневность испытывает его, и то, к чему он стремится даже при невозможности открытого противостояния: душевная стойкость, верность своим принципам, сохранение человеческого достоинства»⁶.

Любопытна одна особенность работы китайских сценаристов с русской литературой — неременная адаптация российских сюжетов, имен и деталей быта к китайской действительности. Более того, допускалась и радикальная переделка основного замысла драматурга. Яркий пример — переработка драматургом Чэнь Байчэнем пьесы А.Н. Островского «Бесприданница» в конце 1940-х годов. Переводческие метаморфозы вышедшей под новым названием («Любовь на отвесной скале») пьесы, соотнесли ее новые сюжетные коллизии с начавшейся войной против вторжения в Китай японских агрессоров, спектакль оказался, что называется, на злобу дня.

Именно произведения А.Н. Островского пользовались особой популярностью у китайских читателей и зрителей. По свидетельству переводчика и исследователя русской литературы Лю Вэньфэя, чаще других на китайских сценах ставилась «Гроза» по причине необычайного зрительского успеха: «С 1937 по 1948 г. пьесу посмотрело более ста тысяч человек, в течение этих десяти лет драма ставилась 17 раз»⁷. Надо полагать, в Катерине они видели не «луч света в темном царстве», а мелодраматическую героиню, страдающую молодую женщину.

В 1930-е годы революционные перемены в китайском театре ассоциируются с именами К.С. Станиславского, В.Э. Мейерхольда и их сценическими системами. Немаловажную роль в этом сыграла мировая известность русского театрального искусства. Так сложилось, что как раз в этот период китайские политики весьма благосклонно были настроены на изучение советского культурного опыта. В эти годы появляется китайский перевод основополагающего труда Станиславского «Работа актера над со-

бой»⁸. Последовали переводы книг и других режиссеров («Из прошлого» В.И. Немировича-Данченко, «Мастерство актера и режиссера» Б.Е. Захава и др.), что значительно продвинуло китайских постановщиков в понимании законов реалистического метода. Многие из них убедились в ценности данного театрального метода для постановок идеологически актуальных пьес, для использования сцены в качестве общественно-политической трибуны. Не нужно никаких символов, недосказанности, иносказательности, двойных смыслов, практикуемых в традиционном китайском театре, для того, чтобы открыто и прямо заявлять со сцены о том, что волнует общество. Репертуар заполнился комедиями, фарсами, трагикомедиями, высмеивающими пороки социальной системы, правителей и чиновников династии Цинь.

Это было время абсолютного совпадения во взглядах на воспитательную роль искусства, когда оно являлось частью тотального идеологического воздействия, направленного на решение программных социально-политических и конкретных народно-хозяйственных задач: «поднимать острые социальные проблемы и нести в зрительскую массу демократические идеи»⁹. Новое театральное искусство вызывало к себе немалый интерес, вокруг него кипели настоящие политические страсти. Такому театру прямая дорога к советской драматургии. Главными центрами освоения советского сценического опыта и экспериментальных постановок произведений зарубежной драматургии стали Молодежный художественный театр в Пекине и Народный художественный театр в Шанхае. В их репертуарной афише — «Павел Корчагин» Н. Островского, «Репортаж с петлей на шее» Ю. Фучика, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Машенька» А. Афиногенова, «Мешане» М. Горького и др.¹⁰

В 1953 г. Вторым всекитайским съездом работников литературы и искусства метод социалистического реализма был официально провозглашен ведущим методом театра. Журнал «Сицзюй бао» («Театральный вестник») публиковал на своих страницах статьи о Грибоедове и Гоголе, Горьком и Чехове, о премьерах советских театров и творчестве ведущих советских драматургов, появлялось много статей о системе Станиславского и Немировича-Данченко.

В середине 1950-х годов советский театр активно включился в культурный диалог с «китайскими товарищами по искусству». В этот период пропаганда китайского театра в СССР, исходя из политической ситуации, имела определенный успех в сфере культуры. Советские зрители получали представление о Китае не только через средства массовой информации и научные публикации, призванные познакомить их с состоянием китайского театрального искусства: китайские оперные театры активно приглашались на гастроли в Советский Союз, что обеспечивало их доступность широкому кругу зрителей на территории СССР. Кроме того, популярность китайского театра была связана с постановками произведений китайских драматургов на сценах советских театров. Репертуары театров (в том числе дальневосточных) срочно пополнились спектаклями, поставленными по произведениям китайских авторов. Вынужденная привязка драматургического материала к идеологическим установкам при инсценировке иностранных авторов не позволяла режиссерам добиться достойных сценических решений. При постановке переводных произведений сцена театра должна стать местом встречи разных культур, местом прямого диалога исторически сложившихся ментальностей разных народов. Для обоюдного взаимопонимания важно, насколько доступен и, главное, интересен этот диалог зрителям, какие средства перевода использованы, чтобы сценический язык был понятен и отвечал их требованиям. Появившиеся в послевоенное время спектакли, поставленные по китайским пьесам, убеждали советского зрителя в том, что его «китайский брат» живет теми же идеями светлого будущего, что и он сам. Необычной для нашего зрителя в этих постановках оставалась лишь сценография, передававшая особенности бытового национального колорита происходящего на сцене.

Так, в Ворошиловском (Уссурийском) драматическом театре в сезоне 1955 г. была поставлена пьеса «Пролитая чаша» по мотивам классического произведения китайского драматурга Ван Шифу «Западный флигель», написанного в XIII веке. Театр рассматривал ее как «героическую комедию, бичующую ханжество и развращенность китайских монархов и аристократии»¹¹. Уссурийцы последовали примеру московского Театра Сатиры, на сцене которого «Пролитая чаша» впервые была показана советскому зрителю в 1952 г.¹²

Благовещенский и Сахалинский областные театры также неоднократно обращались к китайской драматургии. Здесь ставили одного из самых известных китайских драматургов XX века Цао Юя — в первую очередь его пьесу «Гроза» (1934). На сценах советских театров этот спектакль, созвучный по названию с известной пьесой А.Н. Островского, представляемый под разными названиями («Гроза», «Ураган», «Тайфун») выдержал более 3 тысяч (!) показов. Советские режиссеры обращались и к другим работам этого драматурга — в частности, его пьесе «Восход солнца». Анализируя китайский репертуар отечественных театров, легко заметить, что во всех пьесах нашли отражение патриотизм китайского народа, его стремление к свободе, борьбе против феодализма и империализма. Нет сомнения, что эти спектакли были одобрены советской цензурой. Политическое значение постановок китайских пьес оказалось выше принципов театрального искусства. Иными словами, пропаганда китайского театра в Советском Союзе являлась средством укрепления идеологии стран социалистического лагеря, она служила политическим интересам¹³. Критика, анализируя эти спектакли, делала акцент на «благоприятном влиянии социальных и экономических перемен на человека, пробуждении в нем сознания сопричастности к строительству нового общества»¹⁴. Соответственно и рецензии на эти спектакли писались словно под копирку, обозреватели категорически не замечали особенностей национальной драматургии¹⁵.

Любопытно, что к адаптации литературного материала прибегали и китайские национальные театры, функционировавшие на территории советского Дальнего Востока в 1920-х — 1930-х годах¹⁶. Китайцы, жители дальневосточных городов, могли познакомиться с драматическим искусством родины — от классического традиционного до современного революционного. Случалось это довольно редко, так как основное предназначение национальных театров заключалось все же в социокультурной адаптации китайцев на чужбине. Классический традиционный театр постепенно уступал место новым коллективам, например, в 1931 г. был создан Театр рабочей молодежи, китайский ТРАМ. Его репертуар был политически насыщен, так как театру приходилось быть «и воспитателем, учителем, агитатором, и пропагандистом нового уклада жизни среди китайского населения на Дальнем Востоке России»¹⁷. Важно заметить, что китайские театры, находясь в подчинении органов управления культурой региона, вели свою деятельность в соответствии с требованиями, предъявляемыми к любому театрально-зрелищному советскому учреждению. Ничем не выделялся и их сценический метод — метод социалистического реализма — что дает основание полагать, что никаких творческих поисков по синтезу новых постановочных идей с традиционным национальным театром не велось. Периодика тех лет это подтверждает. История китайского (как, впрочем, и корейского) театра на дальневосточной земле оказалась недолгой. Из-за политических репрессий, прокатившихся во второй половине 1930-х годов, деятельность национальных театров на дальневосточной земле была прекращена, творческие контакты оборваны. Можно упомянуть лишь небольшие эпизоды в конце Второй мировой войны, когда концертные и театральные бригады, следующие за наступающими советскими войсками, давали концерты или показывали короткие отрывки из спектаклей на российско-китайской границе и на территории КНР, в частности в городах Хэган и Цзямусы.

В 1958 г. Мао Цзэдун объявил о «большом скачке», что не обошло стороной и театральные коллективы. Одним из основных требований к театру было преодоление

«суеверия», под которым понималось уважительное отношение к зарубежному опыту, в том числе и к советскому. Необходимо было создавать то новое, «чего не было ни у людей древности, ни у иностранцев»: в основу нового творческого метода закладывался (или, вернее сказать, возвращался) принцип революционного романтизма. Эта новая китайская сценическая система была выдвинута в противовес системе Станиславского. Развитие театра разговорной драмы было несколько заторможено и осложнено еще и кампанией критики Ху Фэна и его единомышленников, которых обвиняли в излишней приверженности к чужому (именно советскому) театральному опыту и его распространению на китайской почве. Маоистские установки привели к временному возвеличиванию и прославлению традиционного китайского театра *сицюй*¹⁸.

После признания перегибов «большого скачка», театрам вновь разрешили постановку советских пьес. К советской драматургии возвращались осторожно, через революционный репертуар («Человек с ружьем» Н. Погодина, «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, «Именем революции» М. Шатрова, «Юность отцов» Б. Горбатова и др.), который в начале 1960-х годов широко шел на сценах Китая. Затем были «запущены» спектакли, поставленные по произведениям современной советской и западной литературы. На страницах журналов «Цзюйбэнь» («Драматургия») и «Сицюй бао» («Театр») вновь стали появляться статьи, посвященные системам Дидро, Брехта, Станиславского: проводились дискуссии о «театре представления» и «театре переживания». Сторонники системы Дидро поднимали на шит его теорию об идеальном герое и романтизированной идеализации действительности. Оппоненты, а их было большинство, высказывались в пользу Станиславского и Брехта, называя их «великими учителями жизни». Наступление на театральное наследие велось по линии критики конфуцианских идей в драматургии театра *сицюй*. Непредсказуемость политических решений выразилась в новом Указании от 12 декабря 1963 г., которое радикально переориентировало китайцев на отказ от традиционного театального (и не только театального) наследия¹⁹.

Своеобразной формой сопротивления попыткам свести роль театра к массовой политической пропаганде стала популяризация «теории разделения труда», которая призывала к гармонии старых и новых форм театра. Однако с появлением «знаменосца культурной революции» — нового идеолога и инспектора китайского театра Цзян Цин²⁰, развернувшей в 1966–1975 гг. жесточайшую кампанию против живого театра, в актерских коллективах вынуждены были ставить только революционные пьесы. Во всех театральных труппах и вузах были созданы отряды хунвэйбинов, которые рьяно выискивали людей, не разделявших спущенные сверху установки.

Перегибы ревизионизма в китайском национальном театре невольно заставили его вернуться к традиционным истокам. Как утверждали советские китаеведы, «на передний план вышли националистические амбиции маоизма»²¹. На наш взгляд, это был естественный путь возвращения «на круги своя»: отвергая чужой опыт и постепенно отказываясь от собственных проб в области психологического театра, взамен реалистического отражения жизни на первый план выдвигаются образы идеальных героев. Сначала это были герои, вооруженные идеями Мао Цзэдуна (бойцы НОАК Лэй Фэн, Оуян Хай и др.), а затем их место стали занимать другие достойные персонажи прошлого и настоящего. Историческая пьеса, в основе которой традиционная символика, выраженная в обрядовых действиях, вновь заняла почетное место на китайских сценах.

Китайский театр стал вновь таким, каким его еще наблюдал синолог, академик В.М. Алексеев: «Китайский театр в сравнении с европейским идет в искусстве другим путем. Китай — страна интенсивной культуры, которая не оставила ни одного явления жизни в первоначальной форме... И китайский театр весь утритрован до полной потери протокольного сходства с жизнью. В процессе веков выработалась эта генеральная стилизация, утрировка, эксцесс... На китайской сцене не игра вещей, а игра идей»²².

Советские театроведы критиковали китайский театр времен «культурной революции» за отказ от «самого прогрессивного в мире театрального метода — метода социалистического реализма»: «События жизни не осмысляются, не отображаются опосредованно в художественном образе, а подаются в описательном натурализме и с патетическим экспрессионизмом»²³.

Общество, его сила и его устои — вот что привлекает внимание китайцев как в жизни, так и на сцене. Однако, по мнению профессора Университета Софии в Токио Х. Дюмулена, нельзя «полностью отрицать личность и личное в дальневосточном мышлении»²⁴. Просто личность в китайском обществе определяется скорее социальным, нежели онтологическим смыслом, то есть является частью чего-то целого, а именно — общества. Общество — органическое целое, а индивидуальности являются частью этого организма.

Ученые-китаеведы признают: «За долгие века господства конфуцианской идеологии она сумела впитаться народом и сформировала его массовое сознание. Перестройка этого массового сознания на основе теории научного социализма так и не была осуществлена»²⁵. Смысловой гиперболой во всех случаях выступает отсутствие «я», «его как такового нет»²⁶. Идеология же русского (и советского, в том числе) театра, как, впрочем, и европейского, делает акцент на человеке, на его личных переживаниях. Русский театр так и называется — «театр переживаний».

Пока китайские театральные деятели нуждались в отвечающем принципам социализма литературном материале, они с ним работали и даже создавали собственные произведения. Но «в своем развитии и эволюции любая культура не может не испытывать глубокого влияния и ограничения со стороны ресурсов традиций культуры, они связаны с ней нерасторжимыми узами»²⁷. Поэтому китайский зритель, исходя из национальных мировоззренческих позиций, осознавал чужеродность, «несценичность» того нового, что он видел на подмостках. Вся специфика китайского театра — это не чей-то экспрессионистский фокус, а следствие многовековой эволюции театра, история которого насчитывает более двух тысяч лет. По большому счету, все условности восточного театра существуют в представлении европейца, для китайца их нет. Как верно заметил Ю.М. Лотман: «Язык театра складывается из национально-культурных традиций, и естественно, что человек, погруженный в ту же культурную традицию, ощущает его специфику в меньшей мере»²⁸.

В подтверждение вышеизложенного обратимся к лекции харбинского ориенталиста Павла Гладкого, прочитанной в Обществе русских ориенталистов еще в апреле 1914 г. Лекция, в которой подробно описывались происхождение, развитие и состояние китайского театра, заканчивалась яркой иллюстрацией образовавшейся пропасти между восточным и западным восприятием искусства: «Далеко мы, европейцы, ушли от своего желтого собрата, но разница, главным образом, между нами та, что в результате всевозможных завоеваний культуры, мы утратили способность воображения, живем осязанием, внешними чувствами, китаец же высоко парит над землей и, будучи индифферентен к земным лишениям, создает в своем воображении жизнь, новую, по своему прекрасную»²⁹.

Современный китайский театр с осторожностью относится к нововведениям и заимствованиям: богатство театральных форм и изобилие национальных театров по всему Китаю утоляют зрительский голод сполна. Существует лишь ненавязчивое любопытство ограниченного числа образованных, и при этом небедных, граждан, полагающих нелишним знакомство с гастролями иностранных театров, посещающих Китай. С начала 1990-х годов наиболее частые гости в китайских провинциях — российские театральные коллективы из Дальневосточного региона.

Театр, представляющий специфическую область общественной жизни, имеет множественные связи с различными социальными институтами (административными

властями, экономическими структурами, средствами массовой коммуникации и т.п.). Это ставит театральную культуру в зависимость от процессов, происходящих в политической, социальной и экономической сферах. Политика гласности, объявленная в стране в эпоху перестройки, придала театрам мощный импульс для творческой деятельности и вызвала большие надежды на контакты с зарубежными зрителями и коллегами. Уже в конце 1980-х годов театральные коллективы страны, в том числе и дальневосточные, начинают ездить на зарубежные гастроли и приглашать на свои сцены иностранных коллег. Первые контакты дальневосточники налаживали с европейцами, а в Азиатско-Тихоокеанском регионе наиболее привлекательной оказалась Япония. В Китай артисты региональных театров отправились на гастроли намного позднее. Эйфория радостных романтических ожиданий начала перестройки со временем прошла, жизнь показала, что финансовая цензура не легче цензуры идеологической. Государство, перестав быть донором, спонсором и заказчиком в этой сфере, не создало эффективной системы частного и внебюджетного финансирования, что поставило гастрольно-фестивальную жизнь театров в сложное положение.

С возвращением китайского театра к своим истокам, к фундаментальным основам, артистам двух стран стало не о чем «поговорить». Утрачен профессиональный интерес, нет прочных коммуникативных связей. На постсоветском пространстве поездки носили и продолжают носить преимущественно коммерческий характер. В подтверждение данного тезиса приведем краткую ретроспекцию этих поездок в 1990-х — 2000-х годах: Амурский драматический театр в июне 1993 г. принимал на своей сцене труппу Харбинского театра драмы со спектаклем «Мотылек», а в августе благовещенские артисты посетили с ответным визитом Харбин, где Амурский театр драмы принял участие во Всекитайском театральном фестивале с музыкальным шоу-спектаклем «Любовь... Любовь!». Это были первые гастроли дальневосточников в китайском Харбине после «культурной революции». Через три года состоялись уже обменные гастроли: в июле в Благовещенске гастролитировал Цицикарский цирк. В ответ благовещенцы вновь (как и три года назад) показали музыкально-танцевальное шоу «Любовь...Любовь!», к которому были добавлены танцевальные номера ансамбля «Имидж» и модельный показ агентства «Жираф». В течение двух недель актеры давали одно-два представления ежедневно и собирали полные залы, иногда с аншлагами. Главное требование китайской стороны — рентабельность — было выполнено.

В 2004 г. Биробиджанский народный театр «Когелет» выехал в Китай для участия в Международном фестивале искусств³⁰. Это была первая зарубежная поездка коллектива. В Харбин, а также в крупные промышленные центры провинции Хэйлуцзян — Хэган и Цзямусы, артисты Еврейского национального театра повезли музыкально-хореографическое ревю «Метаморфозы». В отчетах об этих гастролях упоминались «полные залы зрителей, обеспеченные китайской стороной»³¹.

В 2005 г. в Харбине состоялись гастроли Амурского государственного театра драмы, театр вновь порадовал китайского зрителя музыкальным спектаклем. Амурчане привезли постановку «Я люблю тебя, эскадрилья!», поставленную к 60-летию Великой Победы³².

Пожалуй, только 2006 год, объявленный Годом России в Китае, принес в культурный диалог двух стран иное наполнение. Решение коммерческих задач ушло на второй план. Государственной программой поддержки культурных отношений двух стран предусматривалось множество интересных мероприятий, активное участие в которых приняли и театры Дальнего Востока. В Пекине и Шанхае прошли гастроли Государственного театра оперы и балета Республики Саха (Якутия)³³; в Пекин Амурский драматический театр привозил русскую классику — «Вишневый сад», «На бойком месте», «Женитьбу»³⁴; в Харбине прошли гастроли Приморского краевого драматического театра

им. Горького; в рамках Дней Еврейской автономной области в Хэгане выступил народный театр автономии «Когелет» и т.д.³⁵

Первые же выступления дальневосточников перед китайской публикой вызвали у артистов культурный шок. Этика зрительского поведения китайцев заметно отличается от привычных для русского артиста норм. Китайские зрители откровенно «отдыхают» на театральных просмотрах: могут громко разговаривать, вставать с мест, выйти из зала во время спектакля и вернуться с едой в руках. «Такое броуновское движение в зале творческого человека, несомненно, задевает за живое. Но и к этому надо быть готовым...»³⁶. И артисты, действительно, постепенно свыклись. Суть проблемы, как нам видится, не столько в зрительской культуре, сколько в традиции восприятия сценической игры. Принцип игры китайского актера, который Брехт обозначил как «эффект отчуждения», «препятствует полному, т.е. доходящему до самозабвения, эмоциональному вживанию зрителя в действие и создает превосходную дистанцию между зрителем и происходящими событиями»³⁷. Эта самая дистанция, вероятно, и позволяет китайскому зрителю отвлекаться от сценического действия время от времени.

Если бы российские актеры понимали суть поведенческого феномена китайского зрителя, возможно, их самолюбие не столь бы страдало. Колоритная картина привычного театрального досуга, принятого в китайском обществе, была представлена в харбинской газете еще в 1926 г. востоковедом С. Альмовой: «Китайский театр всегда соединяет зрительские и слуховые ощущения с вкусовыми. Если смотреть снизу вверх, то барьеры лож кажутся прилавками фруктового базара, а партер ничем не отличается от типичного большого ресторана. Партер занят столиками, потому что китайский зритель, зачастую проводящий в театре около 10 часов без перерыва, и пьет, и ест, и грызет.... Арбузные семечки — излюбленное лакомство всех. Их грызет и важный чиновник в больших черепаховых очках, и генерал, окруженный адъютантами и телохранителями, и куртизанка в ярко-розовой накидке с фарфоровым кукольным лицом. Ими развлекаются и грязные, оборванные кули. Их уничтожают обнявшиеся с винтовками солдаты, забежавшие в театр перед тем, как пойти в караул»³⁸.

По утверждению Л.И. Головачёвой, «Китай ассимилировал всех завоевателей, которые перенимали китайскую культуру, заимствуя из нее три важных компонента: конфуцианское учение, государственное устройство, соответствующее этому учению, и школу»³⁹. Мы позволим себе дополнить этот небольшой, но весьма значимый перечень театром. Условный восточный театр — манящая загадка для людей инакомыслящих. Его приемы мы встречаем у многих западных постановщиков и очень редко на российских сценах. «Попытки же модернизации китайского театра путем прививки органически не связанных с ним западноевропейских приемов и сюжетов до сих пор не имеют успеха»⁴⁰. Эти слова, сказанные еще в начале XX века, актуальны и сегодня. В связи с этим нам импонирует известная формула Кипплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут» (пер. Е. Полонской. — Э.О.)

* * *

За более чем вековую историю освоения Китаем русской драматической школы наблюдались этапы взлетов (период 1950-х) и катастроф («культурная революция»). Эти колебания объясняются излишней политизацией и социологизацией. Сегодня идеология и политика уходят на второй план. На первый план неожиданно выдвигаются коммерческие, а затем уже эстетические и этические ценности.

Необходимо подчеркнуть уникальность и самодостаточность культур России и Китая и в то же время обозначить их открытость для восприятия друг друга. Такая настроенность подтверждается и культурной политикой стран, которая, несмотря на духовно-ценностные ориентации, никогда не позволяет себе отрываться от прагматики жизни. В одной из статей, посвященных культурной политике Китая, мы находим подтвержде-

ние этому: «Внимание должно быть уделено созданию культуры благоприятования, с тем, чтобы улучшить познание иностранцами культуры Китая... В будущем Китай должен стараться сделать все возможное для создания культурных продуктов, которые удовлетворяли бы международным требованиям и обратить внимание на инновации культурных идей и знаний»⁴¹. Инновационное поле, наверняка, должно включать и театральное искусство — экзотическое искусство для иностранного зрителя. Все чаще площадками внешней культурной политики Китая становятся масштабные театральные сцены России, в их числе Приморская сцена Мариинского театра, Государственный театр оперы и балета Республики Саха (Якутия), Хабаровский театр музыкальной комедии и др.

Таким образом, рассматривая проблему взаимоотношений российского и китайского театрального искусства, мы должны разделять профессиональные контакты коллег по цеху и более глобальные отношения, рождаемые в культурном диалоге двух стран. Коммуникации на профессиональной почве практически иссякли, мы не наблюдаем обменов театральными школами, учениями, методами или кодами. При этом неиссякаем интерес и любопытство к чужой культуре, всегда актуально желание профессионалов сценического искусства увидеть иное творчество, иной театральный мир и, что немало важно, стремление заявить о себе этому миру. Современный диалог культур понимается как разновидность межкультурного взаимодействия.

Отметим, что в данной статье рассматривается опыт межкультурного общения в области драматического искусства. Межкультурный обмен в жанре музыкального театрального искусства имеет свою специфику и требует отдельного исследования.

-
1. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие. М.: Гнозис, 2007. С. 21.
 2. В научной литературе встречаются мнения, что интерес к русской драматической школе китайцы проявляли еще раньше — в конце XIX века.
 3. «Курс лекций по истории науки», «От частного к теории. О культуре», «Рассуждая о силе поэзии» и др.
 4. *Шудунова Е.К.* Китайский драматический театр хуацзюй и русская театральная культура в начале XX века // Научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Вып. 15.44. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2014. С. 775.
 5. «Движение 4 мая» — культурное движение в Китае, возникшее в 1919 г., одна из целей которого отход от феодальных культурных традиций.
 6. *Шудунова Е.К.* Указ. Соч. С. 777.
 7. *Левина Л.Р.* Островский на Востоке // Литературное наследство. 1974. Т. 88. № 2. С. 468.
 8. *Фу Вэйфэн.* История и опыт применения «системы» Станиславского в китайской театральной школе: дис...канд. искусствоведения. С-Пб., 2009.
 9. *Рахманин О.* Из китайских блокнотов. О культуре, традициях, обычаях Китая. М.: Наука, 1982. С. 32.
 10. Там же.
 11. *Михайлов В.* Пятнадцатый сезон // Красное Знамя. Владивосток, 1955. 22 января.
 12. Эта постановка признана знаковым событием в театральной жизни Советского Союза.— См.: *Чжуан Юй.* Китайские театральные постановки на советских сценах в 1950-е годы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Раздел «История». Архангельск, 2017. № 2. С. 32.
 13. *Чжуан Юй.* Театральная цензура в Ленинграде. 1953–1964 гг.: дис...к.и.н. СПб., 2017. С. 130.
 14. В театрах края // Коммунар. Уссурийск, 1954. 23 октября.
 15. Там же.
 16. *Королёва В.А.* Китайские и корейские театры на Дальнем Востоке // Россия и современный мир. 2002. № 2. С. 42–45.

17. *Королёва В.А.* Художественная культура Приморья (музыка, театр). Этнический аспект и особенности динамики // Гуманитарные исследования. Альманах. Научное и научно-публицистическое издание. Вып. 6. Уссурийск: УГПИ, 2002. С. 136.
18. Театр // Судьбы культуры КНР (1949–1979). М.: Наука, 1978. С. 263.
19. Там же. С. 265.
20. Китайская актриса, ставшая в 1938 г. женой Мао Цзэдуна и вошедшая в высшие эшелоны власти в Китае. Играла значительную роль в руководстве «культурной революцией».
21. *Кривоцов А.* Маоизм: истоки и сущность. М.: АСТ, 2004. С. 244.
22. *Сорокин В.Ф.* В.М. Алексеев и изучение китайского театра и драматургии // Традиционная культура Китая. М.: Наука, 1983. С. 52.
23. *Завидская Е.* Дни разрушения // Иностранная литература. 1968. № 6. С. 108.
24. *Штейнер Е.С.* Феномен человека в японской традиции: личность или квазиличность? // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М.: Наука, 1990. С. 165.
25. *Желоховцев А.Н.* Роль традиции в формировании стереотипов мышления и поведения в современном Китае // Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: Прогресс, 1972. С. 371.
26. *Штейнер Е.С.* О личности, преимущественно в Японии и Китае, хотя, строго говоря, в Японии и Китае личности не было // «Одиссей». Человек в истории. М.: Наука, 1990. С. 38.
27. Театр // Судьбы культуры КНР... С. 139.
28. Театр XX века. Закономерности развития. М., 2003; *Брук П.* Нити времени. М., 2005; *Барба Э.* Бумажное каное. Трактат о театральной антропологии. СПб., 2008; Искусство режиссуры. XX век. М., 2008. и др.
29. РГИА ДВ [Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока]. Ф. Р-2480. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
30. Биробиджанский еврейский театр «Когелет» выехал в Китай для участия в фестивале искусств. URL: <http://www.ijc.ru/2004.07.08> (дата обращения: 14.04.2015).
31. Там же.
32. В Харбине амурские актеры выступили на сцене «Глобал театр» // Амурская правда. 08.11.2005. № 218.
33. Дальневосточники принимают активное участие в мероприятиях, предусмотренных в рамках Года России в Китае // SakhaNtws. URL: <http://www.1cn.ru/5574.html>.9 (дата обращения: 12.06.2010); *Е. Звеняцкий:* «Харбин... моя любовь» // URL: <http://www.partnery.cn./2006.09.19> (дата обращения: 12.06.2010).
34. «Вишневый сад» зацвел в Пекине // Амурская правда. 16.09.2006.
35. Коллективы Биробиджанского Театра танца «Сюрприз» и театр «Когелет» гастролировали в Китае (Харбин, Хэган, Цзямусы). URL: <http://www.china-harbin.ru.news./2006.11.12> (дата обращения: 14.06.2010).
36. В Харбине амурские актеры выступили...
37. *Брехт Б.* «Эффекты очуждения» в китайском сценическом искусстве // О театре. М.: Изд-во иностранной литературы. 1960. С. 112.
38. *Альмова С.* Китайский театр // Вестник Маньчжурии. Харбин. 1926. № 7. С. 19.; *Брехт Б.* «Эффекты очуждения»... С. 19.
39. *Головачёва Л.И.* Конфуцианство как основа цивилизации Китая // Вестник ДВО РАН. 1997. № 1. С. 44.
40. РГИА ДВ [Российский Государственный исторический архив Дальнего Востока]. Ф. Р-2480. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
41. «How does cultural difference influence China's export of cultural products» // Journal of World Economy. Sep. 22, 2016. URL: jtr.cnki.net/AcademicProgressDetail (дата обращения: 03.03.2017).

Китайская киноиндустрия: актуальные тенденции развития и социально-экономическое значение

© 2017

Г.Д. Паксютов

В статье рассматривается развитие китайской индустрии кино в XXI веке и его социально-экономический контекст. Повышение посещаемости кино и строительство кинотеатров в стране сопровождалось активным инвестированием в зарубежный кинематограф, а также совершенствованием организации проката и производства фильмов в Китае. Кроме того, рост китайского влияния в мировой киноиндустрии является составляющей стратегии «мягкой силы» Китая.

Ключевые слова: китайская киноиндустрия, потребительские расходы в Китае, «мягкая сила» Китая, китайские внешние инвестиции, культурные индустрии, креативные индустрии, кинопрокат.

Китайский кинематограф обладает множеством особенностей, отличающих его от киноиндустрий других стран. Разумеется, на формирование самобытных традиций китайского кино повлияла богатейшая культура Китая, однако современное состояние индустрии кино в стране определяют также ее социально-экономические и правовые реалии. Так, для китайского кино характерен жесткий государственный контроль над содержанием кинопродукции¹. На показ иностранных фильмов в Китае существует квота, на данный момент равная 34 фильмам в год². Тем не менее, китайская индустрия кино не является обособленной от других стран. Напротив, китайский прокат — желанная цель мировых киностудий, а китайские фильмы (и фильмы совместного с Китаем производства) активно продвигаются за рубежом. Китайская киноиндустрия занимает все более важную роль на мировой арене, и чтобы понять значение этого явления, необходимо детально рассмотреть социально-экономический контекст, в котором она функционирует.

Ключевым трендом последних лет, оказавшим существенное влияние на китайскую (и мировую) индустрию кино, стало резкое повышение посещаемости кинотеатров в стране. Если в 2005 г. кинотеатры в Китае посетило 157,2 млн человек, то в 2010 г. — 290 млн. Текущая декада стала периодом беспрецедентного роста посещаемости: в 2015 г. было продано 1,26 млрд билетов в кино (за 5 лет аудитория выросла примерно на 335%), в 2016 г. — 1,37 млрд³.

Соответственно росту посещаемости кинотеатров, китайский кинорынок показывает впечатляющие финансовые результаты. За период 2004–2012 гг. объем китайского кинопроката увеличился более чем в 11 раз, составив около 17 млрд юаней⁴. В 2012 г. китайский кинопрокат вышел на 2-е место по объему в мире (после североамериканского)⁵. Дальнейший быстрый рост позволил ему уверенно закрепиться на этой позиции: в 2016 г. суммарный объем китайского кинопроката составлял 6,6 млрд долл. Для сравнения: объем находящегося на 3-м месте японского кинопроката — 2 млрд долл.⁶

Однако на фоне высоких темпов роста последних лет, китайский кинопрокат может претендовать и на 1-е место в мире. Несмотря на падение темпов роста, наблюдавшееся в 2016 г., суммарные кассовые сборы в Китае могут превысить сборы в США уже по итогам 2017 г.⁷ В связи с этим можно отметить слова звезды китайского и мирового кино Джеки Чана. Комментируя колоссальный успех в китайском прокате картины кинокомпании Legendary Entertainment «Варкрафт», собравшей 600 млн юаней за первые два дня показа, он сказал: «Это пугает американцев. Если мы сделаем фильм, который соберет 10 млрд юаней, то люди со всего мира, которые занимаются кинематографом, станут изучать китайский язык». Такой прогноз не кажется фантастическим: при сохранении текущих темпов роста подобный финансовый результат для китайского фильма во внутреннем прокате возможен через пять–десять лет⁸.

Резкое повышение кассовых сборов фильмов в китайском прокате создает для национальной киноиндустрии возможности и стимулы к совершенствованию используемой в данной отрасли инфраструктуры, наращиванию технического потенциала кинопроизводства. К примеру, за период 2006–2015 гг. в Китае более чем в 10 раз увеличилось суммарное количество экранов в кинотеатрах: равняясь 3034 в 2006 г., к концу 2015 г. оно составило 31 627⁹. В сентябре 2016 г. в стране имелось уже 39 194 киноэкрана. При этом многие территории все еще не обеспечены кинотеатрами, так что существует значительный потенциал для расширения сети кинопроката¹⁰. Попутно совершенствуется и организационная структура киноиндустрии, развиваются новые формы ведения кинобизнеса. Во втором квартале 2015 г. онлайн-продажи составили около 70% от всех продаж билетов в Китае. Развитие платформ онлайн-продажи билетов стало одним из факторов роста посещаемости кинотеатров в стране: взаимодействие таких платформ с сетями кинотеатров позволяет собирать и анализировать информацию о клиентах, увеличивать лояльность клиентов, вовлекать зрителей в онлайн-сообщества, с помощью чего можно стимулировать спрос в дальнейшем¹¹.

Быстрое развитие в Китае претерпевает не только традиционный кинопрокат, но и современные сервисы просмотра кино. Размер рынка услуг видео по запросу (Video-on-demand, т.е. сервисов, позволяющих смотреть фильмы и программы по своему выбору в желаемое время, а не в заранее определенное время трансляции) в стране составил 1,31 млрд долл. в 2017 г., при этом к 2021 г. ожидается его увеличение до 2,9 млрд долл. при среднегодовых темпах роста в 22,1%¹². Крупными игроками на рынке видео по запросу являются Baidu, Alibaba, Tencent, при этом рынок защищен от продвижения мировых лидеров в этой сфере Netflix и Amazon Video жесткими законодательными ограничениями. Значительный вред сервисам видео по запросу наносит пиратство, при этом отмечается, что китайское правительство начинает уделять больше внимания регулированию данного рынка¹³.

Возрастающее значение Китая в глобальной индустрии кино проявляется не только в совершенствовании производства и проката фильмов внутри страны, но и в активном участии китайского капитала в зарубежных киноиндустриях, прежде всего американской, которая обладает уникальными технологическими и организационными наработками и доступом к рынкам сбыта. Так, за последние годы китайская корпорация Wanda Group стала одним из ключевых игроков в американской индустрии развлечений, осуществив ряд масштабных сделок. В 2012 г. Wanda Group приобрела за 2,6 млрд долл. американскую сеть кинотеатров AMC Entertainment, а в 2016 г. — киносеть Carmike Cinemas за 1,2 млрд долл., став, таким образом, крупнейшим прокатчиком кино в США. В январе 2016 г. корпорация также приобрела за 3,5 млрд долл. американскую кинокомпанию Legendary Entertainment, специализирующуюся на производстве высокобюджетных жанровых фильмов. Был заключен договор о партнерстве с Sony Pictures, после чего президент Wanda Group Ван Цзяньлинь заявил, что намерен инвестировать во все шесть крупнейших киностудий США¹⁴. Другие китайские компа-

нии также активно инвестируют в зарубежный кинобизнес. В январе 2017 г. стало известно, что китайские Shanghai Film Group и Huahua Media вложат 1 млрд долл. в Paramount Pictures, обязавшись покрыть 25% расходов на производство фильмов этой кинокомпании в течение трех лет¹⁵. В производство фильмов инвестирует и Alibaba Group, в 2016 г. заключившая финансовые соглашения со Стивеном Спилбергом. В сумме, за период 2014–2016 гг. китайские инвесторы вложили более 5 млрд долл. в американскую индустрию кино¹⁶. Однако интересы китайских инвесторов не ограничиваются только США. В 2016 г. Wanda Group провела переговоры о покупке контрольного пакета акций индийской компании PVR Cinemas, одной из крупнейших кинопрокатных сетей в стране¹⁷. В сентябре 2016 г. было объявлено о создании фонда, через который китайские инвесторы вложат 600 млн долл. в производство европейских, прежде всего итальянских, фильмов¹⁸. Исследователями отмечается, что одной из причин столь активного вовлечения китайского капитала в мировую индустрию кино является стремление продвигать китайские культурные ценности за рубежом, стратегия наращивания «мягкой силы» страны¹⁹. Продвижение за пределами страны китайской культуры, включая продукцию кинематографа, является одной из основных составляющих стратегии «мягкой силы» Китая²⁰. При этом в подобных инвестициях имеется явный коммерческий мотив: китайские инвесторы выстраивают схему, при которых мировые кинокомпании получают растущие прибыли от проката в Китае, однако значительная часть этих средств возвращается в карманы китайских держателей акций.

Какие причины обусловили подъем китайской киноиндустрии в XXI веке? Разумеется, потенциал для наблюдавшегося колоссального роста внутреннего спроса на кино обусловил огромное население Китая и его возросший на фоне экономического развития страны располагаемый доход. Возрастающий спрос и совершенствование инфраструктуры и производственных возможностей киноиндустрии стали поддерживающими друг друга явлениями: так, строительство новых современных кинотеатров можно рассматривать одновременно как реакцию на предъявляемый населением спрос и как меру стимулирования спроса в дальнейшем. Также необходимо подчеркнуть роль государства в развитии китайской индустрии кино. Причиной для внимательного государственного контроля над развитием киноиндустрии является не только осознание социокультурной значимости кинематографа, но и экономическая действительность в стране и мире. В первые три квартала 2016 г. внутреннее потребление составило 71% от ВВП Китая, таким образом, в текущих условиях спрос китайских потребителей является главным фактором национальной экономики²¹. В свою очередь, развитая киноиндустрия и прочие индустрии увлечений могут обеспечить немалую составляющую внутреннего потребления.

Необходимо также отметить, что быстрый рост китайской киноиндустрии и повышение ее значения на мировой арене сопровождается и определенными противоречиями. Так, существенный репутационный ущерб индустрии наносят обвинения в искажении статистических данных о прокате. К примеру, в 2015 г. создатели фильма «Охота на монстра» признались, что раздали зрителям 40 млн бесплатных билетов, чтобы завысить отчет о кассовых сборах и занять 1-е место в прокате по результатам года. В 2016 г. прокатчики фильма «Ип Ман 3» завысили свои кассовые сборы на 13 млн долл., в том числе с помощью организации «призрачных показов», на которые были якобы распроданы билеты, но которые на самом деле не проводились. Многие кинотеатры, напротив, занижают показатели кассовых сборов, незаконно присваивая себе разницу. В марте 2017 г. были вынесены наказания за подобные нарушения в более чем трехстах кинотеатрах. Кинотеатры, в которых были выявлены нарушения на сумму в 1 млн юаней или больше, были закрыты на 90 дней. В связи с подобными нарушениями, китайская сторона была вынуждена согласиться на инспекцию национального кинопроката группой аудиторов Американской ассоциации кинокомпаний²². Сам факт проведения подобной проверки ослабляет переговорные позиции представителей

китайской киноиндустрии при заключении сделок с иностранцами. Был создан прецедент того, как вследствие недостаточной прозрачности кинобизнеса в стране пришлось идти на определенные уступки зарубежным партнерам.

Не вполне оправдывают оптимистичные прогнозы и последние финансовые результаты индустрии. По итогам 2016 г. китайский кинопрокат вырос всего на 3,7%, с суммарными кассовыми сборами, равными 45,7 млрд юаней²³. Этот результат, позитивный в сравнении со многими прочими кинорынками, для Китая означает значительное снижение темпов роста. При этом вследствие ослабления юаня объем китайского проката, выраженный в долларах, даже снизился. Среди причин этого явления можно назвать некоторое снижение интереса китайской публики к произведенным внутри страны фильмам (доля которых в совокупных кассовых сборах снизилась соответственно с более активным продвижением Голливудом своей продукции), подорожание билетов в кино, снижение предельной отдачи от открытия новых кинотеатров по сравнению с предыдущими периодами, когда инфраструктура кинобизнеса в стране была еще не так развита.

Помимо прочего, фактором определенной дестабилизации для китайской киноиндустрии может стать политика президента США Дональда Трампа. В качестве ответа на риторику Трампа, который подверг критике торговые договоры США с Китаем и пригрозил ввести повышенные тарифы на китайскую продукцию, китайское правительство предложило пакет экономических преференций, таких как увеличение экспорта в Китай американской сои, свинины и т.д. В числе прочего будет обсуждаться дальнейшее увеличение квоты на показ в Китае американских фильмов²⁴. Также доля выручки от проката в Китае, которую получают американские производители фильма, может вырасти с текущих 25% до 40%²⁵. Однако влияние трений между Китаем и США на киноиндустрию этих стран выражается не только в вопросах проката. Американские политики выражают опасения в связи с китайскими инвестициями в американские медиа-компании: к примеру, конгрессмен Чак Шумер в своем открытом письме призвал подвергнуть дополнительным проверкам инвестиции «Ванда Групп» в киноиндустрию США²⁶. Если подобная риторика поспособствует созданию реальных барьеров для движения капитала, это может привести к серьезным последствиям для китайской киноиндустрии, которая в последние годы активно наращивала связи с американской, в том числе и посредством инвестиций в американские кинокомпании и прокатные сети.

В целом, оценивая дальнейшие перспективы китайской индустрии кино, можно быть достаточно оптимистичным. Основой для развития в последние годы являлся спрос китайских потребителей, огромный размер населения страны и его растущие доходы. Так, доля расходов на развлечения в совокупном потреблении в Китае, по оценкам 2015 г., составила 5,3% — этот показатель значительно ниже, чем в таких развитых странах, как США (9,4%), Великобритания (10,3%), Япония (10,9%), и вероятно, еще будет расти. Посещаемость кинотеатров на душу населения в Китае тоже пока значительно ниже, чем в некоторых других странах — по оценкам 2016 г., в Китае на душу населения приходится 1 посещение кинотеатра, тогда как в США — 4,2, в Индии — 2,5, в Корее — 4,4²⁷.

Значительный потенциал для китайской киноиндустрии лежит в наращивании связей с зарубежными партнерами, в том числе, в совместном производстве фильмов. Совместное производство может позволить китайским профессионалам осваивать лучшие мировые технологические и организационные ноу-хау, повышать качество собственной продукции, выходить на новые рынки. Китайские компании очень активно выстраивали подобные отношения с Голливудом, однако расширение географии международного взаимодействия в сфере кинематографа может быть очень уместно, в том числе с точки зрения диверсификации рисков. Важным потенциальным партнером для китайской киноиндустрии может стать Индия, страна с огромным населением и богатыми традициями кинематографа. О колоссальном потенциале совокупного рынка двух стран свидетельствует недавний успех фильма «Дангал», который стал самым кассовым в истории индий-

ского кинематографа, чему поспособствовали рекордно высокие кассовые сборы в Китае (в китайском прокате картина заработала более 191 млн долл.) В 2014 г. правительствами Китая и Индии было подписано соглашение о кооперации в сфере кинематографа. Одной из первых кинокартин, созданных в рамках этой договоренности, стал фильм 2017 г. «Доспехи бога: В поисках сокровищ» (Kung Fu Yoga) с Джеки Чаном в главной роли²⁸. Также интерес для продвижения продукции китайской киноиндустрии и кооперации в кинопроизводстве представляет африканский континент. В октябре 2017 г. в Кейптауне, ЮАР будет впервые открыт новый Китайско-африканский международный кинофестиваль, целью которого провозглашается увеличение доступности китайских и африканских фильмов для аудитории в Африке и Китае, соответственно, а также развитие сотрудничества в сфере кино²⁹. Подобное сотрудничество может способствовать наращиванию «мягкой силы» Китая в данном регионе, для которого Китай стал важнейшим торговым партнером, обогнав в 2009 г. США³⁰. Стратегия «мягкой силы» в Африке необходима Китаю, чтобы успешно продолжать там свою торговую и инвестиционную деятельность, так как западные СМИ зачастую изображают Китай «колонистом» Африки, к деятельности которого нужно относиться с подозрением³¹.

Стремительное развитие китайской киноиндустрии открывает определенные возможности и для российских кинематографистов. Министр культуры РФ Владимир Мединский назвал кино «наиболее перспективной областью культурного сотрудничества» между Россией и Китаем³². Российский фильм «Сталинград» заработал в китайском прокате 11,8 млн долл., кинокартина «Он – дракон» – около 7 млн долл. В 2017 г. на экраны России и Китая выходит совместный фильм «Путешествие в Китай: тайна печати Дракона»³³. Интерес китайской публики к русской культуре, русскому языку создают благоприятные условия для продвижения в Китае российского кино, однако для деятельности на этом рынке российская киноиндустрия должна быть готова к жесткой конкуренции со стороны зарубежных коллег, включая Голливуд, повышать качество своей продукции.

Подводя итоги, можно утверждать, что китайская киноиндустрия в последние годы стала одной из крупнейших в мире и готова соперничать с Голливудом за звание мирового лидера. Это проявилось не только в резком росте кассовых сборов в национальном прокате, но и в широкомасштабных китайских инвестициях в зарубежные кинокомпании, в первую очередь, американские. Основными факторами, обусловившими расцвет киноиндустрии в Китае, стал растущий располагаемый доход населения страны и его расходы на потребление, а также стратегическая позиция китайского правительства – продвижение продукции кинематографа является из составляющих политики наращивания «мягкой силы» государства. Несмотря на наличие определенных трудностей, с которыми сталкивается китайская индустрия кино, эти долгосрочные факторы развития будут поддерживать ее дальнейший рост.

1. *Feng, Lin*. Online video sharing: an alternative channel for film distribution? Copyright enforcement, censorship, and Chinese independent cinema // *Chinese Journal of Communication*. 2017. No. 3 (10).
2. *Brzeski Patrick*. China's Quota on Hollywood Film Imports Set to Expand, State Media Says // *The Hollywood Reporter*. 09.02.2017.
3. UNESCO. UIS Statistics. URL: <http://data.uis.unesco.org/>; *Patrick Frater*: China Box Office Crawls to 3% Gain in 2016 // *Variety*. 31.12.2016.
4. *Bai Shi*. Hollywood Takes a Hit. URL: http://english.entgroup.cn/news_detail.aspx?id=2194.
5. China becomes world's 2nd-biggest movie market. URL: <http://www.bbc.com/news/business-21891631>.
6. Motion Picture Association of America. Theatrical Market Statistics 2016. URL: <http://www.mpa.org/wp-content/uploads/2017/03/2016-Theatrical-Market-Statistics-Report-2.pdf>.
7. Bloomberg News. China Box Office Seen Surpassing U.S. Next Year Despite Slump. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-08-16/china-box-office-seen-surpassing-u-s-next-year-despite-slump>.

8. THR Stuff. Jackie Chan: 'Warcraft' Success in China "Scares the Americans" // The Hollywood Reporter. 12.06.2016.
9. UNESCO. UIS Statistics. URL: <http://data.uis.unesco.org/>
10. *Lin Lillian*. China Set to Top U.S. in Number of Movie Screens // The Wall Street Journal. 14.11.2016.
11. *Wan, Xing*. Investigating the Moderating Role of Platform Strategies-Evidence from China's Online Film Platforms // WHICEB, 2016.
12. Statista. Video-on-Demand. URL: <https://www.statista.com/outlook/201/117/video-on-demand/china#>
13. Rapid TV News. Cultural Revolution for Chinese online video market as SVOD rises. URL: <https://www.rapiddtvnews.com/2017031246482/cultural-revolution-for-chinese-online-video-market-as-svod-rises.html#axzz4nBp41df8>.
14. Deadline. China & Hollywood: What Lies Beneath & Ahead In 2017. URL: <http://deadline.com/2017/01/china-hollywood-deals-2017-donald-trump-1201875991>; *Patrick Brzeski*. Wanda Chairman Warns Donald Trump About Blocking Chinese Investment in U.S. // The Hollywood Reporter. 10.12.2016.
15. *Toonkel Jessica*. China extends Hollywood push with \$1 billion Paramount investment // Reuters. 19.01.2017.
16. East West Bank. Chinese Investment in Hollywood: Focus on Opportunity, not Fear. URL: <https://www.eastwestbank.com/ReachFurther/News/Article/Chinese-Investment-In-Hollywood-Focus-On-Opportunities-Not-Fear>.
17. *Indulal PM, Arijit Barman, ET Bureau*. China's Dalian Wanda Group eyes controlling stake in PVR Cinemas // The Economic Times. 02.09.2016.
18. *Guglielmino Andrea*. China and Europe seal deal. URL: http://www.venicedays.com/NEWS.asp?id=1&id_dettaglio=800&lang=eng.
19. *Peng Weiyang*. China, Film Coproduction and Soft Power Competition. Brisbane, Australia: Creative Industries Faculty, Queensland University of Technology, 2015. P. 194.
20. *Михневич, С. В.* Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2 (9). С. 97.
21. Consumption upgrade drives China's economy. URL: http://english.gov.cn/news/top_news/2016/10/27/content_281475476362140.htm.
22. *Winfrey G*. China's Box Office Fraud: How Phony Ticket Sales Hurt the Film Industry. URL: <http://www.indiewire.com/2017/06/china-box-office-fraud-mpaa-phony-ticket-sales-film-industry-1201847763>
23. *Brzeski Patrick*. China Box-Office Growth Slowed to 3.7 Percent in 2016, Official Data Shows. // The Hollywood Reporter. 01.01.2017.
24. *Mumford Gwilym*. China's Hollywood film quota to expand after Trump trade deal. URL: <https://www.theguardian.com/film/2017/apr/12/trump-xi-trade-talks-china-hollywood-film-quota>.
25. *Brzeski Patrick*. China's Quota on Hollywood Film Imports Set to Expand, State Media Says // The Hollywood Reporter. 09.02.2017.
26. *Brzeski Patrick*. China's Wanda to Receive Further Scrutiny for U.S. Entertainment Takeovers (Report) // The Hollywood Reporter. 01.12.2016.
27. Macquarie Research. Global Movie and Cinema. URL: <https://www.macquarieresearch.com/ideas/api/static/file/publications/7312856/GlobalMovieandCinema030217xe264749.pdf>.
28. Box Office Mojo. 2017 China Yearly Box Office Results. URL: <http://www.boxofficemojo.com/intl/china/yearly/>; *Anu Raghunatan*. Bollywood Star Aamir Khan's Dangal Is Highest Grossing Indian Movie — Spurred By China Collection // Forbes Asia. 27.01.2017.
29. *Xu Fei*. China Africa International Film Festival to open in October. URL: <http://chinaplus.cri.cn/news/showbiz/14/20170619/6644.html>.
30. *Абрамова, И. О., Фитунни, Л. Л.* Экономическая привлекательность и инвестиционный потенциал региона Африки к югу от Сахары // Проблемы современной экономики. 2015. № 3 (55). С. 170.
31. *Leslie Michael*. The Dragon Shapes its Image: A Study of Chinese Media Influence Strategies in Africa // African Studies Quarterly. 2016. № 3–4 (16). P. 162–163.
32. *Раткогло Анна*. Медвинский рассказал о роли кино в культурном сотрудничестве России и Китая. URL: <https://ria.ru/culture/20170706/1497925085.html>.
33. *Наумова Марина*. Путешествие в Китай: как российские кинематографисты осваивают азиатский рынок // Forbes Россия. 29.06.2017. URL: <http://www.forbes.ru/biznes/346941-puteshestvie-v-kitay-kak-rossijskie-kinematografisty-osvaivayut-aziatskiy-rynok>.

Научная жизнь

К выходу в свет десятитомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века»

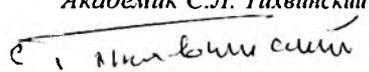
Главному редактору журнала
«Проблемы Дальнего Востока»,
заместителю директора ИДВ РАН,
д.э.н., проф. В.Я. Портякову

Глубокоуважаемый Владимир Яковлевич!

Направляю Вам итоговую статью о многолетней работе над десятитомным изданием «История Китая с древнейших времен до начала XXI в.». Буду признателен Вам за публикацию предлагаемой статьи о десятитомнике.

С уважением,

*Председатель ГРК десятитомника
«История Китая с древнейших времен до начала XXI в.»*

Академик С.Л. Тихвинский

13.10.2017

Большие успехи Китайской Народной Республики за последние десятилетия в экономике, науке, технике, культуре, спорте, ее растущий международный авторитет обуславливают все возрастающий интерес широких кругов российской общественности не только к современной жизни народного Китая, но и к многовековому историческому прошлому и культуре нашего ближайшего соседа на Дальнем Востоке, с которым у Российской Федерации имеется общая граница протяженностью свыше 4000 км. Чтобы в какой-то степени удовлетворить этот интерес, ученые-китаеведы ряда академических институтов и высших учебных заведений РФ в 2007 г. приступили к работе над десятитомной «Историей Китая с древнейших времен до начала XXI века». В настоящее время эта работа завершена и выносится на суд читателей¹.

* * *

Из всех цивилизаций, возникавших в прошлом в разных частях мира, только китайская отличается непрерывностью своего многотысячелетнего развития. Шумерская, хеттская, ассиро-вавилонская, крито-микенская, древнеегипетская цивилизации, культуры инков, майя и многие другие исчезли в результате внутренних междоусобиц, вражеских нашествий, природных катаклизмов — вулканической деятельности, землетрясений, наводнений, засух и т.д.

Китайская цивилизация внесла заметный вклад в развитие всего человеческого общества. От Китая мир узнал технологии высококачественного литья бронзы, производства фарфора, шелка, чая, бумаги, изготовления пороха; оттуда же пришли к нам компас, сейсмограф, там впервые начали строить крупногабаритные морские суда, появился подвижный типографский шрифт и т.д. В различные исторические периоды Китай вел активную сухопутную и морскую торговлю не только со своими непосредственными соседями, но и с территориями, подвластными Персидской империи, правителям стран, завоеванных Александром Македонским, Кушанскому царству, Римской империи и Арабскому халифату, а также со странами Южной Азии и Восточной Африки. Особенно сильное воздействие политика и культура Китая оказывали на протяжении многих веков на соседние страны (Корею, Японию, Вьетнам, страны Юго-Восточной Азии). В то же время долголетием своего существования китайская цивилизация во многом обязана тому, что она зачастую заимствовала у соседних народов их новаторские материальные и духовные ценности, технологические приемы, успешно интегрируя их в свою собственную культуру.

До середины XVIII века китайская цивилизация с большей или меньшей степенью успеха преодолевала многочисленные испытания — чужеземные нашествия, гражданские войны, стихийные бедствия. Однако постепенно накапливавшееся отставание от ряда других стран, вставших на путь промышленной революции, а затем вооруженное вторжение Великобритании и Франции в середине XIX века («опиумные войны»), милитаристской Японии с конца XIX века, как и интервенция восьми держав при подавлении восстания ихэтуаней, резко затормозили развитие Китая, превратив его в зависимую от иностранных государств полуколониальную, полуфеодальную страну.

Победа народно-демократической революции под руководством Коммунистической партии Китая привела 1 октября 1949 г. к созданию нового государства на китайской земле — Китайской Народной Республики. Народный Китай стал на путь строительства в стране социализма с китайской спецификой и уже 30 с лишним лет успешно проводит политику реформ, модернизации и открытости для внешнего мира. В наши дни Китайская Народная Республика демонстрирует всему миру свои успехи в области экономики, науки, освоения атомной энергетики, космонавтики, ракетостроения, строительства скоростных железных дорог и автострад, а также достижения в различных видах спорта.

Авторы статей и редакторы издания, понимая всю сложность поставленной задачи — вместить многотысячелетнюю историю китайской цивилизации в пределы десяти томов, попытались лишь отразить основные события истории Китая, от палеолитических стоянок и первых неолитических поселений до современной КНР с ее общепризнанным международным авторитетом. В каждом томе в среднем около 60 а.л., предусмотрены хронологические таблицы, иллюстрации и карты, избранная библиография, указатели. При этом, поскольку издание рассчитано на достаточно широкий круг читателей, авторы и редакторы томов постарались совместить научный уровень подачи материала с его популярным изложением.

История Китая в десяти томах разбита по хронологическим периодам.

Т. I. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н.э.

Т. II. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань: V в. до н.э. — III в. н.э.

Т. III. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан: 220–907.

Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся: 907–1279.

Т. V. Династии Юань и Мин: 1279–1644.

Т. VI. Династия Цин: 1644–1911.

Т. VII. Китайская Республика: 1912–1949.

Т. VIII. Китайская Народная Республика: 1949–1976.

Т. IX. Китайская Народная Республика: 1976–2009.

Т. Х. Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора.

В начале каждого тома публикуется обращение председателя Главной редакционной коллегии к читателю. В предисловиях ответственных редакторов к томам, наряду с изложением основного содержания тома, приводятся краткие сведения о значительных событиях всемирной истории, имевших место в описываемый период.

Подбор иллюстраций осуществлялся авторами и ответственными редакторами томов, а также членами Главной редакционной коллегии.

Первый том десятитомника озаглавлен «Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н.э.»². В данном томе десятитомника читатель найдет изложение истории первых шагов заселения первобытным человеком пространства, занимаемого ныне Китайской Народной Республикой. Здесь показана встреча двух миграционных потоков первобытного человека — аустрического (с Юго-Востока) и сино-тибетского, ориентированного к азиатскому побережью Тихого океана.

Как справедливо отмечает ответственный редактор первого тома академик А.П. Деревянко, «переходя к вопросу о развитии археологических знаний в Китае и о значении археологии в изучении прошлого нашего великого соседа, необходимо прежде всего прояснить вопрос о взаимодействии археологии с историей и с целым рядом естественных и точных наук, которые помогают специалистам посредством находок в раскопанных археологами памятниках устанавливать, уточнять и даже проверять исторические факты, сообщаемые письменными источниками»³. Это вышеприведенное положение нашло свое полное отражение в содержании тома, который завершается изложением истории первых государственных образований на рассматриваемой территории.

Во «Введении» к тому II, посвященному истории Китая с V в. до н.э. по III в. н.э.⁴, ответственный редактор тома д.и.н. Л.С. Переломов отмечает: «Эпоха Чжаньго — Цинь — Хань занимает особое место в многовековой истории Китая. Именно в это время зародились в теории и сформировались на практике основные институты китайской цивилизации, не только придавшие ей жизненную устойчивость, но и обеспечившие ее стабильное непрерывное развитие в течение тысячелетий вплоть до сегодняшнего дня»⁵.

В томе излагаются драматические события в Китае, имевшие место после V в. до н.э., когда из разрозненных китайских государств сложилась единая империя во главе с государством Цинь, руководимым первым императором Цинь Шихуанди. Этот объединительный процесс сопровождался созданием единой для всей страны законодательной базы, стройной административной системы, установлением единых письменности, мер и весов, стандартизацией различных видов вооружения и расширением территории Китая во всех направлениях.

Сменившая правление династии Цинь после длительной междоусобицы новая императорская династия Хань продолжала в основном политику предыдущей династии, расширяя границы Китайской империи и устанавливая тесные экономические и культурные связи с окружающими странами и народами. Это был период расцвета китайской цивилизации, во многом напоминавшей по своему военному могуществу, развитию научно-технических знаний и влиянию на страны-соседи правление римских императоров в Европе, Северной Африке и Ближнем Востоке того же исторического периода.

По целому ряду причин процветание империи Хань сменилось междоусобными войнами как на территории собственно Китая, так и подвластных ханьскому Китаю народов. Описанию этих событий посвящен том III под редакцией д.и.н. И.Ф. Поповой и д.ф.н. М.Е. Кравцовой⁶.

Смутный период в истории Китая, начавшийся после падения династии Хань, сменился кратковременным правлением династии Суй, пришедшей к власти в результате народного восстания, а затем новой могущественной императорской династии Тан, при которой была восстановлена экономика страны, разрушенная многочисленными народными восстаниями и соперничеством военно-феодалов. При правле-

нии императоров династии Тан Китай остановил на территории Средней Азии продвижение арабских завоевателей в восточном направлении. В этот период Китай вновь восстановил свое влияние на сопредельные страны и в свою очередь заимствовал у своих соседей многие материальные и духовные ценности. При правлении династии Тан в Китай стал активно проникать из Индии, Цейлона буддизм, а вскоре и мусульманская религия. Одновременно в народных массах широко распространялся даосизм.

Основное содержание IV тома под редакцией д.и.н. И.Ф. Поповой⁷ составляет завоевание северного и северо-западного Китая неханьскими народами: киданями, чжурчжэнями, тангутами и др. В результате чего правление императоров династии Сун было вынуждено переместиться на юг в бассейн р. Янцзы, и Китаю приходилось вести непрерывные войны с наступающими с севера и северо-запада неханьскими народами, образовавшими к тому времени свои государственные структуры монархического толка, враждовавшие с китайской империей Южная Сун, которая зачастую откупалась от завоевателей крупной данью. Изложению истории этих государственных образований на севере Китая в данном томе отводится значительное место.

Однако, как и эти вновь возникшие государства, так и Южная Сун вскоре оказались под властью новых завоевателей — монголов, руководимых Чингисханом. Описанию завоевания монголами Китая и различных периодов монгольского правления страной посвящена первая половина тома V (ответственный редактор как первого, так и второго полутомов д.и.н. А.Ш. Кадырбаев)⁸, где также рассматриваются военно-политические события, имевшие место в Китае в период правления Чингисхана и его наследников. Монгольское правление Китаем нашло свое официальное выражение в основании в 1280 г. внуком Чингисхана Хубилай-ханом государства Юань.

Рассматривается в общих чертах экспансия монголов за пределами собственно Китая, а также внутренняя политика и экономика Китая под властью монголов.

Вторая половина данного тома показывает процесс освобождения Китая от монгольского ига в результате народного восстания, руководимого Чжу Юаньчжаном, основавшим новую династию Мин. Начался процесс восстановления народного хозяйства, разрушенного длительной усобицей, бурный экономический рост после изгнания монгольских завоевателей, рост внешней торговли Китая со странами Юго-Восточной Азии, дальнейшее развитие китайской науки и техники и географические открытия в Юго-Восточной Азии, Восточной Африке, Приамурье и на Сахалине. К концу правления династии Мин относится начало российско-китайских торговых отношений, которые велись путем караванной торговли через территорию Монголии. Во второй части тома использовались материалы, представленные в свое время покойным д.и.н. А.А. Бокщаниным.

Конец правления династии Мин был ознаменован усилением при императорском дворе группировки дворцовых евнухов, погрязших в казнокрадстве и вмешательстве во внутреннюю и внешнюю политику государства. В результате народного восстания под руководством крестьянского вождя Ли Цзычэна против придворной камарильи последний император династии Мин покончил с собой в Пекине, а столица пала в результате предательства китайских феодалов, пригласивших из соседнего маньчжурского государства войска для подавления захвативших столицу китайских крестьян. Вытеснив повстанцев из столицы, маньчжурские войска возглавили борьбу китайских феодалов с восставшими крестьянами и приверженцами минской династии и, перенеся свою столицу из Маньчжурии в Пекин, в 1644 г. основали новую правящую в Китае императорскую династию — Цин, история которой получила освещение в томе VI под редакцией д.и.н. О.Е. Непомнина⁹. В силу своей малочисленности по сравнению с завоеванным коренным населением Китая маньчжуры вынуждены были широко использовать влиятельных китайских военных и гражданских лиц для управления страной.

В конце правления минской династии в Китай стали активно проникать миссионеры из стран Западной Европы, проповедовавшие местному населению христианство. При правлении маньчжуров Китай установил торговые связи с голландскими, английскими и французскими купцами. Взаимовыгодная поначалу торговля Китая с иностранными государствами вскоре превратилась в канал проникновения и распространения в Китае опиума, производимого англичанами в своих владениях в Индии, и утечки из Китая серебра (являвшегося в то время основным платежным средством в Китае в форме монет и слитков).

Попытки отдельных китайских сановников ограничить опиумную торговлю вызвали вооруженную интервенцию Англии и затем Франции, вошедшую в историю под названием «опиумных войн», приведших к насильственному открытию для иностранной торговли в 1842 г. пяти крупных портовых городов Китая (в дальнейшем их количество увеличилось).

Пользуясь слабостью Китая, Япония в 1895 г. отторгла от Китая остров Тайвань. После подавления народного восстания ихэтуаней (боксеров), направленного против иностранных колонизаторов, в конце XIX — начале XX века восемь иностранных государств организовали совместную вооруженную интервенцию в Китай, добившись от маньчжурского императорского двора новых территориальных и материальных уступок.

Поражение царской России в войне против молодого азиатского хищника Японии ускорило рост революционного антиманьчжурского республиканского движения китайского народа под руководством выходца из южного Китая, молодого, европейски образованного врача Сунь Ятсена, с именем которого связаны подготовка и осуществление свержения цинской монархии и провозглашение в феврале 1912 г. Китайской Республики.

В томе VII под редакцией д.и.н. Н.Л. Мамаевой¹⁰ описаны события, связанные с республиканским правлением в Китае, участием Китая в Первой мировой войне. Рассматривается история милитаристских клик Китая, препятствовавших объединению всей страны, деятельность партии Гоминьдан. Показаны влияние Октябрьской революции в России на Китай, распространение марксизма-ленинизма в стране, образование Китайской коммунистической партии, китайская революция 1925–1927 гг., возникновение советских районов, Великий поход руководимых китайскими коммунистами вооруженных сил на север Китая для участия в борьбе с агрессией Японии, гражданская война 1946–1949 гг. и вмешательство США на стороне Гоминьдана, три стратегических операции НОАК против войск Гоминьдана и провозглашение КНР 1 октября 1949 г.

Том VIII данного издания (ответственный редактор д.и.н. Ю.М. Галенович)¹¹ посвящен первым 27 годам существования КНР. В томе подробно излагаются вопросы как внутренней, так и внешней политики, в частности становление народной власти в Китае, восстановление разрушенного войной с Японией и гражданской войной народного хозяйства, помощь молодой республике со стороны Советского Союза, участие КНР в борьбе против интервенции США в Корею, отказ руководства КПК от государственного планирования, развертывание массовых движений типа «большого скачка» и «народных коммун», приведших к дезорганизации экономики страны, идеологическая полемика между КПК и КПСС, «культурная революция», массовые репрессии в отношении противников политики Мао Цзэдуна, осуществлявшиеся сторонниками так называемой банды четырех, восстановление законного места КНР как постоянного члена Совета Безопасности ООН, смерть Мао Цзэдуна.

В томе IX под редакцией д.п.н. А.В. Виноградова¹² рассматривается период истории Китая 1976–2009 гг. Начав всесторонние реформы под руководством Компартии Китая, КНР за 30 с небольшим лет сумела достичь выдающихся успехов в социальном и экономическом развитии, успешно борется с бедностью, восстановила статус веду-

шей мировой державы, не потеряв при этом самобытную духовную культуру и цивилизационную идентичность.

Завершает данное издание том X (под редакцией д.ю.н. Л.М. Гудошникова, к.и.н. Г.А. Степановой)¹³, в котором кратко излагается история территорий Китая, на время отошедших от него в результате агрессивных действий Португалии, Великобритании и Японии (соответственно Аомынь (Макао), Сянган (Гонконг) и Тайвань). В заключительном томе десятитомника отводится место краткому описанию истории эмиграции китайцев в зарубежные страны («хуацяо»).

В связи с завершением нелегкой работы Главная редакционная коллегия сердечно поздравляет всех руководителей томов и авторов статей, принявших участие в создании данного десятитомника, и высказывает пожелание, чтобы их многолетний труд нашел соответствующее отражение в научной периодике и лекционных курсах высших учебных заведений. Заранее выражаем признательность требовательному читателю за возможные критические замечания в отношении выявленных им недостатков данной работы. Надеемся, что представляемый труд позволит нашему читателю ознакомиться с многовековой историей и культурой Китая, что будет способствовать развитию дальнейшего взаимопонимания и дружбы народов-соседей — Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

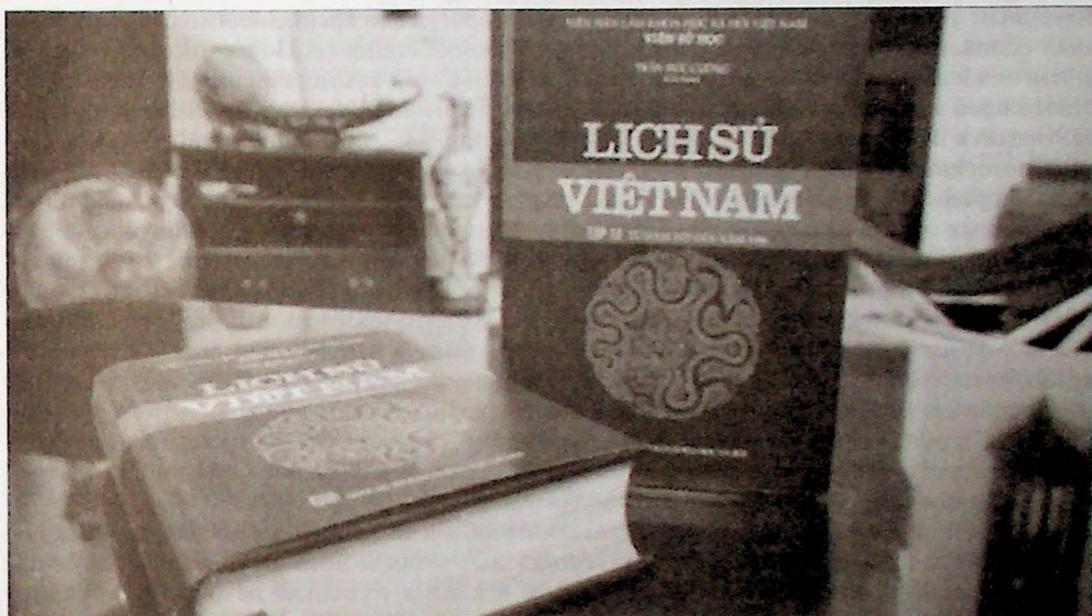
© 2017

*Председатель ГРК десятитомника
«История Китая с древнейших времен до начала XXI века»
академик С.Л. Тихвинский*

1. Процесс работы над десятитомником китаеведов Института Дальнего Востока РАН, Института востоковедения РАН, Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург), Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск), а также Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, начавшийся в 2007 году, завершился с выходом в свет всех десяти томов в 2017 г. в издательствах «Наука» и «Восточная литература», коллектив сотрудников которых принял деятельное участие в данной работе.
2. Отв. ред. д.и.н., академик РАН А.П. Деревянко. Авторы тома: Ю.А. Азаренко, Н.О. Азарова, к.и.н. С.В. Алкин, Е.С. Аникушина, к.и.н. Е.С. Богданов, С.И. Блюмхен, к.и.н. А.В. Варенов, к.т.н. Е.Г. Гиенко, к.и.н. Е.А. Гирченко, д.и.н. Д.В. Деопик, д.и.н., академик РАН А.П. Деревянко, А.А. Ковалев, д.и.н. П.М. Кожин, к.и.н. С.А. Комиссаров, к.и.н. М.В. Корольков, А.В. Костылев, д.и.н. В.М. Крюков, М.А. Кудинова, д.и.н. Е.И. Кычанов, к.и.н. С.В. Лаптев, д.и.н. В.Е. Ларичев, д.и.н. Б.А. Литвинский, П.В. Мартынов, д.и.н., академик РАН В.И. Молодин, к.и.н. А.Л. Нестеркина, д.и.н., чл.-корр. РАН Н.В. Полосьмак, д.и.н. И.Ф. Попова, д.и.н. А.И. Соловьев, к.и.н. Е.А. Соловьева, Н.А. Сутягина, к.и.н. М.Ю. Ульянов, П.В. Халтурина, к.и.н. О.А. Хачатурян, д.и.н. Ю.С. Худяков, к.и.н. М.С. Целуйко, к.и.н. А.Н. Чистякова, Д.П. Шульга / Ин-т археологии и этнографии СО РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2016. 974 с.
3. Т. I : Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н.э. / отв. ред. А.П. Деревянко; Ин-т археологии и этнографии СО РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2016. С. 10.
4. Отв. ред. д.и.н. Л.С. Переломов. Авторы тома: к.и.н. А.Г. Александян, д.и.н. М.В. Крюков, д.ф.н. И.С. Лисевич, к.и.н. В.М. Майоров, д.и.н. В.В. Малявин, д.и.н. Л.С. Переломов, д.ф.н. М.В. Софронов, Л.В. Стежеская, академик РАН М.Л. Титаренко, академик РАН С.Л. Тихвинский, чл.-корр. РАН Н.Т. Федоренко, д.и.н. Н.Н. Чебоксаров / Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2013. 687 с.
5. Т. II : Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. — III в. н.э.) / отв. ред. Л.С. Переломов; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2013. С. 8.
6. Отв. ред. д.и.н. И.Ф. Попова, д.ф.н. М.Е. Кравцова. Авторы тома: В.Н. Баргачева, к.ф.н. А.Б. Вац, к.и.н. А.Е. Донская, к.ф.н. В.Е. Еремеев, к.ф.н. А.Д. Зельницкий, к.ф.н. Е.А. Кий, д.ф.н. М.Е. Кравцова, к.и.н. Б.М. Новиков, д.и.н. И.Ф. Попова, д.и.н. В.М. Рыбаков, д.и.н.

- Г.Я. Смолин, д.ф.н. А.Г. Сторожук / Ин-т восточных рукописей РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2014. 991 с.
7. Отв. ред. д.и.н. И.Ф. Попова. Авторы тома: д.и.н. И.А. Алимов, О.А. Бонч-Осмоловская, к.и.н. В.А. Ветюков, к.и.н. А.Е. Донская, к.ф.н. В.Е. Еремеев, к.ф.н. А.Д. Зельницкий, к.и.н. А.Л. Ивлиев, Д.А. Комаров, К.А. Котков, д.ф.н. М.Е. Кравцова, д.и.н., чл.-корр. РАН Н.Н. Крадин, д.и.н. Е.И. Кычанов, д.и.н. З.Г. Лапина, к.и.н. А.С. Мартынов, к.ф.н. Д.И. Маяцкий, к.и.н. Ю.С. Мыльникова, д.и.н. И.Ф. Попова, к.ф.н. А.С. Рысаков, д.ф.н. Е.А. Серебряков, д.и.н. Г.Я. Смолин, д.и.н. К.Ю. Солонин, к.и.н. А.Э. Терехов, к.ф.н. К.К. Флуг, к.и.н. С.А. Школяр / Ин-т восточных рукописей РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2016. 942 с.
 8. Отв. ред. д.и.н. А.Ш. Кабырбаев, д.и.н. А.А. Бокшанин. Авторы тома: к.и.н. Е.Ф. Баялиева, д.и.н. А.А. Бокшанин, к.и.н. В.Ц. Головачев, к.и.н. С.В. Дмитриев, к.и.н. Ю.И. Дробышев, к.и.н. Д.В. Дубровская, к.ф.н. В.Е. Еремеев, к.и.н. О.В. Зотов, д.и.н. А.Ш. Кадырбаев, акад. В.С. Мясников, к.и.н. Р.Ю. Почекаев, акад. Б.Л. Рифтин, д.ф.н. В.Ф. Сорокин / Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2016. 678 с.
 9. Отв. ред. д.и.н. О.Е. Непомнин. Авторы тома: к.ф.н. Д.Н. Воскресенский, к.и.н. Д.В. Дубровская, к.ф.н. В.Е. Еремеев, к.и.н. О.В. Зотов, д.ф.н. А.И. Кобзев, акад. РАН В.С. Мясников, д. ис. М.А. Неглинская, д.и.н. О.Е. Непомнин, к.и.н. Т.А. Пан, В.В. Петров, акад. РАН Б.Л. Рифтин, акад. РАН С.Л. Тихвинский, д.ф.н. О.Л. Финшман, к.и.н. Ю.В. Чудодеев / Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2014. 886 с.
 10. Отв. ред. д.и.н. Н.Л. Мамаева. Авторы тома: д.и.н. Н. Е. Боревская, к.э.н. О.Н. Борох, А.Л. Верченко, д.и.н. С.А. Горбунова, д.ю.н. Л.М. Гудошников, Н.Ю. Демидо, к.и.н. А.Н. Карнеев, д.и.н. А.И. Картунова, к.и.н. З.Д. Каткова, к.и.н. В.А. Козырев, к.ф.н. А.Н. Коробова, д.и.н. А.В. Ломанов, д.и.н. Н.Л. Мамаева, Н.И. Мельникова, к.и.н. Р.А. Мировицкая, д.и.н. А.В. Панцов, к.э.н. И.А. Петухов, к. ис. Т.А. Пострелова, к.ф.н. Е.К. Шулунова, к.и.н. Э.А. Синецкая, к.и.н. Д.А. Смирнов, к.и.н. И.Н. Сотникова, акад. РАН С.Л. Тихвинский, д.и.н. С.А. Торопцев, д.и.н. В.Н. Усов, к.э.н. И.В. Ушаков / Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2013. 863 с.
 11. Работа над томом была начата д.и.н. В.Н. Усовым, в связи с его болезнью продолжена к.и.н. А.Г. Юркевичем и в окончательном виде представлена д.и.н. Ю.М. Галеновичем. Отв. ред. Ю.М. Галенович. Авторы тома: д.и.н. Н.Е. Боревская, с.н.с. А.Л. Верченко, к.и.н. Виноградов А.О., д.и.н. Ю.М. Галенович, с.н.с. Н.Ю. Демидо, с.н.с. Г.В. Куликова, к.и.н. И.Н. Сотникова, д.и.н. В.Н. Усов, к.и.н. А.Г. Юркевич / Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука. 2017. 824 с.
 12. Отв. ред. д.п.н. А.В. Виноградов. Авторы тома: к.э.н. М.В. Александрова, Л.А. Афонина, к.э.н. Е.С. Баженова, к.э.н. Е.В. Бирюлин, д.и.н. Н.Е. Боревская, к.ю.н. В.Ф. Бородич, к.э.н. О.Н. Борох, д.п.н. А.В. Виноградов, д.п.н. А.Д. Воскресенский, д.и.н. Ю.М. Галенович, д.и.н. С.А. Горбунова, д.ю.н. Л.М. Гудошников, Н.Ю. Демидо, к.ф.н. Е.А. Завидовская, к.и.н. Т.В. Лазарева, к.п.н. П.Б. Каменнов, к.п.н. С.А. Канчуков, к.и.н. В.М. Майоров, Н.И. Мельникова, диск. М.А. Неглинская, д.э.н. А.В. Островский, Ю.С. Песков, к.э.н. И.А. Петухов, Д.И. Петровский, Ю.Ю. Перепелкин, д.э.н. В.Я. Портяков, к.и.н. О.В. Почагина, к.и.н. А.В. Семин, к.и.н. Д.А. Смирнов, к.и.н. Г.А. Степанова, к.и.н. О.А. Тимофеев, д.и.н. С.А. Торопцев, к.ю.н. П.В. Трошинский, к.и.н. С.М. Труш, к.э.н. И.В. Ушаков, к.и.н. С.В. Уянаев, к.ф.н. Е.К. Шулунова / Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука. 2016. 996 с.
 13. Отв. ред. д.ю.н. Л.М. Гудошников, к.и.н. Г.А. Степанова. Авторы тома: ст.н.с. А.Л. Верченко, д.ю.н. Л.М. Гудошников, к.и.н. А.А. Козлов, д.ю.н. К.А. Кокарев, к.ф.н. А.Г. Ларин, к.э.н. В.П. Ломыкин, нач. упр. ОАО «Лукойл» С.А. Степанов, к.и.н. Г.А. Степанова, мл.н.с. Е.Н. Степанова, акад. РАН С.Л. Тихвинский, ст.н.с. В.И. Трифонов / Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука. 2014. 764 с.

Шаг к национальному примирению

18 августа 2017 г. Академия общественных наук Вьетнама (ВАОН) представила общественности заключительный том полного 15-томного издания «История Вьетнама». Подготовленное Институтом истории ВАОН новое издание, которое охватывает всю историю страны вплоть до 2000 года, стало важным событием не только в научной, но и в общественно-политической жизни Вьетнама. Выпуск этого тома вызвал беспрецедентно активную дискуссию как в СРВ, так и во вьетнамской диаспоре в различных странах мира. Такой интерес и бурные споры связаны с некоторыми значимыми изменениями в ранее принятой терминологии и названиях политических институтов и различных структур Южного Вьетнама в 1956–1975 гг. В то время Вьетнам, как известно, оставался разделенным на две части — Демократическую Республику Вьетнам на Севере и Республику Вьетнам на Юге.

Одним из главных в дискуссии оказался вопрос о том, как надо сегодня относиться к Республике Вьетнам и как ее вообще именовать. Главное новшество в том, что в новом издании нет таких привычных терминов, как «марионеточные власти Сайгона» или «марионеточная армия». Вместо них употребляются обычные термины — «сайгонские власти» или «сайгонская армия». В интервью для печати директор Института истории, председатель Общества историков Вьетнама доктор Чан Дык Кыонг сказал: «Раньше при упоминании властей Республики Вьетнам все обычно говорили «марионеточные власти» или «марионеточная армия». Но мы отказались от этого и больше их так не называем, а говорим просто о «властях Сайгона» и об «армии Сайгона»¹.

Во Вьетнаме большинство ученых и публицистов положительно оценивают огромный труд, проделанный вьетнамскими историками. Охотно принимая эти изменения, ряд из них выступили с заявлениями, в которых отмечают, что такое признание реального существования РВ важно прежде всего для борьбы за суверенитет Вьетнама над Парасельскими островами и архипелагом Спратли. В соответствии с международным правом, только признав Республику Вьетнам, можно с полным основанием утверждать, что эти островные территории принадлежали именно ей, а после объединения страны в 1976 г. по праву перешли к СРВ. Многие наблюдатели также считают, что эта смена названий институтов Южного Вьетнама направлена на создание более благоприятной атмосферы для осуществления политики национального примирения, которую КПВ проводит с переменным успехом уже не один десяток лет и которое крайне необходимым в условиях осложнившейся ныне для СРВ международной обстановки. По их мнению, отказ от унижительных названий и признание Республики Вьетнам как независимой власти, существовавшей в стране, является важным шагом в залечивании все еще не заживающих ран вьетнамцев после войны. В 1976 г. страна воссоединилась, но в душах многих тысяч людей, потерявших своих родных и близких, этого воссоединения не произошло до сих пор. За прошедшие десятилетия вьетнамское руководство принимало много решений, направленных на национальное примирение, на приглашение вьетнамцев, живущих в различных странах, независимо от их прошлой деятельности в Южном Вьетнаме, приезжать в страну и инвестировать свои капиталы на родине. Им даже выдавали многократную въездную визу на пять лет и разрешали сохранять иностранные паспорта. Но все эти меры были направлены на вьетнамскую диаспору в зарубежных странах. В то же время предстояло залечивать глубокие раны войны, оставшиеся у собственного населения, особенно на Юге, что оказалось не менее трудным делом.

С другой стороны, большинство историков считает, что употребление действительно существовавших в прошлом наименований делает изложение истории более строгим и отвечающим принятым в мире стандартам.

Тем не менее на вьетнамском телевидении и в социальных сетях Интернета появляется немало высказываний людей, несогласных с такой позицией. Выдвигаются даже требования разгневанных блогеров сжечь все тома изданной истории и посадить в тюрьму главного редактора издания, известного вьетнамского историка Фан Хюи Ле. Его авторов обвиняют в «признании марионеток, продавших родину, лакеев американского империализма, проливших море крови и принесших неисчислимые страдания народу». Один из генералов ВНА (Вьетнамской народной армии) выступил в прессе с категорическими возражениями против употребления новой терминологии, заявив, что Республика Вьетнам — это не более чем «труп давно скончавшегося мертвеца», и нет никакого смысла пытаться его оживить².

Выступая в дискуссии по этому вопросу, главный редактор нового издания, профессор Фан Хюи Ле, отвечая оппонентам, отметил, что редакция изменила только некоторые названия, но все оценки сущности сайгонских властей и их политики остались без изменений³.

Отказ от устаревших пропагандистских клише в названиях политических институтов Южного Вьетнама активно поддержал известный вьетнамский юрист, доктор Чан Конг Чук, который проанализировал эти изменения в историографии второй половины XX века с точки зрения права, истории и политики. Он подчеркнул, что с юридической точки зрения, нельзя руководствоваться собственной волей, чтобы отрицать объективное существование той или иной политической структуры, которая была официально признанной международным сообществом в качестве реально существующей в межгосударственных отношениях.

Профессор напомнил, что в июле 1954 г. были заключены Женевские соглашения о прекращении войны в Индокитае, по которым Вьетнам был временно разделен на две части, каждая из которых управлялась своей законной властью. Территория и население

ние южнее 17-й параллели были переданы под управление Государства Вьетнам во главе с императором Бао Даем. На смену ему пришла Республика Вьетнам, а в период с 1975 по 1976 г. ее заменяло Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам, сформированное в годы победоносной войны под руководством Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. Власть всех структур Республики Вьетнам была упразднена после того, как ее последний президент генерал Зыонг Ван Минь 30 апреля 1975 г. объявил о полной и безоговорочной капитуляции. С этого времени Республика Вьетнам упоминается только как политическая структура далекого прошлого наравне с другими различными структурами феодального строя или колониального режима, существовавшими в истории Вьетнама.

2 июля 1976 г. на своей первой объединенной сессии Национальное собрание 6-го созыва (1976–1981) и избранное в апреле того же года Национальное собрание единого Вьетнама постановили переименовать страну в Социалистическую Республику Вьетнам. Именно поэтому власть Социалистической республики Вьетнам была и остается абсолютно законной, конституционной и единственной внутри и вовне страны в соответствии с международным правом. С этого момента правительства ДРВ и ВРП РЮВ считаются выполнившими свою историческую миссию и превратившимися в политические органы прошлого⁴.

Изменение политической терминологии в последнем томе вьетнамской истории было отрицательно встречено в научном сообществе Китая. В газете *Global Times* на вьетнамском языке 30 августа 2017 г. была опубликована статья китайского ученого-вьетнамоведа Ты Чан Дао (во вьетнамской транскрипции) под характерным заголовком — «Меняя свою историю, Вьетнам сам роет себе яму-ловушку»⁵. Вьетнамским ученым эта реакция китайских коллег не показалась странной, потому что любое упоминание того факта, что Парасельские острова и Спратли еще недавно по Женевским соглашениям, принятым при согласии КНР, принадлежали Республике Вьетнам, неизменно вызывает гневную реакцию в СМИ КНР. Странно только, что китайский автор статьи не обратил внимание, что в новом издании «Истории Вьетнама» впервые за многие годы своими именами называются и все события, связанные с так называемой пограничной войной Китая против Вьетнама в 1979 г. Они однозначно именуется агрессией.

Таким образом, очевидно, что развернувшаяся в стране дискуссия вовсе не была пустой игрой слов. Аргументы авторов последнего тома «Истории Вьетнама» и тех, кто поддержал их отказ от устаревших пропагандистских штампов и стереотипов прошлого в подлинно научной историографии, выглядят значительно убедительнее и весомее, чем привычные утверждения их оппонентов. Они свидетельствуют о происходящих переменах в официальной идеологии КПВ в сторону прагматичности и отказа от отживших догм и клише. Из этого вытекают существенные выводы и для российских вьетнамоведов.

*Г.М. Локшин, кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
E-mail: L6188017@yandex.ru*

1. URL: http://Giao_duc_VN_Dien_tu_11:26_31/08/17 : [Просвещение. 31.08.2017].
2. URL: http://BBC_Tieng_Viet_25_thang_8_2017 : [Би Би Си. вьет язык. 25.08.2017].
3. URL: http://BBC_Tieng_Viet_23/8/2017 : [Би Би Си. вьет язык. 23.08.2017].
4. URL: http://Giao_duc_VN_Dien_tu_11:26_31/08/17 : [Просвещение. 31.08.2017].
5. Thời báo Hoàn Cầu ngày 30/8.17 : [газета «Global Times» на вьет яз. 30.08.2017]

III Международный форум Ассоциации экспертных центров Китая, Монголии и России «Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: дорожная карта»

19–20 сентября 2017 в г. Улан-Удэ состоялся III Международный форум Ассоциации экспертных центров Китая, Монголии и России «Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: дорожная карта». Ассоциация экспертных центров Китая, Монголии и России была создана в сентябре 2015 г. в г. Улан-Батор (Монголия). На II Международном форуме Ассоциации, состоявшемся в сентябре 2016 г. в г. Хух-Хото (КНР), местом проведения III Международного форума был определен г. Улан-Удэ (Россия, Республика Бурятия).

Форум организован Ассоциацией экспертных центров Китая, Монголии и России. Организационными — сопредседателями этого центра с российской стороны являются Институт Дальнего Востока РАН и Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения (СО) РАН.

В работе Форума приняли участие эксперты различных отраслей экономики и социальной сферы, а также представители органов власти, бизнес-структур и научного сообщества. Форум был посвящен экономическому и культурному сотрудничеству Китая, Монголии и России в рамках проекта «Новый шелковый путь». Этот грандиозный проект, осуществляемый китайским правительством, предполагает формирование гигантского экономического пояса, который предусматривает реализацию плана с помощью пяти взаимосвязанных элементов: единой инфраструктуры; политической согласованности; валютно-финансовых потоков; торговых связей; гуманитарного общения. Осуществление их предполагается на базе «мягкой экономической агрессии», а также полномасштабного сотрудничества стран, их взаимного доверия, экономической интеграции и культурной толерантности.

В работе форума приняли участие ученые из Китая, Монголии, а также из российских городов — Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Иркутска, Читы, Элисты.

На открытии форума с приветственными словами выступили:

Б.В. Базаров, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; **Ц.-Д.Э. Доржиев**, председатель Народного Хурала Республики Бурятия; **А.Г. Варфоломеев**, заместитель председателя Комитета Совета Федерации по социальной политике; **А.В. Дамдинов**, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва; **Ван Яньхуа**, первый секретарь Департамента международного сотрудничества Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики; **Чэн Гоцян**, директор Департамента международного сотрудничества Центра по изучению проблем развития при Госсовете Китайской Народной Республики; **Т. Жанабазар**, директор Департамента соседних стран Министерства иностранных дел Монголии; **Б. Авид**, главный ученый секретарь Академии наук Монголии, доктор химических наук, профессор.

Работа форума, помимо пленарного заседания, включала четыре дискуссионные площадки: **Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: проблемы и перспективы развития; Инфраструктура и бизнес; Туризм, экология, аграрная экономика; Гуманитарное сотрудничество.**

На пленарном заседании прозвучали доклады: **Б.В. Базарова** (академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия); **Ян Чэньхуа** (директор Центра по изучению проблем развития АРВМ, Хух-Хото, Китай); совместный доклад **Т. Доржа** (академик, председатель совета правления университета «Улаанбаатар Эрдэм», Улан-Батор, Монголия) и **Б. Даваасурэна** (доктор [Sc.D], профессор, проректор по учебной работе университета «Улаанбаатар Эрдэм», Улан-Батор, Монголия); **С.Г. Лузянина** (д.и.н., профессор, директор Института Дальнего Востока РАН, Москва, Россия); совместный доклад **И.В. Бычкова** (академик РАН, научный руководитель Иркутского научного центра СО РАН, Иркутск, Россия) и **А.Л. Казакова** (д.ф.-м.н., ученый секретарь Института динамики систем и теории управления им. В.М. Матросова СО РАН, Иркутск, Россия).

В своем докладе «Динамика программы «Шелковый путь» в современном мире» **Б.В. Базаров** отметил, что «Новый шелковый путь», который явился самой широкомасштабной заявкой в новую повестку мирового развития, в 2016 г. набрал множество новых конструктивных предложений, меняющих географию его очертания. Складывалось впечатление, что порой пересматривается сама основа этой невероятной конструкции, а затем нарастают поступательные движения в формулах, которые не устраивают крупных представителей мирового сообщества или вводят в оборот новых акторов исторического действия. Докладчик напомнил, что в контексте сотрудничества в деле строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой был подписан ряд международных соглашений и контрактов, которые обозначили контуры предполагаемого системного сдвига в геополитике. В ходе обсуждения этой стратегии возникли уточнения, которые по-разному озвучивались в разных частях Евразийского континента. Вначале обозначалась идея сухопутного пути, пролегающего по пространствам Центральной Азии с выходом на Ближний Восток, с детализацией видения программ железнодорожного трека и дорожного строительства. Через короткое время произошло оглашение стратегии «Морской Шелковый путь XXI века». Объединением этих разных подходов стало провозглашение новой идеи «Один пояс, один путь», которая в значительной степени зависит от позитивной динамики и сближающейся траектории российско-китайского сотрудничества. Докладчик выделил особую роль России в реализации этого грандиозного проекта и в заключение отметил, что динамика процесса сближения государств стремительно нарастает. Народы глубже изучают и понимают друг друга. Недалек тот день, когда страны будут вынуждены сблизить позиции, пересмотреть свои трансграничные ограничения, прийти к интенсификации оборота не только товаров и грузов, но и народонаселения, максимально скорректировать действующие модели отдельных экономик применительно к характеристикам мировой экономики. День завтрашний нужно готовить уже сегодня.

Ян Чэньхуа в докладе «Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: продвижение взаимовыгодного сотрудничества» напомнил о трехсторонних встречах глав России, Китая и Монголии, состоявшихся на полях саммита ШОС (11 сентября 2014 г. в Душанбе, 9 июля 2015 г. в Уфе, 23 июля 2016 г. в Ташкенте), на которых обсуждались вопросы создания экономического коридора между тремя странами. На первой встрече в Душанбе Си Цзиньпин высказался о возможности координации китайской инициативы по формированию Нового великого Шелкового пути, предполагающего сопряжение проекта «Один пояс, один путь» с российским проектом трансевразийского коридора и монгольским планом «Степного пути», и создании экономического коридора меж-

ду Китаем, Монголией и Россией. Во время второй встречи в Уфе по инициативе Си Цзиньпина, был подписан меморандум о взаимопонимании по созданию экономического коридора между тремя странами. На третьей встрече в Ташкенте была подписана Программа создания экономического коридора Китай — Монголия — Россия.

В докладе были намечены первоочередные задачи сотрудничества Китая, Монголии и России, касающиеся реализации планово-интеллектуальной функции аналитического центра и содействия прагматике сотрудничества между тремя странами.

Как отметил докладчик, перед всеми тремя странами стоят одни и те же проблемы углубления политического общения, эффективного координирования соответствующих норм и законов, совершенствования взаимодействия инфраструктур, строительства зон промышленного сотрудничества, а также сотрудничества в гуманитарной сфере. Требуются большие усилия для того, чтобы придать экономическому коридору Китай — Монголия — Россия устойчивость и стабильности. В докладе говорилось о необходимости укрепления связей при планировании, углублении экономического сотрудничества. Особое внимание было уделено торговле и инвестициям между тремя странами. В этом контексте были поставлены вопросы устранения торговых барьеров, снижения стоимости инвестиций, ускоренного строительства зон свободной торговли, прилегающих к территории трех стран, а также сотрудничества в области культуры, искусства, спорта и в интеллектуальной сфере.

З.Т. Дорж и Б. Даваасурэн посвятили свой доклад «Роль центрального транспортного коридора Монголии в развитии транснационального коридора между тремя государствами» развитию логистических связей в системе глобальных тенденций мирового экономического развития. Развитие логистических связей рассматривалось докладчиками как залог будущих результатов при организации системы логистики и транзитных перевозок в регионах. Было подчеркнуто, что в настоящее время необходимо выявить возможности развития экономического коридора трех соседних стран на базе действующих железнодорожных сетей и магистралей. Эту проблематику необходимо изучить не только с точки зрения международной макроэкономики, но и с точки зрения потребностей инфраструктуры, современной технологии, совместного менеджмента и системы логистики. В докладе была уточнена роль монгольской стороны в организации системы логистики и транзитных перевозок в рамках центрального железнодорожного коридора, а также вопросы реализации дорожной карты дальнейшего трехстороннего сотрудничества.

В докладе **С.Г. Лузянина** «Россия — Китай — Монголия: экономика и геополитика» дан обстоятельный анализ подходов России, Монголии и Китая к проблемам глобальной и региональной безопасности, экономическому взаимодействию, созданию транспортных коридоров в рамках китайского Экономического пояса Шелкового пути, Евразийского экономического союза и монгольского Степного Пути. Дано обстоятельное освещение позиционирования России, Монголии и КНР в отношении США, Японии, стран ЕС и ШОС. Было сказано, что в условиях сохранения санкций западных стран против России, смены президентской администрации в Вашингтоне, обострения ситуации на Ближнем Востоке, в частности в Сирии, Россия, Китай и Монголия продолжают наращивать системное взаимодействие, активно развивая сотрудничество на двустороннем и региональном уровнях.

Было подчеркнуто, что поддержание глобальной стратегической стабильности и региональной безопасности — обязанность России и Китая как мировых держав и постоянных членов СБ ООН. Монголия органично вписывается в российско-китайскую глобальную и региональную повестку, неуклонно проводя курс на неприсоединение к военно-политическим блокам, поддержание стабильности и безопасности в регионе Северо-Восточной Азии. Концепция «третьего соседа» не нарушает стратегического баланса сил в регионе и не мешает трехстороннему взаимодействию России, Монголии и Китая. Говоря об отношении Европейского союза (ЕС) к проекту «Шелковый путь», док-

ладчик указал, что стратегический приоритет задачи сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, объявленного руководством России и Китая еще в 2015 г., диктует необходимость координации усилий Москвы и Пекина в отношении ЕС, представляющего собой конечный западный пункт маршрута «Один пояс, один путь». Между тем, на региональное сотрудничество России, Монголии, Китая и Европы также оказывает значительное воздействие американский фактор. Американский подход будет в значительной степени влиять на участие ЕС в евразийских интеграционных проектах.

Резюмируя свой доклад, С.Г. Лузянин отметил, что сама идея экспертного анализа всех проблем трехстороннего взаимодействия России, Монголии и Китая, включая транспортное направление, чрезвычайно важна для каждой из сторон. Выявление новых ресурсов (инвестиционных, торговых, гуманитарных и пр.) позволит наполнить конкретным содержанием политический формат «Россия — Монголия — Китай», качественно, в интересах каждого государства, углубить повестку трехстороннего сотрудничества.

В докладе И.Г. Бычкова и А.Л. Казакова «Информационно-вычислительная технология управления развитием логистической инфраструктуры» указано, что в условиях ускоренного развития транспортной отрасли в Центрально-Азиатском регионе для эффективного управления развитием логистической инфраструктуры необходимо проведение комплексного моделирования (математического и компьютерного) процессов и объектов логистической инфраструктуры и транспортных потоков с учетом их эффективного взаимодействия на различных уровнях иерархии. В докладе была дана характеристика информационно-вычислительной технологии управления развитием логистической инфраструктуры, основанной на интегрированном применении интеллектуальных информационных технологий, разнообразных математических моделей, как стохастических, так и оптимизационных, и оригинальных численных методов. Был сделан вывод о том, что более широкое применение информационно-вычислительных технологий в области транспорта и логистики позволит увеличить пропускную способность транспортных коммуникаций и скорость движения грузов и пассажиров в Центрально-Азиатском регионе, будет способствовать укреплению торгово-экономических и культурных связей между Россией, Китаем и Монголией.

На дискуссионной площадке «**Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: проблемы и перспективы развития**» было заслушано 25 докладов. География участников охватила такие города, как Москва, Улан-Удэ, Новосибирск, Владивосток, Улан-Батор, Пекин, Хух-Хото, Шанхай, Урумчи, Фучжоу, Шэньян, Хайлар, Гуанчжоу, Сиань. Было проведено три заседания.

Первое заседание «**Концептуальные вопросы развития Экономического коридора Китай — Монголия — Россия**», прошедшее под руководством С.В. Уянаева (заместитель директора, руководитель Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН), затронуло вопросы, посвященные истории и современному состоянию трехстороннего сотрудничества. Подробно рассматривались задачи и механизмы развития взаимодействия Китая, Монголии и России. Отдельное внимание в докладах экспертов было сосредоточено на анализе программы создания экономического коридора: Китай — Монголия — Россия.

На втором заседании «**Трехстороннее сотрудничество России, Монголии и Китая: возможности и вызовы**» (модератор Чжан Чжихуа, вице-президент Академии общественных наук Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ), Хух-Хото, Китай), обсуждались практические аспекты трехстороннего сотрудничества между РФ, КНР и Монголией и его связь с евразийскими стратегиями каждой из трех стран. Были рассмотрены потенциальные риски, вызовы и возможности, затронуты правовые механизмы обеспечения развития и расширения трехстороннего сотрудничества, намечены перспективные направления взаимодействия энергосистем России, Монголии и Китая.

Особое внимание на третьем заседании «**Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: региональное сотрудничество и пространственная организация**» (модератор В. Батцэнгэл, профессор Монгольского государственного университета, Улан-Батор, Монголия) было уделено изучению пространственной организации Экономического коридора Китай — Монголия — Россия, конкретным географическим рамкам этого коридора и стратегическому планированию развития приграничных регионов. Был сделан вывод о том, что солидаризация национальных интересов имеет экономические, геополитические, культурные и исторические основания и обнаруживают высокий потенциал для эффективной реализации проекта «Экономический коридор Китай — Монголия — Россия».

В работе второй дискуссионной площадки «**Инфраструктура и бизнес**» было заслушано 26 докладов. География участников представлена городами Пекин, Харбин, Хух-Хото, Улан-Батор, Москва, Иркутск, Владивосток, Чита, Новосибирск, Улан-Удэ. Было проведено также три заседания.

Первое заседание «**Логистика и инфраструктура**» (модератор Б.Г. Санеев, д.т.н., профессор, заместитель директора по науке, заведующий отделом комплексных и региональных проблем энергетики Института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН, Иркутск) касалось вопросов сотрудничества России, Монголии и Китая в энергетической сфере, в развитии транспортно-логистических систем, туристско-рекреационных и инфраструктурных объектов.

Продолжением обсуждения проблем логистики и инфраструктуры стало второе заседание «**Транспортные коридоры: новые пути сотрудничества**» (модератор Дун Вэйцзюнь, директор Центра по изучению проблем развития при Народном правительстве провинции Хэйлуцзян, Харбин, Китай). На нем также было уделено большое внимание обсуждению вопросов логистики, новых путей транспортных коридоров, транспортной инфраструктуры. Были представлены доклады, раскрывающие проблемы в организации транспортного (железнодорожного, морского) сотрудничества, в оценках конкурентоспособности транспортных маршрутов. В связи с транспортными проблемами обсуждались вопросы таможенных служб, совместные проекты в этих сферах в условиях сотрудничества в Экономическом коридоре Китай — Монголия — Россия.

На заседании «**Экономическая интеграция в торговле и бизнесе**» (модератор А. Даваасурэн, доктор [Sc.D], ведущий научный сотрудник Института международных отношений Академии наук Монголии, Улан-Батор, Монголия) были заслушаны доклады по развитию предпринимательства в зоне Экономического коридора, по торгово-экономическому сотрудничеству, развитию партнерских связей и взаимодействию отраслей экономики. Ряд докладов был посвящен сотрудничеству трех стран в энергетической и нефтегазовой сферах. Были рассмотрены социально-экономические особенности и отличия России, Монголии, Китая друг от друга, современное состояние экономического сотрудничества и поиск путей его роста на уровне приграничных региональных территорий, потенциал зон свободной торговли.

На заседаниях третьей дискуссионной площадки «**Туризм, экология, аграрная экономика**» было представлено 17 докладов. География участников — Хух-Хото, Улан-Батор, Москва, Улан-Удэ, Чита, Элиста. Заседания были посвящены туризму, экологии, аграрной экономике.

Первое заседание «**Туризм как фактор экономической интеграции и глобализации**» (модератор Хоу Шуся, проректор Университета финансов и экономики АРВМ, Хух-Хото, Китай) было посвящено проблемам трансграничного туризма как эффективного средства продвижения Экономического коридора Китай — Монголия — Россия. В этом контексте обсуждались возможности преодоления информационных барьеров в целях формирования трансграничных межрегиональных туристско-рекреационных маршрутов Россия — Монголия — Китай, создание «Туристического коридора Китай —

Монголия — Россия». Обсуждались туристический вектор в сохранении и актуализации историко-культурного наследия монгольязычных народов Китая, Монголии и России, состояние туризма между тремя странами, возможности его дальнейшего расширения, использование историко-культурного наследия в качестве ресурса для развития внутреннего и въездного туризма в рамках Экономического коридора. В этой связи особое внимание уделялось обсуждению перспектив реализации связанного с буддизмом религиозного туризма, отражающего культурные особенности трех стран.

В контексте обсуждения проблем второго заседания (модератор **Е.В. Бойкова**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН), посвященного сотрудничеству в сфере охраны окружающей среды и экологии, рассматривался потенциал сотрудничества трех стран в этой сфере, проблемы и противоречия в природоохранной деятельности в трансграничных регионах. Рассматривались конкретные вопросы китайско-монгольского сотрудничества по предотвращению и борьбе с пыльными бурями, экологические риски для природных систем в связи с интенсификацией использования природных ресурсов в региональном и международном аспекте, вопросы координации и кооперации в области профилактики лесных пожаров и противопожарных мероприятий между Китаем, Монголией и Россией.

На заседании, посвященном **аграрной экономике** (модератор **Уртогтох**, профессор, начальник отдела науки и техники Педагогического университета Внутренней Монголии, Хух-Хото, Китай), были поставлены задачи сохранения биологического разнообразия в условиях отрицательного воздействия на водную экосистему трансграничных стран, сохранения и гармоничного развития традиционного скотоводства как экономического и культурного фактора в рациональном трансграничном природопользовании. Были рассмотрены проблемы и перспективы развития аграрной экономики в контексте экономической интеграции трех стран.

Четвертая дискуссионная площадка **«Гуманитарное сотрудничество»** была представлена 19 докладами, которые были заслушаны на заседаниях: **«Образовательное и научное пространство экономического коридора»** (модератор **Н.И. Мошкин**, д.т.н., профессор, ректор Бурятского государственного университета); **«Социокультурные связи для развития территорий»** (модератор **Тумэнцэцэг**, профессор, директор Института приграничных стран, Университет Внутренней Монголии, Хух-Хото, Китай); **«Практический опыт и перспективы охраны здоровья»** (модератор **Б. Бурмаажав**, доктор, профессор, ученый секретарь Академии медицинских наук Монголии). География участников — Улан-Батор, Хух-Хото, Москва, Элиста, Иркутск, Улан-Удэ.

Работа трех заседаний была посвящена образовательному и научному пространству Экономического коридора, социокультурным связям, способствующим развитию территорий. Обсуждался практический опыт в этой сфере и перспективы его совершенствования. Большое внимание было уделено проблемам охраны здоровья. В ходе обсуждения этих проблем участники дискуссий пришли к выводу о необходимости создания крупных совместных международных проектов со странами-участницами, которые позволят реализовать научный и образовательный потенциал в интересах трех стран, способствовать социально-экономическому развитию приграничных регионов, обеспечить выход научных организаций на глобальные рынки знаний и технологий.

Работа трех площадок прошла в условиях острых дискуссий, широкого обмена мнениями. Была выражена общая уверенность в том, что продвижение в создании Экономического коридора будет способствовать углублению региональной экономической интеграции, созданию условий для сопряжения стратегий развития и инфраструктурной взаимосвязанности, стабильного и поступательного развития и укрепления гуманитарных контактов.

Работа форума, отразила стратегическую значимость широкомасштабного международного сотрудничества в рамках программы **«Новый Шелковый путь»**, которая

представляет основу системного сдвига в мировой геополитике, что вполне соответствует прогнозным выводам программной статьи академика М.Л. Титаренко «Китай на марше: о достижениях и перспективах развития страны в XXI веке», где сказано: «Если подойти к рассмотрению вопроса о мирном развитии Китая объективно, без всяких фобий и предвзятостей, с точки зрения интересов России, то станет очевидным, что такое развитие Китая ставит своей главной целью создание благоприятных международных условий и благоприятного добрососедского окружения. Укрепление отношений стратегического партнерства с большинством соседних стран, сотрудничество ради совместного процветания — все это отвечает именно интересам мирного развития не только Китая, но и соседних стран, а также всего мира»¹.

© 2017

*Л.Е. Янгутов, доктор философских наук, проф.,
главный научный сотрудник Института монголоведения,
тибетологии и буддологии СО РАН. E-mail: yanguta@mail.ru*

-
1. *Титаренко М.Л.* Китай на марше: о достижениях и перспективах развития страны в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5. С. 27–39.

Рецензии

Debating the East Asian Peace: What It Is. How It Come About. Will It Last? / ed. by Elin Bjarnegård and Joakim Kreutz. Copenhagen: Nias Press, 2017. 316 p.

Обсуждение восточноазиатского мира. Что это такое? Как он возник? Сколько продлится? / ред. Элин Бьярнегард, Йоаким Крейтц. Копенгаген, 2017.

Рецензируемая коллективная монография посвящена исследованию причин возникновения восточноазиатского мира и оценке его глубины. Монография является результатом пятилетней (2011–2016) исследовательской программы Уппсальского университета (Швеция), в которой помимо шведских экспертов приняли участие более двух десятков ученых со всего мира.

В каждой главе монографии рассматриваются процессы и события в Восточной Азии, однако общий вклад исследования включает рассмотрение основных вопросов, направленных на более глубокое понимание мира и конфликтов. Что такое мир и как его можно изучать? Как можно охарактеризовать восточноазиатский мир? Какие ограничения и условия связаны с этим миром? Могут ли идеи Восточной Азии объяснить общие региональные тенденции политического насилия? Влияет ли то, каким образом был достигнут мир, на его качество? Угрожает ли что-то миру в Восточной Азии? Если да, то что, и откуда исходит эта угроза?

Интерес к феномену восточноазиатского мира возник как эмпирическое наблюдение, требующее тщательного изучения и объяснения. Несмотря на многолетние войны в этом регионе, не было войны между основными державами. Более пристальное изучение этого феномена показало, что общее количество конфликтов сократилось, а те конфликты, которые сохранялись, стали менее жестокими. В то же время военные споры между странами Восточной Азии не уменьшились, а гражданские конфликты управлялись, а не урегулировались мирными соглашениями. Изучение этих вопросов имеет важное значение, и некоторые главы монографии дают объяснение снижению военной конфронтации в Восточной Азии. Авторы

монографии исходят из того, что мир может быть «холодным» (cold peace), основанным на балансе сил, и «теплым» (warm peace), основанным на сотрудничестве и разрешении конфликтов. В монографии ставится задача объяснить феномен «теплого мира».

При рассмотрении феномена восточноазиатского мира коллектив авторов широко использует термин «положительный мир» (positive peace) и «отрицательный мир» (negative peace). Такое определение мира восходит к концепции Йохана Галтунга (Johan Galtung), сформулированной им в 1969 г. Галтунг определяет мир просто как отсутствие насилия, но его концептуализация становится более сложной по мере того, как он предлагает типологию насилия. Насилие может быть либо личным (совершенным индивидом), либо структурным (в котором видимые и невидимые процессы подавляют социальную справедливость). Согласно определению Галтунга отсутствие личного насилия означает отрицательный мир, а отсутствие структурного насилия означает положительный мир. С этой точки зрения снижение смертности в результате боевых действий и других форм непосредственно совершенного насилия в Восточной Азии представляет собой отрицательный мир. Снижение в обществе структурного насилия приближает его к положительному миру. В монографии рассматривается распространенность как отрицательного, так и положительного мира, при этом отмечается, что сокращение одного типа насилия не обязательно приводит к сокращению другого (р. 7).

Концептуализация мира как отрицательного, так и положительного (или и того, и другого) позволяет понять, что существуют разные формы мира, и исследовать их неравно-

мерное развитие. Конечно, есть и другие способы концептуализации различных этапов или аспектов мира. Одной из таких концептуализаций является ссылка на его устойчивость, жизнеспособность или качество (*Tønnesson S. Explaining the East Asian Peace. Copenhagen, 2017*). Эта концептуализация основывается на предположении о континууме мира: сокращение личного насилия рассматривается как вежа, а сокращение структурного насилия предполагает углубление этого мира.

Монография представляет возможность познакомиться с различными взглядами на восточноазиатский мир, определяемый как сокращение военных конфликтов между государствами, его причинами, издержками и возможностями выживания. Книга начинается с конкурирующих международно-ориентированных объяснений регионального мира в Восточной Азии. Затем идет переход к раскрытию качества мира, одновременно внимание фокусируется на внутренних конфликтах, включая индивидуальное поведение и отношение к насилию. Монографию можно прочитать как простой отчет, который от объяснений переходит к последствиям и от международного уровня к национальному, вплоть до местного. Однако главы монографии представляют собой сложную сеть взаимосвязанных аналитических частей, которые, взятые вместе, не только дают более глубокое понимание восточноазиатского мира, но и поднимают ряд важных вопросов, на которые должны обратить внимание исследователи мира.

В первой части Бенджамин Голдсмит (*Benjamin E. Goldsmith*) выдвигает аргументы в пользу *мира путем торговли* в Восточной Азии. В связи с этим возникает необходимость обосновать, что эскалация межгосударственных споров стала менее распространенной по мере увеличения объемов международной торговли. Однако в его объяснении не рассматривается вопрос о том, связаны ли изменения в сторону экономической открытости с изменениями во внутреннем конфликте (р. 14–30).

Ширли Скотт (*Shirley V. Scott*) утверждает, что *мир обеспечивается международными правами*. Она выделяет несколько международных договоров, которые позволили Китаю принять участие в процессе принятия решений на высшем глобальном уровне, что способствовало росту китайского влияния. Таким образом, политику Китая, являющегося великой региональной (и глобальной) державой, можно считать ключом к региональному миру (р. 36–51).

Стейн Тённессон (*Stein Tønnesson*), выступая за *мир путем развития*, отрицает капита-

листическую теорию мира, предложенную Голдсмитом. Тённессон считает, что в мирном развитии в Восточной Азии рынок не имел определяющего значения. Многие страны перешли к политике приоритетности экономического развития и имели достаточный институциональный потенциал для проведения реформ и контроля над своим населением. В результате были устранены внешние конфликты, а внутренний мир был достигнут путем репрессий или созданием легитимных институтов (р. 55–75).

Йоаким Крейтц (*Joakim Kreutz*) объясняет восточноазиатский мир не инициативами, возникающими в регионе, и конфликтами как таковыми, а скорее *миром путем внешнего воздействия*. Он утверждает, что это изменение зависит от изменения возможностей использования насилия в политических целях. Действия государств, внешних по отношению к Восточной Азии, а также государств самого региона, активно поддерживающих воюющие стороны за пределами своих границ, являются одновременно факторами, способствующими и подпитывающими конфликты в Восточной Азии. В середине 1980-х годов внешние силы перешли к поддержке мира и стабильности в регионе (р. 78–94).

Айзак Свенссон (*Isak Svensson*) утверждает, что восточноазиатский мир установился *благодаря отсутствию религиозных войн*. Хотя религиозные войны стали все более распространенными в мире, это не коснулось региона Восточной Азии. В частности, регион был относительно отделен от глобальных джихадистских движений, возможно, потому что государства Восточной Азии обладают высоким государственным потенциалом и смогли купировать потенциальные военные кампании религиозных боевиков до того, как они переросли в более масштабное насилие (р. 98–112).

Хенрик Урдал (*Henrik Urdal*) указывает на *мир путем демографических изменений*. Урдал считает, что коренные причины мира были усилены демографическими тенденциями, которые включают снижение показателей рождаемости и регулирование молодежной политики. Это привело к увеличению инвестиций в занятость молодежи, что в свою очередь способствовало экономическому и политическому развитию стран региона. Обращается внимание и на последние тенденции, в частности старение населения, которое может привести к «гернатическому миру» (р. 115–138).

Во второй части Кристина Эк (*Kristine Eck*) утверждает, что восточноазиатский мир можно трактовать как *репрессивный мир*. Она задается вопросом о качестве восточноазиатского

мира, который строится на репрессиях. Автор ставит под сомнение долговечность такого мира и полагает, что страны, которые добились отрицательного мира, пожертвовав правами человека, скорее всего, столкнутся с политическими потрясениями и конфликтами (р. 142–156).

Элин Бьярнегард (Elin Bjarnegård) поддерживает позицию Эк о репрессивном происхождении восточноазиатского мира, а также задает вопросом: кто реальный бенефициар этого репрессивного мира? Она характеризует восточноазиатский мир как *неравный мир* и демонстрирует, что безопасность в Восточной Азии сегодня зависит от социальной принадлежности. Участие низов в мироустройстве минимально, сохраняются коренные причины неравенства и структурно дифференцированные уязвимости (р. 159–172).

Фиона Яп (Fiona Yap) ставит вопрос, насколько *надежен мир* в Восточной Азии. Яп рассматривает проблему распространенности массовых протестов в регионе и на материалах опросов, делает вывод, что готовность участвовать в протесте не зависит ни от репрессий, ни от экономических спадов, она усиливается в результате снижения доверия к легитимности правительств, что вызывает нестабильность и другие потенциальные вызовы восточноазиатскому миру (р. 176–196).

Эрик Меландер (Erik Melander) предполагает, что восточноазиатский мир можно охарактеризовать как *мужской мир*. По его словам, проблема передачи власти и «проблемы истории» имеют значение только тогда, когда люди восприимчивы к ним. Мужские культуры чести и идеалы воинов можно рассматривать как основную причину войн, и Меландер представляет тревожные доказательства того, что такая идеология по-прежнему занимает важное место в представлениях народов Восточной Азии. (р. 200–217).

Холли Гутри (Holly Guthrey) расширяет эту концепцию в своей главе о *неумолчавом мире*, представляет свидетельства того, что в странах постконфликтного общества Восточной Азии было мало реальных попыток примирения. Вместо того чтобы заниматься историей насилия и злоупотреблений в регионе, восточноазиатские народы активно пытаются забыть

и подавить прошлое (р. 220–235). Тем не менее ни один исследователь не видит причин для возвращения Восточной Азии к своему насильственному прошлому.

В последних двух главах рассматриваются проблемы и угрозы для восточноазиатского мира. Ориентируясь на тенденцию, которая может привести непосредственно к конфликту, Рю Юнвук (Yongwook Ryu) исследует *националистическую угрозу восточноазиатскому миру* и находит в Северо-Восточной Азии националистические настроения и «проблемы истории». Он утверждает, что сохраняющийся национализм препятствует укреплению восточноазиатского мира, который основан на формировании всеобъемлющего регионального сообщества, и что националистическая напряженность может спровоцировать конфликт (р. 239–257).

Роберт Росс (Robert Ross) фокусируется на *вызове восточноазиатскому миру со стороны великих держав*. Он акцентирует внимание на соперничестве в регионе между КНР и США и утверждает, что восточноазиатский мир является отражением временной удовлетворенности Китая своей территориальной безопасностью вдоль его сухопутных границ, даже в условиях доминирования на море ВМС США. Однако он также предупреждает, что по мере роста военной мощи Китая, он перестанет мириться с ограничением своих возможностей по обеспечению безопасности прибрежных вод. Росс утверждает, что баланс сил может скоро измениться, поскольку Китай постоянно увеличивает расходы оборонного бюджета на модернизацию флота. Таким образом, рост военной мощи Китая может стать вызовом для мира в Восточной Азии, если он угрожает американо-китайским отношениям (р. 260–275).

В заключительной главе излагаются рекомендации по изучению проблем мира в регионе Восточной Азии.

Актуальность данной коллективной монографии абсолютно очевидна, а форма подачи фактического материала позволяет рассчитывать на то, что эта книга будет интересна широкому кругу читателей и станет основой для дальнейших научных исследований в области проблемы поддержания мира и безопасности в Восточной Азии.

Наш юбиляр

Владимиру Яковлевичу Портыкову — 70 лет

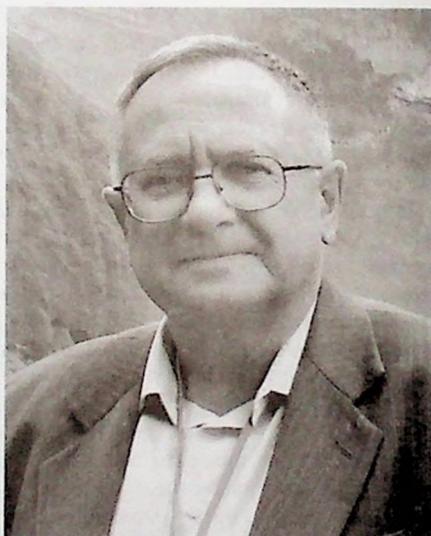
Владмир Яковлевич Портыков родился 16 октября 1947 г. в Новгороде.

В 1970 г. окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова по специальности «географ-экономист». Кандидат исторических наук (1978), доктор экономических наук (1999), профессор по специальности «мировая экономика» (2009).

Работал в Торгпредстве СССР в КНР, в Посольстве СССР и России в Китае, Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, Международном отделе ЦК КПСС. В настоящее время — заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Специалист по широкому кругу проблем современного Китая. Основные сферы научных интересов: экономическая политика КНР, Китай в мировой экономике и политике, внешнеполитический курс китайского руководства.

Автор трехсот публикаций, в том числе восьми индивидуальных монографий: «Китайская Народная Республика: поиск путей социально-экономического развития» (1995); «Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина» (1998); «Экономическая политика Китая в 1990-е годы» (1999, на английском языке); «Экономическая реформа в Китае» (2002); «От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века» (2006); «Становление Китая как ответственной глобальной державы» (2013), «Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии» (2015), «Шэньчжэньский камертон» (2017).

Коллектив Института Дальнего Востока РАН и сотрудники редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока», друзья и коллеги поздравляют Владимира Яковлевича Портыкова с юбилеем и желают ему здоровья, благополучия, новых творческих свершений.

Юбилей ученого

Юбилей Елены Ильиничны Краниной

В октябре 2017 г. свой юбилей отметила старший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН Елена Ильинична Кранина. Учеба на географическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (1968–1972 гг.) и специализация на кафедре экономической географии социалистических стран позволили ей не только овладеть английским и китайским языками, но и стать высококлассным специалистом в изучении отраслевых аспектов экономического развития Китайской Народной Республики.

Начав трудовую деятельность в должности стажера-исследователя в Институте экономики мировой социалистической системы (ЭМСС) АН СССР в 1972 г., в 1974 г. она перешла на работу в ИДВ РАН, навсегда связав свой трудовой путь с нашим Институтом. В сферу научных интересов и исследований кандидата экономических наук

Е.И. Краниной всегда входили вопросы изучения и анализа экологической политики КНР и концепции устойчивого, многоотраслевого развития агросферы Китая, которым были посвящены более 100 ее статей и две монографии — «Экологические проблемы КНР: опыт правового регулирования» (2005 г.) и «Экологические проблемы устойчивого развития современной китайской деревни» (2008 г.) Кропотливая и целеустремленная исследовательская работа по изучаемой тематике вылилась в подготовку диссертации на тему «Экологические проблемы сельского хозяйства Китая», которая была защищена в ИДВ РАН в 2007 г.

Елену Ильиничну Кранину отличают огромное трудолюбие, работоспособность и профессионализм: она регулярно публикует статьи по темам своих исследований в различных научных журналах, ежегодниках и сборниках ИДВ РАН, выступает с докладами на конференциях и научных симпозиумах, активно участвует в подготовке научных трудов при поддержке РГНФ и является одним из ведущих специалистов в области изучения экологических проблем Китая. В своей работе Елена Ильинична нашла самый короткий путь к успеху — она искренне любит свое дело и получает большое удовольствие от работы. За свой добросовестный труд, большой вклад в изучение различных аспектов

экономического развития КНР Елена Ильинична неоднократно отмечалась премиями и почетными грамотами Дирекции ИДВ РАН, благодарностью Президиума РАН.

Елена Ильинична Кранина принимает активное участие в научной и общественной жизни Центра социально-экономических исследований Китая, успешно выполняя обязанности секретаря ЦЭСИК. В 2017 г. распоряжением Дирекции Института она была назначена ученым секретарем Диссертационного совета Д. 002.217.03 по специальности 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки) при ИДВ РАН. Все коллеги из ЦЭСИК знают Е.И. Кранину как доброжелательного, искреннего человека, замечательного сотрудника, а оптимизм, трудолюбие и оперативность, присущие Елене Ильиничне, дарят всем нам заряд бодрости и активности.

Дорогая Елена Ильинична, ИДВ РАН поздравляет Вас с юбилеем! Будьте здоровы, счастливы и успешны!

*Дирекция и коллектив ИДВ РАН, редколлегия и редакция
журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2017 год

Журналу «Проблемы Дальнего Востока — 45 лет	№ 2
От главного редактора	№ 6

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>М.А. Петрова.</i> Теоретические принципы морального реализма (реферат первой главы монографии Янь Сюэтуна «Смещение мировой силы»)	№ 4
<i>В.Е. Петровский.</i> Мораль и реализм в международных отношениях: взгляд из Китая.....	№ 4

ПОЛИТИКА

<i>А.О. Виноградов.</i> Европейское наступление Пекина	№ 1
<i>Ким Ен Ун.</i> Смена режима в Южной Корее	№ 3
<i>Л.С. Крашенинникова.</i> Зарождение и эволюция ракетно-ядерного сдерживания между США и КНР	№ 6
<i>Д.В. Кузнецов.</i> О взаимоотношениях США и КНР в начальный период президентства Д. Трампа.....	№ 5
<i>В.В. Кузьминков, В.Н. Павлятенко.</i> Некоторые итоги российско-японских переговоров на высшем уровне	№ 1
<i>Лян Чжэньцэн.</i> Новая концепция безопасности Китая и ее практика в рамках ШОС в XXI веке	№ 5
<i>Ю.В. Морозов.</i> Перспективы политики США в отношениях с Китаем и Россией	№ 3
<i>Н.С. Мухин.</i> Изучение «сингапурской модели» в КНР при Си Цзиньпине	№ 2
<i>В.Я. Портяков.</i> Внешняя политика Китайской Народной Республики в 2016 г.	№ 1
<i>В.А. Родионов, Д.И. Бураев.</i> Выборы президента Монголии — 2017: внешнеполитические аспекты	№ 5
<i>Е.И. Сафронова.</i> Восточная Азия как вектор интересов БРИКС	№ 4
<i>Син Юаньюань.</i> О некоторых аспектах и перспективах развития японо-китайских отношений.....	№ 4
<i>В.К. Сова.</i> Роль и политика Австралии в АТР.....	№ 1
<i>Сунь Сюэвэнь.</i> Проблемы и перспективы освоения Северного морского пути в контексте реализации инициативы «Пояс и Путь»	№ 6
<i>С.В. Уянаев.</i> Научный форум Россия — Индия — Китай в Нью-Дели: некоторые итоги и текущие задачи формата РИК.....	№ 3

ЭКОНОМИКА

- М.В. Александрова.* Продовольственная безопасность КНР и экспорт сельхозпродукции РФ на китайский рынок.....№ 6
- А.В. Афонасьева.* Китайская зона Морского Шелкового пути XXI века и роль зарубежных китайцев в ее развитии.....№ 3
- А.В. Афонасьева.* Экономическая деятельность хуацяо в странах по маршруту Морского Шелкового пути XXI века.....№ 6
- Я.М. Бергер.* Становление Китая как глобальной инновационной державы.....№ 2
- Н.А. Бирюкова.* Экспорт сжиженного природного газа как инструмент расширения влияния США в АТР.....№ 6
- О.Н. Борох.* Ван Янань и концепция «китайской экономической науки».....№ 1
- А.Н. Вдовин.* Модели фондирования банков развития Китая и Японии: уроки для России.....№ 4
- И.В. Даницин, М.П. Глотова.* Развитие передовых производственных технологий в КНР: задачи, результаты, вызовы (на примере робототехники).....№ 4
- В.Ю. Додонов.* Долговая проблема Японии: ретроспективный анализ факторов и тенденций.....№ 2
- И.А. Забелина, Е.А. Клевакина.* Оценка структурных сдвигов в экономике регионов трансграничного взаимодействия РФ и КНР.....№ 1
- Е.О. Заглязьминская, Чэнь Сяо.* Развитие въездного туризма КНР: экономический аспект.....№ 5
- Л.В. Захарова.* Трудовая миграция из Северной Кореи как важное направление ее внешнеэкономических связей.....№ 5
- П.Б. Каменнов.* Российско-китайское научно-техническое сотрудничество.....№ 5
- Н.Н. Коледенкова.* Обрабатывающая промышленность КНР: состояние и перспективы развития.....№ 2
- Ли Син, Нью Ичэн.* Сравнительный анализ китайского и американского вариантов «Нового Шелкового пути».....№ 2
- Т.С. Мозоль.* Предпосылки и актуальные вопросы перехода Samsung Group к структуре холдинга.....№ 4
- З.А. Муромцева.* КНР: «современная система предприятий» и подходы к новым финансовым технологиям.....№ 6
- А.В. Островский.* Некоторые аспекты истории и перспектив инновационного развития КНР.....№ 3
- С.Л. Сазонов, У Цзы, Чэнь Сяо, Е.О. Заглязьминская.* Транспортный комплекс КНР «подстегивает» развитие национальной экономики.....№ 1
- С.Л. Сазонов, Е.О. Заглязьминская, Чэнь Сяо.* Проект «Пояс и путь» как решающий фактор развития экономики Китая.....№ 3
- Сон Бьонг Джик.* Структура внешней торговли Республики Корея с Российской Федерацией.....№ 1
- А.Н. Федоровский.* Инфляция в контексте перестройки южнокорейской экономики.....№ 4
- И.Г. Чубаров.* География сопряжения: региональная политика КНР и пространственное развитие стран ЕАЭС.....№ 5

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

- Е.И. Кранина.* 13-я пятилетка КНР: разворот к «зеленой экономике».....№ 4

<i>Н.В. Прохорова.</i> Китай: курс на «дружественную» к природной среде гидроэнергетику.....	№ 5
--	-----

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>А.А. Киреев.</i> Пограничная политика России на Дальнем Востоке: динамика задач и результатов.....	№ 3
<i>М.Т. Романов, И.М. Романова.</i> Геополитический «разворот» России на Восток и развитие собственных восточных территорий.....	№ 2
<i>Н.Ю. Самсонов, Я.В. Крюков, В.А. Яценко.</i> О возможности участия капитала стран АТР в горнорудных проектах российского Дальнего Востока и Забайкалья.....	№ 1
<i>Д.В. Суслов.</i> Внешняя торговля Дальневосточного федерального округа в 2016 г.	№ 2

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» В ИДВ РАН

Актуальные проблемы современных российско-китайских отношений.....	№ 5
О подготовке в КНР к XIX съезду Коммунистической партии Китая.....	№ 3

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

<i>К.В. Асмолов.</i> Ситуация вокруг Корейского полуострова: время трудных выборов.....	№ 5
<i>Г.М. Локишин.</i> «Метод АСЕАН» разумной альтернативы не имеет (реплика переводчика).....	№ 3
<i>Лянь Хун-и.</i> Тайвань, российско-китайское военное сотрудничество и безопасность в Восточной Азии.....	№ 2
<i>Л. Сергеев.</i> Корейский полуостров: хождение по замкнутому кругу (комментарий).....	№ 5
<i>Г.Д. Толорая.</i> Выбор или отложенный выбор?.....	№ 5
<i>Фань Сюэсун.</i> Позиция КНР по проблеме принадлежности южных Курил.....	№ 1
<i>Чан Кхань.</i> Сообщество безопасности АСЕАН через год и в перспективе.....	№ 3

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

<i>В.В. Нелидов.</i> Военная политика Японии на современном этапе: мотивация, задачи, перспективы.....	№ 4
<i>В.Б. Кашин.</i> О потенциальном влиянии американской Третьей стратегии компенсации на развитие стратегических ядерных сил КНР.....	№ 3
<i>А.Ф. Клименко, П.Б. Каменов.</i> Военная политика КНР и ее роль в увеличении комплексной мощи государства.....	№ 2

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>В.С. Акуленко.</i> Переосмысление теорий этногенеза корейцев в КНДР и Республике Корея в 1960-е годы.....	№ 6
<i>Н.В. Анисимцев.</i> Право торговых марок в КНР и регулирующая роль государства.....	№ 4
<i>Ю.А. Грачева.</i> Влияние глобализации на нацменьшинства в КНР (на примере насн).....	№ 1
<i>Т.Л. Гурулёва.</i> Национальное образование в Китае: современное состояние и меры государственного регулирования.....	№ 1

<i>А.А. Семенов.</i> Перспективы развития принципов меритократии в политической системе КНР.....	№ 5
<i>А.А. Семенов.</i> Регулирование деятельности иностранных НПО в КНР.....	№ 1

ИСТОРИЯ

<i>Е.Е. Аурилене, Н.П. Бучко.</i> Политическая идеология русской эмиграции в Маньчжурин: проблема возрождения России.....	№ 2
<i>О.Н. Борох.</i> Тао Сишэн и журнал «Шихо»: китайская экономическая история через призму западной мысли.....	№ 6
<i>А.А. Ипеева.</i> Консульство Японии в Новосибирске в 1920-х — 1930-х годах (по материалам Государственного архива Новосибирской области).....	№ 5
<i>М.К. Ковальчук.</i> Миссия Такэноути в Санкт-Петербурге в 1862 г.....	№ 3
<i>А.М. Кузнецов.</i> Профессор Ши Луго, Юньнаньская экспедиция и некоторые вопросы становления антропологии в Китае (к 130-летию С.М. Широкогорова).....	№ 5
<i>В.В. Кузьминков.</i> Совместная декларация СССР и Японии 1956 г. в японской историографии.....	№ 1
<i>А.В. Ломанов.</i> Ду Яцюань и становление китайского культурного консерватизма в 1910-е годы.....	№ 6
<i>А.В. Ломанов.</i> Публикации Чжан Вэйцы о политике России в период «Движения за новую культуру».....	№ 4
<i>Н.Л. Мамаева.</i> Октябрьская Социалистическая Революция 1917 г. в России и развитие «Движения за новую культуру» в Китае.....	№ 6
<i>Н.Л. Мамаева.</i> Советский Союз в политике Сунь Ятсена (некоторые аспекты).....	№ 4
<i>Н.Н. Москалева.</i> Газета «Зеркало Тибета» как исторический источник.....	№ 2
<i>В.С. Мясников.</i> Китайский чай в России.....	№ 6
<i>Е.Н. Наземцева.</i> Проблема правового положения русских в китайской провинции Синьцзян в советско-китайских отношениях 1920–1924 гг.	№ 6
<i>Нин Яньхун, Мэн Фаньхун.</i> О влиянии китайской эмиграции на экономику и культуру региона Хэйхэ.....	№ 3
<i>П.Э. Ратманов.</i> Начало эпидемии чумы в Маньчжурин (1910–1911 гг.): события и интерпретации.....	№ 2
<i>М.А. Солощева.</i> О роли института панчен-лам во внутренней политике империи Цин.....	№ 4
<i>Е.В. Ширяева.</i> Японские военнопленные в лагере № 48 НКВД.....	№ 4

ОБРАЗОВАНИЕ

<i>К.А. Любская.</i> Российско-китайский рынок образовательных услуг как площадка для установления долгосрочных деловых связей.....	№ 3
---	-----

РЕЛИГИЯ

<i>Л.А. Афонина, Д.И. Петровский.</i> Некоторые исторические аспекты положения католической церкви в КНР.....	№ 2
<i>С.А. Горбунова.</i> Влияние различных общественных явлений в КНР на буддизм.....	№ 2

КУЛЬТУРА

<i>Е.Э. Войтишек, А.А. Речкалова.</i> Японская геральдика на современном этапе	№ 1
<i>В.С. Григорьев.</i> Новые книги об основоположнике российского научного китаеведения Иакинфе Бичурине	№ 1
<i>О.И. Завьялова.</i> Языки Китая в информационном пространстве	№ 2
<i>А.С. Ипатова.</i> Цао Цзинхуа – переводчик, писатель, педагог и общественный деятель. К 120-летию со дня рождения (1897–1987)	№ 4
<i>Д.В. Киба.</i> Вклад Nippo Family Club в развитие культурного диалога России и Японии	№ 3
<i>О.М. Мазо, А.Б. Старостина.</i> Идеология и проблемы сакральной географии в «Рассуждении о Северном пике» Гу Яньу	№ 2
<i>Э.В. Осипова.</i> Российский и китайский театры: от культурной политики к диалогу культур	№ 6
<i>Г.Д. Паксютов.</i> Китайская киноиндустрия: актуальные тенденции развития и социально-экономическое значение	№ 6
<i>Е.В. Сенина.</i> Образ России и русских в «Путевых заметках о новой России» Цюй Цюбо	№ 4
<i>А.Г. Сторожук.</i> Символика телесности в литературных текстах даосской традиции	№ 2
<i>Цзи Юэшэн.</i> Формирование и реализация внешней культурной политики Китая в условиях глобализации	№ 5

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XXII международная научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы»	№ 1
<i>Н.Ю. Демидо.</i> Научная конференция Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН	№ 4
<i>Л.В. Захарова, А.Ч. Мокрецкий, К.А. Чирков.</i> «Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии». IV международная научная конференция молодых востоковедов	№ 3
<i>А.С. Ипатова.</i> Связь времен сохраняется. Институт китаеведения АН СССР (1956–1960) (Из личных воспоминаний и по документам Архива АН)	№ 2
<i>Е.И. Кранина.</i> Научная конференция Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН	№ 4
<i>Г.М. Локишин.</i> Шаг к национальному примирению	№ 6
<i>В.М. Мясников.</i> Некоторые размышления о новинках в отечественном монголоведении	№ 3
<i>А.Л. Поленова, Р.Н. Лобов.</i> Совместный ситуационный анализ ИДВ РАН и ИСАА МГУ	№ 5
<i>С.Л. Тихвинский.</i> К выходу в свет десятитомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века»	№ 6
<i>Л.Е. Янгутов.</i> III международный форум Ассоциации экспертных центров Китая, Монголии и России «Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: дорожная карта»	№ 6

IN MEMORIAM

Памяти Якова Михайловича Бергера	№ 1
<i>В.Я. Портяков.</i> Памяти Эдуарда Вермеса (1944–2016)	№ 2

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

К 150-летию Сунь Ятсена № 1

РЕЦЕНЗИИ

<i>Я.В. Лексютина.</i> Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии	№ 1
<i>Е.А. Иконникова.</i> Сахалинская каторга (вторая половина XIX — начало XX в.)	№ 1
<i>А.В. Старцев.</i> История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. VII	№ 2
<i>А.В. Островский.</i> Механизмы трансрегионального развития Центральной Евразии: исследования и прогнозы.	№ 3
<i>А.О. Виноградов.</i> Новые тенденции и вызовы китайской внешней политики	№ 4
<i>В.Я. Портяков.</i> Ключевые политические фигуры в Китае: особенности стилей, структур и процессов при Си Цзиньпине	№ 4
<i>С.А. Горбунова.</i> Сотникова И.Н. Китайский сектор Коминтерна: организационные структуры, кадровая и финансовая политика	№ 4
<i>Н.Л. Мамаева.</i> Чудодеев Ю.В. На земле и в небе Китая: Советские военные советники и летчики-добровольцы в Китае в период японо-китайской войны 1937–1945 гг.	№ 5
<i>В.В. Кузьминков.</i> Тённесон С. Объяснение восточноазиатского мира: исследовательская работа	№ 5
<i>В.В. Кузьминков.</i> Обсуждение восточноазиатского мира. Что это такое? Как он возник? Сколько продлится?	№ 6

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

85-летие Александра Георгиевича Ларина	№ 5
Алексею Ивановичу Сенаторову — 90 лет	№ 1
Анатолию Викторовичу Болятко — 80 лет	№ 3
Виктору Николаевичу Павлятенко — 70 лет	№ 5
Игорю Алексеевичу Высоковскому — 60 лет	№ 5
Юбилей Валентины Петровны Журавлёвой	№ 2
Юбилей Елены Ильиничны Краниной	№ 6
Юбилей Тамары Александровны Каргановой	№ 5
Юбилей Элеоноры Петровны Пивоваровой	№ 5
Юбилей Юрия Михайловича Галеновича	№ 3

НАШ ЮБИЛЯР

Владимиру Яковлевичу Портякову — 70 лет	№ 6
Contents	№ 1–6
Summary	№ 1–6

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2017 год № 6

Contents

Note by the Editor.....

POLITICS

Sun Xiuwen. Problems and Prospects of Developing the Northern Sea Route in the Context of the “Belt and Road” Initiative

L. Krashennikova. The Origin and Evolution of Missile and Nuclear Deterrence between the US and China

ECONOMY

M. Alexandrova. Food Security of China and the Agricultural Exports of the Russian Federation to the Chinese Market

A. Afonasiyeva. Economic Activities of Overseas Chinese in the Countries along the Route of the XXI Century Maritime Silk Road.....

N. Biryukova. Liquefied Natural Gas Exports as a Tool to Expand US Influence in Asia Pacific

Z. Muromtseva. China: “the Modern System of Enterprises” and Approaches to New Financial Technologies

STATE AND SOCIETY

V. Akulenko. Rethinking the Theories of Ethnogenesis of the Koreans in the Republic of Korea and the DPRK in 1960s

HISTORY

N. Mamaeva. The October Socialist Revolution of 1917 in Russia and the Development of the “Movement for a New Culture” in China

O. Borokh. Tao Xisheng and the Shihuo Journal: Chinese Economic History through the Angle of Western Thought

A. Lomanov. Du Yaquan and the Development of Chinese Cultural Conservatism in the 1910s.....

V. Myasnikov. Chinese Tea in Russia (Devoted to the 240th Anniversary of the Birth of Nikita Yakovlevich Bichurin)

E. Nazemtseva. The Problem in Soviet-Chinese Relations of the Law Status of Russians Living in Chinese Province of Xinjiang (1920–1924)

CULTURE

E. Osipova. Russian and Chinese Theatres: from Cultural Policy to Cultural Dialogue

G. Paksyutov. The Chinese Movie Industry: Current Trends and Socio-Economic Importance

SCIENTIFIC EVENTS

- S. Tikhvinskiy*. Publication of the Ten-Volume's "History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI Century"
- G. Lokshin*. Step Towards National Reconciliation
- L. Yangutov*. III International Forum of the Association of Expert Centres of China, Mongolia and Russia "Economic Corridor China — Mongolia — Russia: Road Map"

BOOK REVIEW

- V. Kuzminkov. Debating the East Asian Peace: What It Is. How It Come About. Will It Last?

HERO OF THE DAY

- Vladimir Yakovlevich Portyakov — 70 years

SCHOLAR JUBILEE

- Jubilee of Elena Ilyinichna Kranina
- Far Eastern Affairs Contents for 2017
- Contents
- Summary

Summary

Sun Xiuwen. Problems and Prospects of Developing the Northern Sea Route in the Context of the “Belt and Road” Initiative

The article considers problems of development of the Northern Sea Route in the context of Chinese “Belt and Road” initiative. It gives an overview of recent assessments of the NSR prospects and its pairing with this initiative. Since the implementation of the NSR capacities requires not only solving problems related to legal regulation, economic competitiveness and protection of the environment, but insists on finding effective mechanisms for aligning the strategic interests of major players in the region as well. The author believes that the pairing of NSR with “Belt and Road” initiative is becoming more real.

Key words: Northern Sea Route, the “Belt and Road” initiative, Russia, China, the Arctic, the transport and logistics infrastructure.

L. Krashennnikova. The Origin and Evolution of Missile and Nuclear Deterrence Between the US and China

The process of embedding China in a system of nuclear deterrence and the use of its status of a Power—possessor of nuclear weapons in the context of transformation of relations between Beijing and Washington are considered. The author comes to the conclusion that the divergence in approaches to “nuclear transparency” and recognition of mutual vulnerability brings qualitatively new stage of asymmetric arms race in the Asia Pacific region.

Key words: USA, China, nuclear weapons, nuclear deterrence, strategic stability, the third “strategy of compensation”, anti-missile defense.

M. Alexandrova. Food Security of China and the Agricultural Exports of the Russian Federation to the Chinese Market

Currently stable level of food security in China is at risk to weaken in the near future under the influence of a number of negative factors, including a shortage of arable land and fresh water, increasing consumption and distrust to the quality of domestic food products, etc. It gives Russia, whose share in the food market of China is still small, to multiply the exports.

Key words: arable land, soil degradation, water scarcity, oilseeds, soy.

A. Afonasiyeva. Economic Activities of Overseas Chinese in the Countries along the Route of the XXI Century Maritime Silk Road

The article analyses resources of overseas Chinese business in the countries along the route of the XXI Century Maritime Silk Road (MSR-21). The author estimates the number of the Chinese Diaspora, compares the estimates for capital, the number and areas of employment for overseas Chinese and the PRC companies in 22 countries along the MSR-21. The conclusion emphasizes the direct dependence of overseas Chinese participation in MSR-21 on the policy of the Chinese government.

Key words: overseas Chinese (Huaqiao), the XXI Century Maritime Silk Road (MSR-21), overseas Chinese companies and the Chinese companies abroad, the sectoral structure of companies, the policy of China in relation to the Chinese diaspora.

N. Biryukova. Liquefied Natural Gas Exports as a Tool to Expand US Influence in Asia Pacific

Due to the "shale revolution" the US could declare itself as an exporter of liquefied natural gas (LNG). The premium market for its commercial realization in Asia-Pacific region are the largest importers of LNG — Japan and South Korea. Due to the economic features of American LNG projects the US identified the development trend of the LNG trade in the region and the country's political leadership intends to use its export to ensure the "energy dominance" of the United States. The article aims to assess prospects for making LNG exports a tool of economic and political influence of the United States in the Asia Pacific region.

Key words: Asia-Pacific region (APR), United States, Japan, liquefied natural gas (LNG), "energy dominance", "Asian prize", Donald Trump.

Z. Muromtseva. China: "the Modern System of Enterprises" and Approaches to New Financial Technologies

The article discusses the measures on deepening the reform of the financial mechanism of state-owned enterprises as the basis of the "modern enterprise system". From the angle of concerns and interests of the real sector of the economy it analyzes the prospects for building a "modern finance with Chinese characteristics". The global trend of modern financial technologies and diversification of derivatives not related to direct purchase and sale of tangible and financial assets are assessed.

Key words: state-owned enterprises, contemporary finance with Chinese characteristics, the deepening of financial reforms, the real sector of the economy, the total factor productivity.

V. Akulenko. Rethinking the Theories of Ethnogenesis of the Koreans in the Republic of Korea and the DPRK in 1960s

The article deals with the rethinking by scientists of the DPRK and the Republic of Korea the problem of ethnogenesis of the Koreans in the 1960's. During this period a combination of political and ideological changes, along with the outlined progress in learning the ancient past of Korea led to the formation of trends, which play a crucial role in the understanding by scientists of two countries the process of ethnogenesis of the Koreans. In North Korea "jucheization" of ancient history was started. It led to formation of the autochthonous theory of ethnogenesis of the Koreans, while the Republic of Korea made a bet on an interdisciplinary approach that allowed to form a theory about migratory character of ethnogenesis on a multi-ethnic basis.

Key words: theory of ethnogenesis of the Koreans, the autochthonous theory of ethnogenesis of the Koreans, the migration theory of ethnogenesis of the Koreans, "jucheization" of history.

N. Mamaeva. The October Socialist Revolution of 1917 in Russia and the Development of the "Movement for a New Culture" in China

The strongest influence of Russia China experienced in the years of the October Revolution and in post-revolutionary period. The ideological and cultural influence of Russia on "the Movement for New Culture" in China (1915–1925), on the basis of which the May 4th Movement of 1919 was developed and the rise of the revolutionary movement in China took place in 1925–1927 was also important. The study of the ideological and cultural aspects of the interaction and influence of Marxism-Leninism in China demonstrates the specificity of the historical process there.

Key words: The World War I, the October Revolution, "National Sovereignty", anti-imperialism, "Xin Qingnian" ("New youth"), Li Dazhao, Chen Duxiu, Mao Zedong, Marxism-Leninism, the Comintern, party building, propaganda and agitation, the CCP.

O. Borokh. Tao Xisheng and the Shihuo Journal: Chinese Economic History through the Angle of Western Thought

The article is focused on Tao Xisheng's contribution into formation of social and economic history of China as an independent academic discipline in the 1930s. Theoretical and methodological approaches of the Shihuo (Food and Goods) Journal and its role in the assimilation of the achievements of Western scholarship in economic history are analyzed. Upon the example of series of articles of 1936, dedicated to the 160th anniversary of *The Wealth of Nations* by Adam Smith, the connection between the studies in economic history and the debates on China's path of development is demonstrated.

Key words: Republican China, social history, social and economic history of China, Western economic thought, Adam Smith.

A. Lomanov. Du Yaquan and the Development of Chinese Cultural Conservatism in the 1910s

Chinese thinker, journalist and science writer Du Yaquan (1873–1933) in the end of the 1910s expressed the ideology of cultural conservatism that called for mutual connection and harmonization of cultures of China and the West. On the basis of original sources the article reveals his political views, including the concept of “continuism” in statehood, interpretation of relationship between the “old” and the “new” in China's development, understanding of social foundations of revolutions. It is concluded that Du Yaquan represented the conservative trend that strived to avoid a break-up with national tradition in process of construction of new culture.

Key words: cultures of China and the West, the World War I, socialism, middle class, The Eastern Miscellany, Chen Duxiu.

V. Myasnikov. Chinese Tea in Russia (Devoted to the 240th Anniversary of the Birth of Nikita Yakovlevich Bichurin)

The author covers in detail the history of Russian-Chinese tea trade, devoting his article to the 240th birthday of the outstanding Russian sinologist N. Ya. Bichurin.

Key words: Chinese tea, tea trade, Russian-Chinese relations, N. Ya. Bichurin.

E. Nazemtseva. The Problem in Soviet-Chinese Relations of the Law Status of Russians Living in Chinese Province of Xinjiang (1920–1924)

The paper dwells on analyzing the problem in Soviet-Chinese relations of the law status of Russians in Chinese province of Xinjiang in 1920–1924. Consideration included the policy of the Chinese provincial authorities towards former subjects of the Russian Empire and Russian emigrants, the problems and peculiarities of obtaining Soviet citizenship by Russians and returning to their homeland. Particular attention is paid to the role of the consular corps of the USSR in Xinjiang in setting the law status of Russians and to the impact of this issue on Soviet-Chinese relations.

Key words: Russian emigration, refugees, diplomacy, legal status, USSR, Republic of China.

E. Osipova. Russian and Chinese Theatres: from Cultural Policy to Cultural Dialogue

The article traces the history of relations between the Russian and Chinese theaters, reveals the specifics of intercultural cooperation between the two countries. The author recounts the chronicle of productions of Russian and Soviet classics for the Chinese stage. Special attention is paid to the relations of the theatrical collectives of the Russian Far East with Chinese counterparts.

Keywords: China, intercultural dialogue, theatre, touring, performance, audience.

G Paksyutov. The Chinese Movie Industry: Current Trends and Socio-Economic Importance

The article discusses the development of the Chinese film industry in the XXI century and its socio-economic context. Increase in attendance at cinema and the construction of movie-theatres in the country was accompanied by active investment in foreign movie-making, as well as improving the organization of screening and production of films in China. In addition, the growth of Chinese influence in the world film industry is a part of the "soft power" strategy of China.

Key words: Chinese film industry, consumer spending in China, "soft power" of China, Chinese foreign investment, cultural industries, creative industries, film distribution.

Алексей Иванович Сенаторов
04.01.1927–22.10.2017

22 октября 2017 г. ушел из жизни видный российский японовед, специалист по проблемам внутренней и внешней политики Японии, общественный деятель Алексей Иванович Сенаторов.

А.И. Сенаторов родился 4 января 1927 г. в селе Ольховка Тамбовской области. Окончив 8 классов средней школы, он в течение двух лет работал трактористом машинно-тракторной станции. В 1944 г. сельский юноша был призван в Красную армию. В дальнейшем А.И. Сенаторову пришлось совмещать работу с учебой: среднее образование он получил в вечерней школе, уже имея семью, а институт закончил экстерном. В 1956 г. он поступил на работу в МИД СССР. В течение восьми лет А. И. Сенаторов работал в Посольстве СССР в Японии качестве второго, а затем первого секретаря.

С 1974 по 1989 г. А.И. Сенаторов работал в Международном отделе ЦК КПСС, где исполнял обязанности референта на японском направлении и заведующего сектором стран Восточной Азии и Океании. Используя богатые практические знания, приобретенные на дипломатической службе, он включился в научно-исследовательскую деятельность. В 1971 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

С апреля 1989 по октябрь 2009 г. А.И. Сенаторов плодотворно трудился в системе Российской академии наук: в Институте международного рабочего движения, переименованном в 1998 г. в Институт сравнительной политологии, (апрель 1989 г. — сентябрь 2001 г.) и в Институте Дальнего Востока (октябрь 2001 г. — октябрь 2009 г.) в качестве старшего и ведущего научного сотрудника. Перу А.И. Сенаторова принадлежат более 200 научных работ, в том числе монографии «Сэн Катаяма. Научная биография» (1989), «Политические партии Японии (1945–1992 гг.)» (1995).

Специалист с огромным практическим и научным опытом, А.И. Сенаторов отличался высокой работоспособностью и целеустремленностью, служил образцом научной добросовестности, ответственности и эрудированности. Его замечательными человеческими качествами были доброжелательность, готовность прийти на помощь людям, поделиться богатыми знаниями и опытом.

Коллеги и друзья Алексея Ивановича скорбят о кончине этого замечательного человека и приносят глубокие соболезнования его семье.

Светлая память об Алексее Ивановиче навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция, общественные организации ИДВ РАН,
редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»*

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с требованиями Министерства образования и науки РФ все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Журнал выпускается ФГУП «Издательство «Наука» (<http://www.naukaran.com>).

В соответствии с издательскими требованиями авторы должны вместе с текстом статьи присылать в редакцию заполненный «Лицензионный договор о предоставлении права использования статьи в научном журнале на русском языке, учредителем (соучредителем) которого является Российская академия наук» (для журналов, издающихся на русском и английском языках). Бланк договора можно скачать на сайте ФГУП «Издательство «Наука» в разделе «Типовые авторские договоры».

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

*Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.
При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.
Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.*

Подписано к печати 30.11.2017 г. Дата выхода в свет 20 четв. Формат 70x100 1/16
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 5,9 тыс. Уч.-изд. л. 14,6. Бум. л. 6,0.
Тираж 384 экз. Зак. 1783. Цена свободная.

Издатель: ФГУП «Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2017 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Общие требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи: статьи, переводы, документальные источники, обзоры, рецензии и др.

Материалы должны соответствовать тематике журнала (вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики Китая, Японии, государств Корейского полуострова, других стран АТР, а также российского Дальнего Востока); отражать собственный вклад автора в разработку научной проблемы; обладать актуальностью и научной новизной; соответствовать принятым в журнале техническим требованиям по оформлению рукописей.

Требования к оформлению материалов

1. Рукописи принимаются в электронном виде в формате doc (Word 1997–2003).
2. Объем статьи – не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов).
3. Статья должна сопровождаться аннотацией на русском и английском языках с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).
4. Статья должна иметь список ключевых слов (не более восьми) на русском и английском языках.
5. К статье должны быть приложены сведения об авторе с указанием ФИО, ученой степени, месте работы, должности и контактных данных, включая номер телефона и/или адрес электронной почты.
6. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.
7. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.
8. Японские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Поливанова.
9. Сноски даются в конце статьи.

Оформление сносок

Книги:

- а) На русск. яз.
Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...
- б) На кит. яз.
Автор. Транслитерация китайского названия книги: [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: издательство, год издания. С. ...
- в) На англ. яз.
Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи:

- а) Из печатных изданий
Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) № ... С. ...
- б) Из Интернета
Автор статьи. Название статьи. URL: Полный электронный адрес.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.